

Скучаю, мучаюсь, желаю,
Страдаю, думаю, хочу,
Молчу, безумствую, пылаю,
Срываюсь, прыгаю, лечу...

/ Андрей Алякин /

Многое повидал в своей жизни Ленька Быстров, но подобное впервые. Сказка Киплинга о Маугли по сравнению с этим полная ерунда!

Дело было в начале апреля, погода начала медленно отходить от затянувшейся простудной болезни с перепадами температур, насморком и прочими сопутствующими атрибутами, солнце обнадеживающе подмигивало на ясном лазурном небе и ласкало теплыми лучами землю, играя роль заботливой матери, которая прилагает все силы, чтобы удалить ледяную корку, препятствующую выздоровлению. Лучи-лазеры прожигали землю в доступных местах, оставляя темные отметины, увеличивающиеся в размерах день ото дня. В воздухе завис пьянящий коктейль из влаги и легкомысленного тепла, который мгновенно улетучивался, когда весеннее уставшее от трудов солнце уходило на покой.

Вместе с природой просыпаются люди, у них на устах людей появляются приветливые улыбки, позабытые за время бесконечной зимы. И не мудрено - кто станет светиться от счастья, когда по лицу бьют ледяные иглы, мачеха-вьюга пытается завертеть в немыслимом танце и увернуть с правильного пути, чтобы ты не нашел дорогу в родной дом.

Ленька ловил себя на мысли, что весной появляется Желание... Именно, с большой буквы. Желание жить, любить, творить, радостно улыбаться всем на свете, помогать старшим, опекать младших, дарить цветы. Или просто сидеть на скамейке, прищурив глаза, и наслаждаться легкими поглаживаниями робких солнечных лучей. И чтобы в голове было пусто-пусто, как в сосуде с откачанным воздухом. Одним словом, лепота! Одно плохо - службу никто в период природного выздоровления не отменял. Также надо напяливать форму, надевать на голову надоевшую за долгие холодные месяцы зимнюю шапку (приказа о переходе на летнюю форму одежды еще не было), про сапоги и вспоминать не хочется, брать в руки «полосатую палочку», как называет жезл гаишника его племянница, и выходить на большую дорогу.

Апрельское утро начиналось как обычно. Лейтенант Быстров и старший сержант Литвинов несли службу неподалеку от села Губин, стоявшее на границе зоны отчуждения, созданной вокруг Чернобыльской АЭС. Название станции весь год произносили с пугающе-тихим придыханием. При этом душу окутывали тоска и обреченность от непонимания, что будет дальше? Начальство считало, что пост находится на достаточном удалении от места аварии и специальными защитными средствами не обеспечило. Сержант Литвинов бурчал по этому поводу, кутался в теплую синюю куртку, поднимал высокий воротник и старался не дышать глубоко, чтобы не заполнять легкие «отравленным» воздухом. Напряженным взглядом присматривался к ковру из молодой травы, где сосредоточились радиоактивные отходы, которые, по его мнению, должны быть заметны без всяких подручных средств. Ленька, в отличие от напарника, отдался во власть апрелю-знахарю и расслабленно любовался небом с бегущими по нему ватными облачками, представляя из них сказочных персонажей.

- Гляди, гляди! - затравленно пробасил Литвинов и протянул в сторону леса правую руку с выставленным вперед указательным пальцем.

Леонид скривился, изображая из себя гувернантку, прилетевшую утренним рейсом из Парижа для привития недорослю правил этикета. Он нехотя оторвал взор от чудесной картины и хотел пожурить подчиненного, но замер с открытым ртом.

Из лесной чащи нарисовалось лохматое низкорослое существо с чумазой физиономией. Оно уверенно шагало по земле, топчя ее большими резиновыми сапогами, в которых больше походило на кота из сказки Перро. На голове этого движущегося объекта красовался кумачовый берет, съехавший на один глаз, наводивший на еще одно сравнение. Но вместо корзинки с пирожками у странного существа в руках была выдавшая виды женская дерматиновая сумка коричневого цвета. Кроме берета на лесном чудище было одето клетчатое пальтишко, из которого оно давно выросло, так как рукава слегка перекрывали локти, а длина больше походила на удлиненную куртку. Конечности холодили глаз, но не открытыми местами, а стальным, каким-то космическим, цветом костюма. Костюм служил связкой между пальтишком и кистями рук, пальтишком и сапогами, тормозившими передвижение.

- Инопланетянка, перезимовавшая в запретной зоне, - выдал Литвинов, продолжая дырять пальцем воздушное пространство.

Быстров оправдал свою фамилию, сбросил оцепенение и пошел навстречу существу, которое при приближении оказалось девочкой лет пяти-шести. Она легко преодолела забор из проволоки, напомним разведчиков из фильмов о войне, только без применения подручных средств по причине своей компактности. Затем встала, как вкопанная, прижав к себе сумочку обеими руками и отгородившись ею от взрослого мужчины, который надвигался на нее подобно грозовой тучи, и стала ждать развития событий, не сводя с человека в милицейской форме настороженного взгляда.

- Ты кто? И как здесь оказалась? – забросал ее вопросами Леонид, присаживаясь рядом на корточки.

- Здравствуйте, - отчетливо выговорила она и сложила губы в трубочку, словно приготовилась к поцелую. Потом свернула губы в одну сторону, затем в другую, выражая высшую степень задумчивости. Испуг отсутствовал вовсе или был искусно спрятан. Чего не скажешь о старшем сержанте Литвинове, который проследовал за лейтенантом и замер за его спиной в глубоком поклоне. Он пристально изучал подвижное лицо незнакомки в кумачовом берете.

- Она... разговаривает, - шепотом сообщил он напарнику, будто тот во время приветствия выпал из реальности.

Ленька лишь хмыкнул и тоже поздоровался с девчушкой, не забыв повторить вопросы.

- Я Инна Вишнева. Вернее Инесса, - поправила она, придав голосу нотку удивления – как эти двое взрослых людей могут ее не знать?!

- Инесса... - протянул со значением старший сержант, выпрямляясь в струнку и задумчиво потирая скулу. Лицо у него было озадаченное, если не сказать обалдевшее от непривычной работы мысли. Литвинов перебирал в памяти сводку происшествий, желая отыскать указание на пропавшую особу лет пяти-шести с таким именем и фамилией.

Девочка щелкнула замком сумки, покопалась там, вытащила документ в зеленой обложке и протянула его Быстрову. Это было свидетельство о рождении. Лейтенант привычно взял предъявленный документ и стал читать вслух.

- Инесса Геннадьевна Вишнева, - он поднял голову и внимательно посмотрел на девчушку, словно слышал отсутствующую в нем фотографию с оригиналом. Или прикидывал в уме: может данное существо быть гражданкой Вишневой. Не сделав скоропалительных выводов, продолжил, - родилась пятнадцатого апреля тысяча девятьсот восемьдесят первого года... Отец – Вишнев Геннадий Макарович, русский,

мать – Вишнева Ефимия Захаровна, украинка. Место рождения – город Припять Киевской области.

Название населенного пункта было у всех на слуху уже год, а его жители считались выходцами с того света. Тем более те, которые появились так неожиданно спустя почти год после аварии на Чернобыльской АЭС.

- Так тебе, Инесса Геннадьевна, на днях исполнится шесть лет? – спросил Литвинов, не найдя более подходящего вопроса. Он присел на корточки рядом с лейтенантом и с еще большим усердием стал изучать грязную физиономию ребенка, выискивая следы мутации, которая неминуемо должна последовать после долгого пребывания в радиоактивной зоне. Про свои опасения он забыл.

Девчушка сморщила лобик, показывая наивысшую степень задумчивости, снова сложила губы в трубочку, повертела ими в разные стороны и подтвердила.

- Шесть. Я умею считать до двадцати, - похвалилась она, - и читаю по слогам. Меня папа научил.

- Здорово! – Ленка поправил кумачовый берет на ее голове, явив свету другой глаз. Теперь она с удвоенным интересом стала изучать мужчин. – А где твои родители? – спросил он и в ожидании появления новых лесных жителей заглянул за спину Инны.

- Папа ушел на работу и больше я его не видела... Это было давно, я еще маленькая была... А мама так крепко уснула, что я не смогла ее разбудить. Будила, будила, а она глазки не открывает. Тогда я заплакала, а потом уснула возле мамы. Утром проснулась, а она опять спит. Ждала, ждала и... ушла.

- Не побоялась идти одна через лес? – заботливым голосом поинтересовался Леонид.

- Мама говорила, если она перестанет со мной разговаривать, то я должна взять эту сумочку и идти к людям. – заученно произнесла она и потрясла потертым коричневым ридикюлем, в котором хранился важный документ.

- А когда папа ушел на работу? - продолжил допрос лейтенант.

- Я же говорю... давно! – она недолго поразмышляла, заметив на лицах мужчин ожидание, и с умным видом произнесла, - после моего дня рождения! Мне тогда исполнилось пять лет, - и выставила в подтверждение грязную ладошку с растопыренными пальцами.

- Надо бы радиационный фон на ней замерить, - прошептал на ухо начальству Литвинов.

- Сам ты... фон, - скривился Быстров и обратился к Инессе. – Ты, наверное, кушать хочешь? - Не дожидаясь ответа, взял за руку и повел к автомобилю.

Девчушка неопределенно мотнула головой, не желая показаться навязчивой. Расшифровывалось это легко: не так чтобы очень, но если ты предлагаешь, я, как воспитанный человек, не имею права отказаться.

Для начала он достал из багажника канистру с водой, помог вымыть руки и лицо, усадил в кабину и угостил бутербродами с вкусно пахнущей докторской колбасой...

Со временем детские воспоминания все отчетливее вспыхивали в памяти, которая словно пробуждалась и выдавала новую информацию небольшими дозами, не желая сразу загружать мозги.

Сначала у Инны случилась амнезия, оставившая ее шестилетнюю жизнь за границей колючей проволоки. Она даже забыла, о чем недавно рассказала Быстрову. Наверное, так было нужно неокрепшему организму, чья-то рука стерла ластиком из памяти все плохое, придав силы для реабилитации. Долгое время девочка провела в больнице, где к удивлению всех светил медицины у нее не обнаружили ни лучевой болезни, ни других заболеваний, возникающих при получении высокой дозы облучения. И это несмотря на то, что целый год она провела в Чернобыльской зоне. У детей Припяти, эвакуированных из города через два дня после катастрофы, дозы облучения оказались в несколько раз выше, чем у взрослых.

Чудо-девочку несколько месяцев изучали, как редкий экземпляр, после чего выпустили из надоевшей больницы. В вестибюле ее встречал Быстров с ярким букетом полосатых георгин и авоськой яблок, прихваченных на всякий случай – вдруг выписка в очередной раз перенесется на неопределенный срок. Леониду разрешили взять Инессу на несколько дней, чтобы девочка пожила в семье и пришла в себя, после чего ей предстояло поселиться в детском доме. Как успел выяснить лейтенант, отец девочки получил в ночь трагедии высокую дозу облучения, находясь на территории атомной станции. Геннадий Вишнев вместе с другими работниками турбинного и электрического цехов проводил работы по вытеснению водорода из электрического генератора, чтобы не произошел еще один взрыв. Через несколько дней после аварии он умер в больнице от радиационных ожогов кожи...

Когда воспоминания стали по крупицам возвращаться к Инессе, она вдруг отчетливо увидела себя, лежащую на кровати в розовой пижамке с зайчиками, а рядом сидящую мать с книгой в руках. Молодая женщина читала сказку о Винне Пухе, а дочь жмурилась и делала вид, что засыпает. Вдруг девятиэтажный дом вздрогнул, будто земля под ним пришла в волнообразное движение. Инна открыла глаза и испуганно спросила.

- Мама, это землетрясение? – умная девочка слышала о нем от отца, который уделял ей все свободное время и делился своими знаниями, пытаясь рассказывать доступным языком.

- Не думаю, - с беспокойством ответила мать, закрыла книгу, не забыв вставить в качестве закладки указательный палец, и подошла к окну.

Они жили на четвертом этаже, их окна были обращены в противоположную сторону от станции, где в это время работал в ночную смену муж и отец. По освещенной улице неспешно шли люди и переговаривались, что успокоило женщину. Она вернулась к дочери, хотела продолжить чтение, но не могла сосредоточиться. Ее мысли были далеко отсюда, за три километра, где за несколько минут до этого над четвертым энергоблоком взлетели светящиеся куски. Но она об этом не знала, как не знала, что уже гибнут люди. Вдали прозвучала пожарная сирена. Она заметалась между перепуганной дочерью и окном, за которым промчались пожарные машины. Над городом снова повисла тягостная тишина.

Надо взять себя в руки и не думать о плохом! – мысленно приказала себе женщина. – Не ровен час, беду накличу.

Но беда ворвалась без спроса.

Прибывшие пожарные боролись с огнем на крыше машинного зала и в реакторном зале без специальных защитных средств, лишь в брезентовой робе, каске и рукавицах, которые после снимались вместе с кожей рук. Но отважные люди не дали огню перекинуться на третий и четвертый энергоблок, а персонал станции предотвратил возможный взрыв водорода...

Утром Геннадий со смены не вернулся. Об аварии все уже знали, но не догадывались о масштабах трагедии.

Когда была объявлена эвакуация, Ефимия Вишнева закрыла дверь на замок и тихо сказала, обращаясь к дочери.

- Мы никуда не поедem. Мы должны ждать папу... Да, Инночка?

- Да, мамочка... Он обязательно вернется.

Вечером по подъезду ходил участковый и составлял списки жильцов. Он долго звонил в дверь квартиры Вишневых, потом разговаривал с соседкой, которая заявила, что уже несколько дней никого из них не видела. Наверное, они уехали в поселок Копачи, там живут их родители.

Весь разговор мать и дочь отчетливо слышали, притаившись по другую сторону двери. Когда громкие шаги участкового раздались выше, Ефимия улыбнулась, прижала к себе Инну и прошептала.

- Копачи... Конечно, Копачи... Гена догадается и приедет за нами...

На следующий день началась эвакуация. Вишневые слышали топот ног, громкие разговоры на улице, лай радиоактивных собак и мяуканье радиоактивных кошек, которые лучше людей понимали, что их хозяева больше не вернуться в этот город.

Автобусы вереницей тронулись в путь, увозя жителей из Припяти – города, который был построен их собственными руками. Здесь дома росли, как грибы после дождя, здесь люди сажали деревья и надеялись увидеть их рост, здесь рождались их дети. В этом городе они гуляли по набережной реки Припять и любовались ее красотами и летящими над поверхностью воды быстроходными «Ракетами», способными за короткое время перенести в столицу Украины. Это был не город, это была маленькая страна, где жили особые люди.

В этой стране было все для счастливой жизни. Даже парк аттракционов, который готовился к открытию первого мая тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

Город остался. Не стало жителей. Но они надеялись, что вернуться, что заживут, как прежде...

Вечером в подъезде снова появились люди, они тихо переговаривались, стучали в двери, надеясь выявить оставшихся. Некоторые покупались и открывали, но не Ефимия. Они с Инной сидели, как две мышки в двухкомнатной норке.

Утром девочка видела в окно странных людей в громоздких одеждах, напоминавших костюм водолаза. Они поливали дома из жесткого шланга, присоединенного к канистре, будто это были не каменные постройки, а цветы на клумбе. Затем в небе появились вертолеты, оставляющие за собой шлейф дезактивирующего вещества.

- Скоро они доберутся до квартир, - пробубнила Ефимия, - пора уходить.

Она сунула в рот дочери очередную таблетку.

- Я не хочу! – скривилась девочка.

- Так надо, Инночка.

- А ты? Почему ты не пьешь это противное лекарство?

- Мне не нужно, - отмахнулась молодая женщина и отправилась на кухню.

Электричество никто не отключал, поэтому продукты в холодильнике хорошо сохранились, только их было не так много.

- Что же делать? – задумалась Вишнева, оценивая взглядом скудный запас. – Не магазины же обчищать?!

- Можно к Гранкиным зайти, - предложила дочь за спиной матери. – Они уехали, я сама слышала, как тетя Дина обещала Минке, что скоро они вернуться, а та еще ныла, что своего медведя забыла взять.

При этом Инна скорчила такую недовольную рожицу, словно возмущалась поведением своей сверстницы, которая в такую ответственную минуту вспоминает о неуклюжей статуэтке, которая больше подходит спортсмену для накачивания мышц, а не пятилетней девочке.

Когда Мина получила на день рождения неподходящий возрасту подарок от родителей, все девочки в тайне позавидовали. Они привыкли получать кукол, книжки, карандаши и прочую привычную ерунду, а тут... статуэтка олимпийского мишки, коричневого и с блестящим поясом на талии с пятью кольцами. Вполне взрослый подарок, нечета глупым пупсам.

Инесса, присутствующая на дне рождения соседки, подруги и конкурентки за руководящую роль в средней группе детского сада «Теремок» в одном лице, лишь хмыкнула и обозрела других гостей, улетающих торт, ожидая поддержки. Компания, как

обычно, разделилась на два лагеря: одни округлили глаза и стали вырывать из рук именинницы тяжелого медведя, другие поджали губы и стали переглядываться, показывая всем видом, что такой презент им непонятен. Вишневой тоже хотелось ближе рассмотреть статуэтку, и так же поохать, взвешивая ее в руке, но покинуть свой лагерь она не имела права.

На улицу Мина подарок не выносила, потому что не считала его игрушкой, с которой можно разгуливать по двору, но в разговоре часто упоминала его, разжигая интерес подруг и называя непонятным словом талисман. Инесса обратилась за пояснениями к отцу, и тот долго рассказывал об амулетах, оберегах и талисманах. Дочь внимательно слушала, но никак не могла представить, как олимпийский мишка высотой не более двадцати сантиметров может принести удачу или предупредить об опасности... Или придать силу... Нет, это еще понятно, если ежедневно делать зарядку в руках с этой статуэткой, то мышцы будут, как у Валерки из соседнего подъезда, который ходит в боксерскую секцию. Но отец снова начал объяснять про внутреннюю силу, которая появляется в минуту отчаяния благодаря наличию талисмана, когда все другие возможности человеческого организма на исходе. Инка окончательно запуталась и хотела спросить, какие бывают талисманы, желая получить опровержение, что таковыми могут быть коричневые медведи, но передумала, решив разработать свою теорию.

На следующее утро она явилась в детский сад с загадочным видом, сжимая в ладонке предмет на толстой нити, висящий на ее шее. Противоборствующие лагеря соединились в едином порыве любопытства и заинтересованности.

- Что там у тебя? – не выдержала Минка.

- Талисман, - передернула плечиками девочка.

- Покажи! - попросила стая детишек, следовавшая за ней, как утята за матерью уткой.

Инесса не стала ломаться, так как сама горела желанием предъявить настоящий талисман, и разжала ладошку, показав притихшей детворе продолговатый камень с небольшим отверстием, сделанным накануне отзывчивым отцом.

- Бульжник!

- Галька!

- Обычный камень!

- А вот и необычный! – пресекла нелюбезные высказывания Вишнева. – Когда находишь камень с дырочкой, то он тебе обязательно принесет удачу! – Слукавила она. – Только надо его все время носить с собой. Настоящие талисманы помогают, если они всегда при тебе! – Уколола она Мину и погладила пальчиками камешек на груди. Удар достиг цели. Девочка развернулась и ушла, не желая выслушивать восторженные речи предателей.

На следующий день Гранкина пришла зареванная. Стало понятно, что родители не откликнулись на просьбу дочери и медведя не дали...

Теперь хитрюга Инесса вспомнила недавнюю историю и порадовалась, что статуэтка благополучно забыта в соседской квартире. Потому и завела разговор о Гранкиных.

- Но у нас нет ключа от их квартиры, - сказала Ефимия, - не ломать же чужую дверь?!

- Как нет! – удивилась дочь забывчивости матери. – Тетя Дина еще зимой оставила у нас ключ от своей квартиры. - Инка привычно сложила губы трубочкой, показывая, что погружена в восстановление в памяти речи соседки, - она сказала: «Олег такой рассеянный, все время забывает ключи на работе, приходит и ждет их с Миной возвращения на скамейке». С тех пор дядя Олег ключи на работе не забывал. Но тетя Дина у нас ключи не забрала.

- Надо было ей вернуть, - поздно раскаялась Ефимия – Честно говоря, я сама о ключах забыла. Если бы не ты... Ох, и память у тебя, Инночка, как у Ленина!

Сравнение с Владимиром Ильичом девочке польстило, но ей хотелось, чтобы ее сопоставили с отцом, который был для дочери единственным образцом для подражания. Она хотела вставить свое слово, но мать сама вспомнила о пропавшем муже, свидетельством чего стали слезы, заструившиеся по ее щекам.

- Мамочка, не плачь, - попросила Инна и тоже зашмыгала носом.

- Не буду! – пообещала женщина, смахивая струившуюся без спроса влагу. – Мы должны быть сильными! Вот выберемся из Припяти, и все у нас будет хорошо.

Конечно, все будет хорошо, - подумала пятилетняя девочка, - только надо талисман Милкин прихватить. Ведь, кому он принадлежит, тот и станет обладатель удесятеренной внутренней энергии, способной горы свернуть, а главное – оказать необходимую в данный момент помощь в поисках отца.

Ключ от квартиры Гранкиных был найден с помощью той же Инессы, которая вспомнила, что его засунули в коробку из-под обуви вместе с ненужными вещами и отправили в ссылку на антресоль.

- Ну, Инка, ну, голова, - восхитилась мать, вынимая из коробки чужую вещь.

Некоторое время Вишневы прислушивались к звукам в подъезде, затем осторожно приоткрыли дверь, выждали несколько минут, переглянулись.

- Никого, - прошептала девочка, уставшая от затянувшегося ожидания.

Тогда они выскользнули из квартиры и на цыпочках направились к противоположной двери. Ефимия приложила к ней ухо и замерла.

- Мам, там нет никого, - вздохнула девочка, - я тебе говорила, они уехали!

- И дядя Олег?

- Все трое! Открывай! – приказала Инка громким шепотом, который разрезал подъездную тишину и заставил обеих вздрогнуть. На самом деле, в день эвакуации голоса соседа малыша не слышала, но уже сейчас решила, что отец Милки присоединился к семье у подъезда.

- Мародерство какое-то, - причитала Ефимия, освобождая от продуктов чужой холодильник.

- Пока они вернуться, все пропадет, а так...

- А так этот запас поможет нам не умереть с голоду, пока будем добираться до бабушки.

– поддержала дочь повеселевшая мать. – Я всегда говорила, что Дина великолепная хозяйка...

Дальше Инна не слушала, переместившись в комнату Мины.

Статуэтка сразу приковала к себе взгляд. Олимпийский мишка стоял рядом с поделками из пластилина на полочке, прибитой к стене, и нерадостно взирал на опустевший мир.

- Бедненький, - засюсюкала девчушка, - забыли о тебе, не взяли с собой. Ай-ай-ай, какая Мина нехорошая девочка!

Инне показалось, что медведь повеселел.

- Ну, пойдешь со мной? – не дождавшись ответа, она взяла его двумя руками и прижала к себе. – Хороший, хороший, - запричитала девочка и погладила по ушастой голове. – Теперь ты будешь мой! – с ударением на последнем слове сказала она, заглянула медведю в глаза и забросала вопросами, - будешь моим талисманом? Спасешь меня и маму? Поможешь найти папулю? - Мишка задумался, а Инесса тотчас выдала: молчание – знак согласия! – Сунула статуэтку в сумку, доставшуюся по наследству от матери, и собралась выйти из комнаты, но заметила фотографию. – Ой, это нас на прошлой неделе дядя Олег снимал! Я такая смешная, а Минка чересчур серьезная.

Инка не по-детски грустила, осознавая, что беззаботное время никогда не вернется. Они не будут стоять, взявшись за руки у низкорослого саженца, который высадил в землю несколько минут назад ее отец, и он же любовно подвязал его подпорке,

воспользовавшись старой лентой дочери. Не будут удивленно всматриваться в объектив, из которого, по словам фотографа, должна вылететь неведомая птичка.

Две девочки в платочках, вязаных кофточках и коротких платьицах стояли рядом, жмурились от апрельских лучей солнца во дворе дома по улице Леси Украинки и не догадывались, что это последний снимок в городе атомщиков, ставшим городом – призраком.

Фотография последовала за медведем, Инесса еще раз бросила взгляд на стол подруги, где остался незаконченным рисунок, вышла и прикрыла за собой дверь...

Ленька стоял в вестибюле и светился от счастья, словно встречал собственную дочь, чудом выжившую после тяжелой болезни.

- Где мишка? – вместо приветствия спросила Инесса и недовольно насупилась, будто уже получила убийственный ответ о внезапной потере.

День, когда она вышла из леса и натолкнулась на Быстрова и Литвинова, врубился в ее память, как топор, глубоко вошедший в полено. Встреча с двумя милиционерами и больше ничего, пустота. Уже после воспоминания встали всплывать короткими отрывками, медленно соединяясь в замкнутую цепочку. В тот день Инесса, не отдавая отчета своему поступку, отдала медведя на сохранение незнакомому мужчине, который угостил ее необыкновенно вкусными бутербродами. Ничего подобного она отродясь не ела. Или ела, да позабыла... Так вот, отдала она мишку, предчувствуя, что его могут отобрать. Уже в больнице Инка слышала много печальных историй об оставленных вещах в запретной зоне, которые были дороги владельцам. Если кто и вывез что-то нужное, то это нужное отбирали, ссылаясь на то, что «все вещи из Чернобыльской зоны радиоактивны и подлежат обработке». Редко кому удавалось получить вещи обратно.

Ленька пообещал сохранить медведя, «отмыть» от радиации и вернуть, когда представится случай. Случай представился.

Они сидели на скамейке в больничном парке и рассматривали статуэтку.

- Ну, вот, - недовольно пробурчала девочка, - на боку краска облупилась, теперь проглядывает... серость, - она с трудом подобрала подходящее слово.

- Я пытался его получше... вымыть, - оправдывался Леонид.

На самом деле все было иначе.

Это Литвинов заинтересовался, из чего отлита статуэтка, достал из кармана связку ключей и провел одним из них по медведю, обнажив «серую сущность» и разочарованно заявив при этом: «Свинец». Причем сделал такое недовольное лицо, будто получил в день зарплаты поддельные купюры...

- Вашу энергию, да в мирных целях, - автоматически пробубнила Инна в ответ на оправдание Леонида, пожелавшего взять на себя ответственность. Это фраза была из «коллекции» любимых высказываний отца. Быстров удивленно покосился на девочку, которая была больше похожа на маленькую брызжащую старушку.

- Может, поедem домой? – заискивающе спросил он, любовно оглядывая Инку в новой красной курточке, шапке с помпоном, полосатых штанишках и удобных сапожках. Он мысленно похвалил себя на правильный выбор одежды для девочки, в которой ей было тепло в осеннюю непогоду. Сестра предложила взять добротные вещи своей дочери, племянницы Леонида, из которых та давно выросла, но Быстров отказался: ему не хотелось, чтобы девочка чувствовала себя нищенкой.

Осень уходила на покой, сдавая позиции надвигающейся зиме. Последние числа ноября выдались ветреными и холодными, будто осень взяла на себя трудную обязанность – постепенно приготовить жителей к затяжному морозу. Деревья сняли красочный наряд и теперь клонились к земле под сильными порывами ветра.

Инесса вопрос Леонида не услышала. Дозированные воспоминания снова полезли наружу. Она закусила губы, чтобы не расплакаться.

О судьбе отца она узнала недавно, ей рассказала одна женщина, которая приходила в больницу. Она работает в какой-то организации со сложным названием, даже умная не по возрасту Вишнева не запомнила, потому что все мысли вытеснило новое слово - сирота. Инесса – сирота. Та тетка несколько раз повторила это гадкое слово, скривив при этом ярко накрашенные губы и брезгливо погладив девочку по короткому ежику на голове. А Инке захотелось превратиться в ежа, свернуться клубком и закрыться от всех проблем. А еще лучше уснуть и никогда не просыпаться. Пусть ей приснится прошлая жизнь. Мама будет стоять у плиты, а они с папой сидеть за столом и играть в ручки. Инна положит ладошки на стол и будет ждать резкого выпада отца, который захочет их поймать. Она напряжена и собранна, а он хитро поглядывает на нее и старается отвлечь разными смешными пустяками.

Или пусть приснится, как они сидят на диване, отец обнимает ее за плечи и рассказывает о том, как познакомился с Ефимией, когда оба поступали в МВТУ имени Баумана. Инна слышала эту историю много раз, знала, что так называется Московское Высшее Техническое Училище, но аббревиатура ей нравилась больше, была в ней некая загадочность и таинственность, как имя мультяшного персонажа, вышедшего из-под кисти художника-мультипликатора. И про революционера Баумана она знала. Ей он виделся в образе человека-грача, наверное, потому, что имел партийный псевдоним «Грач»...

Инесса знала, что мамы тоже больше нет. Она сама забросала ее старыми одеялами, собранными по всему дому в Копачах, будто соорудила саркофаг. Или хотела согреть ее ледяное тело, пролежавшее в одной позе несколько дней. Потом девочка долго стояла у импровизированного захоронения, понурился голову. Слезы сменились обреченным безразличием. В голове вертелась фраза, которую вдалбливала ей мать:

- Ты должна быть сильной! Ты должна выбраться отсюда и найти отца!..

Весь март мама почти не вставала. Из статной женщины она превратилась в высохшую мумию. Инна сидела рядом и держала ее за прозрачную руку. Ефимия впадала в забытие, иногда вырывалась из него, прикладывала ладошку дочери к губам и беззвучно плакала. Немного успокоившись, женщина каждый раз повторяла.

- Я виновата перед тобой, доченька! Надо нам было уехать вместе со всеми...

- Но мы хотели дождаться папу, - пыталась успокаивать мать девочка.

- Обещай мне, что найдешь его и скажешь... - не договорив, Ефимия потеряла сознание.

Инесса так и не узнала, что должна передать папе. Хотя, теперь это не имеет значения – отец погиб, его нет и никогда не будет. Как не будет бабушки и дедушки, которых успели вывезти из зоны отчуждения, из того самого дома, где теперь покоится ее мать. Они не могли пережить потерю дочери и внуки...

Когда Вишневые добрались до Копачей, то увидели пустой поселок. Родительский дом встретил их настороженной тишиной и непривычным запустением. Женщина автоматически подняла руку, нашла ключ на притолоке и открыла замок. Они стали единственными жителями поселка.

Все лето мать с дочерью питались овощами с огорода, который успела засадить трудолюбивая бабушка. Погреб хранил такие запасы, что могло хватить на несколько лет одной многодетной семье. На веранде стоял мешок муки, в курятнике расхаживали куры, брошенные хозяевами. Люди рассчитывали в скором времени вернуться, но не забыли позаботиться о пропитании живности. Так что от голодной смерти новым жильцам умереть было не суждено. На этой радиоактивной территории умирали от другой болезни, но Ефимия об этом не задумывалась, а маленькая дочь не догадывалась.

В поселке никто не появлялся, лишь однажды, где-то в конце ноября, приехали несколько мужчин, побродили по соседним улицам, пропустив ту, где обитали Вишневы. Когда они услышали звук автомобилей, девочка вылезла из окна, навесила на дверь замок, зажала в кулачке ключ и вернулась тем же путем в дом. Она была совершенно спокойна, в отличие от матери, которая сидела на кровати и дрожала от страха, словно они были беглыми каторжниками и их вот-вот вернут в тюрьму.

- Нам нельзя уезжать, - едва слышно говорила она, - вдруг Гена приедет, а нас нет. Нельзя, нельзя... - Она хваталась за никелированную спинку кровати и раскачивалась туда-сюда, будто хотела отделать ее от панцирной сетки. При этом глаза ее странно блестели, а изо рта начинали бежать слюни.

В Припяти, во дворе их дома на улице Леси Украинки, жила бездомная собака Катька. Ее любили все жители, подкармливали, на зиму сооружали теплое жилище. Однажды Катька стала бросаться на людей, даже укусила за ногу дворничиху Милку, после чего той сделали сорок уколов в живот, а Катьку увезли на живодерню. Девтора объявила взрослым бойкот за выдачу местной любимицы, но отец Мины объяснил, что собака заболела бешенством... У Катьки в тот день тоже были такие же странные глаза, а из пасти текли слюни...

Инесса впервые испугалась собственной матери. Она осторожно приблизилась к опробованному лазу и вылезла наружу, объяснив самой себе, что всего лишь хочет сходить на разведку. Пробравшись в соседний двор, примыкавший к подворью бабушки с тыла, девочка оказалась на соседней улице и была едва не обнаружена группой мужчин, стоящих кольцом неподалеку. Они курили и тихо переговаривались, словно боялись нарушить мертвую тишину поселка.

- Предлагаю в качестве эксперимента сравнить Копачи с землей, - говорил один из мужчин. - Уровень радиации здесь выше, чем в других поселках, думаю, это самый лучший вариант.

- Когда начнем? - спросил другой, быстро согласившись с предложением первого.

- Отложим работы до весны, - задумчиво произнес третий.

Когда девочка вернулась в дом бабушки, Ефимия спала, свернувшись клубочком. Инесса только сейчас заметила, как та похудела. Дочь накрыла мать бабушкиным пуховым платком и присела рядом, дожидаясь пробуждения, чтобы поделиться неприятной новостью.

Проснувшаяся мать выглядела вполне нормальной, и на рассказ Инны отреагировала спокойно.

- Значит, до весны можем не волноваться.

Зиму они провели затворницами. По улицам бегали откормленные кабаны, по ночам были слышны завывания волков, по брошенным домам шныряли вездесущие лисы. Пришлось перевести немногочисленный отряд несущек в дом. Наготове всегда стояло ружье деда, которое пригодилось лишь однажды, когда волк совсем близко подошел к жилью.

Матери становилось все хуже и хуже, все ведение хозяйства девочка взяла на себя. Ефимия больше спала, в минуты пробуждения пыталась подняться, просила дочь собрать вещи и еду, чтобы покинуть Копачи, но силы быстро ее покидали, и она вновь погружалась в забытие. Инесса боялась, что приедут люди на огромных тракторах и сравняют поселок с землей, не проверив, есть ли кто живой. Она задыхалась по ночам, ей снилось, что она погребена под толстым слоем земли. Поэтому всегда была начеку и спала урывками или, вообще, не спала, а сидела возле матери с олимпийским медведем на руках...

Грохот вернул Инессу в реальность: статуэтка выпала из рук и оказалась на тротуаре. Леонид поднял медведя и протянул девочке. Она сунула его в сумку и вопросительно посмотрела на старшего товарища.

- Да-да, пойдем, а то все уже заждались. – подхватился Быстров и протянул руку Инне.

- Кто это все? – буркнула она. После очередной дозы воспоминаний ей не хотелось разговаривать, улыбаться и делать вид, что все уже позади. А что впереди? Ничего! Блуждание в беспросветном тумане и одиночество. Она чувствовала себя не шестилетней девочкой, а пожилой женщиной, много повидавшей в жизни и много пережившей, отчего стала более мудрой и... закрытой.

- Все – это мои родители и моя сестра с дочерью. Ее зовут Вика, ей одиннадцать лет... Думаю, вы подружитесь.

- У меня была подруга... Ее звали Мина, - монотонным голосом произнесла девочка, словно слова складывались с трудом по мере восстановления памяти. – Правда, смешное имя? – спросила она без тени улыбки на лице, напротив, в ее глазах было столько взрослой душевной боли, что у Ленки свело скулы. Ему захотелось взять ее на руки, прижать к себе и убаюкивать, как маленькую, приговаривая при этом, что он сделает все возможное и невозможное, чтобы Инка начала улыбаться. И еще ему очень хочется всегда быть рядом. Всегда-всегда, если она ему это позволит...

- Звучит, как мина замедленного действия, - не подумав, ляпнул Леонид.

- Папа тоже так говорил, а мама сердилась... Он не при мне говорил, я...случайно... подслушала.

- Наверное, ты будешь адвокатом, - попытался разрядить обстановку Быстров, - успела и отца защитить и себя оправдать.

- Не думаю, - после недолгих размышлений сказала девочка, привычно сложила губы в трубочку и повертела в разные стороны.

Ленку такая мимика забавляла. Он улыбнулся своей неповторимой заразительной улыбкой и заставил исчезнуть складку между бровями Инессы. В глазах появилась искорка заинтересованности.

- Так как зовут ту девочку? – притворно спросила она.

- Какую? – бросил ответный шар непонимания мужчина.

- Ну, ту, которой одиннадцать лет, - с завистью напомнила Вишнева, будто между нею и племянницей Ленки лежала пропасть в четверть века, а не пятилетка.

- Ее зовут Виктория, - с блаженством в голосе сказал Быстров, словно речь шла о его возлюбленной, чьей руки он безответно добивается долгие годы.

Инесса сделала вид, что его восторг ее мало тронул, решительно схватила Леонида за руку и потянула к выходу из парка, мгновенно отбросив от «пожилого» возраста пару десятков лет.

Я верну ее в детство, - подумал молодой мужчина, переходя на бег трусцой...

Быстровы без энтузиазма откликнулись на просьбу сына принять у себя девочку из Припяти. Сестра Надежда вдруг вспомнила о просьбе подруги, попросившей перед отпуском пригласить за ее котом Везувием, и заговорила о переезде. Но ее дочь наотрез отказалась покидать собственное жилье: во-первых, от дома тетки Софии ей было далеко добираться до школы, а во-вторых, очень хотелось увидеть «радиационную девочку», как выразилась ее мать, выговаривая родителям, которые « всю жизнь потакают собственному сыну и никогда не берут в расчет желания дочери». В понятии Вики, потакать – значит баловать и потворствовать любым капризам. Она представила себе магазин с игрушками, в центре которого на полу распластался ее дядя Леня, требующий купить ему... куклу Инну. Не огромный самосвал, не автомат, не занимательную игру, а обычную куклу с белокурыми локонами и удивленно распахнутыми глазами, которые закрываются при

наклоне, и одновременно с этим из ее нутра вырывается щемящий душу звук, подобный противному плачу. Вика поделилась своими соображениями со своей одноклассницей, которая была уже год влюблена в дядю Леню, поразившего ее своей парадной формой, надетой по случаю Дня милиции, и погонами с двумя блестящими звездочками. Раньше Ирина Ялович его таким красивым не видела, решение «жениться», едва стукнет восемнадцать, родилось мгновенно. Леонида в известность никто не ставил, девочки подумали, что мужчина не сможет отказаться от третьей красавицы школы, которая вскоре может переместиться на первое место. Время придет, Леонида попросту поставят перед фактом и все дела.

Дружба «малолетки» Инны с Быстровым не понравилось Ире, за неудовольствием последовала неприязнь, которой она заразила подругу.

Целый день накануне приезда гости они посвятили награждению Инессы неллицеприятными эпитетами, поэтому при ее появлении хмыкнули, поджали губы и с гордым видом удалились в комнату Виктории.

Быстровы тяготились присутствием девочки, девочка еще сильнее почувствовала свое одиночество и запросилась обратно. Ленька не успел сказать, что теперь ее ждет детский дом, но она сама завела разговор о новом местожительстве и спросила, далеко ли он находится и будет ли Леонид Иванович к ней приезжать?

Леонид Иванович приосанился, бросив взгляд на свое отражение.

- Мне двадцать три года. – заявил он, не добавив при этом «все-то».

Для шестилетней девчушки этот возраст был запредельным, пройдет пара-тройка лет, и Леонид Иванович совсем состарится, отрастит окладистую седую бороду, возьмет в руки палку, сунет ноги в вечные валенки и будет сидеть на скамейке у дома, греясь в лучах солнца.

Инесса не сразу уловила связи между ее просьбой и указанием возраста, поэтому подняла голову на рослого парня, который не стремился к закату жизни, и стала его с интересом разглядывать, словно желала убедиться в соответствии двадцати трех лет с веснушчатой детской физиономией и с неподражаемой заразительной улыбкой.

- Это я к тому, что необязательно называть меня по имени отчеству, - пояснил он.

- А как же мне Вас называть? Я не Вика, чтобы называть дядей, не ровесница, чтобы звать по имени, - рассудила девочка, а Быстров еще раз убедился в ее взрослости, ведь дети, не задумываясь, обращаются к чужим мужчинам, прибавляя слово «дядя».

- Просто... Леонид, - сказал он и напряженно затаился, ожидая отпора. Ему хотелось стать ей другом, и сейчас настал решительный момент для установления опор моста от него к Инессе.

- Мама называла папу Геночкой или Генчиком, - едва слышно заметила она, опустила глаза, из которых должны были закапать на платье слезы. Но не закапали.

Ленька протянул руку, чтобы погладить ее по голове с жалким ежиком волос, но вовремя отдернул, посчитав, что жалость может ее обидеть. Она взрослая, свою привязанность и заботу надо доказывать делами, а не привычными поглаживаниями. Инна напоминала маленького котенка, которого потеряла мать-кошка. Волосики на голове стояли дыбом, как у испуганного зверька, глазки широко раскрыты и испугано смотрят на незнакомый мир. Улыбка на устах девочки появляется лишь в тот момент, когда она играет с мишкой, а глаза все равно остаются печальными. Диссонанс на бледном личике заставляет сердце Быстрова сжиматься. Он никогда не думал, что чужая девочка может занять все мысли, перечеркнуть планы на будущее и заставить жизнь, свернуть с проложенного пути. Теперь жизнь рыла новый котлован для нового русла, рыла настойчиво и без перерыва. Времени не так много, надо успеть выполнить все формальности и забрать Инессу из казенного дома, где ей, домашнему ребенку, привычному к любви и заботе близких, будет непривычно и невыносимо. Она не способна выпустить когти и встать на свою защиту,

она ранима и чувствительна, закрыта и едва ли пойдет на сближение с другими воспитанниками детского дома. Ее обособленность станет играть на стороне противников, которые выберут ее мишенью для насмешек и издевательств.

Но сначала Быстрову необходимо выполнить более трудную задачу – получить ее согласие. А затем последуют формальности...

Ну, ответ, моя хорошая, ответ, - твердил про себя Ленька и одновременно мысленно внушал Вишневой.

- Можно, я буду называть тебя... Ленчиком? – наконец, спросила она и подняла на него свои глаза цвета туманного неба.

Он не удержался, задорно взлохматил и так непослушные волосики, скрыв за этими действиями свое желание пустить скупую мужскую слезу и заключить ее в объятия.

- Можно! – весело гаркнул он, как на плацу, и предложил сходить в кино, на что был получен положительный ответ. Дядя хотел взять племянницу, та радостно заулыбалась, но затем бросила взгляд на свою подругу и отказалась. Ленька не принял отказа, заставил троицу девочек одеться и следовать за ним.

Главный разговор он отложил. Не стал действовать нахрапом, одержал маленькую победу, остановись, соберись, подумай, а уж потом рискуй...

Быстров не думал, что согласие Инессы на удочерение, это еще не решение сложной задачи. Это только цветочки, яблочки с дерева великана собрать в состоянии не каждый.

Одиноким молодой мужчина не имеет на это права. К тому же не обеспеченный собственным жильем, а прописанный на квадратных метрах родителей, где кроме вышеуказанной троицы проживает его сестра с малолетним ребенком. Да, и опасная профессия не является противовесом ко всему вышесказанному, а, напротив, ставит еще одну галочку в колонке «против».

Сестра Надежда, напуганная появлением в скором будущем нового жильца и как никто другой знавшая настойчивый характер брата, предложила ему взять в жены свою подругу Софию Кравченко, которая успела вернуться из отпуска и окружить вниманием и заботой кота Везувия. К одинокой женщине и домашнему питомцу прибавлялась двухкомнатная квартира в тихом районе.

- Не думаю, что Соня откажется прописать к себе тебя вместе с Инной. Она обожает детей! И штамп в паспорте ей не помешает, быть замужней всегда лучше, чем быть одинокой, - заметила сестра и тяжело вздохнула, помянув свою нелегкую женскую долю.

Надя выскочила замуж в восемнадцать лет, через год родилась Вика и почти сразу исчез муж, уставший от «сумасшедшей» обстановки в доме.

Предложив подругу в качестве фиктивной жены, она преследовала свои цели: она пристраивает засидевшуюся в девках Соньку, которая будет ей «во век благодарна», и выпроваживает из дома брата вместе с «радиоактивной» девочкой. Леонид взял время на обдумывание предложения сестры, а та, будучи уверенной в положительном ответе, решила опередить события и переговорить с Кравченко.

Красавица украинка выделялась не только смоляными волосами, синими глазами и статной фигурой, но и редкой профессией – Соня работала водителем такси, что отложилось на ее характере. Женщина была излишне резкой, легко парировала комплименты с подтекстом, позабыла о юбках, предпочитая брюки даже в выходные и праздничные дни, не говоря о трудовых буднях, когда она походила на нечто среднее, занявшее надежную нишу между мужчиной и женщиной. Крупная Кравченко садилась в кабину Волги «ГАЗ 24» с шашечками по бортам, при этом автомобиль перекашивало на левую сторону, бралась за баранку крепкими обветренными руками и уверенно выезжала из гаража.

- Тебе бы похудеть, - мягко намекала Надя, окидывая взглядом подругу, которая значительно превосходила ее в росте и весе, хотя, сама она не была ни низкорослой, ни худощавой.

- Легко сказать, - вздыхала София, быстро расправляясь с двумя котлетами и горой жареного картофеля.

Навязывать свое мнение, рассуждать о несовместимости исчезающих с тарелки продуктов и намекать на урезание меню Надежда не решалась, зная острый язык подруги и ее пренебрежение к дипломатичности. Женщины подружились не так давно, когда не слишком обеспеченная материально бухгалтер Быстрова, бывшая в замужестве Хоменко и поспешившая избавиться от фамилии мужа, как от залетевшей в шкаф с новой шубой обжорливой моли, была вынуждена остановить такси, перед этим неудачно подвернув ногу. Кравченко отвезла ее в травмпункт, пропихнула в кабинет вне очереди, где заверили, что перелома нет, лишь растяжение связок, после чего доставила женщину к дому. С тех пор завязалась их дружба – дружба двух одиноких женщин не первой молодости.

Надежда догадывалась, что агрессия подруги это своего рода защита от окружающей жестокой среды. В душе София совсем другая, жалостливая и добрая. Она роняла слезу, когда смотрела мелодраму, привечала соседских детей, которые без стеснения пользовались ее расположением, таскала сумки одиноким бабулям, мыла им полы, окна, выгуливала их противных шавок, в общем, была скорой помощью всем жителям дома, включая мужчин, чьи автомобили начинали барахлить. Но всю несостоявшуюся материнскую любовь она вылила на кота Везувия, раскормленного лохматого красавца дымчатого окраса. Быстрова не сомневалась, что теплоты и любви у Кравченко хватит на несколько Инн. И нескольких Лен, если они это позволят.

Путь к сердцу лейтенанта Быстрова лежит через любовь к шестилетней девочке Инессе. Любую фальшь он легко уловит, как радар, настроенный на частоту искренности. Об этом старшая сестра знала и хотела донести подруге.

София, молча, выслушала вдохновенный монолог, только нервно почесывала за ухом любимца, копилкой сидящего на ее коленях и жмурившегося от удовольствия. На лице хозяйки, напротив, не отразилось никаких эмоций, лишь пробежала легкая гримаса, когда была произнесено сочетание «фиктивный брак». Пробежала и исчезла, оставив в душе резолюцию «отказать». Но Надя успела заметить тень неудовольствия, ускорила темп повествования, будто этим могла изменить созревшее решение Кравченко. Когда ораторша выдохлась и взяла полуминутный тайм-аут, София умело вставила вопрос ребром.

- А мне это зачем? – резонно спросила она, театрально прикрыв ладонью рвущийся зевок, показывая всем видом, что устала от пустой болтологии.

Надя заикнулась про штамп в паспорте, но быстро стушевалась под скептическим взглядом подруги.

- Повторяю еще раз – зачем мне нужна эта фикция? – уставшим голосом учителя, не умолкавшего на протяжении пяти уроков, поинтересовалась Соня. Не дождавшись ответа, стала излагать свои мысли по этому поводу, - деньги мне не нужны, да, и какую сумму твой братец может мне предложить? С его-то зарплатой, - добавила она, скидывая с рук кота и поднимаясь со стула. – И зачем мне нужны в квартире два чужих человека? Им обоим не только нужна прописка, но и приют, ведь в любой момент явится дама из органов опеки для проверки условий быта вчерашней детдомовки.

Последнее слово она произнесла без презрения, наоборот, ее высказывание было пронизано жалостью к девочке, потерявшей родителей. Она сама задумывалась об усыновлении малыша, но пока не решалась. А теперь ей предоставляется возможность сразу занять полноценную семью. Но фиктивную. И это ее останавливало. Все казалось

розыгрышем, или игрой. Леонид регистрируется с ней, приведет в ее дом маленькую девочку, и будут трое взрослых ломать комедию. Или не ломать, а жить, как в коммунальной квартире: биться боками на небольшой кухне, садиться за общий стол и поглощать каждый свои продукты, вытасканные из общего холодильника, разделенного обговоренной границей. Это обстоятельство ей показалось самым ужасным. София оценила взглядом кукольных размеров кухню, будто прикидывала, где могут разместиться две реальные семьи, на бумаге объединенные в одну. Оказалось, лишнего места нет. Как нет места в сердце Лени одинокой женщине. Мужчина и девочка проживут здесь какое-то время, пока не ослабнет бдительность надзирающих органов, потом произнесут в адрес хозяйки слова благодарности и отчалиют в неизвестном направлении. А перед уходом Быстров повернет голову и бросит как бы невзначай: «Не забудь, через два дня мы разводимся!» А Сонька не выдержит и скажет: «А мы разве сходились?» Но он не услышит, или услышит, но сделает вид, что не услышал. Зачем ему лишние пересуды с чужой женщиной, которая за... какой-то срок не стала близким человеком для двух людей, живущих в собственном мире любви, где другим места не нашлось. Даже ей, переполненной добротой, как маленький цветочный горшок корнями, и мучительным желанием стать хотя бы другом.

Самодостаточной любви не нужен третий лишний...

Кравченко замерла у окна, подперев щеку кулаком, отчего один глаз превратился в щелку. Ей хотелось затянуть любимую украинскую песню: Дывлюсь я на небо, тай думку гадаю, чому я не сокил, чому не летаю... Громко, чтобы слышали в соседнем доме, и с невероятным чувством освобождения от невеселых мыслей. Выплеснуть наружу одиночество и решить, как поступить и что сделать для того, чтобы фикция стала реальностью.

Быстрова тоже не знала, как поступить: развернуться и уйти по-английски, пока подруга пребывает в моральном нокауте, или перевести разговор на другую тему, закрыв дверь за предыдущей. В любом случае вопрос останется нерешенным. Ни себе, ни брату не помогла. Допустим, Ленька найдет женщину, которая решится на фиктивный брак. Например, девушка из провинции, нуждающаяся в прописке в столице Украины. В этом случае брат предложит сестре освободить жилплощадь. Конечно, он не из тех, кто выгоняет на улицу сестру с племянницей, но мягко напомнит, что их бабушка, Маргарита Всеволодовна Литовченко, написала завещание в ее пользу и теперь вправе требовать заботы со стороны внучки. Так что пусть Надюха переезжает в однокомнатную квартиру бабули сейчас, а не после того, как жилплощадь освободится по известной причине. Пожилая женщина уходить в мир иной не собиралась, отличалась крепким здоровьем, чрезмерным любопытством, властолюбием, желанием вспомнить былое и умением дать совет, когда в нем не нуждаются. Выдержать ее напор в состоянии была лишь мать Надежды и Леонида, дочь Маргариты, да и то в ограниченном временном промежутке, не выходящем за пределы одного часа. После чего женщина, расставив продукты в холодильнике, лекарства на полочке, выслушав укоризненные заявления, быстро исчезала, прихватив новый список заказов.

Надежда с каждым годом все больше и больше походила характером на бабушку. Поэтому ужиться вместе двум разновозрастным копиям едва ли удастся...

Маленькая кухня подруги позволяла все действия проводить с легкостью, стоя на одном месте и поворачиваясь в разные стороны. Вот и теперь, хозяйка отвернулась от окна к плите, чиркнула спичкой и подожгла газовую конфорку под чайником.

- Давай, подруга, еще чайку выпьем, - предложила она, зародив в душе гостьи надежду на благоприятный исход переговоров.

Быстрова облегченно вздохнула: ей не хотелось ссориться с Соней из-за брата, она дорожила дружбой с этой женщиной. Кравченко всегда откликнулась на любую просьбу,

а просьб у слабой разведенки с девочкой–подростком на руках было выше крыши. Только сейчас до Надежды дошло, что сама Соня ни разу не попросила ее об услуге, не поделилась своими переживаниями и обидами. Это Надя летела к ней в дом, как кровожадная оса, надеясь насытиться успокоительными речами, а если будут мешать, то ужалить и улететь. Но София не мешала, терпеливо выслушивала, давала советы, давала займы, сытно кормила, отвозила домой, дарила подарки ей и Вике, оставляя за завесой свои проблемы, мысли и желания.

Почему я решила, что Кравченко мечтает выйти замуж? - подумала Быстрова. – А если и мечтает о замужестве, то уж точно не о фиктивном. А вдруг на горизонте появится претендент на руку и сердце красавицы украинки? Конечно, настоящим чувствам нет преграды, но, зная порядочность Сони, можно с уверенностью сказать: она не станет разрывать договор с братом... Я эгоистка! Всегда на первое место ставлю свои интересы, вот и в это раз... Меня не беспокоит ее одиночество, меня оно устраивает, Сонька всегда под рукой, всегда свободна от запутанных брачных уз... Да, Надежда Ивановна, вы в моем репертуаре! Захотели братца отселить и освободить комнату для дочери? Преследуем свои корыстные цели. А как быть с ранимой душой Софии? Влезет в нее Ленька вместе со своей Инессой, посидит там годик-другой и исчезнет, забыв сказать «спасибо». Хотя, брат не такой, он не забудет поблагодарить и к щечке приложиться, но Соньке от этого не легче. Она уже успеет приковать себя цепями нерастраченной любви к мужчине и девочке с печальными серыми глазами, которая заняла все пространство в его сердце и не оставила в нем места для других.

- Извини меня, Сонечка... - промямлила Быстрова. Она никогда бы не подумала, как схожи их мысли. – Я не должна была предлагать тебе эту сделку. К тому же Ленька моложе тебя на... - Привела она качающийся под ветром аргумент.

- На шесть лет, - подсказала Кравченко, разливая по чашкам чай.

- Да, на шесть, ведь ты на год моложе меня... - комплимент в адрес Кравченко вышел скупой, как тот рыцарь у Пушкина.

- Помнишь, ты мне показывала фотографию брата, сделанную в день выпуска из школы милиции, - задумчиво произнесла хозяйка, опускаясь на стул. – Я тогда подумала: какой «гарный хлопчик». Все не решалась попросить, чтобы ты нас познакомила, - последние слова она сказала чуть слышно, уткнувшись в чашку, отчего звук получился булькающе-трубным.

- А почему не попросила? – удивилась откровению Надя.

- Я, вообще, не люблю никого ни о чем просить, - отчетливо сказала она, делая паузы между словами.

- Это я поняла.

- Да, и кто он, а кто я, - продолжила София, не реагируя на высказывание подруги.

- А это полная ерунда! Мы живем в социалистической стране, мы находимся на одной ступени...

- Равенство, братство, любовь к ближнему, - заученно пробубнила Кравченко, перебив Надежду. – Но я не об этом... Леонид он... такой, - женщина закатила глаза к потолку, подумала и выдала, - необыкновенный. А я... неуклюжая хохлушка с восьмью классами образования и с кулаками, как голова годовалого ребенка. – Она полюбовалась выставленной вперед кистью руки, повертела ею туда-сюда, после чего сжала во внушительный кулак. – Кто такую боксершу полюбит?

- Можно подумать, любят только стройных и с высшим образованием, - недовольно возразила Надежда, за плечами которой были десять классов и бухгалтерские курсы, а затем пошла в атаку, - что тебе мешало поступить в институт, например, на заочное или вечернее отделение?! Лучше на заочное! Уже была бы с дипломом в кармане.

- Ну, была бы с дипломом, а продолжала бы крутить баранку! – парировала Соня. – Я свою работу ни на что не променяю!.. Я от нее фанатею! Где я смогу, сидя на одном месте, все время перемещаться из одного конца города в другой, и выслушать чужие откровения. Если бы имела склонность к литературе, то давно написала роман, соединив все рассказы о жизни. – Восторг быстро сменился разочарованием. – Но моя профессия отпугивает мужчин.

- Ты сама себе противоречишь, - хмыкнула Надя. – То ей диплом подавай и чистенькую работу клерка, то из «Волги» калачом не выманишь. То похудеть хочет, но прикладывать к этому усилия не желает! Женщина, чего Вы хотите на самом деле?

- Я замуж хочу, - со слезой в голосе протянула Кравченко, - и хочу, чтобы ОН меня полюбил такой, какая я есть! Без дипломов и... приукрас.

- Приукрасы все равно нужны! – пораскинув мозгами, заявила Быстрова. – Если у тебя руки в масле и физиономия неумытая, то не думаю, что найдется охотник тебя обнять и поцеловать.

- Это, да... - согласилась хозяйка. – Мужчина должен... разглядеть меня...

- Вот! – ткнула в нее пальцем Надежда. – Ты тоже должна сделать шаг! Шаг навстречу! А не бросать вызов: люби меня такой – чумазой и плохо одетой!.. И вес могла давно сбросить!

- Не для кого, - возразила София.

- Опережай события! – возмутилась подруга. – Если ты хочешь достичь цели, то для начала реши, что нужно предпринять.

- Например, я хочу блинов, для этого я должна взять муку, яйца, молоко...

- Не утрируй! – скривилась от сравнения Быстрова. – У тебя два любимых места: кабина такси и кухня, где всегда тебя ожидает холодильник, доверху забитые продуктами.

- Неправда, я еще люблю в кино ходить!

- Это я знаю, - покачала головой Надежда, будто это пристрастие подходило под категорию неблагоприятных увлечений. – Сонь, я никогда не поверю, что за тобой никто не ухаживал. Ведь, у вас в гараже одни мужики.

- Одни женаты, другие видят во мне товарища, а третьи... попросту боятся.

- Ты, небось, таким взглядом награждаешь, что и подойти страшно, - улыбнулась Надя.

- Всякое бывает, - отмахнулась женщина, утаив про один случай, который произошел на заре ее водительской деятельности.

Один парень стал настойчиво приглашать в кино, в кафе, в парк. Сначала Соня отказывалась, хотя, молодой человек ей сразу понравился. Но она боялась сказать что-то не так, не так сесть, не так взять вилку, неожиданно захлопать носом в темном зале кинотеатра, когда двое влюбленных должны не пялиться в экран, сидя на последнем ряду, а страстно целоваться. Кравченко обожание к кинематографу не могла променять на поцелуи и поглаживание коленей. Но парень отличался завидной настойчивостью, которая в конечном итоге сломала девичью защиту. Для начала они прогулялись по городскому парку, посидели на скамейке и съели по пломбиру. Едва солнце исчезло за горизонтом, Соня засобиралась домой. Кавалер довел ее до подъезда и решительно взялся за ручку двери, но девушка быстро попрощалась и пулей влетела на свой этаж. Причина была ясна, как летний полдень – она боялась. Боялась, что ее неумение и безграмотность в амурных делах разом отрезвит молодого человека и погасит слабо тлеющий огонек интереса в его сердце. Интерес носил пока разведывательный характер, на первом месте выступало любопытство в купе с желанием проверить ее опытность.

Оказалось, что не из-за любопытства, а на спор с приятелем. Свидетелями спора были почти все водители таксомоторного парка, превратившиеся в азартных наблюдателей за нешуточными страстями. Один дядя Тарас, имеющий за плечами стаж работы в тридцать лет и почти столько же лет крепкой семейной жизни, не выдержал и шепнул

девушке на ухо правду. Надо сказать вовремя, вскоре подъездные объятия должны были перерасти в вечернее чаепитие с кроватными последствиями, а София стать посмешищем всего гаража.

Не раздумывая, она подошла к кавалеру, совершенно счастливому от запаха скорой победы, и дала ему в зубы при свидетелях, разом проглотивших свои похабные улыбочки. Желаящих поспорить больше не нашлось...

Подруги от чая перешли к чесночному салу и горилке, а после и к красивым украинским песням, которые звучали задушевно тихо и лирично.

Уже на пороге Кравченко троекратно расцеловала подругу и спросила.

- А почему бы не попытаться?

Быстрова, несмотря на опрокинутые в себя несколько стопок горилки, благодарно растекшейся по утомленному организму, быстро подобралась и заканючила.

- Сонь, попробайся, очень тебя прошу!..

Ленька не мог представить, как придет к незнакомой женщине и предложит заключить договор с обязательствами с ее стороны. Поэтому решил пойти к старой знакомой.

Оля Тарасенко была его одноклассницей. Все десять лет они просидели за одной партией, ни разу не разругались, не подрались, а были неразлучными друзьями. После окончания школы виделись редко, но если встречались, то не могли долго расстаться.

Быстров позвонил Оле и предложил встретиться в кафе неподалеку от ее НИИ, где она работала и одновременно писала кандидатскую диссертацию.

- Я сейчас в отпуске, так что приезжай, милый друг, в гости. Надеюсь, адрес не забыл.

Леня заверил, что помнит и поехал к Тарасенко, которая оказалась не в трудовом отпуске, а в декретном, и успела сменить фамилию. Приятель попенял подруге на скрытность, выпил чаю с принесенным им же тортом и отбыл, сославшись на занятость.

Больше в его списке кандидатов на роль фиктивной жены не было. Засыпая, он каждый раз видел осуждающие глаза Инессы, которая чувствовала себя обманутой. Она не спрашивала Ленчика, когда он заберет ее из детского дома, она улыбалась при встрече и с трудом сдерживала слезы при расставании. На вопросы отвечала односложно, почти ничего не рассказывала о ребятах, интересовалась любимой статуэткой, которая снова хранилась у Леонида и терпеливо ждала хозяйку. Быстров превращался в сказочника, выдумывал невероятные истории с участием олимпийского медведя и радовался, что может развлечь девочку.

Однажды ему разрешили взять Инну на выходные. Она так обрадовалась, словно покидала стены детского дома не на два дня, а навсегда. Леня вел ее по улице, сжав ладошку, спрятанную в рукавице, в своей руке и был самым счастливым человеком на всем белом свете. Сегодня она не была похожа на брюзжащую старушку, а превратилась в шестилетнюю девочку, безумолку щебетала, что было ей совершенно несвойственно, пританцовывала, когда они останавливались на пешеходном переходе, вдруг запросила купить ей такие же санки, как у той малышки, что летит с горы. И они свернули в ближайший магазин и приобрели желаемое, тут же нашлась веревка, которую Ленчик привязал к саням, и превратился в тягловую лошадь. А Инесса сидела, уперев ноги в перекладину, и цитировала стихи Некрасова про мужичка с ноготок. С выражением и без запинки. Ленька гордо улыбался, будто сам приложил руку к ее совершенству. Он знал, что пройдет много лет, а он будет помнить этот день. День перелома, когда болезнь стала сдавать позиции под напором его отеческой любви.

Два дня пролетели слишком быстро, словно от суток наглым образом отняли несколько драгоценных часов. Они катались на санках, не забыв прихватить медведя, который, по словам Инки, засиделся в четырех стенах. Его чуть не потеряли в большом сугробе, долго искали, наконец, нашли и решили отпраздновать это событие в кафе. Выпили по две

чашки горячего какао со сладкими пирожками, девочка раскраснелась, и Леня назвал ее матрешкой, что еще больше ее развеселило.

Когда они вышли в морозный вечер, снегопад-баловник забросал их нетающей ватой и превратил в двух разнорослых снеговиков: великана и его крошечного товарища.

- Пойдем домой? – спросил Леонид, отвернулся от порыва ветра и взглянул на часы.

- Уже поздно? – спросила Инка. Желая порадовать взрослого приятеля и показать свою веселость, а может еще раз убедиться в его отеческой заботе, приготовилась ловить ртом кружащие снежинки, которые больше походили на небольшие снежки неправильной формы.

- Начало седьмого... Ну, что ты делаешь? – ласково возмутился Быстров. – Хочешь заболеть ангиной? – Он стал разгонять рукой в перчатке кружащиеся над ее головой снежинки, словно это были надоедливые мушки.

- Я? Заболеть? – искренне удивилась девочка и поймала своими варежечными ручками его перчаточную руку. – Я год провела в радиоактивной зоне, несколько дней шла по лесу и меня не съели волки, потом полгода пролежала в больнице, где у меня хотели найти хоть какую-нибудь болезнь, но все напрасно!.. А ты говоришь, ангина! – Она с гордым видом вздернула подбородок и развела руки в узорчатых варежках в стороны, выпуская на свободу коричневую перчатку.

- Невероятная история, – поддержал ее молодой человек, стряхивая с ее плеч образовавшиеся сугробы.

- А вот и вероятная! – развеселилась Инна. – Хочешь, я открою тебе бо-о-ольшой секрет? – таинственным тоном спросила она.

- Хочу! – Леня присел рядом на корточки и приготовился слушать. Его смешила ее серьезная мордашка и два горящих глаза, но он держался и постарался придать своему голосу заговорщицкий оттенок.

Инесса оглянулась по сторонам, будто боялась быть услышанной посторонним, который не имел права знать о ее секрете. Вокруг не было ни души. Воскресный день располагал к просмотру телевизора, а не прогулкам по заснеженным холодным улицам.

- Тогда слушай, – начала она замогильным голосом, каким рассказывают страшные истории. – Меня спас мой... талисман. – Вишнева раскрыла сумку и достала коричневого медведя, которому успели «починить» бок.

- Вот оно как, – задумчиво протянул Леня и поскреб затылок, засунув пальцы под вязаную шапочку.

- А ты думал, все произошло само собой? Из ничего, ничего не вырастает, так мой папа говорил, это Вам не поле Чудес в стране дураков!

- Насколько я помню классику, там тоже ничего не выросло, – поумничал Быстров.

- Так это было не настоящее поле Чудес. Кот Базилио с лисой Алисой обманули Буратино, им было лень идти дальше, на настоящее поле Чудес!

- Железная логика! – без тени сомнения заявил он, стянул перчатку и протянул руку для пожатия. Инка последовала его примеру, сняла варежку и сунула замерзшую ладошку в его ручищу. – Дамы могут не снимать перчаток, – скороговоркой произнес джентльмен.

- Я еще маленькая, потому не дама, – возразила она.

- Ты чудненькая, умненькая крахотулечка! – Ленчик схватил ее на руки и закружил в вальсе.

Танец под фонарным столбом так захватил обоих, что они не заметили, как рядом остановилось такси, за рулем которого сидела женщина. Сначала она затормозила из любопытства, ее заинтересовала игра двух снеговиков, потом пригляделась и узнала мужчину, чье лицо намертво засело в памяти.

Значит, это и есть Инесса Вишнева - девочка, которую мечтает удочерить Леонид, - подумала София, несколько секунд поколебалась, затем заглушила двигатель и решительно открыла дверь «Волги».

Девчушка продолжала веселиться, пока не оказалась лицом к возникшей из-под земли женщине. Та стояла спиной к фонарю, и его размазанный свет обволакивал высокую фигуру и растушевывал ее контур, стирая границы. На непокрытой голове снегопад успел соорудить подобие белой узорной шапки, умело вывязанной крючком.

Смех замер в горле Инны, глаза округлились, как два блюдца, а в голове зашумело.

Перед ней стояла ее мать. Она выглядела точно так же, как тогда в Припяти, в последнюю зиму в благополучном тихом городе, когда неожиданно пошел снег, не просто пошел, а обрушился лавиной, и за пару часов превратил черную невеселую безлюдную улицу в белую и радостно-запруженную. Весь местный люд, от мала до велика, вывалил во двор. Отец был на дежурстве, поэтому им пришлось идти гулять вдвоем. Высокая красивая Ефимия веселилась не меньше дочери, она походила на подростковую снегурочку. Инка любовалась матерью, пыталась катать ее на санках, та нарочно падала в снег, отчего дочь покатывалась со смеху и тоже валилась на укрытую белым покрывалом землю. Потом они менялись местами, Ефимия таскала за собой санки, то ускоряя шаг, то замедляя, выжидая момент, когда дочь потеряет бдительность, и тогда закладывала крутой вираж, в результате Инесса оказывалась в успевшем вырасти сугробе, но не в одиночестве - хитрая мать присоединялась к ней. Начиналась возня с объятиями, игривой борьбой и смехом до икоты...

Когда девочка пришла в себя, то поняла, что лежит на заднем сидении автомобиля, а ее голова покоится на коленях Ленчика.

- Ну, наконец, - облегченно вздохнул он и погладил ее по щеке.

- Что... случилось? – едва слышно спросила она и облизала пересохшие губы.

- У тебя голова закружилась, - пролепетал мужчина. – Это я виноват, затанцевал тебя совсем...

- А где мамочка? – встрепелась малышка и завертела головой в надежде, что мать где-то рядом.

Женщина за рулем обернулась и посмотрела на Леонида.

- Часто с ней такое происходит?

- Впервые, - сдавленно ответил он и обратился к Инессе, - тебе привиделась мама?

Девочка приподнялась и попыталась заглянуть в лицо водителю. Долго изучала его, перегнувшись через спинку, хмурилась и что-то тихо бубнила себе под нос.

- Галлюцинации, - вздохнула она, откинулась на сиденье, сложила ручки колечком на груди и отвернулась к окну.

Быстров обнял ее за худенькие плечики.

- Моя матрешка превратилась в маленькую бледную снегурочку, - с натянутой улыбкой произнес он.

- Ленчик, никогда не называй меня снегурочкой, - внятно сказала она, не поворачивая головы.

- Хорошо, - сразу согласился мужчина, - буду называть тебя матрешкой. Только откормлю немного.

- Папа говорил, что хорошего человека должно быть много, - констатировала девочка. – Говорил, и при этом обнимал пухленькую маму, которая каждый понедельник собиралась сесть на диету, а потом забывала о своем решении.

В салоне повисла напряженная тишина. Ленка сверлил глазами спину впереди сидящей женщины, мысленно призывая ее прийти на помощь. Он не умел лавировать среди островов настроений Инны. Только они были на зеленом острове счастья и радости, а затем в мгновение ока перенеслись на заледенелый остров уныния и мрачных

воспоминаний. С этим надо мириться. Детские воспоминания никуда не уйдут, будут ураганом врывать в их жизнь в самый неожиданный момент, все спутывать, смешивать и переставлять по своему велению. Надо учиться подстраиваться, но нельзя управлять ее эмоциями, тем более подавлять их, иначе она станет держать в себе воспоминания, окончательно замкнется и отдалится от него.

- Я так понимаю, что ехать в больницу необходимость отпала? – поинтересовалась София, при этом ее интонация таила в себе ответное предложение.

Быстров почувствовал, как Инна вздрогнула, и поспешил ее успокоить.

- Не волнуйся, никто тебя насильно к врачу не повезет.

Вишнева облегченно вздохнула и прижалась к нему.

- Как ты себя чувствуешь? – на всякий случай спросил он, не надеясь услышать правдивый ответ.

- Нормально, - тотчас откликнулась она слабым голосом, пытаясь придать ему уверенность.

- А чтобы нормально превратилось в отлично, - вмешалась Кравченко, - предлагаю заехать ко мне и...

- Я чаю не хочу! – отрезала девочка и с надеждой посмотрела на Леонида. – К тому же мы Вас не знаем! – заученно сказала она, вспомнив наставления отца с матерью.

- Это тетя София, она подруга моей сестры Нади.

- А по отчеству? – уточнила Инна.

- София Николаевна Кравченко, - по всей форме представилась женщина. – Теперь можно заехать ко мне? Или нужны рекомендации Надежды?

- Думаю, не нужны. – заявила девочка после недолгих колебаний, сложила губы в трубочку, привычно повертела ими, раздумывая над первым предложением. – А Вы далеко живете? – задала она вопрос, тем самым делая первый шаг и рассчитывая на продолжение уговоров.

- Рядом. Вон мой дом! - Соня кивнула в сторону дома, спрятавшегося за снежным тюлем. Строение высилось слева от дороги вместе с компанией таких же близнецов.

- Если ненадолго, - протянула Инка и посмотрела на Быстрова, - Ленчик, ты не возражаешь?

- Я не возражаю, если ты не возражаешь, моя матрешечка.

- Неоткорменная, - вставила женщина, притормаживая у нужного подъезда. – Но это мы вмиг поправим. Если чаю ты не хочешь, то могу предложить настоящего украинского борща.

- Бабушка варила украинский борщ. Мамина мама, что жила в Копачах. Папину маму я никогда не видела. У них были... сложные отношения. - снова нахмурилась девочка, явно повторив чужую фразу. Быстро вырвалась из объятий воспоминаний, вернувшись к разговору. - Я, вообще-то, не очень люблю капусту в борще, но... бабушкин борщ ела с удовольствием.

Она видела, как сник Ленчик. У него каждый раз портилось настроение, когда Инна расстраивалась и погружалась в себя. Едва ее губы тронула легкая улыбка, как в ответ поникший мужчина расцвел подобно розовому кусту.

И снова подумал: воспоминания никогда не покинут девочку, они подобны природной стихии, которая время от времени заявляет о себе, производя разрушения. Но человек должен находить силы для восстановительных работ, иначе следующий природный катаклизм сотрет с лица земли обломки счастья, которые еще можно собрать и соединить в одно целое...

В тот вечер они остались ночевать у Кравченко. Уложив девочку спать, София и Леонид приглушенным шепотом разговаривали на кухне. Они не касались темы, которая гвоздем

сверлила умы обоих. Каждый рассказывал о своей работе, хвалил и ругал ее одновременно, как любимое чадо, недостатки которого ты видишь, но миришься с ними.

Весь вечер Быстров наблюдал за Инной и Соней и удивлялся, как быстро налаживаются их отношения. Кравченко не сюсюкала с малышкой, разговаривала, как с взрослым человеком, заботилась, но не перебарщивала, не кудахтала, как клуша. Во вспыхнувшую разом материнскую любовь он бы никогда не поверил. Но легко уловил интерес в глазах женщины, ее желание ненавязчиво прикоснуться к Инне, как это делает заботливая мать, заметив неполадки в одежде или в прическе. Или делая это без причины, лишь бы дотронуться. Вишнева впервые рассказывала о детском доме. И мужчина, и женщина, не перебивая, ловили каждую фразу: Быстров с напряженным ожиданием невзначай вырвавшегося откровения о нанесенных от сверстников обидах, Кравченко с материнской заботой выслушивала характеристики воспитателей, мысленно удивляясь наблюдательности ребенка, про себя возмущалась скудным рационом, в тайне надеясь, что Инна надолго в детском доме не задержится.

Разговор двух малознакомых людей, объединенных невысказанным пока общим желанием, стал плавно переходить от общих тем к одной важной и пугающей. И Быстров забуксовал, не зная, как отключить антипробуксовочную систему в своем нерешительном организме? Как произнести простую фразу, от которой зависит их с Инной дальнейшая жизнь? Он боялся отказа, еще больше София Кравченко боялась не услышать предложения, поэтому не удержалась и заявила в лоб.

- Я согласна вступить с тобой в фиктивный брак. – спокойно констатировала она, тем самым переступила черту, за которой остались «выканье» и недомолвки, и отключила антипробуксовочную систему в мужском организме.

Быстров стушевался, провел рокировку столовых приборов, желая занять руки, после чего собрался и испытывающе посмотрел на женщину, которая под его взглядом выпрямила спину, втянула живот и спрятала на коленях крупные кисти рук, сцепив их в замок.

- Это хорошо, что Вы... ты сама предложила. Я бы никогда не решился.

Теперь настала ее очередь коснуться ласковым взглядом его коротко стриженной рыжей головы, внимательных карих глаз, веснушчатого лица, правильной формы носа, сжатых губ, крепкой шеи, мощных мускулистых плеч, спрятанных под свитером и остановиться на накачанном торсе. Он излучал сильную физическую энергию, которая в расслабляющем узком пространстве проявлялась еще острее. У Софии родилось огромное желание уткнуться в этот торс головой, чтобы выплакать на нем всю печаль, копившуюся многие годы и не находившую выхода. И чтобы Леня гладил ее по голове своей настоящей мужской рукой и приговаривал: «Теперь все будет иначе, теперь мы вместе»...

Кравченко потянулась к Быстрову, но вовремя спохватилась - еще не время! Но оно придет. Обязательно наступит момент, когда она сможет положить голову ему на грудь и рассказать обо всем без утайки. Или просто прислониться и молчать, вдыхая его запах. Какое счастье!..

Она пропустила его вопрос, поддавшись мечтам, но он не возмутился, не выразил недовольства, а повторил еще раз. Для особо рассеянных и впечатлительных дам.

- Соня, как нам сказать об этом Инессе?

- Прямо! – сразу высказалась она. – Этот ребенок так много пережил в своей жизни и так много испытал, что нуждается в искренней заботе, внимании, любви и честном диалоге. Любая ложь ее ранит, хуже обидного слова... Ей нужно все объяснить, и она поймет. Она согласилась на твое предложение стать ей близким другом, который обещал все изменить, и теперь недоумевает, почему ты выжидаешь и не забираешь ее из детского дома?

- Инна не поймет, если я скажу, что собираюсь жениться на тебе... понарошку, чтобы мне разрешили ее удочерить.

- Ты правильно сказал – понарошку. Не употребил слова «фиктивный», его она точно бы не поняла. Говори на ЕЕ языке. И ничего не сочиняй! Не плети про вспыхнувшую между нами любовь, которая сразу потянула нас в ЗАГС. Во-первых, это вызовет у нее ревность, а, во-вторых, вскоре она убедится в обратном и перестанет тебе доверять...

Соне хотелось добавить, что жизнь потом расставит все по местам и определит, сможет ли этот фиктивный брак стать настоящим крепким союзом трех любящих сердец.

- Конечно, мне надо поговорить с Инной, - согласился Леонид, - и чем раньше, тем лучше. Нельзя ставить ее перед фактом... Пусть этот брак и фиктивный, но нам придется жить под одной крышей, и если девочка не согласится, то...

- Девочка согласится, - заявил заспанный голос. Из-за угла выглянула помятая мордашка.

- Иди сюда, Инесса, - грозным голосом приказал мужчина. Но за всей грозностью отчетливо проскальзывали ласковые интонации. Хрупкое тельце, утонувшее в футболке Софии, приблизилось к столу и взгромоздилось на руки Быстрова. – Сколько раз тебе говорить, что подслушивать некрасиво.

– Я проснулась и услышала из кухни голоса. Я подумала, что...

- Что? – дрогнувшим от волнения голосом повторил за ней Леонид, мысленно кляня себя за строгость.

- Не волнуйся, Ленчик, так иногда бывает: просыпаешься и не можешь понять, где ты и в какое попал время. – она погладила его по руке. – И не сердись на меня, лучше поблагодари за то, что избавила тебя от объяснений со мной.

- Ну, как на такого чудного ребенка обижаться! – вздохнул мужчина и прижал ее к себе. – Не девочка шести с хвостиком лет, а дипломированный психолог!

Инесса не отреагировала на хвалебную речь в свой адрес и обратилась к Кравченко.

- Соня, ты не обращай внимания, вообще-то, он добрый, только иногда хочет казаться строгим. И это правильно, а то я совсем «на голову сяду», так мой папа говорил... А ты внешне очень похожа на мою маму... Про внутренне я пока не берусь утверждать. Знаешь, только она умела... любить меня взглядом, потому что не привыкла выражать чувства вслух. Говорила, что нельзя разбрасываться словами о любви, любовь надо доказывать поступками... Я тоже так думаю, ведь необязательно все время твердить, как попугай, «я тебя люблю». Так ведь?

- Наверное, хотя, я предпочитаю слышать признания, а не угадывать их. - улыбнулась София и незаметно покосилась на Быстрова. Ночь открытий многое ей дала - теперь она точно знала, что все любят по-разному, у одних сначала появляется причина, а затем, как следствие, любовь. У других вспыхивает беспричинная любовь. Как у нее. Одна женщина проводит красавца-мужчину заинтересованным взглядом и забудет о нем, а за неприметным пойдет на край света. Потому что от него идут флюиды, пойманные ее обонянием и поразившие ее, подобно удару электрического тока. И пусть не все подвержены молниеносному поражению, для особо погруженных в собственные проблемы нужны несколько дней, пока не появится способность осязать и обонять. Но это при условии, если у тебя простуда и заложен нос, утрированно говоря. И чтобы заметить ответный интерес, не нужно прилагать усилия, а быть: 1) ненавязчивой, 2) незаметной и заметной одновременно. А как совместить два несовместимых понятия? Задача на сообразительность! Решение найдет тот, кто раздавлен любовью и хочет освободиться от гнета безразличия, воспарив над облаками с помощью ответной любви.

- Как ты красиво сказала – «любить взглядом», - мечтательно протянул впечатлительный Леонид.

- Только не надо спрашивать, пишу ли я стихи?! – опередила вопрос девочка. – Я еще не высказала, почти не высказала, - поправились она, - ни одной собственной мысли. Я повторяю умные изречения папы. Жаль, пока не все вспомнила. Они по крупицам восстанавливаются в памяти. Но... кое-что лучше бы, вообще, не вспоминать. - Добавила она еле слышно.

- Увы, память не избирательна, - торопливо произнес Быстров, желая отогнать от девочки грустные мысли. – Приходится мириться с плохими воспоминаниями, чтобы получить дозу положительных.

- Это называется очистить зерна от плевел, - подсказала Вишнева, зевнула и поежилась.

- Леня, ты совсем заболтал ребенка! – возмутилась хозяйка. – Иди ко мне, Инночка! - Она забрала ее из рук мужчины. - Ой, вся, как ледышка! Пойдем в кровать.

- Соня, а куда делся Визувий?

- Спит, как обычно на батарее.

- Он мерзнет в такой мохнатой шубе? – удивилась девочка.

- Скорее всего, но он мне об этом не докладывал. – усмехнулась Кравченко.

- Соня, а у тебя есть книжка про Винни Пуха?

- Про Винни Пуха? Кажется, нет... Но у меня есть книга про Незнайку. Хочешь, прочитаю...

Они удалились, а Леня так и не услышал ответа Инессы, но и так знал, что она выразит согласие. Ей хочется повторения прошлой жизни, пусть с другими людьми. Она надеется, что они будут любить ее так же, как любили родители. Но ответная любовь девочки никогда не будет повторением той, которая предназначалась ее отцу и матери. Как бы Быстров не пытался приблизиться к недостижимой высоте той любви, воспоминания всегда будут стоять между ним и Инессой...

Сотрудница ЗАГСа заявила, что на обдумывание полагается два месяца. Но потом сократила до двух недель, «вспомнив» об опасной и трудной службе жениха. Две недели ушли на сборы различных справок для удочерения Инны. После того, как в паспортах Сони и Лени появились штампы о регистрации брака, началась новая волна хождений по инстанциям.

Надежда Быстрова с удивлением замечала волшебное превращение подруги-толстушки в стройную манерную красавицу, растерявшую в беготне по кабинетам не только лишние килограммы, но и присущие ей закрепощение и зажатость. Появилось умение очаровывать заплесневелых клерков мужчин и уговаривать непробиваемых дам с халами на голове. Когда полтора месяца тяжелых боев остались позади, София поняла, что гардероб надо полностью менять.

Все это время Леня жил в ее квартире. Уже несколько раз приходили чиновники из органов опеки, проверяли жилищные условия будущего члена семьи, долго разглядывали игрушки, расставленные на полке, перебрали книги, приобретенные Софией, которая успела узнать литературные пристрастия Инессы, не поленились заглянуть в холодильник – главную гордость хозяйки дома - и остались довольны.

Инку забирали на выходные. Она выглядела вполне счастливой, детский дом упоминала вскользь, уже считая его пройденным этапом, и готовилась к жизни в новой семье.

В тот день, когда девочка получила новое свидетельство о рождении, а новоиспеченные родители еще по одному штампу в паспорте, был устроен пир. Не было гостей, все происходило в узком семейном кругу, но все три ее члена были так счастливы, что не нуждались в постороннем присутствии.

Этот радостный день совпал с днем рождения Инны, которой исполнилось семь лет, и которая из Вишневой Инессы Геннадьевны превратилась в Быстрову Инну Леонидовну. Так она сама захотела, а Ленчик был только рад.

- Ты не обидишься, если я не буду называть тебя папой? – напрямую спросила она.

- Я на это и не надеялся, - сказал он, зная, каким авторитетом для нее был родной отец...

Ирина Ялович была на грани отчаяния: Быстров не только женился, но и удочерил эту противную девчонку. Виктория объяснила подруге, что дядя Леня вступил в брак формально, на самом деле он не любит тетю Соню, и та об этом знает и ни на что не претендует.

- Можешь спать спокойно, сердце его свободно, - заключила Вика.

- Ага, свободно, - пробурчала Ирка. – Он любит Инну!

- Инну он любит, как дочь, а тебя будет любить, как женщину! – двенадцатилетняя девочка закатила глаза и театрально вздохнула.

- Думаешь, через некоторое время он разведется с Софией? – убедительная речь подруги заставила угрюмую Ирину приободриться.

- Естественно! – хмыкнула Виктория Хоменко. – Сто лет ему нужна эта корова! Тем более она его старше! Мама говорит, что Соньке захотелось побыть замужем, кроме Лени ее никто не брал, да и тот предложил... для видимости, иначе ему не разрешили Инку удочерить.

- А тетя Надя не сказала, как София к нему относится?

- Со мной она, вообще, тему дядиной женитьбы не обсуждала, они с бабушкой все время шепчутся, а я подслушиваю... Для тебя, между прочим, стараюсь, - обиженно произнесла Вика, надеясь на благодарность. Но скупая на похвалы в чужой адрес, кроме своего, Ялович, намек подруги проигнорировала.

- И твоя бабушка возмущена поведением сына?

- Еще бы! – поморщилась Виктория. – Она пыталась его отговорить, но он и слушать не стал!.. А бабушка все время плачет и проклинает тот день, когда эта полоумная вышла из леса в том месте, где стоял на посту Леня.

- Наверное, он посчитал себя ответственным за бездомную девочку, потому и забрал из детского дома, - предположила Ира.

- А мне кажется, из жалости! – констатировала подруга. – Теперь эта девочка будет висеть на нем, как гиря. Дядя мог встретить женщину, полюбить ее, завести собственных детей, - повторила она слова матери, но ступала под убийственным взглядом подруги. – Это... я... тебя имела в виду.

- Да-а-а, - протянула Ялович, - жаль Леонида, собственноручно искалечил свою жизнь... Допустим, проживет он с Софией, затем разведется, и вдруг в один прекрасный момент заметит меня – единственную и неотразимую! Влюбится так, что забудет обо всем на свете, даже о существовании Инны. Я, конечно, не устою перед ним, соглашусь выйти за него замуж, но при одном условии – чтобы этой девчонки не было!

- Куда же он ее денет? - спросила Вика и приготовилась к самому худшему.

- Пусть возвращает в детский дом! Через шесть лет мне стукнет восемнадцать, ей тринадцать, вполне взрослая девица, которая может обойтись без приемного родителя и позаботиться о себе. И какая из меня мачеха?! У нас разница в возрасте всего пять лет! – Ирка раскраснелась, прядь волос выбилась из затянутого резинкой хвоста, она дунула на нее, но прядь взлетела и вернулась обратно. Девочка бросила на землю портфель и занялась приведением себя в порядок.

Вика погрузилась в собственные мысли и потопала дальше. Почему Ялович решила, что Леня обязательно втрескается в нее, как только она повзрослеет? - подумала девочка. – Хотя... кто знает, что будет через шесть лет...

Ирина не стала останавливать подругу, в ее голове родилась идея, смысл которой сводился к одному - надо избавить Леонида от этой девчонки, за ней исчезнет фиктивная жена, и путь будет свободен.

Для выполнения плана нужен сообщник. Виктория подойдет, как никто другой – она близка к семье дяди, ей доверяют и могут отпустить с ней Инну. Но посвящать ее во все тонкости совсем не обязательно...

На следующий день Ирина прикинулась овечкой.

- Вика, вчера я была излишне резка, когда говорила о твоей новой родственнице, - произнесла она голосом королевы, отчитавшей наместни придворную даму. – Думаю, мне лучше с ней подружиться.

- Тебе? С ней? – оторопела подруга.

- Что в этом удивительного? Раз Леонид к ней привязался, то мне ничего не остается, как наладить с ней отношения.

Виктория смотрела на Ялович, как на распутившееся посреди зимы плодовое дерево, и хлопала глазами.

Тупица, - мысленно решила Ирка, - но тем легче будет ее обмануть.

- На улице такая отличная погода, - восторженно заметила она, - можно сходить в парк, покататься на качелях. Ты согласна?

Вика сосредоточенно кивнула, ожидая продолжения. В словах подруги был явный скрытый подтекст, но пока не выплывший на поверхность.

- Ты хочешь, чтобы я пригласила Инну? – догадалась она. И тут пришло озарение – Ира хочет избавиться от девочки. Но как? – она стала перебирать в памяти парковые аттракционы, отменяя один за другим, как неудачные для попытки убийства, принятого за несчастный случай. Единственным подходящим местом для выполнения расправы может служить колесо обозрения. Ирка заговорит девочку, та отвлечется и...

Вика вздрогнула от представленной картины: на земле в неестественной позе лежала Инна.

Нет, Ирина не способна на такую жестокость, - решила она, - тем более в моем присутствии.

- Чего ты вздрагиваешь, будто в тебя иголкой тычут? – покосилась на подругу Ялович.

- Мне кажется, я простыла, - голосом тяжелобольной заявила Хоменко. – Поэтому прогулка в парке отменяется, - нашлась она, и мысленно похвалила себя за находчивость.

Ира приложила ладонь к ее лбу.

- Глупости, у тебя нет температуры, - скривилась девочка. – Но если ты ищешь причину, то... - она многозначительно поджала губы, давая свободу для выбора: если соглашаешься, то можешь быть при мне, если отказываешься, то на твое место найдется много желающих.

- Мне...показалось, - промямлила Виктория, ругая себя за мягкотелость. Почему она все время «идет на поводу» у Ялович? Своего мнения не имеет, во всем ей подражает? Ответ лежит на поверхности – Вика хочет быть в свите первой красавицы, чтобы всеобщий интерес к той касался крылом и ее.

Надежде не нравилась их дружба. Она говорила дочери, что та находится в тени подруги, на ее фоне индивидуальность Вики меркнет.

Но кто слушает мнение родителей в двенадцать лет?..

Для начала Ира предложила узнать, когда дежурство Леонида выпадает на выходной день. Виктории не составило труда выполнить просьбу, больше похожую на приказ.

- Но Инна будет дома с тетей Соней, а та ее одну не отпустит. – постаралась говорить спокойно Хоменко, хотя, на душе компания котов неприятно скреблась.

- Думаешь, она захочет пойти с нами? - наморщила лоб Ира. В ее план присутствие фиктивной жены Леонида не входило.

- Уверена на сто процентов, - порадовалась такому развитию событий Виктория.
- Надо что-то придумать, - пробубнила Ялович и стала грызть ногти, позабыв, что дала себе обещание избавиться от вредной привычки. Сейчас все мысли занимала София, вдруг вставшая на пути к достижению цели.

Хоменко переминалась с ноги на ногу и ждала оглашения решения, в котором ей предстоит сыграть не последнюю роль. И как в воду глядела.

- Вика, ты должна поговорить с мамой!
- Я с ней каждый день разговариваю, - прикинулась дурочкой подруга.

Ирина скривилась и снова мысленно обозвала Хоменко тупицей, добавив прилагательное «непроходимая». Вслух она это сделать не решилась, не потому, что заботилась о ее ранимой душе, просто время не пришло выгнать ту из свиты подруг. Через нее Ялович узнает все новости о дяде, через нее будет действовать, когда настанет время переходить к решительной атаке.

- Пусть тетя Надя попросит Соню о помощи. Мол, хочу купить платье, и нужен твой совет.

- Мама говорит, что у тети Софии вкус полностью отсутствует.

- Это она тебе говорит, а сама София об этом не догадывается.

- Догадывается, - мрачно уточнила Вика, словно речь шла о ней. – Я недавно подслушала телефонный разговор, - шепотом сообщила она, - и поняла одно - фиктивная жена дяди так похудела, что нуждается в помощи хорошей портнихи, которая сможет ушить ее платья. А мама обещала выкроить время и повести Соню к Лидке. Так она зовет свою одноклассницу, которая работает в Доме Быта закройщицей, а в свободное время шьет на дому...

Все сложилось удачно. В ближайшую субботу Леонид Быстров был на службе, а его супруге было назначено randevу со швеей на три часа дня. Она хотела взять Инну с собой, но вмешалась Виктория, пришедшая вместе с матерью.

- Мы хотим с Ирой покататься на аттракционах и приглашаем с собой Инночку, – с приторной улыбкой на лице произнесла она.

Софии не хотелось отпускать от себя приемную дочь, но та смотрела на нее таким просящим взглядом, что женщина согласилась.

- Только будь осторожной, - предупредила она...

- Поехали в гидропарк, - предложила Ялович, когда они оказались на улице.

- Это далеко, - протянула Вика и скорчила недовольную рожицу.

- Подумаешь, несколько остановок на метро, - парировала подруга.

Инна стояла между ними и переводила взгляд с одной девочки на другую. Обе значительно превышали ее в росте, поэтому приходилось запрокидывать голову. Любой другой семилетний ребенок был бы счастлив, что его приняли во «взрослую» компанию, и тихонечко помалкивал, но не Инка Быстрова. К своей новой фамилии она привыкла сразу, даже радовалась, когда в детском саду, куда ее определили месяц назад, к ней так обращаются. Девочка чувствовала облегчение, словно освободилась от надоевшей за зиму тяжелой шубы и надела легкое пальтишко, в котором можно беззаботно бегать и играть. Она пока не осознавала, что вместе с новой фамилией не наступит новая жизнь, где не будет тяжелых воспоминаний. Что Инна не забыла прихватить из прошлого, так это боевой характер жожака. Ее слово должно быть последним и решающим.

Она терпеливо выслушала двух девочек и только после того, как обе обратили на нее взоры, ожидая присоединения к одной или другой противоборствующей стороне, заявила.

- Я хочу в гидропарк, но не хочу ехать на метро! Я боюсь... подземелий! – девочке понравилось название «гидропарк», поэтому она склонилась к нему. Но не побоялась уронить свой авторитет перед Викой и Ирой, и призналась в трусости.

Отец всегда говорил, что человек должен чувствовать себя комфортно в любых обстоятельствах. Если он, комфорт, отсутствует, то человек обязан создать его. Или изменить обстоятельства. В метро Инна была пару раз и чувствовала себя некомфортно. Ей было душно, голова кружилась от быстро летящих электропоездов и мечущихся по перрону людей. Пусть это будет слабостью, но Инна решила выбрать более легкий путь: не издеваться над своим организмом, который не выносит замкнутых пространств, а предоставить ему свободу выбора.

- Можно доехать на автобусе, но тогда поездка займет полдня, и нам останется для развлечений совсем мало времени, - недовольно заявила Ялович. Она злилась, когда ее планы стараются нарушить, а от злости не могла сообразить, какой парк выбрать. Гидропарк в это время года не так запружен народом, как летом, среди берез легко заблудиться и нечаянно повстречать... собаку Баскервилей. Эта роль уготовала кавказской овчарке по кличке Чара. Ее хозяин, одноклассник и поклонник Иры, согласился «преобразить» свою псину, чтобы она сыграла роль в пьесе, сочиненной не К. Дойлем, но тоже талантливым драматургом – И.Ялович. Про малолетку Инку девочка умолчала. Согласно озвученному однокласснику сценарию, роль сера Баскервиля отводилась Виктории Хоменко. А по неозвученному – Вика должна была покинуть их компанию в самом начале прогулки по причине физического недомогания, а проще говоря, у той должна случиться окопная болезнь, как любит говорить дед Ирины. Не сама по себе, а при помощи слабительного, которое непонятным образом попадет в вазочку с мороженым. Когда Хоменко испарится, Ира предложит прогуляться по парку, заведет подальше (прямо, как в сказке), исчезнет, оставив девчонку на растерзание Чары. Собаку, больше похожую на лохматого теленка, можно и без актерских атрибутов испугаться, но с атрибутами надежнее. Приемная дочь Леонида может умереть от разрыва сердца, это первый вариант, или стать заикой. Или припадочной, что тоже неплохо. Кому нужна дефективная девочка? Ладно бы родная дочь, а то... приبلудная...

Мелькнувшее сравнение со сказкой, расставило все по своим местам.

Как я раньше об этом не подумала? – мысленно обругала себя Ира, - не пришлось бы соглашаться на поцелуй с этим собачником! И уже открыла рот, чтобы назвать другое место для развлечений, но ее опередила Хоменко.

- Предлагаю пойти в городской парк! – сказала Виктория. Ей надоело стоять посередине двора и препираться. – Это совсем близко, не надо трястись в автобусе.

Если Инна страдала клаустрофобией, то Вика мучилась от морской болезни, которая наваливалась на девочку не во время прогулки по Днепру, а в любом виде городского транспорта.

- Отличное предложение! Ты, Вика, молодчина! – похвалила Ирина подругу, которая первым выстрелом попала в десятку. Хоменко обалдела от такого редкого чествования и зарделась.

Но мой план, относительно тебя, дорогая подружечка, остается в силе, - про себя подумала Ялович, от волнения поднося пальцы ко рту. – Но как она догадалась, что моя цель – городской парк? – Она покосилась на раскрасневшуюся Вику. - Тупица, но иногда соображает!

Через десять минут они уже пересекали черту, за которой жизнь замедляла темп, суета на время отступала, а человек начинал замечать красоты природы.

- Предлагаю для начала заправиться, - предложила Ира.

- Мы, что, автомобили? – хмыкнула Инна.

Поговори мне еще, детдомовка, - мысленно взывала Ялович, нацепила на губы противную улыбочку и проворковала.

- Оригинальное сравнение. Только автомобилям нужен бензин, а нам... что-нибудь вкусненькое.

- Вон, кафе–мороженое, - кивнула в сторону стеклянного строения Виктория. - И столики выставили наружу! Девчонки, давайте сядем на улице, такая чудесная погода!

Спорить никто не стал. Быстрова и Хоменко сели за неустойчивый стол, а Ялович отправилась внутрь, чтобы принести мороженое. Наличие официантов парковое кафе не предусматривало.

После «заправки» они побрели по главной аллее совершенно счастливыми и готовыми к развлечениям. Но не все. Едва Инну усадили на детскую карусель «Колокольчик», как Вика приложила руку к животу и скривилась.

- Ой, мамочки, - простонала она и повертела головой в поисках маленького домика.

- Сзади тебя, - подсказала Ирина и внутренне возликовала. – Во мне умерла Мария Медичи, - прошептала она, провожая взглядом «легкоатлетку», побившую мировой рекорд в беге на короткие дистанции.

Забег повторялся несколько раз. Лицо Вика позеленело, как молоденькие листочки на деревьях, а под глазами залегли темные круги.

- Бедненькая, - вздыхала Инна, слезая с очередного аттракциона и наблюдая за страданиями родственницы.

- Вика, не мучь себя, иди домой, - с сочувствием в голосе произнесла Ялович. – Ты живешь в двух шагах, так что успеешь добежать.

- Может, все вместе двинем по домам?

- Кто двинет, кто рванет, - уточнила Ира с кривой ухмылкой, не забыв пожуричь подругу.

– Не будь эгоисткой! Если тебе нездоровится, то это не значит, что всем должно быть плохо! Инне нравится кататься на качелях, мы еще на колесо обозрения пойдем.

- Только не на колесо обозрения, - взывала Вика.

- А что в нем такого ужасного? – не поняла Быстрова, приподняла и опустила худенькие плечики. – Оно же для малышей! - хмыкнула она и дернула головой в сторону уменьшенного в масштабе детского колеса обозрения.

- Так бы и сказали – «Солнышко», - пробормотала Хоменко, - а то колесо обозрения, колесо обозрения!

- Ты сейчас похожа на пессимиста, таким в наших оптимистичных рядах не место! – с задором заявила Ира и обратилась к малышке, - правда, Инна?

Та посмотрела исподлобья на родственницу и жалобным голоском сказала.

- Вик, иди домой, мы не обидимся.

По лицу Хоменко пробежала гримаса страдания, она махнула на прощание рукой и быстро скрылась из вида.

- Наконец – то, - ляпнула, не подумав, Ялович.

- Тебе она не нравится? – удивилась девочка. – Но почему ты с ней тогда дружишь?

- Нравится! – огрызнулась Ирка, - просто не люблю кислые физиономии.

- Но у человека не может быть всегда хорошее настроение! Иногда он грустит, иногда радуется, а иногда... - она задумалась, подбирая слова, - безэмоционален. А это хуже, чем плакать или смеяться. Так мой папа утверждал.

- Почему же хуже? - заинтересовалась Ира.

- Потому что нельзя понять, что у такого человека на уме и как он к тебе относится?

- Это тоже высказывание твоего отца? - спросила Ялович, а про себя подумала: Хорошо, что эта малолетка плохой физиономист!

- Тоже, - вздохнула Инка и снова повторила, как когда-то Ленчику, - своими умными мыслями пока не обжилась по причине малолетства. Только мудрые люди могут говорить неоспоримые истины.

- Мудрость с возрастом приходит, - милостиво сообщила Ира.

- Не всем, - парировала девочка. – Одни становятся наимудрейшими в тридцать лет, а другие доживают до ста и ничего не приобретают.

- А ты умная, - с нотой неприкрытого неудовольствия заметила Ялович.
- Про ум пока не знаю, - равнодушно пожала плечами Инна, - но на память не жалуюсь.
- А скажи-ка мне, девочка с хорошей памятью, что у тебя в сумочке? – голосом милиционера, поймавшего грабителя на месте преступления, поинтересовалась Ирина.
- Мне сумочку Ленчик подарил... Правда, она красивая?
- Ничего... - промямлила Ира и потянулась к сумке, висевшей на плече Быстровой. Та захихнула ее за спину и убедительно произнесла.
- Там медведь! Обыкновенный плюшевый медведь! Без глаза! Я его из Припяти вынесла. На память.

Ялович быстро отдернула руку, словно бежевая детская сумочка с красным маком хранила в своих недрах ядерную бомбу.

- Мы еще будем кататься на качелях? – мстительно спросила девчушка. Ирке оставалось кивнуть и направиться к аттракциону «Солнышко».

Когда на Инну накатила волна счастливой усталости, Ирина предложила прогуляться по заброшенным тропинкам парка. Быстрова сложила губы трубочкой и повертела ими в разные стороны, раздумывая над заманчивым предложением. Чтобы разжечь ее интерес, Ялович спросила.

- Хочешь, я тебе покажу... избушку бабы Яги?
- Настоящую-ю-ю? – округлила глаза девочка.
- Настоящей не бывает! – заговорщицким голосом произнесла Ира и пообещала, – попадешь в сказку!
- Ох! – задохнулась от удовольствия Инна и приложила ладошки к щекам. – Я очень... очень хочу попасть в сказку!
- Тогда не будем терять время!..

Прадедущка Ирины почти четыре десятка лет проработал в городском парке сторожем, пока не вышел на заслуженный отдых. После чего собрал вещи и укатил к сестре в деревню. Появлялся раз в году, чтобы сходить на могилу жены. Нудился несколько дней в четырехкомнатной квартире, больше похожей на мебельный магазин, изводил всех приставучими разговорами, обижался невниманию, ругал расхитителей социалистической собственности, кося глазом на зятя, после чего с чувством выполненного долга отчаливал, оставив после себя тяжелых папиросный запах.

Правнучка была последней инстанцией, которая не имела права отказать старику в удовольствии поболтать. Однажды бодрый восьмидесятилетний старик предложил девочке совершить прогулку по памятным местам. Показал ей все укромные местечки парка, не забыв про «избушку на курьих ножках». Так Ира окрестила старую заброшенную голубятню. Последний раз там жили птицы на заре трудовой деятельности прадеда. В старину все делали надежно и на века, даже такие несерьезные домики. Голуби по непонятной причине покинули прочное строение, оставив его на попечении сторожа. Со временем истоптанная вокруг голубятни поляна заросла молодняком, а с годами спряталась за величественными стволами выросших деревьев.

Ирка редко приходила сюда. Лишь в те моменты, когда хотелось пожалеть себя и почувствовать маленькой девочкой. Она стояла у голубятни, задрав голову до ломоты в шее, и любовалась обрывками голубого неба, приветливо проглядывающего сквозь листву.

Домик стоял на одной цыплячьей ноге, которой служило обтесанное бревно, глубоко вкопанное в землю. На него как бы насаживалась сама голубятня – строение из бревен меньшего, чем «нога», диаметра, с крошечным оконцем и малюсенькой дверью. Портила сравнение с избушкой бабы Яги крутая лестница, ведущая к двери. У основания лестницы был неприметный тайник в виде вбитого в землю куска металлической трубы с

крышкой, где хранился ключ размером со взрослую ладонь. По причине больших размеров Ира не брала его с собой. На первый взгляд казалось, что крышка приварена, а на самом деле, легко вставлялась в трубу и фиксировалась при помощи трех проржавевших штифтов, не отличающихся по виду от трубы и крышки. Ключ был бережно замотан в брезентовую ткань, которая защищала его от влаги.

Убранство бывшей голубятни не представляло интереса и подтверждало первоначальные выводы о запущенности и безжизненности, возникающее при наружном осмотре. Повсюду валялись истлевшие перья, искореженная алюминиевая посуда и переломанные палки, покрытые следами жизнедеятельности бывших обитателей голубятни, которые сохранились, невзирая на прохудившуюся крышу, дающую «красный свет» всем видам осадков. Защищала избушку от дождей лишь сгрудившаяся вокруг нее живая изгородь из высоких раскидистых деревьев. Если бы не природное «охранение», домик давно истлел и сложился, как карточный. Голуби покинули свое жилище, без договоренности передавав все права новым владельцам. Теперь здесь царствовали пауки, плетущие замысловатые сети и заманивающие в них ненароком залетевшую добычу. Летучие насекомые проникали внутрь через крошечное окно с отколовшимся куском стекла. Оно находилось под самой крышей, и с земли было не заметно. Когда-то окно служило птицам «входом» в голубятню, поэтому его размеры не предусматривали проникновения в этом месте человека. Взрослого человека! Но не семилетней девочки, которой на вид можно было дать не больше пяти из-за низкорослости и худобы...

За спиной Инны гулко захлопнулась дверь, и со страшным скрежетом повернулся ключ в замочной скважине. Девочка непонимающе поозиралась по сторонам, не понимая, какую игру с ней затеяла Ирина. Мягкий вечерний свет рассеивали деревья, после чего он ударялся о бревенчатую голубятню и лишь редкие лучики просачивались внутрь через образовавшиеся щели и грязное разбитое оконце. Преломление в несколько раз сказывалось на яркости освещения, делая его скудным и нереальным, словно девочка попала в чащу сказочного леса. Ей понадобилось время, чтобы глаза привыкли к полутьме. Взгляд уткнулся в дверь, через которую две девочки попали голубятню. Инна подошла к двери, подергала за ручку, убедилась, что та заперта, прислушалась и позвала Ялович. Сначала шепотом, затем все громче и громче, достигая самых высоких нот. Наконец, до нее дошло, что это не игра. Ее нарочно заманили в этот дом.

Маленький перепуганный ребенок повертел головой по сторонам, прижал к себе бежевую сумку с маком и горько заплакал.

Инна всхлипывала и звала то отца, то мать, вспоминала, что их больше нет, и начинала плакать еще горше, сплетая два горя в одно.

- Ленчи-и-ик, - затянула она и присела на корточки у двери. Сумка больно уперлась в грудь. – Мишка!.. Как я могла забыть, что со мной мой талисман!

Она вытащила медведя, блеснувшего в сумерках своим золотым поясом с пятью олимпийскими кольцами, и снова дернула ручку двери, словно та должна была открыться по приказу талисмана.

- Закрыто, - недоуменно заявила девочка. Слезы вновь запросились наружу, но она мотнула головой, будто отказывала в просьбе, и поднялась на ноги, показывая, что готова искать выход из создавшегося сложного положения. Выход был один, и он маячил на недостижимой для малышки высоте.

Инна выбрала квадратный брус подлиннее и с трудом приложила его к окну. Медведь стоял на полу и наблюдал за ее манипуляциями.

- Сейчас я буду канатоходцем, - сообщила она ему и попыталась встать на палку, приняв позу обезьяны, лазающей по наклонному дереву. Брус угрожающе изогнулся, а Инка наклонилась влево и хлопнулась на бок. – Первая попытка не удалась! – с охотничьим

азартом сказала она, и стала искать еще одну опору. К радости канатоходки нашлась еще одна переключина, равная по длине первой.

Девчушка зашла с боку и оценила угол наклона.

- Не очень... круто... Больше похоже на лестницу без ступенек.

Она одновременно ступила обеими ногами на две палки, примерилась, потом сошла, придвинула их ближе друг к другу и обратилась к молчаливому собеседнику.

- И чего ты стоишь? Хочешь остаться в этом страшном месте? Скоро сюда прилетит баба Яга в ступе... Так Ира говорила... Но это произойдет ночью, когда совсем стемнеет, - успокоила себя и приятеля девочка. - Так что у нас еще есть немного времени, чтобы унести ноги.

Она уложила медведя в сумку, обозвав его непослушным и совсем отбившимся от рук, сделала почтальоном, перекинув ремень через грудь, и стала медленно подниматься по переключинам, осторожно перебирая ногами.

Восхождение к окну заняло столько времени, что Инке показалось, что скоро наступит час расправы. На самом деле прошло минут пятнадцать. Преломленный свет не перестал просачиваться сквозь имеющиеся щели, но стал еще приглушеннее и сильнее размыл окружающие предметы в пространстве. Быстрова достигла вожаденного окна и уцепилась за подоконник, напоминающий обычный выступ для приземления голубей, вернувшихся из странствий. В палец попала заноза, но девочка, охваченная азартом освобождения, не заметила укола. Она дотянулась до вбитого в створку гвоздя, служившего оконной ручкой, и потянула на себя. Гвоздь легко переломился и остался в руке. От разочарования Инна чуть не потеряла равновесия и не последовала за отслужившей свое ручкой. Девочка постучала кулачком по стеклу. Недовольный паук удалился в самый дальний угол своего замысловатого плетения и издали наблюдал за непрошенной гостьей.

- Я тебя не боюсь! - во весь голос произнесла отважная малышка. На самом деле, все было иначе. Но выказывать беспокойство перед восьмипалым существом она не собиралась.

На помощь пришел талисман, о котором опять вспомнили. Инка со всей силы стукнула им по стеклу, отчего оно стало визуально походить на паутину. Но девочке было не до сравнений, она еще раз ударила по стеклу, рядом со сколом, образовавшимся без ее участия. Часть стекол вылетела наружу. Голова олимпийского медведя до тех пор прикладывалась к стеклу, пока наружу не попадали все осколки. Тогда Инна спокойно вернула медведя на место, подтянулась и зависла в оконном проеме в районе талии. Одна часть туловища была на свободе, а другая оставалась в заточении. Ноги пытались упереться в бревенчатую стену, но все время соскальзывали. В сгустившихся сумерках Инна заметила карниз, проходящий по периметру голубятни, и два выступа возле окна, которые служили когда-то местом отдыха голубям. Она дотянулась до одной из них обеими руками и вытащила себя из домика. Покачалась некоторое время на ней, как на турнике, пока не почувствовала под ногами новую опору. Ширина карниза на несколько сантиметров превышала размер ее ноги. Девочка прижалась спиной в стене дома и приказала себе.

- Только не смотри вниз!

Она делала шаг одной ногой, затем подтягивала к себе другую ногу. Самое сложное было обогнуть угол дома, но и с этой задачей она справилась. Инна старалась думать о Ленчике и Соне, которые волнуются и ждут ее возвращения. Наконец она достигла лестницы, взобралась на нее и быстро спустилась вниз.

Быстрова не страдала географическим кретинизмом, поэтому быстро нашла тропинку, по которой они с Ириной пришли к заброшенной голубятне. Инна прорвалась сквозь кустарник и оказалась на утоптанной широкой дорожке. Темнота быстро подступала,

превращая деревья в сказочных страшил с тянущимися к девочке руками-ветвями, а кусты – в горбатых ведьм, желающих ухватить ее за подол платья. Девочка бежала до тех пор, пока не перехватило дыхание. Она перешла на шаг, отдышалась и снова припустила, позабыв про покалывание в правом боку.

Инка думала, что город вымер. Как Припять. Но оказалось, что люди продолжают гулять по улицам, улыбаться и радоваться жизни, не задумываясь, сколько сил ей пришлось приложить, чтобы выбраться из дома бабы Яги.

На обочине дороги стояло такси с зеленым огоньком.

- Здравствуйте, - поприветствовала она мужчину, скучающего в ожидании пассажиров.
- Здорово, коль не шутишь! – порадовался он возможности убить время.
- А Вы знаете Софию Кравченко? Она тоже работает водителем такси.
- Софию? Конечно, знаю! - с удовольствием на лице произнес пожилой водитель. – А хочешь, я угадаю, как тебя зовут?!
- Меня зовут Инна, не будем играть в гадалки! – нахмурилась девочка, не разделяя веселья водителя. – Вы могли бы... как-нибудь сообщить, что я нашлась?
- А ты терялась? – удивился он. Инка при этом скорчила такую мину, будто ей пришлось вести разговор с умственно отсталым человеком, до которого каждая ее фраза доходит с трудом. Мужчина понял, что надо от слов переходить к делу. – Я сейчас свяжусь по рации с диспетчером, а она позвонит Соне домой...
- А по дороге это можно сделать? Не хочу время терять... - Быстрова успела открыть дверь «Волги» и усесться на сиденье.
- Можно и по дороге... А можно сделать Соне сюрприз и приехать без предупреждения.
- Мои... родители, наверное, с ума сходят. – она впервые назвала Ленчика и Софию родителями. Только слегка споткнулась, но слово вылетело без сожаления... - Так что не нужно сюрпризов.
- Впервые вижу такую девочку, - хмыкнул мужчина и повернул ключ зажигания.
- Какую такую? – вскинула брови Инна.
- Смышленную не по годам, - пояснил он.
- Не буду спорить, - зарделась девчушка и напомнила о диспетчере...

Леонид и София стояли у подъезда и ждали такси. Волнение отступило, но не ушло: пока они не увидят Инночку живую и невредимую, не успокоятся. Соня растирала по щекам бегущие слезы, а Быстров ее успокаивал.

- Ну, чего ты плачешь? Все уже хорошо! – он обхватил ее руками и стал размеренно покачивать из стороны в сторону с небольшой амплитудой, будто укачивал маленького ребенка.

К слезам успокоения добавились слезы безумной радости. Впервые молодой человек прижал ее к себе. Пусть по-братски, но все равно... Если бы он испытывал к ней чувство неприязни, то и пальцем не тронул. Это Сонька знала по собственному опыту: никогда бы не стала прижиматься к мужчине, к которому испытывала отвращение. Лучше столб обнять и выложить ему всю накопившуюся обиду.

Леонид резко отстранился, напугав женщину. Та вздрогнула и непонимающе уставилась на него. Быстров снял с себя ветровку и накинул женщине на плечи, не забыв снова притянуть к себе. Сонька таяла, как эскимо под июльскими лучами солнца, позабыв, что на дворе прохладный майский вечер. Ноги предательски подрагивали, сердце ритмично отбивало такт громче, чем обычно, выдавая внутреннее волнение. Леня решил, что она продрогла, и предложил ей вернуться домой.

- А Инночка?
- Я один ее дождусь...
- Она решит, будто я не волнуюсь. Или еще лучше, что не люблю ее.

- Ты... - мужчина замолчал и чуть отстранился от Кравченко.

Она не знала, что предпринять: развернуться и уйти, чтобы ненароком не впустить в душу обиду, вызванную продолжением оборванной фразы, или... обхватить Леню за талию и вдыхать в себя особый запах его тела. Соня выбрала второй вариант. Умные люди в таких случаях говорят: «Дай палец, всю руку по локоть откусят». А дети утверждают: «Он первый начал».

Он только накинул на нее куртку и прижал к себе, не развивая событий дальше. А она решила, что ХВАТИТ! Хватит ждать!

Не я первая сделала робкий шаг к развитию наших топчущихся отношений, - мысленно констатировала Кравченко и теснее прижалась к мужчине. Мужчина стоял, не шелохнувшись, словно минуту назад его пронзили осиновым копьём, как средством борьбы с вампиром, с которым его случайно перепутали.

- Извини, я тебя перебила, - пробубнила она, уткнувшись в его плечо.

- Ты искренне переживала за Инну? Или... делала вид, чтобы... - Ленька снова забуксовал. Он знал, что сейчас сморозит глупость. Огромную, как Китайская стена, которая навечно станет между ними. Но если он не выяснит все до конца, то не будет уверен, что камней за пазухой у Софии нет, что она открыта, правдива, искренна, честна, проста и совсем не актриса, которая заслужила звание заслуженной фиктивной жены и желает стать народной настоящей женой. Психолог из меня никудышный, хоть, Инка утверждает обратное, мелькнула мысль в его голове. Быстров не любит строить догадки, разгадывать ребусы. Впрочем, как и Кравченко. Он хочет задавать конкретные вопросы и получать конкретные ответы. Причем, до противности правдивые, способные все расставить по местам, наградить или лишить надежды.

- Чтобы привлечь твоё внимание к своей персоне? – досказала за него София. – Так?

- Д...да?

- Лен, ты боишься... увлечься мной и ищешь причины для встряски собственных мозгов, которые, по твоему мнению, слишком часто стали задумываться о некой женщине, мелькающей ежедневно перед глазами?

Соня с сожалением оторвалась от его плеча. Но на то была веская причина – она должна видеть его глаза, которые лучше слов раскроют тайны его неразгаданной души. Два огня обожгли ее.

Не может быть, - мелькнула мысль – молния в ее голове и там разорвалась.

- А почему? Почему ты до сих пор даже не намекнул? – едва слышно спросила она.

- Потому что не знаю, как к этому отнесется Инна. – прочла она по его губам, которые были близко – близко. Сложи губы трубочкой и можешь коснуться его губ. Они манили, пьянили, дурманили и сводили с ума. Если сейчас, сию минуту, она не прильнет к ним и не вопьется в них, как изголодавшийся вампир, то ей придет конец. Еще раз Соня не решится перейти негласно установленных границ.

Она осторожно коснулась его губ, ожидая реакции. Реакция последовала, но не та, которая должна была последовать в минуту ожидания пропавшей девочки. София думала, что Леня оттолкнет ее и выскажет возмущение, а он... обнял рукой за шею, захватил ее губы и перекрыл кислород. Кравченко от неожиданности замерла, затем быстро вернулась к пониманию жизни. Но ненадолго. Вскоре все мысли без сожаления потянулись на север, покидая слишком жаркий остров любви.

Они так самозабвенно целовались, будто почувствовали себя школьниками, впервые вкусившими сладость поцелуя.

Все эмоции - трепет, страсть, счастье – слились в одно чувство.

Соня гладила Леонида по щекам, мяла мускулистые плечи, а он оставил в покое ее шею, осознав, что она не собирается вырываться и изворачиваться, и стал прожигать ее спину двумя ласковыми юркими руками. Он гладил и одновременно прижимал к себе сильнее

и сильнее, словно желал скрепить два тела навечно, не оставив малюсенького зазора. Женщина умирала от нахлынувших чувств и была в этом море чувств не одна.

Но будучи женщиной разумной, пусть и стоящей на краю пропасти, где кипела сумасшедшая лава желаний, нашла в себе силы прервать дикую схватку губами и руками. Она должна признаться ему. Должна! Именно сейчас! Он обязан знать о ее чувстве. Настоящем, большом, как земной шар. Нет, ее чувство не имеет границ! Она хочет, чтобы он понял – это не просто страсть и желание. Они следствие любви.

Пока мысли возвращались к ней, как стая птиц, передумавших переждать жару в странах с умеренным климатом, Леонид ее опередил.

- Соня, я тебя обожаю, - с придыханием заявил он и сразу накрыл ее с головой мягким пуховым одеялом. Стало уютно и комфортно. Одним коротким изречением мужчина все расставил по местам и навел порядок. – Ты... ты необыкновенная женщина.

Пусть кто-то любит глазами, но не они...

- А я тебя просто люблю, – сказала она и улыбнулась.

- Мне нравится, когда ты вот улыбаешься. Ты светишься изнутри.

- Потому что внутри поселилось пламя, - сообщила она и чмокнула его в кончик носа.

- Надеюсь, когда внутри тебя поселится маленький человечек, ты не забудешь поделиться с нами этой хорошей новостью! – раздался совсем рядом звонкий девичий голосок, который сработал, как детонатор. Женщина и мужчина отпрянули друг от друга и, как по команде, повернулись к девочке.

- И.. давно ты здесь стоишь? – не нашел более подходящего вопроса Ленья. – И откуда такие глубокие познания в женской физиологии?

- Когда мы с дядей Тарасом подъехали, вы еще целовались, - спокойно заявила она. – А познания приобретались по мере взросления.

Мужчина и женщина подавили желание покатиться со смеху.

- Ленчик пытался... меня успокоить, - промямлила София и закусила губу, чтобы придать серьезность моменту. – Мы очень волновались за тебя.

- Это хорошо, - задумчиво протянула малышка.

- Хорошо, что волновались? – хмыкнул Быстров и схватил ее на руки. – Но как же иначе, мы твои родители!

- Хорошо, что... - она выдержала трагическую паузу, не позабыв скорчить недовольную рожицу. Но долго выдержать не могла, губы растянулись в улыбке, лоб разгладился, - хорошо, что, наконец, поцеловались! – Во весь голос сказала она, нарушив тишину двора. – А то не семья, а ... непонятно что! – Она обняла Леню за шею, притянула другой рукой Соню, заключив в объятия приемных родителей. Оба поцеловали ее в щеки, приложившись с двух сторон. – Так-то лучше! А то все друг друга любят-обожают, а не выдают себя ни взглядом, ни словом!

- Тебе бы шпионом быть, цены не было. Все всегда знаешь, все слышишь, - рассмеялся счастливый Ленчик.

- А где учат на шпионов? – заинтересовалась девочка.

- Сначала ты мне расскажешь, где ты была, а потом я отвечу на все твои вопросы, - посерьезнел глава семьи.

- Может, мы проведем расследование в уютной домашней обстановке? - предложила Соня.

Быстровы согласились, и вся троица скрылась в подъезде.

Инна не стала говорить правду и выдавать Ирину Ялович. Малышка сама не знала, почему так поступила. Может, причина была проста – ей с младых лет внушали, что ябедничать нехорошо. Или хотела «иметь в рукаве» козырь против подруги Вики? Инка понимала, что для нее все могло закончиться весьма плачевно, если не трагически. Родителям она наплела, будто сбежала от Иры и Вики. Ей просто захотелось побыть

одной и подумать. Да так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как заблудилась и долго искала дорогу домой.

- И куда были направлены думы нашего ребенка? - заинтересовался Леонид, не поверив ни одному слову дочери. Он решил позже выслушать версию противоположной стороны.

- О школе, конечно, - передернула плечиками Инна. – Я в школу иду в этом году, если вы не забыли?!

- Не забыли! – хором заявили родители.

В дверь настойчиво позвонили.

- Кто бы это мог быть в такую позднюю пору? – спросила у домочадцев София, будто они обладали даром видеть сквозь стены.

- Я открою! – остановил женщину Ленчик и пошел в прихожую.

На пороге стояла Ира Ялович с обеспокоенной миной на лице. Она удивленно вскинула брови, с радостью заметив, что мужчина, предназначенный ей судьбой, не бежит по потолку, не рвет на себе волосы от отчаяния, а, как всегда, собран, подтянут и выглядит великолепно.

Может, он рад, что избавился от этой девчонки? – мелькнула в ее голове обнадеживающая мысль.

- Э-э-э... Здравствуйте, - с достоинством произнесла Ирина, растерявшись немного от нахождения рядом с объектом любви. – Дело в том, что я потеряла Инну. – Она приложила руку к груди, как это делала ее мать, беседуя с близкой подругой и заверяя, что ее начальник путается с секретаршей.

- Я знаю, - сказал Быстров, щуя глаза и приводя веснушки на лице в движение.

- Знаете?! – нахмурилась Ялович, в душе готовясь идти на эшафот. – Но откуда?

- Мне Инна сама рассказала.

Следующая отретпетированная фраза застряла в горле. Ирка хотела направить поиски по ложному пути, отправив Леню с милицией в гидропарк. Она даже созвонилась с Викой и заручилась ее поддержкой, пообещав, что возьмет подругу в кино, когда Иру туда в очередной раз пригласят Троянов и Портенко из восьмого «Б». Теперь ложь могла усугубить ее положение.

- Ну... тогда я пошла... До свидания. – девочка быстро сообразила, что пора линять.

- Пока, - махнул рукой Леня, который убедился в честности Инны. - И спасибо.

- За что? – Ира резко развернулась и едва не свалилась с лестницы.

- За сообщение, пусть и запоздалое.

Ялович натянуто улыбнулась, кивнула и устремила вниз по лестнице...

Весь ужин Инна провела в глубокой задумчивости, ковыряя вилкой в тарелке с жареной картошкой.

Зачем Ирке нужно было закрывать меня в избушке бабы Яги? – размышляла она. Ответ сам собой не пришел. – Но теперь я знаю своего врага в лицо, - вспомнила она фразу, услышанную от отца, которую он обронил в ее присутствии. Начало разговора Инна тогда не слышала. Но было еще продолжение: «А он об этом не догадывается»...

Подходил к концу первый учебный год. Леня и Соня могли гордиться Инной, в дневнике которой красовались одни пятерки.

- Дочь, собирайся быстрее, а то опоздаем! – призывал Ленчик.

- Куда спешить? – спокойно сказала девочка с чашкой какао в руках. – Сегодня занятий не будет, учительница выставит оценки и по домам. И прощай, школа, на целых три месяца!

– С воодушевлением произнесла она.

- Хорошо, Соня скоро в декретный отпуск уходит, а то сидела бы одна дома, - заявил он и погладил взглядом свою округлившуюся жену, стоящую у распахнутого холодильника. – София Николаевна, что Вы там изучаете? Или забыли, что доктор посадил Вас на диету?

- Хочется чего-нибудь вкусенького, - пролепетала женщина, потирая поясницу.
- Ешь обезжиренный творог, он такой вкусный! – деланно восхитилась Инна, которая не любила кисломолочные продукты.
- Лучше я, вообще, ничего есть не буду, чем эту безвкусную белую массу, - скривилась София, но заметив возмущение на лице мужа, быстро нашлась, - я чай с печеньем выпью.
- С печеньем!? – кивнул он.
- Ага, - улыбнулась супруга. – А ты, Инночка, доедай, и поедем.
- Ты меня отвезешь на своем такси? – подхватила девочка. – А я думала, ты заехала нас завтраком накормить.
- И завтраком тоже. Каждый раз выкраиваю время, чтобы домой заскочить. Вы с Ленчиком, как дети малые, на одних бы бутербродах сидели! А Сонечка вам кашку сварила...
- Деток накормила, - в том же сюсюкающем тоне продолжил Быстров. – А этой Сонечке давно пора на легкий труд переходить! Сидеть в диспетчерской и бумажки перебирать, а не по дорогам мотаться!
- Мне и так навстречу пошли, сняли с ночных смен, - возмутилась она. – И не хочу я сидеть в диспетчерской! Так копейки платят! А мне нужно денег заработать перед декретом.
- Леонид со стуком опустил на стол чашку.
- Я предлагал уйти из милиции, ты сама меня отговорила... Я служу честно, взяток не беру...
- И не надо! Нам хватает! – Соня положила голову ему на плечо. – Лень, а Лень, не обижайся!
- Ленчик, ты как маленький, - встряла Инна. – Деньги для нашей Сонечки не главное, ей нравится баранку крутить, разве непонятно? Я предполагаю, что она родилась с рулем в руках.
- Главное, чтобы нашего ребенка за рулем не родила.
- До этого не дойдет! – пообещала женщина, на ходу засунула в рот печенье и отпила из чашки супруга.
- Теперь будешь знать все мои мысли! – напускно возмутился он.
- Я их и так знаю, - отмахнулась Соня, - все читаю по глазам! – расплылась она в улыбке и сразу скрылась из вида.
- Читательница, - с умилением на лице произнес мужчина, расцеловал дочь и пожелал ей удачи...

Когда «Волга» вырливалась со двора и набрала скорость, прямо под колеса из ближайших кустов выскочил мальчик. София резко затормозила и зажмурилась, крепко сжимая руль руками. Потом открыла глаза, надеясь увидеть целехонького подростка, отрывающего коленки. Но его не было. Инна сидела на заднем сидении и сразу не поняла, что произошло. Девочка слышала удар, после чего автомобиль резко остановился, а она стукнулась лбом о спинку.

- Там, - дрожащим голосом сказала Соня и ткнула пальцем в ветровое стекло.

Инка выскочила из автомобиля, сделала несколько шагов вперед и увидела лежащего на боку мальчика с естественно подогнутой одной ногой и скрещенными спереди руками. Было похоже, что он спит. Девочка тоже любила спать в такой позе, но с закрытыми глазами, в отличие от подростка, который щурился и выискивал что-то под днищем «Волги». Инна ждала, что он повернет голову в ее сторону и что-то скажет. Обнадеживающее или ругательное. Все равно, лишь бы зашевелился и осмысленно посмотрел на нее.

Быстрова осмотрелась и успела заметить стройную девичью фигуру, заворачивающую за угол ближайшего дома. Любопытство сыграло с девушкой глупую шутку. Она обернулась и была опознана Инной.

Возле места аварии стал собираться народ. Особо деятельные проверяли пульс мальчика, давали друг другу советы, не забывая проклинать безответственных водителей и посылать на их голову проклятия, а заодно и страдания, подобные тем, которые испытают на себе родители подростка, погибшего под колесами такси.

Соня выползла из кабины и на негнувшихся ногах подошла к лежащему телу.

- Да, как же это я могла, - причитала она, прикладывая одну руку ко рту, а другую к выпирающему животу.

Живот привлек к себе внимание всех присутствующих. Разговоры разом стихли. Только одна сердобольная маленькая старушка сочувственно произнесла.

- Вот, несчастье-то...

Рядом засвистела тормозами машина скорой помощи, люди расступились, врачи сначала засуетились, а после того, как поняли, что пациент в их услугах не нуждается, накинули на него простыню и вызвали милицию. Сонька все время стояла без движения, закрыв рукой рвущийся наружу крик, и не замечала, что рядом стоит Инна и обнимает ее за талию, приткнув голову к животу. За белым покрывалом спряталась последняя надежда. Когда София это осознала, в глазах потемнело, ноги подкосились, и она рухнула на землю...

Шестимесячный мальчик прожил два часа и умер. Еще через день в туалете больницы нашли Софию, повесившуюся на поясе халата. В кармане нашли записку:

«Я не имею права быть рядом с вами», - написала она размашистым почерком на вырванном из тетради листе.

- Нам надо уехать из этого города, - твердо заявил Леонид. - Я напишу рапорт о переводе...

- Куда мы поедем? - без эмоций спросила Инна.

- Куда глаза глядят. Советский Союз большой... - безучастно сказал он. Но опомнился и повернулся к дочери, - а где бы ты хотела жить?

- В каком-нибудь небольшом городе, похожем на Припять, - после недолгих раздумий пояснила девочка. - Чтобы там жили такие же особенные люди!

- Я подумаю...

- Но у меня в Киеве есть еще дела.

- Я не предлагаю ехать прямо сейчас, - уставившись в пол, угрюмо произнес мужчина. - Перевод займет какое-то время.

- Ленчик, давай переедем к бабуле, - предложила Инна. Она знала, что отцу всё в квартире напоминает о Софии. В шкафу по-прежнему лежат её вещи, в кухне на сушилке стоит её любимая чашка с подсолнухом. На одной из полок прятались заготовленные пеленки, костюмчики, чепчики, пинетки. Стрести всё это в мешок и выбросить у Ленчика и Инны не поднимались руки.

- Ты не выдержишь бабулю и нескольких часов! - невесело хмыкнул он.

- Зря ты так думаешь, мы с ней очень подружились...

Из всех Быстровых только бабушка Леонида благосклонно приняла его решение удочерить Инну. Они часто навещали семидесяти шестилетнюю старушку, которая в присутствии девчужки забывала о своих многочисленных болезнях, желании выразить недовольство, стонать и жаловаться. С лица исчезала страдальческая мина,

разглаживались бороздки между бровями, в глазах появлялся интерес, а возле глаз резко проявлялись морщинки – лучики, как следствие не сходящей с уст улыбки.

Ленчик удивлялся такому сближению двух его любимых дам. Они могли болтать часами, забывая о разнице в возрасте. Бывшая учительница по русскому языку и литературе вернулась в прошлое, но теперь она не ставила отметок, больше рассказывала сама маленькой слушательнице, иногда кидая каверзные вопросы, желая проверить память и внимание девочки. Та ее поражала мышлением, наблюдательностью и умением делать правильные выводы.

Инна не могла держать в себе информацию, обрушившуюся на нее, как град в ясный погожий день. Выложить все Ленчику, она боялась. Быстров мог наделать глупостей. Девочка решила рассказать все бабуле. Маргарита Всеволодовна Литовченко была мудрой женщиной, не растерявшей эту мудрость с годами и не заменившую ее старческим маразмом. Третировала она только тех, кто, по ее мнению этого заслуживал. А заслуживали этого её «дочь-квочка» и «туповатая» внучка, в пользу которой было составлено завещание.

- А то Надька так и проживет всю жизнь с матерью, которая считает, что все женихи недостойны ее дочери.

Родную правнучку она просто не замечала, называя за глаза Тенью.

Едва Леня и Инна появились на ее пороге с вещами, Маргарита засуетилась, позабыв про больные ноги, но не забыла попенять для порядка.

- Если бы не трагические события, вы оба забыли о существовании старой бабушки. – при этом Маргарита Всеволодовна успевала между делом и разговором погладить по плечу внука и любовно шлепнуть правнучку. – Кому нужна учительница русского языка, тем более в республике, где балакают на хохляцкой мове?

Ленька не уловил связи между пристрастием украинцев и узкородственными отношениями, молча, выслушивал возмущенные тирады и душевно восстанавливался. Он сразу понял, что за этими речами скрыто переживание за него и за Инну.

После ужина Быстров поставил раскладушку на кухне, а дамам отдал в полное распоряжение комнату, что было на руку девочке, которая горела желанием поделиться тайной с бабулей. Сначала она рассказала о событиях мая прошлого года, потом перешла на трагедию, случившуюся недавно. Маргарита Всеволодовна внимательно выслушала Инну и сказала.

- Мы должны прижать к стенке Тень и выудить из нее нужную информацию! Только мне одно непонятно: зачем Ирина совершает такие ужасные поступки?

- Думаешь, я ошиблась? - нахмурилась правнучка.

- В твоей наблюдательности я не сомневаюсь, но мы должны удостовериться, что она намеренно толкнула мальчика под колеса такси. Хотя, после того, что она проделала с тобой, от нее всего можно ожидать.

- А разве Вика в курсе ее дел?

- Уверена, что подруга поделилась с ней своими подвигами. Если Ялович сказала, что подросток бросился под колеса от неразделенной любви, то можно задать вопросом: почему она его не остановила?

- Не успела, - подсказала сердобольная Инна.

- Не будем строить предположения, давно пора спать, ночь на дворе, а завтра начнем действовать! – решительным тоном произнесла Маргарита Всеволодовна.

Быстровой всю ночь снились кошмары. То она лежит под колесами такси, то летает по небу, взявшись за руки с погибшим мальчиком, то ищет пропавший талисман, который на самом деле никуда не исчезал...

Только за Леонидом закрылась дверь, бабуля взялась за телефонные переговоры. Она позвонила дочери, долго жаловалась на бессонницу и боль в пояснице, чем развеселила Инну, которая слышала, как соседка по комнате всю ночь храпела, а утром делала гимнастику и поднимала ноги не хуже молодой спортсменки. Маргарита подмигнула правнучке и продолжила стенания.

- В общем, так, - подвела она черту под разговором, утомивших обеих, - мне нужна змеиная мазь для растирки спины. Пусть Вика купит ее в аптеке и привезет мне... Нет, Вика! – рявкнула она, перебив собеседницу, предложившую свою кандидатуру. – Я ее давно не видела!.. Да, представь себе, соскучилась! – Маргарита хотела бросить трубку на рычаг, но передумала, приложив ее снова к уху. – И не надо мысленно давать мне определения?.. Какие? Что я сама змея и могу лечиться силами своего ядовитого организма!

Бабуля бросила трубку и возбужденно потерла ладони друг о друга.

- Если бы я хорошо тебя не знала, то решила, что передо мной сидит ужасная вредина и зануда, обожающая издеваться над близкими людьми, - наигранно вздохнула Инна и расцеловала старушку в обе щеки.

- А я, если бы не знала, что Ленька тебе приемный отец, то решила, что ты моя точная копия! - усмехнулась растроганная прабабушка. – Инна, ты видела мои фотографии в молодости? – та кивнула. – Заметила наше внешнее сходство?

- Н... не знаю, - уклонилась от правдивого ответа девочка.

- Конечно, снимки пожелтели и состарились вместе со мной, - буркнула Маргарита, уловив неискренность. – Но главное, что у нас характеры схожи. И головы, работают, как положено, - добавила она и постучала указательным пальцем по виску.

- А как положено?

- На всю катушку, без затяжных перерывов. Если мозги не тренировать, они закиснут...

Для этой цели был привлечен гениальный Пушкин вместе со своей «Пиковой дамой». Они читали по очереди, пока не раздался звонок в дверь.

- Тень пришла, - догадалась бабуля.- Ты не встревай в разговор, я сама её допрошу с пристрастием.

Но сначала Викторину задобрили и напоили чаем с тортом, который вчера привезли Леня с Инной, потом перешли к светской беседе о погоде и ее влиянии на организмы всех возрастов, акцентируя внимание на пожилых людях. Когда Вика попыталась улизнуть, сославшись на занятость, Маргарита Всеволодовна попросила растереть ей спину принесенной мазью. Хоменко хотела переложить обязанность на Инну, но бабуля заметила, что у той руки слабые. Пришлось растирать: с показным усердием, с выслушиванием указаний особо больных мест и просьб о неоднократных повторениях.

- Теперь я могу идти по своим делам? – спросила недовольная Вика, выходя из ванной, где она пыталась смыть с рук неприятный запах мази.

- Надо бы еще в квартире пропылесосить, - намекнула прабабушка, кутаясь в пуховый платок.

- Завтра, - односложно пообещала Вика.

- И в продовольственный магазин сходить за колбасой, - продолжила Маргарита, игнорируя обещание.

- Завтра.

- И в хозяйственный магазин за стиральным порошком. – задумчиво пробормотала старушка. – А то некоторые думают, что мне ничего не надо... Так и хотят меня со свету сжить, чтобы в квартиру переехать.

- Марго, я акварельные краски дома забыла. И альбом. Пусть Вика купит. – вмешалась Инна.

- Купит, - пообещала бабуля с угрозой в голосе. – Кажется, на рынок тоже не мешало бы зайти, картофеля совсем мало, а нас трое.

- А почему в таком случае я должна таскать сумки?! – возмутилась Хоменко, сделав ударение на местоимении «я».

- Можешь не таскать, - хмыкнула Маргарита. Гроза вот-вот обещала смениться ураганом, сметающим капризных особ на своем пути.

- И тогда ты перепишешь завещание на эту? - скривилась Вика и кивнула в сторону сидящей у бабушкиных ног девочки.

- Она не «эта»! Она твоя двоюродная сестра! – воскликнула Маргарита Всеволодовна и хотела прогнать правнучку, но вовремя вспомнила о желании получить от нее нужную информацию. Сменила гнев на милость и сказала. – Можешь не бегать по магазинам, но в этом случае ответь на один вопрос.

- На... какой вопрос? – глаза Виктории забегали, будто она следила за летающей перед лицом мухой.

Бабуля и Инна переглянулись. Поведение выдало ее с головой. Вика что-то знает!

- Почему твой одноклассник Ян Протодяконов, живущий в другом микрорайоне, оказался в тот день неподалеку от дома Софии? И почему он болтался по улицам, а не сидел на уроке в школе, которая находится не за ближайшим углом? – привычным голосом требовательной учительницы спросила прабабушка.

- У нас не было уроков, у нас был субботник.

- В среду? – быстро среагировала Инна.

- Какая разница, конец учебного года, нас вывели на уборку территории, - пробубнила Хоменко.

- Допустим, - кивнула седой головой в химических кудряшках Маргарита. – Я предполагаю, что твой одноклассник пошел за Ялович, которая зачем-то потянула его к дому Сони.

- При чем здесь Ялович? И откуда я могу знать, почему Ян оказался далеко от школы? – девочка попыталась сделать непроницаемое лицо, но это ей не удалось. На щеки ляпнули кистью, измазанной красной краской.

- Ирину Ялович видела Инна, когда та пыталась улизнуть с места аварии, так что не имеет смысла скрывать правду.

- Она ее видела?

- А ты удивлена? Может, ты не в курсе, что в прошлом году Ира закрыла Инночку в заброшенном доме и та чудом выбралась оттуда.

- Я об этом не знала... В тот день я была с ними в парке, а потом... я почувствовала себя неважно. Наверное, мороженым отравилась.

- Вы вместе ели мороженое, а неприятность случилась только с тобой? Тебе не кажется это странным?

- Может, у меня организм... слабый, - пролепетала Вика.

- Конечно, слабый, - рубанула воздух ладонью Маргарита. – Ходишь, как тень за этой Ириной, пока она тебя, как Яна, под колеса автомобиля толкнет.

- Ира мне объяснила: все произошло случайно!

- И поэтому она скрылась? Даже не попыталась оказать ему помощь!

- Она испугалась.

- Чего испугалась? Того, что мальчик останется в живых и укажет на нее, как на человека, толкнувшего его под колеса автомобиля, которым управляла София? В этом случае Соня окажется невиновной, а это в планы твоей драгоценной подруги не входило! Сама Ирина никогда не признает себя виновной, она или смолчит, или по возможности переложит ее на другие плечи. Была бы в их компании находилась ты, она без сожаления спихнула вину на тебя. – бабуля задохнулась от возмущения, привела дыхание в норму и

продолжила. – Ясно, как божий день, что она заранее всё спланировала, предварительно изучила расписание Софии, специально привела парнишку к тому месту у дороги, где густо рос кустарник, чтобы создать эффект неожиданности.

- Ба, ты думаешь, она... специально толкнула Яна, чтобы тетю Соню посадили в тюрьму? Чтобы освободить место рядом с дядей Леней?.. возбужденно произнесла Виктория. Маргарита и Инна непонимающе уставились на нее, ожидая пояснений. - Так, так, так... За неделю до происшествия, она мне долго выговаривала, что брак дяди и тети Сони перестал быть фиктивным. Ирка случайно узнала, что та беременна, и набросилась на меня, будто я виновата, что дядя полюбил жену... по-настоящему.

- Ялович влюблена в Леонида? – спросила бабуля, вскинув брови, которые оказались над оправой очков.

- Влюблена, - трагическим шепотом подтвердила Виктория. – И хочет выйти за него замуж, когда ей исполнится восемнадцать лет!

- А почему она решила, что Ленчик захочет на ней жениться? – торопливо вмешалась Инна, не на шутку испугавшись: такая злобная мачеха ей была без надобности. - Теперь понятно, зачем Ире понадобилось закрывать меня в доме Бабы Яги. Она избавлялась от людей, которых любит Ленчик.

- В Ирку все влюбляются, она самая красивая девочка в школе, - между тем сообщила Хоменко.

- Влюбиться, это не значит жениться, а женятся не всегда на красавицах, выбирают сердцем, а ему, как известно, не прикажешь! – философски заметила Маргарита Всеволодовна. – А такие, как наш Леня, будут в первую очередь выбирать мать для Инны, добрую, заботливую и ласковую. А во вторую - жену для себя, любящую, понимающую и умную.

- Ирка не подходит, - после непродолжительных умозаключений выдала Виктория. – Ты красоту не упомянула, а других перечисленных качеств у нее нет.

- Надо было ей раньше втолковать, что мой внук на ней не женится, она ему не пара, тогда и трагедии бы не случилось, – печально вздохнула старушка, побарабанила пальцами по подлокотнику кресла и снова обратилась к правнучке. – Вика, так ты точно знаешь, что Ялович толкнула под колеса Яна?

- Она сказала, что оттолкнула его от себя, якобы, он полез к ней... целоваться.

- Такое могло быть?

- Не думаю, - покачала головой Хоменко. – Протодьяконов ей едва до подбородка доставал. У Ирки рост, как у модели, она выше всех в классе... Захотел бы, не допрыгнул.

- А он тоже был в свите обожателей?

- Если и был, то не явных... Куда ему, шпендрик и бесцветный какой-то. Словно кислотой облили и смыли все яркие краски.

- И вдруг его вознесли до небес – пригласили прогуляться с предметом тайного обожания, - протянула Маргарита. – И выбрала она его не зря... Худосочный, невысокий, одним словом – невесомый, как пушинка. Такого толкни, он и отлетит на три метра.

Инна вдруг представила сцену приглашения на прогулку, счастливую улыбку на лице Яна, их неторопливое шествие к дому Сони, разговор у раскидистого кустарника, и резкий толчок, когда «Волга» достигла нужной отметки. Расчетливая девочка Ира...

- В тот день я не должна была сидеть в такси, – вспомнила Быстрова, - меня Соня никогда не подвозит, она и так еле-еле выкраивает время, чтобы нас завтраком накормить, а потом спешит «план делать». Так она всегда говорит. Говорила. – поправила девочка. – Меня Ленчик в школу отводит, до нее всего пятнадцать минут быстрым шагом. Я опаздывала, и она решила меня подвезти.

- То есть, Ира не знала, что будет свидетель, который случайно ее заметит, - вяло отозвалась Вика. – После того, что случилось, самой тете Соне было не до изучения

окружающего пространства. Ялович спокойно бы смылась, а каким образом в том районе оказался наш одноклассник, никто бы не узнал. Лично я даже не заметила, когда они ушли.

- Ты теперь понимаешь, что твоя подруга действовала целенаправленно? – поморщилась бабуля.

- Я не допускала мысли, что Ирка способна на такое. Она не зря пыталась оправдаться передо мной, знала, что ее видели на месте преступления... И про случай с Инной в заброшенной части парка я не знала. Честно.

Быстрова бросила взгляд на бабулю.

- Мы тебе верим, - за двоих ответила Маргарита Всеволодовна.

- И что теперь вы намерены делать? Мстить за тетю Соню и ее ребенка? – заинтересовалась Вика, на лице которой застыл ужас.

- Какие из нас мстители, - нашлась прабабушка.

- Просто мы хотим знать своих врагов в лицо! – выпалила на одном дыхании Инна...

- И что мы будем делать с полученной информацией? – спросила девочка после ухода Виктории.

- Пока не знаю.

- В милицию обращаться бесполезно, нам никто не поверит... И Соню уже не вернешь, - печально заметила она.

- Я точно знаю, что сейчас мы будем готовить обед, после чего мне нужно сделать один важный звонок.

Инна осталась на кухне мыть посуду, а бабуля закрылась в комнате и приказала не подслушивать. Девочка недовольно поморщилась и отвернулась к мойке, дескать, беседуйте себе на здоровье, мне то что... Минут пять она усердно возила губкой по тарелке, после чего неожиданно накатила усталость. Инка присела на табурет, затем передвинула его к двери и приложила к ней ухо. Кроме бу-бу-бу и «понятно», до нее ничего не долетало. Тогда она легла плашмя на пол, придвинув голову к щели. Опять ничего не разберешь. Быстрова расстроилась до слез, вернулась в сидячее положение, только теперь напольное, рядом с табуретом, обхватила ноги руками и уложила на колени голову.

- Аленушка грустит по братцу Иванушке! – раздался совсем рядом насмешливый голос. Инка вздрогнула и взглянула исподлобья на прабабушку, стоящую в дверном проеме в позе сахарницы.

- Ну, ты даешь! Подкралась незаметно! – восхитилась правнучка, - тебе бы разведчицей быть!

- Думаешь, зря я в школе столько лет проработала, такие навыки приобрела, мама не горюй! – с юношеским задором заметила Маргарита Всеволодовна.

- Марго, я тебя очень люблю! – с чувством сказала девочка, позабыв про недавнее высказывание о любви взглядом. – Очень-очень люблю! – Она вскочила на ноги и обхватила бабулю за талию. – Ты такая... здоровская!

- И я тебя очень-очень люблю! Сильно-сильно! – пожилая женщина наклонилась и чмокнула Инну в макушку.

- А почему Вика называет тебя бабушкой, а мне ты приказала называть себя Марго?

- Потому что с тобой я забываю о возрасте и чувствую себя молоденькой девушкой! Ты не заискиваешь, не пытаешься отмахнуться, ты внимательно слушаешь мои никому не нужные разглагольствования и доверяешь мне свои тайны, как близкой подруге.

- Марго... - начала Инна и замялась.

- Судя по твоему расстроенному личику, я сейчас услышу горькую правду?! На самом деле ты не слушаешь мои рассуждения вслух, и не делишься секретами?!

- Нет, я не об этом... Я хотела сказать, что скоро мы... В общем, мы будем видеться реже.
- Старуха всех раздражает и надоедает своими бреднями, - вздохнула Маргарита.
- Дело не в этом. Мы с Ленчиком хотим уехать. Переехать в другой город. – она хотела рассказать о городе, который они выбрали с Быстровым, но осеклась, заметив слезы, заставшие глаза бабули.
- Едва в моей однообразной скучной жизни появился смысл, и вот тебе на - получи привет из жаркой Африки! - высказалась она, стараясь придать своему голосу нотку бодрости. Инну всегда удивляли применяемые в речи бабули обороты, почерпнутые из школьной жизни. Она употребляла их лишь в том случае, если хотела скрыть свое упадническое настроение.
- Маргошечка, если ты возражаешь, мы никуда не поедem! – пообещала девочка, готовая сама разрыдаться.
- Мне не нужны жертвы! Почему вы должны страдать из-за капризов вздорной старухи?!
- Ты не старуха, ты молоденькая девушка! Забыла, как только что уверяла меня в этом? – хитро прищурилась Инна. – Я рядом, так что не прибавляй себе возраст!
- Не буду, - обняла ее Маргарита Всеволодовна. – Я понимаю, Леня хочет забыть о трагедии, спрятать голову в песок.
- Все может быть, - по-взрослому рассудила Быстрова. – По крайней мере, я приложу все силы, чтобы помочь ему.
- Чудо–ребенок! – похвалила ее бабуля. – Нет, скорее, дитя-талисман, которое является ангелом-хранителем для Лени.
- А такое бывает? – удивилась Инна. – Я думала, что талисманами могут быть какие-то предметы. Например, как у меня – статуэтка олимпийского мишки.
- У кого-то статуэтки, у кого-то близкий человек, который окружает тебя любовью и создает защитную ауру, через которую не может пробиться чужое зло. Я, как филолог, люблю расшифровывать сложные слова. Это слова, состоящие из двух корней и соединительной гласной, - пояснила она первоклашке, пока не имеющей таких глубоких познаний в русском языке. – Иногда кажется, что два слова невозможно соединить в одно, они не стыкуются, но я пытаюсь их сдружить. Вот, например, слово «талисман» состоит из двух простых слов - «талис» и «ман».
- А где соединительная гласная?
- Честно говоря, это простое слово, но я имею право стать выдумщицей, чтобы развлечь тебя и себя?
- Имеешь! – разрешила девочка. - Я могу внести свое предложение? – Маргарита Всеволодовна с удовольствием кивнула, ожидая неординарного заявления. - Давай лучше придумаем новое слово – «талисмЭн»! Ты утверждала, что для Ленчика я - талисман, но может быть и наоборот? Но в связи с тем, что он - мужчина, пусть будет «мЭн». Я точно знаю, мы с первого класса английский язык учим.
- А украинский? – ревниво поинтересовалась бабуля.
- Начнем изучать со второго класса, - без энтузиазма сообщила девочка, - но если мы переедем в другую республику, то я избегу этой радости, - с умным видом рассудила она.
- Будем делать вид, что я не знаю о предстоящем переселении народов, - нашлась Маргарита Всеволодовна, сама превращаясь в страуса, с которым она еще недавно сравнивала внука. – Доставай с полки все имеющиеся словари, будем умнеть на глазах, - улыбнулась она.
- Мы и так умные, - хмыкнула Инна.
- Совершенству нет предела!..

- Талис – это одежда евреев, в которую они облачаются перед утренней молитвой. – с выражением прочла девочка. – Могу предположить или... присочинить, что это некое покрывало.
- Пусть будет покрывало, - согласилась бабуля. – Примем его, как не просто накидку, а представим в глобальном масштабе, как защиту от внешней среды.
- Ага, - развеселилась Быстрова. – Читать о мэнах?
- Я думала, что ты уже сделала определенные выводы? Если «талис» – это защита, а «мэн» - мужчина, то все вместе расшифровывается, как живая надежная стена, защищающая тебя от всех невзгод.
- Давай пойдем с другой стороны, - неожиданно сказала Инна. – В словаре написано, что «Мэн» - это остров в Ирландском море, входящий в состав Великобритании.
- И что нам это дает?
- А то и дает, что «талисмЭн» - это остров, где ты нашел защиту и кров. Он приютил тебя, считает своей частичкой и ни за что не предаст и не сдаст врагам, которые потребуют твоей выдачи! – на одном дыхании протараторила Быстрова.
- Вундеркинд! – выдала Литовченко, а про себя подумала о странном влиянии повышенного уровня радиации на детский организм, который не только не пострадал, но и приобрел необыкновенные способности.
- Может, и вундеркинд, но не обладатель огромных локаторов, с помощью которых можно услышать разговор за стенкой. - потупила глазки девочка.
- Намек понятен, - кивнула бабуля. – Но время дележа новостями еще не пришло. Пока я впитала в себя почерпанные из различных источников сведения, а теперь буду думать, как ими распорядиться. Придет время, ты все узнаешь...

Еще в 1961 году на XXII съезде партии Хрущев заявил, что в СССР сложилась новая историческая общность людей – советский народ. А семидесятые годы появилась тайная общность людей – цеховики. Эти люди организовывали подпольное производство товара из украденного сырья. Всемогушая в то время организация – ОБХСС - знала о схеме обогащения, но не имела доказательной базы.

Организаторы подпольных предприятий – цеховики – в силу больших должностей или не очень больших могли сунуть руку в карман государства, где ждало своей участи утилизированное сырье, вполне пригодное для дальнейшего использования. Они его изымали и переправляли в подпольные мастерские, где волшебными руками работников превращали сырье в товар. Известный кругооборот – деньги-товар-деньги здесь работал на две-трети.

В 1985 году с началом перестройки началась борьба с нетрудовыми доходами, оживившая находящуюся в анабиозе ОБХСС. Граждане, заметившие, что сосед живет не по средствам, пусть он даже директор фабрики или заведующий производством, сообщали куда следует. Цеховиков, потерявших перед честными, но бедными соседями бдительность, арестовывали. У органов были всем известные подходы к таким темным личностям: им предлагали все рассказать, а взамен обещали скостить срок. И многие шли на такое сотрудничество, только ответная сторона слово не всегда держала. За следствием и судом шла конфискация имущества, нажитого нетрудовыми доходами.

Маргарита Всеволодовна за свою долгую учительскую жизнь выпустила в свободное плавание немало вчерашних школьников. Жизнь разбросала их по разным уголкам страны, рассадила на разные должности и разложила по слоям. Обращаться за помощью пожилая женщина не любила, но со многими не часто, но перезванивалась. Не исключением были и родители особо запомнившихся учеников. Одна из таких мамаш, прозванная за глаза «справочное бюро», работала в парикмахерской в центре города. Не многие из работников быта запоминали разговоры с клиентами, считая, если всё

оставлять в голове, то со временем она распухнет и лопнет от информации. Олеся Михайловна Остапчук к таким личностям не относилась. Единственно, что она допускала – пренебрегала подробностями и коллекционировала конкретные факты: кто, куда, с кем, где, откуда. Парикмахерская славилась хорошими специалистами и высокими ценами. В связи с чем, сплотилась постоянная обеспеченная клиентура, в основном жены партийных руководителей всех рангов, скучающих от безделья. Естественно, они числились на каких-то никчемных должностях и получали копейки, иначе можно получить клеймо «тунеядец» со всеми вытекающими последствиями. Эти дамы собирались небольшими группами, перетекая из одной в другую согласно дням недели, сплетничали и этим жили. Расслабившись в руках мастера красоты, они трещали безумолку, словно боялись не успеть выложить все, что знали.

Олеся Михайловна жила одна, муж умер, сын женился и стал жить своим домом. Уставшая женщина по возвращении домой раскладывала по полкам памяти полученную за день информацию, а после звонила бывшей классной руководительнице своего ребенка, которая подобной информацией не владела. Все остальные приятельницы не нуждались в дележе новостями, так как сами пребывали в гуще событий или были заняты собственными проблемами. Маргарита Всеволодовна тоже не нуждалась, но будучи человеком воспитанным, выслушивали длинные монологи Остапчук. Литовченко шутила: Мне не нужно телевизор включать, или на улицу выходить, я в курсе всех городских сплетен, даже тех, которые называют «закрытой информацией».

Для начала Марго позвонила в школу, где училась ее правнучка и где работала одна из ее учениц, и навела справки о родителях Ирины Ялович. Следующим был звонок в парикмахерскую. Олеся Михайловна удивилась: за все время общения, учительница впервые попросила об услуге. Тем более такого характера. Остапчук пообещала собрать нужную информацию и вечером обо всем доложить, но пенсионерка, неустанно следившая за своей внешностью, пригласила мастера красоты к себе в гости, желая убить двух зайцев. От денег за работу Олеся категорически отказывалась, но Маргарита Всеволодовна знала о ее болезненном пристрастии к сладкому, старалась той услужить: пекла печенье по собственному рецепту или спускалась в кондитерскую, расположенную в ее доме. От вчерашнего торта остался невыразительный кусочек, не способный умерить аппетиты сладкоежки, поэтому Марго оделась и спустилась вниз.

Возле будки телефона-автомата стоял интеллигентный пожилой мужчина в легком светлом костюме и шляпе и терпеливо ждал, когда девушка, «повисшая» на телефоне, соблаговолит освободить место. Отчаяние и возмущение достигли такой степени, что он решил поделиться возникшей проблемой с посторонней женщиной.

- Мне надо срочно позвонить, у меня внучка рождает, а эта девушка никак не может выяснить номер квартиры своей знакомой.

- Ужасная невоспитанность! – поддержала его Марго и хотела пройти мимо, но долетевшая до нее фраза заставила затормозить.

- Я у дома твоей бабки... Да, какая разница, каким образом я узнала, где она живет... Если хочешь знать, то могу ответить – ты мне сама сказала, что скоро будешь жить в этом доме и пальцем на него показала, когда мы случайно рядом оказались... Мне очень нужно знать номер ее квартиры, а в подъезде нет таблички с указанием фамилий жильцов... Тебе хорошо, а мне не очень... Виктория, если ты не скажешь, то я тебя больше не знаю!.. Я уже двенадцать лет Ира... Что значит, не было никакой дружбы?! Да, я всю вашу семейку со свету сживу, с бабки начну, тобой закончу!.. Я не угрожаю, я предупреждаю, если ты... - на том конце провода устали от натиска и бросили трубку. – Дура набитая! – изрекла звонившая девушка и стала снова крутить диск.

Интеллигент, который волновался за внучку, осторожно постучал пальцем по стеклу. Ирина, не поворачивая головы, отмахнулась.

- Ну, и молодежь, - привычно попенял мужчина и стал озираться в поисках еще одной телефонной будки.

- Если вам так нужно позвонить, то пожалуйста за мной, - услужливо предложила Марго, опешившая от услышанного. Если в ее душе еще были сомнения относительно действий, которые должны последовать после разговора с Остапчук, то теперь они развеялись.

Интеллигент не заставил себя упрашивать и пошел за великодушной дамой.

Когда он узнал, что его внучка родила мальчика-богатыря, долго благодарил сначала человека, поведавшего ему радостную весть, а потом Маргариту Всеволодовну и Инну, когда обе возникли в прихожей, заслышав воинственный клич мужчины, позабывшего о правилах хорошего тона.

Хочешь стать на йоту счастливым, прикоснись к чужому счастью, подели его с незнакомым человеком, который хочет этого, - отчетливо прозвучали в голове девочки слова отца, стыдившего ее за зависть. Инночка даже осмотрелась, в надежде, что папа сию минуту окажется рядом, сейчас выйдет из комнаты, подхватит ее на руки и надавит на нос, как на кнопку звонка, издав характерный звук.

Девчужке захотелось спрятаться и горько поплакать, выпустить из себя с помощью слез хотя бы частицу накопившегося горя. Но боялась огорчить Марго. К тому же разрыдаться перед счастливым незнакомцем – это сверх невоспитанность. Что он о ней подумает?

После очередной порции воспоминаний всегда хочется выть и совершать неблагоприятные поступки, способные унять боль. Сразу запихнуть боль поглубже у Инны никак не получается.

Но как избавиться от воспоминаний, от рубцов на сердце, которые появляются всякий раз после мимолетно всплывшего в памяти кусочка прошлого?

Соня что-то говорила о коварстве воспоминаний. Инна не помнила, но знала, что вскоре ее амнезийная память выдаст позабытую информацию. С памятью нельзя договориться, она будет выдавать и плохое, и хорошее, без разбора. Это уже из Ленчика...

Мужчина откланялся и ушел, но вскоре вернулся. В его руках была круглая коробочка, известная всем жителям Киева и его гостям. От фирменного киевского торта не могли отказать ни стар, ни мал...

Вечером Литовченко уединилась с Остапчук на кухне, где параллельно с накручиванием волос на бигуди шла доверительная беседа, оказавшаяся для Марго весьма продуктивной. Беседа больше походила на монолог, с изредка вставляемыми другой стороной фразами. Типа «не может быть!», когда была названа сумма ежемесячного дохода интересующего лица, или «да ты что!», когда были указаны объемы выпускаемой подпольным цехом продукции, которым руководило все тоже лицо, или «такое бывает?», когда на ухо прошептали о цене шубы, в которой дефилировала жена фигуранта.

- Куда смотрит ОБХСС?! – возмутилась в довершении Маргарита Всеволодовна.

- Ждут сигнала, - расплывчато сказала Олеся Михайловна.

И сигнал поступил через три дня.

Марго ненавидела ябедничество, как по-детски она окрестила свое поведение, а именно, написание анонимки. Это только в газетах пишут, что анонимки не рассматриваются, а на самом деле очень даже рассматриваются, с превеликим удовольствием. Тем более, если в письме указывается на конкретного человека. А если у одной солидной организации вырос бо-о-ольшой зуб на этого человека, вырос и ноет, постоянно напоминая о себе и призывая к удалению, к удалению указанного лица из рядом честных граждан и препровождению в места гибели, заброшенные.

Марго не опустилась до анонимки, она просто назвалась Ивановым Иваном Ивановичем, за что ей, то есть ему, отдел по борьбе с хищением социалистической собственности был чрезвычайно благодарен.

В результате отцу Ирины – Якову Яловичу впаляли десять лет с конфискацией имущества за соучастие по статье «Хищение государственной собственности». Стандартная статья для цеховиков...

- Может, переживания остудят пыл Ирины и вправят ей мозги? - рассудила бабуля, подводя черту под повествованием. Ее единственным слушателем и доверенным лицом была Инна.

- Жаль ее, - вздохнула девочка.

- А Соню не жаль?! А Яна Протождяконова?! – возмутилась пожилая женщина. – Неизвестно, чем могла закончиться история с тобой в той заброшенной хибаре? Или ты о ней забыла? Древнегреческий философ Демокрит говорил: «Признак ума - предотвратить обиду, не ответить же на нанесенную обиду – признак бесчувственности».

- Тебе лично говорил?

- Не ерничай, маленькая адвокатша! – громко отчеканила Маргарита Всеволодовна. – И заруби на своем курносом носу уже мои слова: помни добро, но и нанесенные обиды не стирай из памяти!

- Ты предлагаешь мне, согласно Демокриту, быть чувствительной и мстить обидчикам?

- Я предлагаю вспомнить имя человека, который принес тебе горе, в тот день, когда начнут происходить странные вещи!..

- Ты с ума сошла! – поставил дочери диагноз Ленчик и схватился за сердце. Тут же выразил свою поддержку кот Бэзил, громко заявив возмущенное «Мяу-у-у». Протяжно и надрывно до противности.

- Тебе плохо? – испугалась Инна, проглотив обиду и одарив домашнего любимца недовольным взглядом.

- А как бы ты себя чувствовала, если твоя восемнадцатилетняя дочь приехала и заявила, что собирается выходить замуж за первого встречного?!

- Я учусь на четвертом курсе университета! Туда-сюда и получу диплом химика. – напомнила девушка. – И Петюня не первый встречный, мы знакомы с первого курса.

Упомянутый Петюня затаился в соседней комнате и делал вид, что громкая перебранка отца и дочери его не касается. Хорошо, что он был один, любой присутствующий мог заметить на его лице плохо скрываемый ужас в смеси с обидой. Он по-детски закусил губу, сцепил в замок пальцы и постоянно менял местами ноги, скрученные под стулом.

- Если ты в пятнадцать лет экстерном окончила школу и стала студенткой, это не значит, что вся жизнь должна идти в ускоренном темпе! Такой ответственный поступок, как замужество, должен свершиться в более сознательном возрасте! В сознательном! – подчеркнул он, - а ты... ты, - задохнулся Леонид, - ты еще мала, чтобы замуж выходить!

- С восемнадцати лет уже можно!

- Что можно? – навис над дочерью разбушевавшийся отец. Бэзил по происхождению и Васька по призванию разгневанно распушил хвост и недобро посмотрел своими зелеными глазами на хозяйку, которая изволила, наконец, приехать домой, но позабыла погладить по черной лохматой спине, почесать белую грудку и напомнить всем, какой он красавец! Лишь потрепала за оттопыренные бакенбарды, будто он не породистый кот, а двортерьер без родословной. А теперь и вовсе хозяйева развели бесконечные пересуды, а еды в миску положить никто не удосужился. А еще поминают котовую жизнь! Бэзил еще раз выдал протяжное мяуканье, фыркнул и важно потопал на кухню.

- Почти все, - проглотила половину фразы Инна, проводив невидящим взглядом Ваську-Бэзила.

Леонид опустил рядом с ней на диван и обнял за плечи.

- Дурочка, ты моя маленькая, - с чувством сказал он и чмокнул её в висок. – Замуж ей захотелось...

- Только не говори, что мне жожа под хвост попала, - шмыгнула носом девушка и прижалась к отцу.

- Не скажу. Но причина очередного взбрыкивания мне ясна.

Инна вскинула на него свои серые глаза, на несколько секунд успела заметить новые морщины на лбу, едва заиндевевшие виски, несколько седых волос в рыжей шевелюре и усталый потухший взгляд.

- Ты давление измерял? Или забыл, что тебе доктор втолковывал?

- Слишком много всего он втолковывал. Так времени на работу не останется, только и буду лекарства пить и по врачебным кабинетам бегать. Не по мне это! Нельзя потворствовать организму, пусть сам борется с болезнями. – Он взял дочь за руку и задумчиво стал водить большим пальцем по тыльной стороне её кисти. Потом опомнился, - ты мне зубы не заговаривай! Не переводи разговор с себя на меня.

- Я не перевожу, просто беспокоюсь за близкого человека, - искренне сказала она.

- На чем я остановился? – спросил мужчина и потер большим и указательным пальцем переносицу.

- На взбрыкивании, - подсказала дочь.

- Я понимаю, девочка, столько лет прошло, а воспоминания все время возвращают тебя в прошлое. Ты пытаешься с ними расправиться и загружаешь голову другими проблемами. То училась по двадцать четыре часа в сутки, то экзамены сдавала, то занялась парашютным спортом... Хорошо, что быстро передумала, пока не начались практические занятия.

- Стало неинтересно, я думала, что мы сразу загрузимся в самолет и начнем прыгать, а у них все теория и теория. – скривилась Инна. – Научился правильно складывать парашют, вовремя дергать кольцо и вперед...

- На кону человеческая жизнь, - мудро констатировал Быстров. – Все действия надо отточить до автоматизма, а ты спешишь... Ты всегда спешишь... Но сейчас не об этом...

- Леня побарабанил пальцами по руке дочери, раздумывая над продолжением. Он что-то хотел сказать важное, но забыл...

Когда Инка заявила, что выходит замуж и предъявила лопоухого жениха, который все время непонимающе улыбался и кривил при этом рот, словно его удивляла и радовала впервые услышанная новость, отец потерял дар речи. Потом опомнился и препроводил Петюню в другую комнату. Сходил на кухню, выпил воды, и встал у раскрытого окна, вдыхая прохладный сентябрьский воздух, наполненный тонким запахом приближающегося природного увядания. Новость она и есть новость, чтобы ошарашивать, удивлять, радовать или убивать. На Быстрова она воздействовала в двух направлениях: вонзилась стрелой в сердце и так стукнула по голове, что в ней зашумело, а ноги едва удержали крепкое тело. Когда уши перестало закладывать, как при взлете самолета, в голову впыл туман, заполонив все уголки и размягчив мозги, в результате чего напало отупение. Леонид хотел сочинить правильную речь, мысленно начинал и сразу сбивался. Когда туман более-менее рассеялся, он вернулся к дочери...

Ленчик заметил озабоченный взгляд Инны и слабо улыбнулся.

- Устал, - односложно пояснил он. – Никогда не думал, что в частном сыске будет работы невпроворот.

- Не обманывай себя, когда ты с приятелем уходил на вольные хлеба, не думаю, что хотел сидеть за чистым столом и мухам дули крутить. Ты деятельный человек, покой тебе даже не снится, потому что спишь, как убитый и без сновидений.

- Если бы не старинное кольцо бабули, я никогда не смог открыть агентство, которое занималось охранным бизнесом и частным сыском. Когда перед смертью она вручила его мне, я решил, что это семейная реликвия, хотел передать по наследству своим внукам. А Маргарита приказала дать клятву, что я его продам и вырученные деньги пушу в дело.

- Она продвинутая была, - вспомнила Инна и отвернулась к окну, чтобы отец не заметил набежавших на глаза слез. - Когда стали образовываться кооперативы, она мне выговаривала, почему мы не займемся бизнесом. Я ей говорю, что ты предан своей профессии, как верный муж любимой жене, а я пока мала. Сколько мне тогда было? Тринадцать, кажется... Вот вырасту, тогда... И знаешь, что Марго ответила? Она заявила, что потом будет поздно, начинать деятельность надо на заре кооперации, пока рынок полностью не охвачен. - Для этого нужны деньги, и немалые, - говорю я. - Деньги? - Задумалась она и выдала любимую фразу: деньги - навоз, сегодня нет, а завтра воз. А в глазах чертики прыгают, видно уже знала об источнике богатства.

- Но какая бабуля была скрытная! Никогда про это кольцо не рассказывала. Придерживала до поры до времени.

- Маргарита Всеволодовна много чего не рассказывала, - потупилась Инна.

Девушка знала еще одну тайну Марго и обещала ее никому не раскрывать, может, боялась, что родственники засомневаются в ее нормальном разуме? Она открылась только правнучке, причем неродной, выделив ее из всех. Поделилась секретом и попросила выполнить одно поручение...

А может, бросить университет и заняться поисками?.. - подумала Инка. - Представляю себе, что будет с отцом?! - она покосилась на Быстрова, задумчиво изучающего противоположную стену, где висел портрет бабули. - Вон, Марго успела перевалить за девятый десяток, а Ленчику всего тридцать пять и уже сердечко дает сбои. Сколько раз уговаривала приехать ко мне в Ростов, лечь в хорошую клинику, обследоваться, а он все отмахивается. Конечно, он, как любящий отец видит мои страдания, замечает перепады настроения, и мучается, что не может мне помочь. А сам не понимает, что, если бы не он, неизвестно кем бы я стала вместе с сидящими во мне коварными воспоминаниями. Ненавижу себя за слабость и обожаю Ленчика! Я безгранично благодарна ему, что удочерил меня, окружил любовью и делает все для моего счастья... Поэтому буду прилежной девочкой, окончу университет, получу диплом о высшем образовании и отправлюсь выполнять задание госпожи Литовченко? Тем самым отблагодарю ее за любовь и за кольцо, которое она не унесла с собой в могилу, а отдала внуку. Хотя, кто знает, что мне взбредет в голову через два года?..

- О чем грустишь, красавица? - наигранно-бодрым голосом поинтересовался Быстров.

- Думаю, менять свою фамилию на Забубенчикову или нет? - хитро прищурилась она.

- На Забу... куда? - задохнулся от волнения мужчина. - Я решил, что ты вняла моим уговорам. - Он покосился на дверь, за которой томился в ожидании парень с оттопыренными ушами. - Но ты его не любишь, - уверенным шепотом произнес Леня, пытаясь втолковать это дочери.

- Я чего ты взял, что не люблю?

- Ты на него смотришь, как на... пустое место, - Быстров кивнул на стул, на котором якобы восседал невидимка-жених.

- Я разучилась любить глазами... Правильнее сказать, пока не научилась. Я привыкла изъясняться на великом могучем...

- И ты ему уже объяснялась в любви? - с ужасом в глазах спросил отец, будто его дочь занималась непристойностями с малознакомым молодым человеком.

- Я – нет, а он объяснялся, - доложила она приглушенным шепотом, что можно было расценить, как приукрашивание истины.

Ленька хмыкнул и сказал многозначительное «Ну-ну».

- Да, точно тебе говорю: он меня любит! Петюня за мной с первого курса хвостом ходит.

- И ты решила сдать позиции? Или развлечешься захотелось? Белое платье, фата на взбалмошной голове, ленты, тосты, автомобили гудят...

- Фи, как пошло, – скривилась Инка. – Ненавижу мещанство и обезьянство! Пойдем в ЗАГС с паспортами, отштампуемся, выпьем по бокалу шампанского и всё.

- Не всё, моя дорогая, после начнется самое интересное. Уборки, готовки, плач младенца, пеленки... - быстро обрисовал отец будущую счастливую жизнь после «отштамповки».

- Никаких младенцев! – затравленно произнесла Инна, вмиг избавившись от иронии. Ужас от Лени передался ей. – Ты забыл, где я провела целый год? Это ничего не значит, что у меня не нашли отклонений, и они не выявились с годами, радиация может сказаться на моих детях.

- Что за бред?! – возмутился Леонид и стал изучать ковер под ногами, четко следуя взглядом за витиеватым рисунком.

- А то я не слышала, как тебе об этом говорил доктор, когда мы переехали в Волгодонск, и ты повел меня в детскую поликлинику ставить на учет.

- Десять лет минуло с той поры, пора бы забыть, кто и что сказал. Это всего лишь предположение, - недовольно пробубнил отец. – Пред-по-ло-же-ние! – повторил он по слогам, будто впихивал слово в голову дочери короткими ударами. Но вдруг опомнился: забыл пожурить любознательную дочь. – А ты опять подслушивала! Что за дурацкая привычка!

- Какая есть, - дернула плечиками Инна.

- Ладно, оставим эту тему. Можно спорить часами и не прийти к соглашению. Мало ли, что сказал один, не совсем компетентный, специалист.

- А вдруг он окажется прав, и у меня родится... ребенок с отклонениями? – смягчила она фразу. Перед глазами маячил младенец с несколькими парами конечностей, напоминавший паука из домика бабы Яги, где ее много лет назад закрыла Ирина Ялович.

- А вдруг родится здоровый малыш? В любом случае ты будешь наблюдать у хороших врачей...

- Лучше мне, вообще, остаться в старых девах, - перебила его Быстрова.

- В старых девах - не надо, а в просто девах - пока желательно! – усмехнулся Леня. Усмешка вышла кривой - сердечная боль настойчиво напоминала о себе. Он незаметно растер рукой левую сторону груди.

- Чем тебе Петюня не понравился? – театрально вскинулась девушка.

- А чем он тебя привлек? Фамилией? Или ушами? Или тем, что ходит за тобой хвостом уж который год? Небось, в рот заглядывает, когда ты говоришь, намеки ловит на лету, чтобы быстро отреагировать и бежать исполнять пожелание.

- Да, уши, у него знатные, ничего не скажешь... - согласилась Инна, перебирая в памяти положительные черты Забубенчикова, и остановилась на одном – покладистость.

Петька был робкий, смирный, безответный, шел в указанном направлении, даже на тридевять земель, если Инне нужна была книга, которая продавалась только в другом «Царстве-государстве». Никогда не спорил, со всем соглашался... Вот и сейчас, сказала едем к папе, значит, к папе. Про цель поездки даже не спросил, как не узнал, с чего это она впервые пригласила его присоединиться?! Сама сказала, что одной скучно в дороге... В общем, хороший парень, но слабыхарактерный, как говорилось в одном известном фильме.

- Одним словом Петюня, - прочел ее мысли отец. – Не Петр, из уважения, не Петечка, от чувств, а тягуче-занудно Петю-ю-юня! Ни рыба, ни мясо! Окончит институт, устроиться в

захудалое НИИ, будет сидеть лаборатории, с потолка которой сыпется штукатурка, и медленно обрастать мхом. До глубокой старости. И так и останется Петюней... Что-то я не о том, - пробурчал мужчина, в голове которого хозяйничала стихия. – Кем будут работать твой муж, мне не важно. Пусть будет токарем, пекарем, без разницы, лишь бы не был тунеядцем, а главное – любил тебя.

- Но Петюня меня любит, - напомнила дочь. Отец поморщился. То ли от ноющей боли, которая все разрасталась и постепенно охватывала всю грудь, то ли от необъяснимой настойчивости Инны, которая начала его раздражать.

- Я это вполне допускаю – такую девушку, как моя дочь, нельзя не любить! Но! Я хочу видеть в твоих глазах ответное чувство! Когда человек любит, его глаза сверкают, как бриллианты, когда человек любит, он безмерно счастлив и хочет обнять весь мир! Он порхает, он светится! Ничего подобного я в своей дочери не наблюдаю.

- Твоя дочь любит своего отца! И она безумно счастлива от того, что он у нее есть! – с улыбкой заверила Инка и потерлась носом о его щеку.

- Я рад, растроган и нахожусь на седьмом небе от счастья! Но что-то не вижу тебя рядом?

- На седьмом? – задумалась девушка. – Высоковато тебя занесло! Ты, Ленчик, этажи перепутал, мы на пятом живем! – рассмеялась она.

- Экая ты приземленная натура! А все почему? Потому, что любовь не дала тебе крылья.

- Зря я Петюню привезла к тебе! – огорчилась дочь.- Знала же, что он тебе не понравится...

- Хорошо, что привезла, - похвалил Леонид, - я принял участие в твоём спектакле, а то заскучал от одиночества.

- Лучше бы ты мне привил амнезию, - шепотом произнесла Инна.

Быстров не услышал фразы из-за грохота в соседней комнате.

- Я забыл, что такие локаторы, как у твоего знакомого, работают лучше, чем обычные уши, - заметил он. – Услышал наш разговор и упал без чувств...

Из соседней комнаты продолжали доноситься странные звуки.

- Однако, он не слишком шокирован, уже приходит в себя, - с досадой констатировала девушка.

- А, может, он мебель начал крушить от расстройства? – с надеждой в голосе спросил Ленька, считая такой поступок достойным ответом на нападки.

На самом деле, под упитанным Петюней сломался стул. Парень и так находился на высшей степени страха, а теперь страх стал запредельным. Будущий химик не имел навыков плотника, пытался вставить все не туда, в итоге приложил чрезмерную силу и переломил ножку пополам.

- Надеюсь, Вы не пострадали при полете со стула? – озабоченно поинтересовался несостоявшийся тесть.

- Н...нет, - с запинкой доложил молодой человек, поднялся на ноги и автоматически потер сидалище.

- Пойдем, мастер-ломастер, - улыбнулась Инна.

- Куда? – испугался парень.

- Провожу тебя до автобуса.

- Зачем?

- Домой поедешь, недогадливый мой!

- А ты?

- А я пока в Волгодонске останусь, вернусь в воскресенье.

- А сегодня, какой день недели? – полюбопытствовал Петюня с озадаченным видом, словно этот вопрос был на данный момент жизненно важным.

- Сегодня среда, ты пропустил занятия в университете! – попеняла ему девушка.

- Ты же сама сказала, что тебе скучно одной ехать и пригласила меня для компании, - пробурчал парень-увалень.
- Та-а-ак, - протянул Ленчик, который окончательно убедился, что его пытались искусно провести. – Инна проводи молодого человека, а после мы поговорим!
- Уже и пошутить нельзя, - вскинула брови Инка и повернулась к Петюне. – Пойдем уже, счастье мое незаходящее!
- Я думал, мы вернемся вместе, - на ходу стал выговаривать он. – Завтра же лабораторная по органике...

Когда они оказались на улице, молодой человек спросил.

- Инна, а про какое кольцо вы говорили? – заметил ее недобрый взгляд, который она умело скопировала у отца, и сразу протараторил оправдание, - любопытство не порок, а получение дополнительных знаний.
 - Еще какой порок! За такое в старые времена... у-у-у! – прогудела она подобно паровозному гудку, скрыв за ним перечень расправ над такими, как Петюня.
 - Вот ты какая, Инночка, использовала меня в темную, я поверил, что ты хочешь за меня замуж, а оказалось, что ты отца хотела разыграть.
 - Разыграть отца или себя окунуть в бочку развлечений, как в ледяную воду, чтобы отвлечься от грустных мыслей и взбодриться, – едва слышно пробормотала она, приложила ладонь ко лбу, будто проверяла таким образом температуру, которая должна была резко понизиться после холодных омовений.
 - Голова болит? – с участием спросил он.
 - Зубы от тебя ноют, - вздохнула она, заметила огорчение на лице приятеля, ухватила его за локоть и потянула за собой.
- Петюня изловчился, повернул на ходу голову и прочел название улицы, словно хотел запомнить для того, чтобы еще раз вернуться.
- Октябрьское шоссе, двадцать пять... Понятно...

До отправления автобуса было целых полчаса. Целых для Инны и всего-то для молодого человека, расплывшегося от счастья: его взяла под руку любимая девушка! Он осторожно погладил ее пальчики, покоящиеся на его локте. Но девушка не отреагировала, погрузившись в свои мысли.

- Середина сентября, а холодно, как в конце октября, - попытался завести непринужденную беседу Петюня, чтобы потом вернуться к кольцу прабабушки Инны.
- Быстрова знала парня, как облупленного, вскинула на него тяжелый взгляд, под которым он просел, и заявила.
- Ну, зачем тебе загружать голову ненужными подробностями?
 - А ты без подробностей! – великодушно предложил он.
 - Если бы кольцо до сих пор было в наших руках, то бы ты из меня клещами не вытянул признание. А так... Было и сплыло колечко, как пришло неожиданно, так и ушло, оставив немалые дивиденды. И совесть нас не мучает! – заявила она, заметив укоризненно-заинтересованный взгляд Петюни. – Можно было спихнуть вину на отца Марго, который нашел это колечко в Первую Мировую войну, или на себя и Ленчика за то, что не вернули законному владельцу, но я этого делать не собираюсь. Я считаю его наследством, полученным от прабабушки, и делаю вид, что к ней оно пришло от своей бабушки. Так сказать, семейная реликвия. – Она хотела добавить, что ей хватает своих мучительных воспоминаний, за которые она себя корит. Если добавить переживания за чужое кольцо, волею случая оказавшееся в руках русского солдата, можно свихнуться.
 - А отец Марго нашел кольцо на поле боя? – подобрался Петька, при этом глаза загорелись алчным огнем, словно он готов быстренько собрать вещи и махнуть с

помощью машины времени в начало века, где места боев с были сплошь усеяны драгоценностями. Взгляд парня затуманился, будто перенос упитанного тела уже совершился и теперь юный мечтатель пребывает на поле брани среди мерцающей роскоши попеременно с павшими бойцами с обеих сторон. – Если сейчас девяносто девятый год, - прикинул он, - то прошло приблизительно восемьдесят пять лет. Именно, столько кольцо было в руках твоих предков.

Инна никогда не рассказывала о своем происхождении, во избежание вопросов и неискренне - сожалеющих реплик, в которых кроме любопытства ничего не было. А когда ее спрашивали, почему она называет отца по имени, девушка отвечала, что он слишком молод, чтобы быть родителем. О матери она говорила неохотно и кратко: «Она погибла».

- Мой прапрадед, - продолжила Инна свой рассказ, мысленно пересчитав все нужные «пра», так как была скрупулезным человеком даже в мелочах, не говоря уже о предках, пусть и приобретенных благодаря Леониду, - так вот, мой прапрадед нашел кольцо в нагрудном кармане кителя одного немецкого офицера...

- Высокого звания?

- Будешь перебивать, не буду рассказывать! – парень приложил пальцы к пухлым губам, показывая, что он нем, как та рыба, что разложена у ног рыбачка в высоких резиновых сапогах, стоящего неподалеку на импровизированном рынке. – Я не знаю, какого тот был звания, но не думаю, что из верхов. Высшие чины не участвовали в боях, руководили с командного пункта, а этот лежал у окопа среди рядовых солдат, хотя, какое это имеет значение, - отмахнулась Инна. - Так получилось, что кольцо оказалось у прапрадеда... Я понимаю, что это было мародерство... - она споткнулась на этом слове и напряженно стала восстанавливать в памяти, где его уже слышала и из чьих уст...

Конечно, это говорила мама... Мамочка... Красавица Ефимия, превратившаяся в высохшую мумию в поселке Копачи, где ее похоронили экскаваторы, приехавшие весной... - вспомнила девушка. В по её висках противно застучали молотки. По одному с каждой стороны. Они искусно вбивали гвозди в ее виски с синими прожилками вен, соревнуясь в совершенстве и скорости. - На могиле отца я была, а могилу маме соорудила сама, довершили дело чужие люди, которые не догадывались, что в поселке остался один человек, пусть и неживой...

- Инн, Инна, ну ты чего замолчала? – Петька теребил ее за рукав куртки.

Девушка медленно стала возвращаться в настоящее.

- На чем я остановилась?

- Немецкий офицер лежал у окопа, - услужливо напомнил Парень, умолчав про мародерство.

- Отец моей прабабушки нашел кольцо у него в кармане... в нагрудном кармане кителя немецкого офицера, - безучастно повторила она, словно прокручивала пластинку заново для восстановления памяти. – Там же лежало письмо, которое он написал своей девушке.

- А ты видела письмо?

- Видела перевод, который сделал в то время один обрусевший немец. Со временем оригинал затерялся, осталась русская версия, но и та с годами поистрепалась. Когда бумага стала рассыпаться, а буквы стираться, бабуля переписала его.

- А адрес был указан?

- Был и адрес, старательно скопированный с письма–оригинала. По пляшущим немецким буквам можно сразу определить, что писал истинно русский человек, мало осведомленный в дойч-грамматике... Отец Марго, Всеволод Гаврилович Цибульников, спустя годы, написал по этому адресу, не испугавшись, что ему пришлют связь с иностранцами, но ему никто не ответил. А, может, письмо затерялось. Или кто-то перехватил.

- А что Цибульников написал этой немке?
- Написал, что кольцо, предназначенное ей, случайно попало к нему, и он хочет его вернуть.
- Что, правда, хотел вернуть? - удивился парень, на щеках которого от возбуждения образовались красные круги неправильной формы.
- Конечно, хотел. Он всю жизнь ругал себя за этот необдуманный поступок.
- Не взял бы он, прикарманил кто-то другой.
- Ну, пусть бы прикарманивал, но совесть Всеволода Гавриловича была чиста. По словам Марго, ее отец в тот раз впервые пожалел врага. Поверженного врага, который собирался после войны жениться на девушке Ирме и в знак любви преподнести ей старинное кольцо своей матери. Оно было необыкновенной красоты и образцом ювелирного мастерства. Если бы не настойчивость Маргариты Всеволодовны, мы с Ленчиком никогда не расстались с ним. Но последнюю волю умирающей бабушки мы обязаны были исполнить.
- А убитого немца как звали? Только не говори, что Ганс или Адольф!
- Петюня, ты ведешь себя, как следователь на допросе, который пытается уличить меня во лжи, подкидывая ничего не значащие вопросы, чтобы снова вернуться к теме разговора и начать по новой! – возмутилась Инна.
- Просто интересно...
- Его звали Алоис Бергман.
- Красивое имя, - заметил молодой человек. – И кому вы продали кольцо?
- Обратились к одному ювелиру в Киеве, он порекомендовал нам коллекционера, который как увидел кольцо, так весь затрясся, словно к нему вернулась семейная реликвия, потерянная пару веков назад.
- А ты не додумалась сфотографировать колечко? Так сказать, для памяти?
- Не додумалась! Зачем мне лишний раз терзаться от собственной глупости?! Я отлично знаю, что за кольцо мы могли бы получить раза в два больше, но согласились на предложенную сумму. Честно говоря, нас и она... шокировала. Не думала, что кольцо может столько стоить. Все же раритет...
- Петя не решился поинтересоваться ценой чужестранной реликвии, а девушка вспомнила слова Марго, которая уверяла, что все беды их семьи связаны с кольцом, похищенным у убитого немца в далекую Первую Мировую войну. Из пятерых детей, родившихся в семье Цибульниковых, выжила только Маргарита. Рано ушла из жизни ее мать, жена Всеволода Гавриловича. А потом случилась еще одна трагедия...
- В это время подошел автобус Волго-Донск – Ростов, Инна поспешно распрощалась с Забубенчиковым и двинулась в сторону дома, где ее ждал отец. Она не боялась воспитательного процесса, была уверена, что Ленчик давно успокоился, сидит в кресле и читает газету. У его ног лежит Бэзил и делает вид, что дремлет.
- Любящие родители добры и снисходительны к своим детям, в каком бы возрасте те не были...

Когда Инна зашла в квартиру, Ленчик повернул голову и удрученно спросил.

- Слышала, два дня назад в Москве на Каширском шоссе дом взорвали? Столько людей погибло!
- Слышала, - покачала головой дочь, - я бы этих варваров рода человеческого, что мирных граждан убивают, ставила бы к стенке!
- Три года назад в России был введен мораторий на смертную казнь, - напомнил Быстров.
- Не думай, что пожизненный срок это лучше, чем вышка. Осужденные сначала радуются, что им даровали жизнь, а потом понимают: это не жизнь, это унижительное существование в полусогнутом состоянии. Так что, неизвестно, что лучше?

- Лучше казнь на площади, чтобы другим было неповадно! – разгорячилась Инна. – Вот, представь наш четырех подъездный дом. Окна не светятся. Ночь. Все мирно спят. И вдруг... бабах. И нет дома, нет мирных жителей...
- Ты рисуешь страшные картины! – нахмурился отец.
- А что заслуживают изверги, покусившиеся на чужие жизни? – продолжала кипятиться дочь. - Всенародного линчевания!
- Суд Линча для нашего цивилизованного общества не подходит.
- Когда в обществе живут подобные уроды, его нельзя назвать цивилизованным!
- Мы можем дискутировать до утра, но так и не придем к общему мнению. Ты максималистка, я не бросаюсь в крайности, придерживаюсь золотой середины, чту законы, отвергаю варварские методы расправы.
- Но...
- Все, все, все! – прервал Инку Ленчик, - пошли ужинать!
- «Спящий мертвецким сном» кот Бэзил внял предложению и устремился впереди всех в кухню...

Ночью, как всегда после повышенной дозы воспоминаний, ей снились кошмары. То она бежала впереди рвущихся снарядов с винтовкой наперевес, то сидела возле убитого немца, лежащего на земле с застывшим удивлением на восковом лице, и читала письмо, написанное на незнакомом языке, но все понимала. Потом одно видение незаметно перескочило на другое: Инна вырывала из рук подруги Мины статуэтку Олимпийского медведя и доказывала при этом, что она принадлежит ей по праву...

Девушку разбудил звон разбитого стекла. Она открыла глаза и непонимающе пошарила глазами по погруженной в полутьму комнате. Электронные часы, подаренные Ленчику на недавний день рождения, светились четырьмя цифрами – 04:56. У ног сопел Бэзил. Сначала Инка хотела продолжить блуждание по гнетущим снам, но, вспомнив о причине пробуждения, вскочила и устремилась в соседнюю комнату, где спал Быстров. Разбуженный кот встрепенулся и последовал за ней. Пробивающийся сквозь портьеры лунный свет размывался по комнате туманным облаком и прятал в нем человека на кровати, словно защищал от посторонних.

Девушка помялась на пороге, затем решила и тихо позвала.

- Ленчик, ты спишь?

Ответила тишина, потом ее пререзало жалобное мяуканье кота. Бэзил обогнул нерешительную хозяйку и уверенно пошел к Леониду, не удостоившему ответом перепуганную дочь.

Котья легко оторвался от пола, хлопнулся на грудь мужчины и стал принюхиваться, словно не мог сразу разобрать, его ли хозяин недвижимо лежит под тонким одеялом. Инна боялась протянуть руку и щелкнуть выключателем, не желая увидеть что-то непоправимое. После чего ее жизнь закончится теперь уже навсегда. Еще с одной потерей ей не справиться. Когда она не будет чувствовать постоянную поддержку единственного близкого человека, которым всегда был приемный отец, воспоминания проглотят ее.

Теперь ее поддержка, ее опора, ее скорая помощь – ее всё - лежала на кровати и не подавала признаков жизни. Девушка нашла в себе силы сбросить оцепенение и зажгла светильник, заполнивший пространство лимонным ослепляющим светом. Она на пару секунд зажмурилась, а затем... Сначала в глаза бросилась разбитая чашка, разлетевшаяся на осколки. То, что от нее осталось, пристроилось на полу у прикроватной тумбочки. Рядом валялась блестящая упаковка таблеток.

- Леня?! – вопросительно-призывно прошептала Инна, не решаясь заорать во всю глотку. Или пыталась себя обмануть, пыталась внушить себе, что отец просто спит, а она боится

его разбудить. Вот сейчас он откроет глаза, по-детски потрет кулачками, сладко зевнет, погладит кота и пробурчит: «Сами не спите и другим не даете»...

Но Быстров на тихий призыв не отреагировал.

Васька–Бэзил начал ожесточенно массировать грудь, впиваясь острыми когтями в одеяло, которое с его помощью пришло в движение. Потом повернул голову в сторону хозяйки, замершую на пороге, и возмущенно зашипел, удивляясь ее бездействию.

Инна очнулась, подлетела к кровати и приложила ухо к левой стороне груди Ленчика, проигнорировав привычное прощупывание пульса. Сердце едва слышно неритмично билось. Она схватила трубку телефона, долго что-то кричала и требовала, называла адрес по несколько раз и упрашивала прислать бригаду скорой помощи как можно быстрее.

- Поймите, мой отец не может умереть! – взывала она к пониманию женщины с усталым голосом на том конце провода. – Ему всего тридцать пять лет... Я Вас очень прошу, помогите!!!

А потом она металась между лежащим без движения Быстровым, окном и входной дверью. Бэзил сидел на кровати и внимательно следил за ее перемещения, непрерывно водя ушастой головой...

- Инфаркт! – констатировала после осмотра молоденькая врачиха в очках и привычно перекинула фонендоскоп через шею. – Будем госпитализировать! Соберите все необходимые вещи.

- Необходимые... для чего? – совсем отупела от испуга Инна.

- Для больницы, - терпеливо объяснила очкастая в белом халате. – Пижама, тапочки...

- У него нет пижамы, - с легкой улыбкой, едва тронувшей губы, заявила дочь, до которой дошло: раз человеку нужны тапочки, то он будет передвигаться.

- Спортивный костюм есть? – с обреченной надеждой поинтересовалась доктор, незаметно оценив взглядом обстановку, которая должна быть обязательно убогой, ежели нет не только полосатой пижамы, но и сине-фиолетового спортивного костюма на молнии.

- Есть! – окончательно обрадовалась Инна и забегала бесцельно по квартире. Она не могла собрать себя, не то, что сумку с вещами.

Когда все необходимое само собой уложилось в большой спортивный баул, девушка открыла кладовку и пошарила глазами по полкам. На самом верху лежала та самая дерматиновая сумка, с которой Инна вышла из зоны отчуждения. Она подтащила стремянку, взяла сумку и, не отдавая отчета своим действиям, запихнула ее в баул, присоединив к вещам Ленчика. Еще одна важная вещь – талисман - находилась в студенческом общежитии и ждала возвращения будущего химика, пренебрегшего занятиями в середине учебной недели.

У двери копилкой сидел Безил, непонимающе поглядывал на хозяйку и нервно подергивал хвостом. Если бы он мог покрутить лапой у виска, то с удовольствием это проделал. Неспособность он заменил на недовольное пофыркивание.

- Значит, так, - обратилась к нему Инна, - остаешься за главного...

- Мяу, - то ли отказался, то ли согласился кот и дернул головой.

Раз за главного, то может делать все, что хочет. Для начала он решил пересечь границы своей среды обитания.

Домашняя животиная, презиравшая уличные прогулки, незаметно выскользнула за хозяйкой и стала с независимым видом спускаться по лестнице, брезгливо оглядываясь по сторонам. Инна заметила бегство, но у нее не было времени гоняться за Васькой и возвращать его в квартиру.

- Проголодаешься, сам придешь, - пробурчала она и поспешила на улицу, где стояла машина скорой помощи и терпеливо ждала пациента, которого вынесли на носилках. Благодаря усилиям докторицы, Ленчик пришел в себя и пытался донести до нее, что

необходимость в госпитализации отпала сама собой. Он чувствует себя великолепно! Попытался встать, но гневная барышня остудила его пыл.

- Лежите спокойно, больной, и не разговаривайте! Вам вредно!

Девушка в очках исподтишка изучала симпатичного молодого человека. Впервые ее внимание привлек пациент. Бледный, с темными кругами под глазами, но очень-очень приятный и терпеливый. Он не ныл, старался бодриться, но докторица-то знала, каково ему сейчас.

Инка заметила ее интерес, недовольно поджала губы, поправила одеяло, приветливо улыбнулась отцу и сказала, отгесняя молодую врачиху.

- Не волнуйся, Ленчик, все наладится. Так просто ты от меня не отделаешься!

Перед тем, как сесть в автомобиль, девушка осмотрела двор, словно запоминала его в предрассветном умиротворенном состоянии. Остановилась взгляд на припаркованном у одного из подъездов одиноком грузовике с будкой, который ночевал здесь много лет, вдохнула холодный сентябрьский воздух, поежилась, еще раз провела глазами по темным глазницам окон дома, послушала привычную тишину, не отпуская и одновременно тревожащую ее, и захлопнула дверцу...

Наручные часы Инны показывали пять тридцать пять.

Через двадцать две минуты у дома тридцать пять по Октябрьскому шоссе взорвался грузовик ГАЗ-53, в кузове которого находилась взрывчатка. Взрывной волной была разрушена фасадная часть и перекрытия в двух подъездах.

Особенно пострадали два последних подъезда из четырех. На четвертом, пятом и восьмом этажах вспыхнул пожар, который удалось потушить через несколько часов.

Быстровы жили в третьем подъезде на пятом этаже...

Леонида определили в отделение интенсивной терапии. Инна расположилась в холле и стала терпеливо ждать вердикта врачей. Она безучастно пялилась в стену перед собой, запахнув ладони под мышки. Таким способом она усмиряла тремор пальцев и одновременно грела озябшие кисти руки. Две ледышки постепенно оттаивали, отдавая холод телу. Инку начало знобить, она накинула на себя ветровку, но это ей не помогло. Холод противным комком сосредоточился в животе и извергался оттуда ледяным потоком, расплывающимся по организму. Зубы начали выбивать ритмичную дробь, ступни ног околели и занемели. Девушка пошевелила пальцами ног, спрятанными в кроссовки, и скривилась от боли. Какая-то невидимая вражина втыкала иглы и наслаждалась своей работой. Инна не выдержала издевательств, с трудом поднялась и почувствовала, как кровь начала медленно поступать в конечности. Она пульсировала и согревала, пощекочивая под коленками. Быстрова сделала осторожный шаг и чуть заметно улыбнулась – оказывается, способность передвигаться ее не покинула, а то она подумала, что конечности отнялись. Инка застегнула наглухо молнию на куртке, сунула руки в карманы и стала исполнять роль стражника, несущего дозор в холле перед отделением терапии. Дежурная сестра исподлобья поглядывала на нее и делала вид, что чрезвычайно занята. Связкой для трех небольших диванов, стоящих буквой «П», служили кадки с розами, в каждой из которых краснело по одному вызывающему цветку. Девушка погладила резной шершавый лист, полюбовалась алым пятном без запаха, в чем она успела убедиться, и продолжила шествие, изредка бросая взгляд на экран телевизора, стоящего здесь же, в холле. Уголок отдыха был уютным, но девушка не принимала подобного больничного уюта. Бормотание диктора снимало напряжение, но его речь ее не трогала. До тех пор, пока она не уловила упоминание своего города. Тогда быстро подошла к телевизору и прибавила звук. Медсестра хотела сделать ей замечание, но замерла с открытым ртом. На экране пошли кадры трагедии. Их девятиэтажный дом,

еще пару часов назад спящий спокойным сном вместе с обитателями, теперь лишился фасада и источал из себя возмущенное пламя. Инна успела увидеть, как огонь завладел их квартирой. До нее начало доходить, что они с отцом по несчастливой случайности избежали гибели. Не было ни радости, ни позднего испуга, лишь оцепенение и отрешенность, словно все происходит не с ними, а с какими-то незнакомыми людьми, живущими в другом незнакомом городе. Хотя, боязнь появилась. Девушка боялась, что Ленчик может узнать о случившейся трагедии.

Ленчик, Ленчик, дорогой мой талисмЭн, ты снова спас меня, - подумала Инна. – Ты или твоя ужасная болезнь отвела от нас смерть. Таких порядочных людей, как мой приемный отец, она должна шадить, но меня-то за что? Почему ко мне такое благоволение? Или это аванс на будущее?

В холле раздались торопливые шаги, но Инна не могла оторвать взгляд от экрана телевизора. На ее плечо легла тяжелая рука, а совсем рядом раздался голос Ефима Олева, друга и компаньона Леонида Быстрова.

- Ты уже все знаешь?

- Только Ленчику ничего знать не надо. Хоты бы, пока... Я сама расскажу, когда ему станет лучше.

- Как знаешь, - пожал плечами Фима, предпочитавший во всем коммунистическую прямолинейность. Они часто спорили по этому поводу с Быстровым, который утверждал, что в некоторых делах нужна дипломатичность, а иногда и полуправда. Нельзя сразу выливать на заказчика поток полученной информации. Одно дело, когда наблюдение касается конкурента, а другое – его частная жизнь, требующая дозаций.

- Адюльтер жены на стороне должен быть проверен-перепроверен, - настаивал Леня, замечая переживание супруга, у которого на голове стали пробиваться небольшие рога. – Главное в нашем деле – тактичность и деликатность.

- Может, нам им слезы вытирать или рыдать за компанию?! – возмущенно заявлял Олев.

- Иногда можно и порыдать, - отвечал Леонид.

- Тебе всех жалко: и жену, уставшую от вечной занятости мужа, и мужа, увлекшегося делами и упустившего личное счастье. Ты еще начни вразумлять загулявшую супругу и грозить пальчиком: «Ай-ай-ай, как нехорошо, дражайшая Феклуша Батьковна, к вам муж со всей душой плюс баблом, а вы от скуки любовничка себе завели?» И как это назвать: настоящим чувством среди благоухающей весны или коротким увлечением, которое пройдет с наступлением холодов?..

- А если женщина оступилась? Случайно, под действием душевного одиночества и непонимания? Не лучше ли оставить ее романчик в тайне? Она не поставила измены «на поток», сама раскаивается в содеянном.

- Пусть заведет себе собаку, ежели не хочет портить фигуру и рожать детей, и изливает ей всю накопившуюся обиду на супруга– бизнесмена.

- Тривиально мыслишь, - констатировал Быстров и сворачивал бесконечные споры.

Но, несмотря на различие взглядов, Ефим и Леня не могли прожить друг без друга и нескольких часов. Даже в редкие выходные они вместе отправлялись на рыбалку или строили дом на даче Олева, которую считали общей «базой труда и отдыха».

- Вы так спорите с Фимой, - выговаривала дочь отцу наедине, - что я иногда думаю, еще чуть-чуть и дело дойдет до драки.

- Никогда! Мы же настоящие друзья! Просто смотрим на жизнь под разными углами, Фима под прямым, а я – под острым, когда жестко реагирую на нарушение закона, или под тупым, когда на незначительные прегрешения смотрю сквозь пальцы. – усмехался Леонид.

Олев узнал о болезни Быстрова от Инны, которая позвонила ему из больницы, вспомнив, что не оповестила приятеля отца, с которым их свел случай...

Ранним майским утром слушатель Школы милиции Ефим Олев шел в районный Отдел Внутренних Дел, где ему предстояло проходить практику. Погода была великолепная, воздух пропитан запахами сирени, деревья полностью закутались в ярко-зеленые покрывала, не успевшие покрыться дорожной пылью. Весело спорили птицы, радуясь наступившему теплу. Всеобщее благодушие передалось и молодому мужчине. Он ловил себя на том, что улыбается. Просто идет по улице и глупо скалится, чувствуя себя совершенно счастливым человеком. А как иначе: перед двадцатилетним парнем открыты все двери, стучись в любую, везде тебе будут рады. Прекрасный возраст! Ни проблем, ни печалей, одна жажда перемен! По привычке Ефим всматривался в лица прохожих, будто запоминал. На противоположной стороне дороги, прямо у обочины, остановился самосвал, груженный галькой, из кабины вышел парнишка в кепке, хлопнул дверцей, постучал носком ботинка по колесу, бросил на землю окурков и скрылся в придорожном кафе со звучным названием «Чайка» и соответствующим изображением. Дорога шла под уклон, а нерадивый водитель позабыл поставить самосвал на ручной тормоз, поэтому тот пришел в движение самостоятельно. Машина наращивала скорость, на ее пути была лишь одна помеха, да, и помехой это не назовешь – вдоль дороги, спиной к самосвалу брела девочка с ранцем за спиной, размахивая сумочкой со сменной обувью. Она смотрела себе под ноги и не замечала никого, словно чувствовала себя единственным человеком на земле. Не реагировала на пробуждающуюся природу, не вздрагивала, когда какой-нибудь лихач-автомобилист, пролетал совсем близко от нее, не обратила внимания на большую собаку, жмурящуюся на солнце, которая громко тьякнула, когда маленькая фигура загородила ей дневное светило. Наблюдательный студент-практикант заметил девчущку еще до начала движения неуправляемого самосвала, его удивила задумчивая зрелость. А когда груженный галькой грузовик самопроизвольно двинулся в обратном направлении, Олев не раздумывая ни секунды, перелетел через дорогу, пренебрегая потоком автомобилей, которые негодуяще загудели и сбились с ритма, оттолкнул девочку с обочины, а сам вскочил на подножку самосвала, проник в кабину и дернул ручник.

Задумчивой девочкой была Инна Быстрова. Поначалу она не поняла, что произошло, и зачем ее толкнул незнакомый дядя. Фима решил, что с такой отрешенной особой может произойти всё, что угодно. Поэтому взял ее за руку и отвел домой, где познакомился с Леонидом. Когда она узнала, как зовут ее спасителя, то даже не удивилась, посчитав, что его послала мать, выбрав для важной миссии своего тезку.

Неужели у меня появился еще один талисмЭн, - подумала Инка, разглядывая рослого парня, похожего на цыгана...

- Ты сама как? – поинтересовался Ефим, заглядывая в ее туманные глаза.
- Держусь, - односложно ответила она. Мысли металась от больного отца к взорванному дому. – Представляешь, Бэзил из дома сбежал, - обрадовано сообщила она.
- Когда?
- Когда я дверь входную закрывала, он выскочил и побежал вниз.
- Говорят, что животные чувствуют приближение беды. Очевидцы рассказывают, что перед землетрясением собаки громко воют, - с умным видом произнес он, желая развлечь девушку пустой болтовней.

Оба повернули головы к экрану телевизора, где снова стали рассказывать о взрыве дома в Волгодонске.

- Жаль, жителей, - вздохнул Олев.

В это время к ним вышел врач и сказал, что все необходимые меры приняты, и сейчас больной спит. Заметил встревоженный взгляд дочери и успокоил.

- Не волнуйтесь девушка, у него крепкий организм, он справится, и мы ему в этом поможем. – потом вытащил из кармана упаковку с таблетками и спросил. – Это лекарство принимал ваш отец?
- Это, - согласно кивнула Инна, не понимая причины интереса, – ему участковый врач прописал... Что-то не так?
- Странно, но это лекарство, - доктор постучал указательным пальцем по белой коробочке, - дало обратный эффект... - Он стал сыпать непонятными терминами, Олев не выдержал и попросил изъясняться на доходчивом языке. После чего далекие от медицины люди поняли одно – вместо того, чтобы понижать артериальное давление, расширять кровеносные сосуды и обеспечивать сердце кровоснабжением, это лекарственное средство повышало давление, резко сужало просвет сосудов, вызывало стенокардию и в конечном итоге привело к инфаркту.
- Это не могло быть связано с индивидуальной особенностью организма Леонида? – перешел Фима на понятный доктору язык. Он сверлил его своими черными глазами, словно подозревал того в подмене лекарства.
- Или он не соблюдал режим приема препарата? Допустим, по собственной инициативе увеличил дозу, когда приступ учащался? – присоединилась Инна.
- В некоторых случаях передозировка правильно подобранных лекарств может вызвать обратный эффект. Например, дорафин или...
- Не будем уходить в сторону, - перебил врача Ефим, не любивший «лирических» отступлений от темы разговора.
- Но не это лекарство! – продолжил доктор, не обидевшись на неуважение к его сединам и званиям. При этом он снова ткнул указательным пальцем в ненавистную коробочку.
- Инна сама видела, как за вчерашний день Ленчик пару раз доставал из нее таблетку, при этом недовольно кривился, словно мысленно осуждал себя за тягу к лекарственным препаратам. Но всё же закидывал её в рот и запивал водой. Девушка пыталась вспомнить, сколько таблеток он выпил, но не смогла. Она забрала из рук эскулапа упаковку, раскрыла ее, вытащила две желтые блестящие упаковки, одна из которых была нетронутой, а в другой отсутствовали шесть из десяти.
- Леониду эти таблетки позавчера купила секретарша, он ее сам попросил. Ему врач прописал принимать три раза в день, он пунктуально это делал, так как обещал дочери. – с преданностью во взгляде заявил Ефим, будто сам давал девушке клятву. - После обеда кинулся, а все упаковки пусты. А у нас дел непростой... Диана Сергеевна сама вызвалась сходить в ближайшую аптеку.
- Она часто оказывала подобные услуги? – недовольно спросила Быстрова, будто уличала секретаршу с интимной связью с женатым мужчиной.
- Впервые. Ленка не любил вмешивать подчиненных в свою личную жизнь.
- Он не любит вмешивать, - поправила Олева Инна и осуждающе прищурилась, - не надо говорить о Ленчике в прошедшем времени.
- Я не говорю, - потупился он, - просто... случайно вырвалось.
- Доктор, скажите, могли шесть таблеток дать обратный эффект? – спросила девушка, повторив фразу, услышанную от него самого. – Если учесть, что он их растянул на двое суток.
- Не могли, - ответил он без колебаний и снова начал читать лекцию, занявшую не более двух минут по причине вмешательства прямолинейного Олева.
- Из всего сказанного Вами я могу заключить, что кто-то подменил нужные таблетки на таблетки, способные нанести вред? – задохнулся он от возмущения.
- Но мы не можем голословно заявлять, надо... - начал врач, но ему снова не дали продолжить.

- Я знаю, что нам делать дальше – необходимо отдать таблетки на экспертизу и установить, что это за дрянь, - Фима кивнул на упаковку. – А потом я займусь поисками человека, которые совершил такое лекарственное алаверды.

Врач не удержался и хмыкнул, удивляясь такому фразеологическому обороту.

- Беда, как обычно, не приходит одна, - печально вздохнула Инна. И рассказала неосведомленному эскулапу, который провел долгое время у постели отца, о взрыве их дома, унесшего человеческие жизни.

- Боже мой, боже мой, - запричитал доктор, покачивая седой головой. – И в нем вы жили!.. И ведь могли погибнуть?! Впервые слышу, чтобы инфаркт не лишил жизни, а напротив, даровал ее.

- Получается, что так... - задумчиво проговорила она, сложила губы трубочкой и повертела ими в разные стороны.

- Я могу найти вам свободную кровать, где вы сможете отдохнуть, - предложил добрый доктор Айболит.

- Инночка пока поживет у меня! – отрезал Фима и обнял ее за плечи.

- Это очень хорошо! – расчувствовался от поступка врач, словно Олев приютил у себя всех жильцов, оставшихся без крова. Но Ефим на самом деле был открытым и гостеприимным человеком, дверь дома которого всегда открыта для людей, попавших в беду. – Вы поезжайте, моя дорогая, отдохните, а потом вернетесь к отцу. К тому времени, он проснется, и я пушу Вас к нему.

Инна посмотрела на друга отца, тот похлопал ее по плечу и сказал.

- Не волнуйся, раз Айболит обещал, что все будет хорошо, значит так и будет.

Айболит проглотил и «айболита», улыбнулся открытой приветливой улыбкой, заразившей даже убитую свалившимися неприятностями Инну, ответившему ему жалким растягиванием губ. Она обреченно кивнула, будто соглашалась с уговорами двух умных мужчин, которые знали, что делали.

Фима заботливо усадил ее на переднее сидение своей старенькой «Ауди», относясь в ней, как к тяжело больной, которую только что выписали из больницы с неутешительным диагнозом врачей. Инна прогнала подбирающиеся в ней неприятные видения и завела разговор о секретарше, которую ни разу не видела.

- Что я могу о ней сказать? – повторил за ней вопрос Ефим. - Пришла устраиваться к нам на работу по объявлению. Когда наша прежняя помощница ушла в декретный отпуск, мы с Леной поняли, сколько она взвалила на свои хрупкие плечи. Без нее мы могли потратить на поиски одной бумажки целый день. И все во вред работе, - добавил он, дернув головой и приподняв от возмущения брови. – В общем, дали мы объявление в газете, ну и повалили все, кому не лень. Особенно те, кому понравилось сочетание «частное детективное агентство». Понятно, девушкам замуж захотелось за красивых здоровенных, у которых карман забит денежными купюрами.

- Это у вас с Ленчиком карман забит купюрами? – насмешливо спросила Инка.

- Бывает, - усмехнулся он, - но мы быстро освобождаемся от тяжести бумаг. Я трачу заработанные нелегким трудом деньги на любимую дачу, Ленка – на любимую дочь, и кое-что откладываем на черный день, такой, как сейчас... Надо бы вам квартиру присмотреть, пока Быстров в больнице. Пока выпишется, мы там все обустроим.

- Не хочу я жить в Волгодонске, - монотонным голосом произнесла девушка. - Все время будет тянуть к дому на Октябрьском шоссе, хватит мне прежних тяжелых воспоминаний, новая партия ни к чему. – Только сейчас она поняла, что город атомщиков не стал ей родным. Хотела вернуться в радостное детство, но, увы, не получилось.

- А где ты хочешь жить?

- Пока я учусь, хочу, чтобы Леня был рядом, а там посмотрим.

- Но как же? – испугался Ефим, - у него здесь свое дело, клиентура...

- Клиентура в большом городе, а здесь кучка новых русских, следящих за женами и конкурентами, и бабушки, потерявшие своих домашних питомцев.

- А ведь ты права, - встрепенулся Олев, - я давно думал перебраться в Ростов.

Инна не стала намекать на то, что не приглашала с собой Фиму. А почему бы ему к ним не присоединиться? Они с отцом давно стали сиамскими близнецами. Вот сегодня, например, она позвонила ранним утром Олеву, а тот не спит. Сказал, что проснулся около четырех утра, и больше глаз не сомкнул. Тревога накатила и не отпускает, а причины понять не может. Предчувствия не обманули...

- А что меня здесь держит, ни жены, ни детей, квартиру продам, - беспечным голосом произнес Ефим. - Вот только дачу жаль, сколько труда я в нее вложил. Мы с Ленкой вложили.

Грусти заметно не было. Олев в душе он радовался грядущим переменам.

- Дачу можно не продавать. Будем сюда навещаться. Одни ездят в отпуск на Мальдивы, а мы - в Волгодонск. Тем более рядом озеро, рыбалка - а-а, - восхищенно протянула она, повторяя интонации заядлой пары рыбаков: Ефима и Леонида.

Фима покосился на нее, будто подозревал в скрытой конкуренции. Раньше он не замечал за девушкой подобного пристрастия. Потом хмыкнул и заметил.

- Пытаешься меня успокоить.

- Можешь не ехать. Оставайся здесь, вместе со своей работой, квартирой и дачей, мещанин зажиточный!

- Как это оставайся?! - испугался он и от возмущения выпустил руль.

- Эй, водитель, я еще жить хочу! - вовремя вернула его к действительности Инна, «Ауди» едва не выехала на встречную полосу и не «расцеловалась» с автобусом.

Олев вернулся на положенную полосу, вытер пот со лба и тихо заметил.

- Все неприятности от женщин.

- Тоже мне, большой специалист по женскому полу, - скривилась она. - Кстати, о птичках... Давай вернемся к новой секретарше.

- Исполнительный работник, - отрапортовал Ефим звонким голосом.

- Не на партийном собрании, - поморщилась Быстрова, - давай с самого начала, только от дороги не отвлекайся.

- Диана Сергеевна Елкина, тридцать пять лет, разведена, приехала из Ставрополя, увидела объявление и пришла наниматься на работу.

- Бу-бу-бу, - перевела Инна на язык зануд речь Олева. - Ты можешь говорить нормальным языком, без казенщины?

- Выглядит старше своих лет, можно дать все сорок и еще хвостик прилепить. Невыразительна, исполнительна...

- Опять?! - взвилась Инка.

- Чего ты ко мне пристала? Диана у нас всего недели три проработала...

- Но успела зарекомендовать себя, как отзывчивый товарищ, бегающий в аптеку по намеку руководства, - мрачно уточнила она.

- Ну, не могу я ее описать! - взъерепенился Фима. - Ты можешь описать серую мышь? Не можешь! - обрадовано воскликнул он, не дождавшись утверждения. - Вот и я не могу! Приходила ровно в девять, садилась за свой рабочий стол и занималась своими непосредственными делами. Напоминала о времени встреч, встречала клиентов, приносила кофе. Или бумаги подсовывала на подпись.

- Что значит, подсовывала, может ты ей, не глядя, дарственную на квартиру подмахнул?

- Не принимай меня за недоумка! Я в каждую букву въедаюсь! - недовольно покосился на Инну мужчина со смоляными волосами.

Какие они с Ленчиком разные, - подумала девушка, - не только характерами, но и внешностью: один смуглянка, другой рыжик. Но как срослись!

- Не обижайся, въедливый ты наш, - вслух заявила она и потрепала его по обстриженным кудрям. – Шучу я так, - добавила угрюмо, вмиг растеряв проблески радости. Вроде бы и Ленчик, по обещанию доктора, скоро пойдет на поправку, и старуха с косой прошла мимо, не зацепив, а на душе такая пустота, что крикни и эхо изнутри ответит. У Инны появилось чувство, что за ней постоянно кто-то наблюдает и пытается вмешаться в ее жизнь, полную коварных воспоминаний подобных морской волне, которая внезапно накатит на берег и унесет с собой все самое ценное, оставив на память мутные осколки ненужного стекла...

Олев сворачивал к своему дому, когда его остановил голос Инны.

- Фима, поехали на Октябрьское шоссе.

Она не приказывала, не просила, она просто сказала, но так, что мужчина не смог ей перечить. Он безропотно развернулся и поехал в обратном направлении...

Инна и Ефим стояли за оцеплением и смотрели на то, что осталось от девятиэтажного дома. Снова вспомнился маленький город Припять и дым над атомной электростанцией, поднимающийся к небу и улывающий за горизонт вместе со смертоносным радиоактивным облаком.

Вдруг у самых ног Инна раздалось жалобное «Мяу». Она опустила глаза и увидела перепачканного в саже Бэзила, ставшего настоящим дворовым Васькой. Она схватила его на руки, прижала к себе, затем отодвинула, чтобы убедиться, кто перед ней, снова прижала, чмокнула в лохматое темечко между торчащими ушками, не уставая причитать.

- Жив, маленький проказник, жив...

Рядом стоял Ефим, счастливо улыбался и поглаживал кота.

- Инночка?! – раздался радостно-удивленный крик где-то сбоку. Быстрова повертела головой и увидела соседку со второго этажа – Нику Федоровну Шипову.

- С Вами все хорошо? – спросила Инка, оглядывая ее с головы до ног и понимая, что сморозила глупость. Женщина была в махровом мужском халате, явно с чужого плеча, сверху был накинут старенький шерстяной платок, на ногах глубокие тапочки с меховой оторочкой.

- Д... да, - заикаясь, ответила Ника Федоровна, кутаясь в платок. Осмотрелась и добавила, – если все это, можно назвать нормальным. – Она раскинула руки, словно хотела обхватить полуразрушенный дом. Обхватить и унести подальше, чтобы никто больше не увидел. – Но, главное, что осталась жива. Только, где жить этому уцелевшему человеку, пока неизвестно. Власти отвезли всех в ближайшую школу, но я отказалась.

- Почему? – удивилась Инна, - вы продрогли совсем. – Девушка обняла женщину за плечи, придерживая другой рукой молчаливого Бэзила.

- Когда пожарник вынес на руках обгоревшее тело и сказал, что нашел его в вашей квартире, я едва не потеряла сознание. Ты и Ленечка были моей семьей, ведь кроме вас у меня никого нет. Я не могла уйти, хотела узнать правду.

- Мы тоже любим вас, как родную, - с чувством произнесла Инна, поцеловав женщину в щеку. Ее так потрясла привязанность этой одинокой женщины к ней и к Лене, что она пропустила мимо ушей фразу об обгоревшем теле в их квартире. – Вы всегда были добры к нам, кормили меня после школы обедом, делали со мной уроки... - На глаза девушки навернулись слезы стыда. Ей стало стыдно, что она забыла о Нике Федоровне, одинокой пожилой женщине, которая искреннее полюбила их, не требуя ничего взамен. А они ничего и не давали. Интересовались на ходу здоровьем, не особо прислушиваясь к ответу, и бежали по своим делам. Шипова не навязывалась лишней раз, а не просила о помощи, но всегда оказывалась рядом в трудную для них минуту.

- Инночка, я подумала, что это ты... Я видела, как ты вчера приехала, - маленькая растрепанная женщина уткнулась ей в плечо и заплакала навзрыд. Затем взяла себя в

руки, всмотрелась в лицо девушки, словно хотела убедиться, что перед ней живая Инна. – А Ленечка? Где Ленечка?

- Он в больнице. У него... сердечный приступ.

- В больнице?! – никто так не радовался, что знакомого увезла неотложка. Причем, не врага... - Какое счастье, что он жив! – Ника Федоровна опомнилась и встревожено спросила, - как он себя чувствует?

- Врачи говорят, что скоро пойдет на поправку.

- Такой молодой мужчина и уже больное сердце, - вздохнула женщина.

- Пойдите, но кого вынес пожарный из квартиры Быстровых?- вмешался Олев, переводя взгляд с одной на другую. Сегодня он был особенно не склонен к душещипательным беседам...

Несколько дней Ефим суетился и делал загадочный вид, отвечая на все вопросы обтекаемым «потом».

За это время Быстрова успела съездить в университет и предъявить деканату справку из больницы, где лежал отец, требующий заботы и внимания. Весть о том, что взорвали дом Инны в Волгодонске, быстро разлетелась по факультету. Поэтому декан встретил ее, как близкую родственницу, посочувствовал, предложил материальную помощь и заявил, что преподавательский состав, как один, пойдет ей на уступки. Девушка знала, что скоро все забудут про уступки и будут требовать с нее наравне со всеми студентами. Благо, до сессии далеко, Инка успеет наверстать. А сейчас главное – поднять на ноги Ленчика, перевести его в Ростов якобы для реабилитации в местном санатории, снять квартиру для семьи из четырех человек и... Что будет потом, она думать не хотела. Есть первоочередные задачи, есть второстепенные...

Ника Федоровна жила вместе с Инной и Бэзиллом в квартире Ефима Олева. Она быстро оправилась от стресса, и, кажется, была счастлива, что благодаря трагическим обстоятельствам у нее появилась семья. Женщина взяла на себя ведение хозяйства, быстро преобразив холостяцкую трехкомнатную квартиру Фимы, доставшуюся ему от родителей. Шипова вжилась в образ заботливой бабушки и матери, и с этим никто не спорил. Инка была рада, что кроме Ленчика и Ефима у нее появился еще один искренне любящий человек. Между собой они не обсуждали трагедию и постарались окружить информационной блокадой Быстрова, хотя, делать это было с каждым днем все труднее и труднее. Возвращающийся к жизни мужчина требовал не только хлеба, который ему по два раза на дню привозили две заботливые женщины, но телевизионных зрелищ и газетного чтения, до которого он был чрезвычайно охоч. Айболит разрешил ему подниматься, но Инна зорко следила за тем, чтобы прогулки по длинным коридорам не совпадали с трансляцией новостей по телевизору, стоящему в холле и собирающему вокруг себя выздоравливающих. Она выводила Ленчика из палаты во время трансляции муторных сериалов, заранее проштудировав программу телепередач. В качестве чтения ему предоставлялись бульварные листки, информирующие население о том, «как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифорович», в лице которых выступали известные всей стране политики и звезды шоу-бизнеса. Журналистов желтой прессы, что было на руку Инне, не интересовали взрывы в Москве и Волгодонске, прошлогодний обвал рубля, и прочие пренеприятные происшествия.

- Надо все рассказать Леониду! – вежливо, но настойчиво требовал правдолюбец Фима.

- Для начала ты нам должен рассказать о результатах своего расследования, - напомнила Инна, сделав ударение на местоимении «ты».- А то мы с Никой Федоровной, как два слепых котенка. Барахтаемся посередине водоема и не знаем, к какому берегу плыть: на одной стороне враги, а другой - друзья. Вдруг ошибемся.

- Мяу, - поддержал Бэзил, услышав родственное слово, и стал ожесточенно драть когтями ковер в гостиной.

Инка на него прикрикнула, а Олев одобрил невоспитанное поведение.

- Давай, давай, порви его на клочки, а то все руки не поднимаются выбросить. Этому коврику уже на пенсию пора, - пояснил он женщинам.

- Если на пенсию, то необязательно, что на свалку, - обиженно поджала губы Шипова, чем напомнила Инке любимую Марго.

Фима решил задобрить Нику, к которой стал испытывать с некоторых пор сыновьи чувства, и выложить добытую информацию. Он обвел многозначительным взглядом присутствующих дам и присмирившего кота, выдержал театральную паузу, заметил, что все готовы внимать его речам и начал.

- Начну с того, что пропала наша секретарша.

- Как пропала? – по-гоголевски вскричали женщины, несколько изменив оригинал. – Когда?

- Леню забрали в больницу ранним утром шестнадцатого сентября, – задумчиво произнес он, Инна подтвердила уверенным кивком, - в тот же день Диана не вышла на работу. Когда я заскочил в офис, то понял, что она там не появлялась. В дверную щель была засунута записка клиента, который в письменной форме возмущался нашим безответственным поведением и предупреждал о расторжении контракта. Я опоздал на встречу на час, если бы Елкина сидела на месте, то клиент наслаждался ароматным кофе и терпеливо ждал меня. Надо признать, что кофе она готовит отменный.

- Почему она исчезла, именно, в этот день? – задалась вопросом Инка. – Поняла, что достигла желаемого – довела Ленчика до инфаркта и отбыла восвояси? Но зачем она это сделала?.. Кстати, ты выяснил что-то по поводу того лекарства, что принимал отец? – Девушка впервые вслух назвала Быстрова отцом, причем легко и без сожаления.

- Выяснил. Честно говоря, что-то подобное я ожидал. Не мог Айболит ошибиться. Он мужик опытный! - прищурился глазами, высказался Фима.

- Дифирамбы доктору ты исполнишь при встрече с ним, - поспешила вмешаться Инна.

- Экспертиза показала, что мой друг и компаньон принимал вместо прописанного врачом лекарства антикурительные таблетки. Это показала проведенная экспертиза.

- Зачем он их принимал? – не поняла Ника Федоровна. – Насколько я знаю, Лёничка не курит.

- Не курит и никогда не курил. Ему их подсунула секретарша, проведя лекарственный алаверды, - произнес он понравившуюся фразу. – Больше никому.

- Почему, именно, антикурительные? – спросила девушка.

- Как мне объяснил эскулап, которому я доложил о полученных результатах экспертизы, это лекарство негативно влияет на сердце, особенно при повышенных дозах, тем более, если у человека и без того развивается острая сердечная недостаточность. Желаящие избавиться от пагубной привычки принимают по две таблетки в день, а Ленюка принимал по три. Айболит рассказал об исследованиях американскими учеными пациентов, которые принимали антикурительные препараты. Так вот... жалобы на сердце появились у семидесяти двух процентов совершенно здоровых людей. В дополнение к этому лекарству, Елкина уговорила Быстрова пить витамин B15, который в соединении с указанными таблетками дает эффект разорвавшейся бомбы. Эти витамины содержат кобальт, что тоже способствует сужению сосудов.

- Откуда у этой дамочки такие глубокие познания в фармацевтике? - напряженным голосом произнесла Инна, обалдев от заявления Олева.

- Фиг его знает, откуда она все знает! – не литературно выразился Ефим и тут же ляпнул, – вот же стервозина эта... - и осекся, как напроказничавший школьник, заметивший рядом строгую учительницу. Но быстро успокоился, так как женщина была погружена в

собственные мысли, и продолжил. – Эта... секретарша заметила, что Быстров принимает сердечные препараты, попытала причину и заявляет: «Вам, Леонид Иванович, надо обязательно пить витамины, сейчас осень, а людям с сердечной недостаточностью это крайне необходимо. Я знаю, какие вам нужны витамины, сама их куплю!»

- Так, может, это были не витамины? - ужаснулась девушка.

- Витамины, - кивнул головой Фима. – Экспертиза подтвердила. Я упаковку нашел в Ленкином столе.

- Доктор сказал, что только В15 дает такой эффект?

- Только В15 и тоже в больших количествах.

- А сколько их выпил Ленчик? – напряглась она.

- Антикурительные таблетки, будто бы сердечные, пил по одной три раза в день, а витамины – по две штуки три раза в день. И принимал все не менее десяти дней. Диана сама ему напоминала о приеме таблеток, заботилась о здоровье руководства. – он открыл рот, чтобы снова дать определение самой отравительнице или ее поведению, но ступивался под взглядом Шиповой.

- А как Елкина относилась к отцу? - спросила Инна, которая никак не могла понять, зачем женщине, с трудом нашедшей работу в незнакомом городе, травить своего начальника. - Может, у нее мания такая? Порхает с одного места на другое и устраняет работодателей?

- На шизанутую она не похожа. – покачал головой мужчина. – А к Быстрову относилась ровно, но со всплесками заботы, - виртуозно выразился он.

- Следовательно, ее забота не могла быть вызвала симпатией к Ленчику? В противном случае, забота была бы постоянной, без всплесков. – рассудила обескураженная Инка.

- Какая к черту симпатия? – скривился Олев, словно когти Бэзила впились ему в ногу. – Наш Ленка красавец ростом под метр девяносто, а она замухрышка полутораметровая.

- Как раз замухрышки и влюбляются в красавцев, - вставила реплику Ника Федоровна, много повидавшая за свою шестидесятилетнюю жизнь. – Это вы, мужчины, не замечает простушек и их восторженных взглядов, которые они время от времени бросают в вашу сторону. Вы ловите благосклонность девушек с модельной внешностью! – недовольно заметила она, словно сама относилась к категории невзрачных дам, пострадавших от мужского невнимания.

- Вы хотите сказать, что Диана воспылала страстью к Быстрову, тот ей многозначительно намекнул о невозможности союза, и она решила ему отомстить? – вскинул брови Ефим, утаив в душе недовольство.

- Я так не считаю, - хмуро заметила женщина, продолжая пребывать на облаке обиды. – Для влюбленности, последующей отставки и преднамеренном доведении до инфаркта три недели маловато. Быстротечная мелодрама получается...

- Три, или чуть больше.

- Надо в ее личное дело заглянуть, - опомнилась Быстрова. – Там должно быть заявление о приеме на работу и дата. Но не это важно!.. – она обвела присутствующих таким взглядом, после которого следует заявление о сенсационном открытии. – В личном деле есть ее фотография! Мне очень интересно взглянуть на эту особу, может, наши линии жизни пересекались?

- Не выйдет! – сразу отрезвил ее Олев. – Личное дело гражданки Елкиной исчезло!

- А где оно хранилось?

- У нее в сейфе и хранилось! Диана вела всё делопроизводство. У нас штат три человека, зачем нам создавать отдел кадров и нанимать еще одного сотрудника?

- Значит, она заранее приготовилась к бегству! – разгорячилась Шипова.

- Или сразу забрала свое личное дело. На всякий пожарный случай! Из чего следует – в вашу контору она пришла с определенной целью! – заявила Инна и обратилась к Ефиму. – А ты читал ее автобиографию?
- Читал, но наизусть не учил. Не люблю забивать голову ненужной информацией. Сама подумай, если Елкина пришла, как ты выразилась, с определенной целью, какой ей резон писать о себе правду? Накрапала «липу» и все дела.
- Запоминать надо все, вдруг ненужная информация со временем окажется нужной! – пожурила Олева девушка. – А если она накрапала «липу», то зачем забирать личное дело? – задалась вопросом и сама ответила. – А затем, что туда случайно затесался элемент правды! И Елкина не хотела, чтобы ее фотографию кто-то увидел. Кто-то, кто ее знал... Значит, она прибыла в Волгодонск с определенной целью, изменила до неузнаваемости свою внешность, чтобы выглядеть серой мышью, зачем то убавила себе возраст, но... Но наметанный глаз Ефима уловил, что на самом деле ей не тридцать пять, как указано в поддельных документах, а лет на пять больше... Уверена, что в нашем городе у нее был сообщник! – Инна возмущенно стукнула себя по колену, закончив рассуждение вслух.
- Возраст она могла убавить, чтобы ее приняли на работу, - подсказала Ника Федоровна.
- В связи с чем приобрела в подземном переходе у барыги поддельный паспорт? - хмыкнула Быстрова, - за компанию с возрастом заменив заодно и фамилию.
- Может, она у нее была неблагозвучная, - с усмешкой вставил Олев.
- Помолчал бы лучше, человек забывающий! – обиделась на иронию Инка.
- У меня все ходы записаны! – обиженно произнес он и постучал согнутым указательным пальцем по голове, как по месту хранения нужной информации. - Но не автобиография серой мыши, которая мне, как я думал, едва ли пригодится.
- Но что-то ты можешь восстановить в памяти? Ты же вспомнил, что Елкина приехала из Ставрополя? А где она жила в Волгодонске?
- Из Ставрополя, - без уверенности подтвердил он. – А где жила?.. Кажется, квартиру где-то снимала. Но то, что у нее своего жилья не было, я точно знаю. Еще возмущалась высокими ценами на жилье...
- Надо у Лени спросить про эту Елкину, - подсказала Ника Федоровна. – Не напрямую, а так, между прочим.
- Быстров ею не занимался, я сам принимал ее на работу с испытательным сроком.
- И сколько положил времени для проверки на соответствие?
- Неделю!
- Маловато будет, - попеняла ему Инна.
- Я же ее не на строительство космических кораблей брал, - хмыкнул он.
- А конкуренты ее не могли подослать?
- У нас разделение деятельности по районам.
- Неужели соблюдаете договоренность? – недоверчиво спросила девушка.
- Кто не соблюдает, тот приобретает кучу проблем, - обтекаемо заметил Фима.
- Ладно, проехали, - вздохнула Быстрова. – Будем считать, что у вашей бывшей секретарши не все дома. Вряд ли нам удастся ее найти. Все обошлось, Ленчик идет на поправку, будем жить дальше.
- А труп в твоей квартире тебя не интересует? – обиделся Олев, который ожидал вопросов в этом направлении.
- Может, бомж залез, когда начался пожар, хотел поживиться? – предположила Инна.
- Ага, бомж, - со странной улыбкой посмотрел на нее Фима. – Рискаю собственной расчудесной жизнью!

Бэзил, который не принимал участие в дискуссии, в это время сидел на подоконнике и наблюдал за сорокой, расположившейся на ветке тополя и «рассказывающей» о своей полной красоте жизни на воле. Ее трескотня разносилась по всей округе и бередила сердце

четырёхлапного охотника. Сначала он просто смотрел на белобокую красавицу, снисходительно склонив голову, затем стал нервно помахивать лохматым хвостом, зацепив тюль, отчего та «ожил» и напугала Нику Федоровну, уловившую боковым зрением непорядок. А потом решил пресечь вызывающую трескотню, забыв о существовании препятствия в виде закрытого окна. Сохранил его в целости, но наделал переполох.

Инна вылила накопившееся недовольство на кота, схватила его на руки и выдворила из комнаты. Бэзил поцарапался когтями дверь, требуя возврата в компанию, понял, что им пренебрегают, и с гордым видом удалился в кухню, где было окно, выходящее на нужную сторону. Но хвостатая подружка успела покинуть насиженную ветку, чем окончательно расстроила животное, которое решило бросить вызов и растянулось на столе, подложив под голову вытянутую лапу.

- Извини, Фима, - начала оправдываться Быстрова, - это чудовище тебе скоро всю квартиру разнесет.

- Спасибо, что внесли разнообразие в скучную холостяцкую жизнь и пусть этому предшествовали не самые приятные моменты, но был рад помочь, - успокоил ее Олев, многозначительно переглянувшись с Никой. В другое время девушка легко уловила бы заговор между ними и догадалась, что ее соседка незаметно стала доверенным лицом приятеля отца и хранителем его тайны, но не сейчас.

- Ну?! – строгим голосом поторопила она Олева, словно он, а не кот, был причиной временной заминки.

- На чем мы остановились? – решил ей отомстить Ефим, задумчиво насупив брови.

- На божже! – презрительно констатировала Быстрова.

- Это твоя версия, у меня другие факты, и они таковы, - печально протянул мужчина.

Инна и Ника Федоровна поняли, что настало время выдачи нерадостной информации, связанной с взрывом дома. – Как мне рассказали мои бывшие коллеги, накануне дня трагедии грузовик, который по обычаю был припаркован у дома, и в котором находилась взрывчатка, был продан группе кавказцев, якобы, для развоза картофеля по рынкам Волгодонска. Покупатели попросили продавца, вашего соседа, поставить ГАЗ-53 у подъезда и посторожить его. Утром обещали вернуться, рассчитаться за машину и поехать на рынок. Половину ночи у окна сидела жена бывшего владельца, затем он сам заступил на вахту, но уже в кабине. К утру он окончательно продрог, и пошел домой выпить чаю, что спасло его от гибели.

- Он что-то видел? – догадалась Инна.

- Видел, как подъехала машина скорой помощи, как она увезла Леню и тебя, а потом... появились две женщины.

- Какие женщины? - попросила уточнить девушка.

- Обычные женщины, они мало заинтересовали мужчину, который устал бороться со сном. Он пил чай у окна и следил за грузовиком. Женщины к ГАЗу не приближались, значит, опасности не представляли. К тому же они стояли вдали от фонаря, а на улице было еще темно. Но он догадался, что они о чем-то спорили.

- О чем?

- Он не расслышал.

- Хоть, что-то он успел рассмотреть? – обреченно взвыла Инна.

- Ему показалось, что одна была постарше, а другая помоложе.

- И все?

- Почти. Потом одна не выдержала и зашла в ваш подъезд, а другая постояла немного, хотела пойти за первой, но передумала, бросила взгляд на верхние этажи и ушла, не оглядываясь. Вскоре раздался взрыв.

- Думаешь, в нашей квартире нашли одну из споривших?

- Уверен. Удивляюсь, как она не рухнула вниз вместе с перекрытием. Я разговаривал с пожарным, он сказал, что нашел тело в ванной комнате. Скорее всего, она хотела укрыться там от огня. - выдал собственное умозаключение Фима.
- Но как эта женщина смогла проникнуть в квартиру с надежными замками? Что-то мне подсказывает, что она непрофессиональная воровка? Не станут сообщники спорить у подъезда дома, в котором находится нужная им квартира, обворовывать ее или нет. Раз они пришли, то уже всё заранее решили и обговорили детали. Или у них что-то не срослось? Тогда что?
- Если непрофессиональная, то могла открыть дверь дубликатом ключей. Из чего следует, что была знакома с хозяевами. И если бы не взрыв, мы могли легко установить, каким способом была вскрыта ваша квартира... А о чем спорили? Одна из них могла передумать и решила отговорить более опытную сообщницу.
- Более опытной сообщницей могла быть ваша секретарша, - продолжила выдавать версии Инка, - она могла взять ключи у Ленчика и сделать дубликат.
- Вполне, - согласился Ефим.
- Неужели для того, чтобы проникнуть в квартиру одинокого мужчины, ей понадобилось доводить его до инфаркта? Почему нельзя это сделать в дневное время, когда он на работе? Отлучиться на минуту, обчистить квартиру и вернуться в агентство. Скорее всего, женщина решила, что в доме владельца частного сыска есть, чем поживиться. Раз она профессионалка, заранее всё продумала, то за три недели должна была понять, что миллионами вы не ворочаете.
- Может, она хотела для собственного успокоения сначала устранить Ленечку, а потом без проблем проникнуть в квартиру? - предположила Ника Федоровна.
- Вор-домушник в редких случаях идет на мокрую, тем более не готовит план убийства заранее, - профессионально выразился Ефим. - Только, если его застанут на месте преступления, и то все происходит спонтанно. Но чтобы затеять такую мудреную операцию по подмене лекарств, терпеливо выждать, когда оно начнет действовать, все время держать руку на пульсе, не желая пропустить момент начала окончательной фазы операции, такое я наблюдаю впервые. Что-то мне подсказывает, что доведение Ленки до инфаркта и проникновение в квартиру не связаны друг с другом.
- Думаешь, действовали разные люди?
- Не разные, - мотнул он головой. - Травили Быстрова не для того, что ограбить квартиру. Я не знаю, как объяснить...
- Доходчиво, - подсказала Инна
- Ну, смотри, у тебя есть план: 1) Убрать квартиру. 2) Сварить борщ. Ты делаешь два дела по очереди, они не связаны между собой, но сосредотачиваются в руках одного лица.
- Лучше сначала сварить борщ, а затем убрать квартиру, - вставила замечание хозяйственная Ника Федоровна.
- Раз есть причина для перестановки дел, то можно заключить – между двумя делами есть невидимая связь. – пророчески заявила Инка.
- Ты правильно сказала – невидимая связь! – с затаенным восхищением произнес Ефим, подняв к потолку указательный палец. – Которую мы пока установить не можем. Все нити обрываются.
- Одно мы можем утверждать с точностью – на первом месте у нее был Ленчик. – уверенно заявила Быстрова. – Но что она могла искать в квартире?.. От наваливающихся вопросов у меня голова пухнет. – Вздохнула девушка и сжала голову руками, будто взяла в тиски, надеясь выдавить нужную подсказку. – Подожди, Фима, а почему мы гадаем на кофейной гуще, кто, да что! Ты должен сходить в морг на опознание и убедиться, что этой женщиной была Елкина Диана Сергеевна! – самодовольно произнесла Инка, не понимая, как Олев сам не догадался.

- Как я могу ее опознать, если тело сильно обгорело?! – рассердился он.
- По остаткам обгоревшей одежды, по... каким – нибудь медальонам, зубам. – показала эрудицию девушка.
- Или надо провести генетическую экспертизу, - поумничала Шипова.
- Во-первых, - устало начал мужчина, - нет остатков одежды! Ни клочка! А если бы и были, я весь гардероб Дианы не знал. Я, вообще, не замечал, во что она была одета. Во-вторых, всяких цепей – украшений я тоже на ней не видел, так что это тоже не подсказка. В-третьих, о зубах, - он приложился к челюсти и скривился, словно только сейчас вспомнил о требующем пломбировки зубе. – Я не брал у Елкиной интервью, где она лечит зубы, чтобы пойти туда и сверить снимок, хранящийся в стоматологической клинике, с имеющейся в наличии челюстью трупа. – Его прямолинейность вызвала почти обморочное состояние у присутствующих женщин, но он был увлечен собственным монологом и не обратил на это внимание. - Никто из родственников не потребовал вернуть им тело для погребения, - он покосился на Нику, - и не выразил желание провести генетическую экспертизу, чтобы убедиться, что сгоревшая в доме по Октябрьскому шоссе женщина, приходится им матерью, сестрой, племянницей! - протараторил Олев на одном дыхании, будто боялся, что его собьют с мысли. – А должны были... Ведь женщина пришла к дому ни одна, а с сообщницей.

Инка уже хотела возразить: потому никто не предъявил прав на тело сгоревшей женщины, чтобы не стать соучастником. Хозяева квартиры, где было обнаружено тело, остались живы, у них мог возникнуть резонный вопрос: каким образом это тело оказалось в их квартире, цепочка пошла бы далее, к следователю, который бы стал выяснять, кто эта женщина? И у него возникло бы немало вопросов к людям, которые затребовали тело для погребения. Обо всем этом подумала Быстрова, и уже решила озвучить мысленные предположения, но в этот напряженный момент... «выстрелило» ружье, висевшее на стене. Оно всегда стреляет в ответственную минуту. Или его подменяет резкий телефонный звонок.

Все непроизвольно вздрогнули, даже Олев, который пытался разгадать мысли Инны...

Ефим долго беседовал с абонентом, почти не вставляя реплик, но судя по лицу, новости были сенсационные.

- Значитца, так, - обескуражено произнес он, осторожно опустив трубку на рычаг. – Как оказалось, у этой женщины есть родственники, и они пожелали сохранить инкогнито. Не пришли в милицию, а ночью заявили в морг, напоили водкой с клофелином дежурного санитаря и выкрали тело.

- Это была ее сообщница, которая разговаривала с ней у подъезда, - уверенно сказала Шипова. – Наверное, побоялась, что Елкину опознают... Если это была Елкина.

- Елкина – вымышленная фамилия, - тотчас нашлась Инна. – Значит, я была права - ее могли опознать и это опознание могло дать ответ на многие вопросы: с какой целью устроилась в детективное агентство, зачем подменила лекарство, зачем проникла в нашу квартиру? И опознана ни тобой, Фима, и ни Ленчиком, перед вами она мелькала ежедневно. Значит, кто-то был в вашем окружении, кто с ней знаком.

- Так примелькалась, что Фима ее описать не может, - недовольно заметила Ника Федоровна.

- Подождите! – вскрикнула Быстрова, - к вам в офис приходили люди, секретарь с ними разговаривала, поила кофе, кто-то из них может ее описать более точно.

- Если я своим наметанным глазом ее не опишу, то это не сделает никто, самоуверенно заявил Ефим. - Каждый клиент приходит к нам со своей бедой, им не до обслуживающего персонала без форм, губ, глаз и джокондовских улыбок.

- Но можно попытаться найти поклонника невыразительных женщин, - без особой уверенности предложила Инна.

- Можно, но эта лишняя трата времени. – буравя ее взглядом, сказал Фима.
- Девушка не выдержала и оценила свою одежду, в которой, судя по пристальному мужскому вниманию, должны быть изъяны. Все было в порядке – на полосатой рубашке жирных пятен и дырок в кулак не наблюдалось, джинсы тоже не выявляли открытых дефектов. Девушка прикоснулась к лицу, словно стряхивала с него несуществующие крошки, задержавшиеся на нем со времени обеда.
- Что-то мне подсказывает, что вся эта игра связана с тобой, - едва слышно произнес Ефим.
- Со мной? – попыталась удивиться она, хотя, сама уже об этом подумывала, но желала обмануться.
- Может, хранишь в тайнике диковинную бесценную штучку?
- Было колечко Марго, но все вышло. Из Припяти я вынесла олимпийского медведя, отлитого из свинца и полого внутри, который, как вы успели сообразить, не представляет исторической и материальной ценности. – она заметила заинтересованные взгляды. – Полный, чтобы уменьшить вес. Если бы он был цельный, то пятилетняя девочка... то есть я, - солгала она, скрыв истинную владелицу статуэтки, - не смогла бы его оторвать от земли. Так мне Ленчик сказал. Этот мишка дорог только мне. Еще у меня есть главное богатство – это мой дорогой... Ленчик. – Она хотела сказать «талисмЭн», но не решилась открыть тайну.
- И кто-то об этом знает, и захотел лишить тебя этого богатства. – затравленно сказал Ефим, не заметив, как эти слова вырвались из него.
- Но зачем? У меня нет врагов!
- Явных, может, и нет. – опустил глаза мужчина, понимая, что в данный момент его прямолинейность может убить девушку. Но в этом был весь Ефим Олев. – Но враг за спиной еще опаснее – не знаешь, когда он нанесет удар. Лучше видеть спину убегающего врага, чем подставлять свою.
- Фимочка, ты пугаешь нашу девочку, - запричитала Ника.
- Не буду, - с жалкой улыбкой пообещал он. – Поеду в морг, поговорю с санитаром.
- А он... жив? – удивилась Шипова.
- Он прошел и не такие испытания спиртными напитками, - хмыкнул мужчина. Взял за руку Инну и, глядя ей в глаза, тихо произнес. – Не принимай близко к сердцу мой треп. Я просто... боюсь за тебя, вот и несу всякую чушь.
- Самое ужасное, что ты прав. Я чувствую, что хожу по лезвию бритвы, но веду страусиную политику. Обманываю себя и говорю, что рядом со мной Ленчик, поэтому не может ничего случиться плохого.
- Я... тоже рядом. – сегодня Ефим вел себя несвойственно рубахе-парню, каковым он являлся или желал, чтобы его таким воспринимали.
- Странно смотрел, непривычно тушевался, говорил полунамеками, за которыми стояло многоточие. Инка всегда видела в нем только приятеля отца и взрослого умного человека, который за пределами старше ее, из чего следует, что живет он в другом часовом поясе с разницей в двенадцать лет. Она мысленно прикинула его возраст и с удивлением поняла, что мужчина достаточно молод – всего-то тридцать. Молодое лицо без единой морщины, ясный горящий взор, крепкие руки, способные заключить в объятия до ломоты в косточках, и губы...
- Так о чем это я, - опомнилась Быстрова и приложила ледяные ладони к пылающим щекам. – Я не могу отвечать на его намеки... Почему не могу? - подумала она, запутавшись в собственных мыслях, мечущихся между «да» и «нет», которые все же тяготели ко второму варианту. – Да, потому, что не могу подарить ему здорового ребенка, который будет связующим звеном между мною и моим мужчиной. Только полноценная семья имеет право быть счастливой!

Сколько раз она говорила это Ленчику и пыталась найти ему спутницу жизни. Но мужчина испуганно отнекивался, ссылаясь на то, что он совершенно счастлив в двойственном союзе с дочерью. А проблемы с сердцем? Они не возникли на пустом месте. Подмена лекарств – это следствие, а причина кроется в мужском одиночестве. Семья – это треугольник: отец, мать, дети. Кто думает иначе, ошибается. Только прежде, чем образовать два угла, нужно сто раз все обдумать, чтобы, получив третий угол, не разрушить хрупкий мир треугольника и не вернуться на исходные позиции.

- Ты тоже рядом, – задумчиво повторила за Олевым Инна, хотя, хотела смолчать и свернуть скользкую тему. Но в глазах мужчины было столько нежного ожидания и надежды, что ей пришлось сказать что-то более-менее трогательное, но оставляющее непреодолимое препятствие между ними. А мысленно добавила, – ты – посланник матери и второй талисмЭн. И все должно остаться так, как есть...

Ефим мечтал услышать продолжение оборванной на самом взлете фразы, но не получил ни обнадеживающего намека, ни аванса на возможность. Напустил на себя деловой вид, глубоко запрятав обиду, и заявил, что ему пора.

На пороге его остановил голос Инны. Он замер к ней спиной, не решаясь повернуться и увидеть безразличие, навечно поселившееся в ее глазах. Но девушка подвела под лирическим отступлением жирную черту, разделившую их.

- Был в моей жизни один человек, желающий избавить Ленчика от моей персоны. Он, вернее она решила, что отец обязан ответить на ее любовь, когда сама того пожелает. Но на пути встала я, поэтому та девушка приложила все силы, чтобы убрать меня с дороги. Именно, она разработала хитроумный план, жертвой которого стал один мальчик, и довела до самоубийства Соню Кравченко, которая тоже была преградой на ее пути, как и я.

- И вышла сухой из воды?

- Против нее не было улик. К тому же ей было всего двенадцать лет. Кто подумает, что девочка с кукольным лицом способна толкнуть одноклассника под колеса автомобиля, желая одного – чтобы посадили в тюрьму женщину-водителя. Разве двенадцатилетний ребенок способен на подобное преступление?... Сначала мы были подавлены смертью Софии и младенца. Лишь после появилась уверенность в том, что происшествие на дороге подстроено. – Ефим и Ника Федоровна знали о трагедии в семье Быстровых, но не догадывались, что она получила продолжение. – Я рассказала бабуле о девочке, которая за год до этого пыталась избавиться от меня... Именно, ее я видела на месте аварии, хотя, она быстро уносила оттуда ноги в надежде, что ее участие в этом деле останется незамеченным. Наши догадки относительно нее подтвердила Вика, племянница Ленчика, которая училась с этой девочкой и погибшим мальчиком в одном классе. Но все равно это были догадки, пусть и убедительные. И моя дорогая прабабушка решила на мщение и нашла-таки способ ужалить ее, хотя, я была против таких методов.

- Как ее звали? – спросил Ефим.

- Ее звали Ирина Ялович. Она на пять лет старше меня. Сейчас ей двадцать три года.

- А она знала, что за «Вещий Олег» отомстил ей?

- Не думаю, – покачала головой Инна. – Мщение было изощренно-запутанным и направлено на нее через голову отца, бывшего в те строгие советские времена цеховиком.

- Схема, придуманная Маргаритой Всеволодовной, мне ясна. Девочка потеряла материальные блага и радужное будущее. Но она могла не расстаться с идеей фикс – заполучить в мужа Леньку, как последнюю надежду на счастье.

- И ждала долгих десять лет?

- Почему, нет. Может, до этого у нее были на прицеле другие подходящие мужчины, но разом испарились, она пораскинула мозгами, вспомнила о Быстрове и направила все силы на его захват.

- Но вашей секретарше было под сорок, - напомнила Ника. – И как можно завоевать мужчину, если довести его до инфаркта?
- Ирина нашла себе сообщницу, пообещав ей некую сумму денег. – предположил Ефим. – Та сыграла роль секретарши-отравительницы, немного переборщив. Она хотела усугубить болезнь Ленчика, чтобы потом появиться на сцене в образе спасительницы, которая держит за руку светило медицины, способного совершить чудо. Ленка из благодарности предложил бы ей сначала дружбу, затем разглядел бы в ней приятную женщину... Кстати, Быстров был в курсе?
- Нет, он ничего не знал.
- А с нами ты можешь поделиться, как эта девица пыталась расправиться с тобой?
- Я не хочу об этом вспоминать, у нее всё равно ничего не вышло, - отмахнулась девушка, которая и так была под завязку загружена последними грустными событиями, не желая будоражить память грустными моментами прошлого. Внезапно ее осенило. – Друзья мои, у меня родилась неординарная мысль! – осторожно произнесла она, еще не решив, нужно ли ее озвучивать или дать возможность Олеву удалиться, а самой еще разок прокрутить эту мыслишку.
- Ну, почему ты замолчала? – поторопил ее Фима. – Сказала «А», говори дальше.
- Не хочу наводить тень на человека, который ко всему этому возможно непричастен.
- Ты скажи, а мы вместе решим, кто причастен, кто непричастен.
- Инка замялась, но все же решилась.
- А если предположить, что роль секретаря частного сыскного агентства сыграла мать Яна Протодьяконова? Того самого мальчика, который погиб под колесами такси. Тогда возраст совпадает, а ее сообщницей могла быть Ирина Ялович. Она убедила убитую горем женщину, что если та расправится с мужем убийцы ее мальчика, то сын будет ей благодарен. И пусть прошло десять лет, в таких случаях сроков давности нет.
- Инночка, ты всё правильно рассудила! – похвалила ее Шипова. - Ялович и мать погибшего мальчика стояли у нашего подъезда перед взрывом, их видел наш сосед, стороживший злополучный грузовик. И эта самая Ирина выкрала из морга тело.
- Но что им понадобилось в нашей квартире? О чем они спорили? И почему Ялович решила пойти на крайние меры? Неужели разлюбила Ленчика? Или ее жизнь потекла не по тому руслу, по которому ей хотелось, и она нашла крайнего – моего отца? – медленно перечислила накопившиеся вопросы Инна.
- Пока я не могу ответить ни на один вопрос. Будем продвигаться в расследовании медленно, но, надеюсь, результативно, - успокоил ее Ефим, - Сейчас я поеду в морг и попытаюсь вернуть к жизни санитара...

Олев приехал на улицу Гагарина, где располагалось патологоанатомическое бюро. Санитар Епифан Моргун, имевший однокоренную фамилию с местом работы, достойно прошел испытание огненной водой в сочетании с химическими элементами периодической системы Менделеева и их соединениями, и не был похож на человека, перенесшего прошедшей ночью стресс. Его организм с благодарностью принял водку с добавкой клофелина и блаженно отбыл в мир снов. При пробуждении этот проверенный в боях со змием мужчина, имевший на своем счету немало побед, обнаружил, что исчезло тело женщины, привезенное с взрыва дома на Октябрьском шоссе. На ответы приехавших милиционеров он отвечал односложно и разводил руками. Не добившись вразумительных объяснений, представители правоохранительных органов отбыли восвояси, бросив на прощание обидную реплику: «Надо меньше пить!»

Моргун вышел на улицу, желая охладить буйную голову и прочистить легкие, где его нашел благодетель, прибывший с жидким лекарственным препаратом, помещенным в пол-литровую бутылку. Епифан, поджав губы, оценив этикетку, словно она имела

немаловажное значение в отношении к благодетелю, мотнул головой в сторону двери и важно проследовал сам в указанном направлении.

Опрокинув в себя мензурку с целительной жидкостью, Моргун стал медленно возвращаться к жизни и ее осмыслению. Поэтому смог ответить, хоть, и расплывчато, на вопросы благодетеля.

Переводя с обрывистого языка, насыщенного добавками типа протяжного «вот» и изысканным местным диалектом, на плавное течение литературной речи, можно пересказать все следующим образом.

Ночью в дверь постучали. В это время Епифан прилежно нес службу и... читал газету, уличив минутку для повышения своего культурного уровня и политической грамотности. Открыв дверь, он увидел перед собой девицу неопределенного возраста, то есть возраст определить было несложно, но в виду приглушенно освещения окружающего пространства и чрезмерной усталости самого санитаря, это не представилось возможным. Но... раз человек с такой заботой отнесся к пострадавшему, то тот готов поднапрячь мозги и вспомнить, что девице можно было дать от двадцати до двадцати пяти. Или плюс-минус года два от этих границ. Она походила на русалку со светло-русыми волосами длиной до ягодиц, что натолкнуло благодетеля на мысль, что на голове девахи был парик, на котором она желала сосредоточить внимание Епифана. И ей уловка благополучно удалась – лица он описать не смог, как к этому не принуждал его гость, только бросилось в глаза пристрастие к яркому макияжу, больше походившему на грим актрисы на сцене. Но санитар с уверенностью заявил, что всё остальное было черным: брюки, полурасстегнутая ветровка на блестящей молнии и водолазка. Этот цвет был привычным для санитаря морга, но в сочетании с перенасыщенным макияжем создавался диссонанс со скорбным местом. Что подталкивало к мысли, что ночная визитерша пока сомневается в нахождении в морге ее родственницы. Или потеря не слишком ее тронула. Одно из двух.

Девица была не одна, а в компании с мужчиной, на голове которого была бейсболка с большим козырьком, закрывающая все лицо, что затруднило внимательно рассмотреть его внешность и определить возраст. Между собой они не разговаривали, русалка попросила предъявить тело пострадавшей при взрыве, на которую пока не претендовали родственники. Моргун предупредил, что картина не для слабонервных. Это раз. И опознавать там нечего. Это два. Даже криминалист – человек опытный - с огромным трудом определил, что обожженное тело принадлежит женщине и на этом его открытия закончились. Но если господа хорошие желают убедиться в наличие родственных уз, то могут провести генетическую экспертизу. Предстоящая визуальная процедура отбила желание у русалки, она обратилась к мужчине и сказала: «Иди ты, я здесь подожду». Тот кивнул и пошел за Епифаном... Когда они вернулись, на столе уже красовалась та растреклятая бутылка, чуть не лишившая добросердечного гражданина Моргуна жизни... Пара поблагодарила санитаря и ушла... Закрыв он за ними дверь или нет, не помнит, потому как сразу появилось важное дело, не терпящее отлагательств...

Следующим пунктом в расследовании Олева стояло установление личности Дианы Елкиной. После чего необходимо было проверить местонахождения Ирины Ялович и матери погибшего Яна Протодьяконова.

Ефим вернулся в осиротевший офис, подумал о поисках нового секретаря, затем вспомнил о скорых переменах и незаметно повеселел, решив, что за этим последуют и другие приятные моменты. Он станет чаще видеть студентку Быстрову, которая сможет, наконец, разглядеть в нем свою судьбу.

Олев стал напевать арию из собственной оперы с одной строкой, которая звучала жизнеутверждающе:

- Я предназначен ей судьбой.

При этом нагло драл музыку с арии Ленского из оперы «Евгений Онегин». Вместо «куда, куда, куда вы удалились...», он пел: «Я пред, я пред, я предназначен ей судьбой». При этом ужасно перевирая мотив и затягивая окончание последнего слова, складывал губы в овал и старательно подражал известному лирическому тенору Лемешеву. Чайковский, Пушкин и упомянутый солист Большого театра скончались бы от кощунственного отношения к классике, если дожили до этой поры.

Нахлынувшее несвоевременное веселье подстегнуло Фиму на подвиги. Он решил вести три дела одновременно, возомнив себя Гаем Юлием Цезарем, преследуя общую цель - сократить время и закрыть животрепещущую тему.

Вспомнил известную поговорку: «Не имей конвертируемую валюту, а имей отзывчивых друзей – однокашников», которых судьба разбросала не только по Южному Федеральному Округу, где сосредоточился интерес Олева, но и по странам СНГ, а особенно в столице Украины. Поэтому засел за телефон и начал вести длинные переговоры. Когда все задания были розданы, он занялся текущими делами частного детективного агентства, которое пока базировалось в городе Волгодонске.

Инна пришла в больницу к отцу и была удивлена присутствием в палате той самой докторицы в очках, которая приезжала к ним на квартиру в машине скорой помощи. Сердце Быстровой заколотилось в сумасшедшем ритме, ладони противно вспотели, а в голове побежали мысли одна другой страшнее. Инка пыталась уловить по лицу Ленчика, знает ли он о взрыве их дома, о чем могла разболтать проникнутая сочувствием дамочка. Девушка бросила на нее гневный взгляд, стушевалась и натянуто улыбнулась, выказывая необычайную радость от нахождения рядом с отцом особы, которая самовольно заявила в больницу без предварительного разрешения главного телохранителя, то есть Инны Быстровой. Надо признать, что где-то глубоко внутри появилось безотчетное чувство ревности, такое малюсенькое, что сразу и не распознаешь – ревность это или боязнь того, что хитрая очкастая девица обведет добросердечного отца вокруг пальца, прикинувшись влюбленной с первого взгляда.

Инка оценила наряд мадамы, как про себя окрестила докторицу, ни дама, ни мадам, именно мадама, посчитав, что очкастая слишком обидное прозвище. К тому же сейчас очков на ней не было, поэтому близорукие глаза были словно подернуты пеленой, от которой она стремилась избавиться странным образом: постоянно прищуривалась и часто моргала. Но это не наводило на мысль о недоразвитости, напротив, намекало на детскую непосредственность. В связи с чем, любому представителю сильного пола хотелось мгновенно встать на защиту невинного существа. Глазки мадамы вызывали зависть не только китаянок с японками, но и всех жительниц Земного Шара. Они были огромными, как две фары автомобиля, серо-голубыми и в дополнении окутаны длинными ресницами, на которые умело нанесли тушь, чем прибавили не менее сантиметра. Ресницы закручивались и почти доставали до бровей. За глазами следовал аккуратный маленький носик и губки средней пухлости с нанесенным на них мерцающим блеском. На плечи гостьи был накинут белый халат, под которым виднелось платье цвета стали, оголяющее колени. Вызывающе оголяющие, как успела заметить дочь своего отца. На ногах мадамы были удобные ботинки, цена которых явно превышала ее месячную зарплату. Взятчица, - подумала Инна, не подумав, что та может работать на две ставки, а то и более. Но находить положительные черты в докторице-мадаме девушке не хотелось. Она забыла, как еще недавно мечтала о свадьбе Ленчика, а сейчас заметила его заинтересованный взгляд и приуныла, будто ее, приемную дочь, уже успели отеснить на второй план.

- А это моя Инночка, – с улыбкой до ушей представил дочь гордый отец. – Вы ее уже видели, но для знакомства был неподходящий момент. – Иннуся, а это Екатерина Ивановна, - еще больше расплылся он.

Она ему ничего не сказала о взрыве дома, - мысленно вздохнула девушка и нацепила на губы приветливую улыбку. Как ей казалось.

- Здравствуйте, - протянула мадама, отчетливо выговаривая несложное слово приветствия, поднялась со стула и протянула руку.

Инка ответила на рукопожатие и по-деловому бросила.

- Добрый день, – тем самым желая дать понять, что времени у нее в обрез, а непрошенные гости мешают разговору двух близких людей.

- Я, пожалуй, пойду, - нерешительно вставила понятливая женщина под тридцать, теряя последний шанс пристать к надежному берегу.

- Катя, вы обещали прогуляться со мной по коридору, - напомнил излишне бравым голосом недавний больной, которому до перехода в разряд здоровых было еще очень далеко.

Инна автоматически посмотрела на часы.

- Дочь, ты спешишь? - неправильно расшифровал Ленчик ее интерес к прибору точной механики. Или намекал, что она может идти, сегодня ему есть с кем продефилировать.

- Думаю, для прогулки время неподходящее, - насупившись, произнесла она, присаживаясь на край кровати и негласно устанавливая свою власть.

- Это почему же неподходящее? – вскинул брови Ленчик.

- Народу много шастает туда-сюда, неровен час зацепят тебя.

Быстрова возмутила непосредственная забота, он одарил дочь укоризненным взглядом и торопливо заметил.

- Я не хрустальная ваза, чтобы бояться любого прикосновения, способного свалить меня с ног и разбить. Здесь на роликовых коньках по коридорам не рассекают, вокруг такие же сердечники, как и я.

- Не такие! – отрезала Инка. – Они имеют большой опыт в общении с этой болезнью, а ты... неопытный, поэтому не знаешь, как себя правильно вести, чтобы остаться в классе начинающих.

- Катя, как врач, мне как раз и расскажет!

Другая бы женщина давно поняла, что становится причиной перепалки отца и дочери, но не мадама, которая уже отказалась от первоначального решения встать и уйти, заметив неподдельный интерес к ней привлекательного мужчины, едва оправившегося от тяжелой болезни.

Весь этот абсурд родился в голове Быстровой, которая хорошо понимала, что ведет себя, как ревнивая маленькая девочка, восставшая против появления в их доме мачехи.

Угомонись! – мысленно призвала себя девушка. – Неужели ты не видишь, как порозовело бледное лицо Ленчика, как он засветился от рождающегося внутри счастья. И почему я решила, что эта мадама... эта Катя не влюбилась в него с первого взгляда, когда он лежал без сознания? Вон, какой рыжеволосый красавец! Хотя бы, и временно нетрудоспособный. Но взаимный интерес может помешать переезду в Ростов. Ленчик упрется и ни один танк его не сдвинет с места. Но я не хочу оставаться в этом городе. Я хочу уехать и забыть... Попытаться забыть о взрыве, о секретарше, которая довела Ленчика до инфаркта, о трупе в нашей обгоревшей квартире и о его исчезновении из морга. Я ничего не хочу знать! И точка! Не желаю, копаться в себе, вызывать воспоминания, чтобы пытаться узнать, кто из моей, ТОЙ, жизни вернулся в новую жизнь, чтобы выбивать людей из моего окружения. Пусть я не права, с переездом не уйдет опасность новых покушений, но даст передышку. Возможно, позже у меня появятся силы, чтобы вернуться в прошлое и покопаться в нем?.. Да, я страус, прячущий голову в

песок и не желающий видеть очевидное. Неокрепший перепуганный страус. Но лучше не накручивать себя, жить, изредка оглядываясь по сторонам, чем закрыться на двадцать пять замков, засесть в замкнутом помещении и дрожать. Два года учебы отвлекут меня, потом займусь делом Марго. Да, я попрыгунья-стрекоза, как меня в детстве называл Ленчик. Перемены позволяют притупить боль. Боль, полученную от ножа в руке воспоминаний... А сейчас надо вызвать Катю для разговора тет-а-тет и объяснить, что должен знать отец, а чего ему нельзя говорить. И попросить, чтобы она, как врач, посоветовала Ленчику пройти реабилитацию в хорошем санатории Ростова... И не забыть сказать напрямую, что меня их союз не пугает, напротив, я рада, если увижу в ее необыкновенных глазах необыкновенную любовь с моему дорогому талисману...

Заседание «совета трех» готово было перевалить за экватор. Доклад главного оратора сподвиг оппонентов к обсуждению.

- А я рада, что в Ставрополе не нашлось Елкиной Дианы Сергеевны, - с улыбкой заметила Быстрова.

- Рада? – удивился Олев, он же докладчик.

- Не хочу копаться в этой мутотени!

- Мутотени, - повторила новое слово Шипова напряженным голосом.

- Давайте, забудем обо всем плохом, переедем в Ростов и начнем жить заново! – предложила любительница спасительных перемен Инна.

- Но где вероятность, что беда не наступит снова? – как-то поэтично– реалистично, где-то даже требовательно и по-коммунистически, спросил прямолинейный Ефим.

Инке представилась сцена в примитивном актовом зале. На сцене стол с кумачовой скатертью, за которым сидят поклонники идей вождя пролетариата, а за трибуной взывает к пониманию момента товарищ Олев, постукивая для убедительности завидным кулаком.

- Не пристало комму... - чуть не ляпнула она, но вовремя поправилась, - не пристало человеку с разумной головой и правильными мыслями кивать на «авось». Авось придут враги, авось надумают мстить...

- Странно рассуждаешь, - пожурил Фима. – Ленька едва не умер от сердечного приступа, а ты не хочешь, чтобы я продолжал расследование?!

- Пустые хлопоты! Ты не можешь составить фоторобот секретарши, чтобы предъявит его милиции в Ставрополе. Недаром, она сболтнула, что приехала из этого города, значит, до появления в Волгодонске она «гастролировала» в нем! Не иначе аферистка, развлекающаяся себя изощренными способами покушений на граждан.

- Думаешь, выбор на Быстрова пал случайно? - подобрался Олев, которому впервые пришла в голову мысль о случайном совпадении.

- Уверена! Елкина увидела в газете ваше объявление, порадовалась, что нашла двух мужчин, которые так увлечены любимым делом, что не видят, кто перед ними мелькает каждый день, и принялась за работу.

- Все может быть, - без воодушевления согласился Фима и повернулся к Нике Федоровне, ожидая ее мнения.

- Все может быть, - повторила за ним женщина, - но в одном Инна права, лучше прекратить это дело, пока оно не завело нас в чашу, где мы окончательно заблудимся, и будем бояться каждого куста!

- Умничка! – похвалила ее Инна и чмокнула в щеку.

- Конечно, если я начну проверять всех Елкиных, живущих в Ставрополе, потом всех Диан Сергеевн, то мне жизни не хватит, - пораскинул мозгами Олев. – Хотя, с Дианами дело обстоит проще: редкое имечко... И вообще, - он сделал многозначительную паузу, - с чего мы взяли, что это имя, как и фамилия с отчеством ей даны при рождении? Если

лже-секретарша – преступница со стажем, то ее документы сплошная липа. Найдем мы с Ставрополе Елкину Диану Сергеевну, а она нам скажет, что давным-давно потеряла паспорт. И не думаю, что в ее окружении окажется женщина, которая действовала в нашем городе по подложным документам.

- Вот-вот! – поддержала Фиму Инна.

- Радует, что Ирину Ялович можно исключить. У нее алиби-и-и, лучше не придумает, - с восхищением протянул он, будто хвалил девушку за неблагоприятное поведение.

- Но бывали случаи, когда человек тайно покидал место отсидки, чтобы совершить преступление, а затем возвращался. И никто не знал, что ночь он провел на воле. Я сама об этом слышала, - с видом опытного человека заметила Шипова.

- Ялович сейчас находится под следствием. В следственном изоляторе, - сделал упор мужчина, - а оттуда не сбежишь. Ее дело еще не передано в суд. – провел Ефим короткий ликбез для пожилой женщины, далекой от юриспруденции. – И путь от Питера до Волгодонска не близок.

- Так Ира с матерью в Питер перебрались? – удивилась Инна.

- Вскоре после того, как отцу дали срок и конфисковали все имущество. Мать Ирины родом из Ленинграда, - по старинке назвал город Петра Олев. – Там до сих пор живут ее родители. Куда двум обнищавшим женщинам еще было податься?

- А отец Иры уже вышел на свободу?

- Два года назад, по амнистии, но через полгода умер. По приезду мать почти сразу устроилась на работу, нашла подработку, чтобы доченька ни в чем нуждалась. А доченька после школы пошла в модельное агентство, благо внешность позволяет, со временем пристрастилась к наркотикам, за что и оказалась под следствием, когда у нее на кармане обнаружили дозу.

- Ей, наверное, немалый срок грозит? – безучастно спросила девушка.

- Если она не торговала, то года три. И то могут дать условно.

- На этом Ирина не остановится, не тот характер, - поспешила вмешаться Быстрова.

- Каждый сам выбирает свой путь, - заметила Ника, - пусть Ялович живет, как пожелает, лишь бы нас не трогала! – объединила она себя с Инной и Ленечкой, которых по праву считала своей семьей.

- Но в Киев я все равно поеду! – не отказался от затеи Ефим. – Я должен своими глазами увидеть мать Яна Протодяконова. Алиби у нее нет, но есть дочь, которой двадцать лет.

- Зачем тебе ехать в Киев? – накинулась на мужчину Инка. – Тебе русским языком сказали, что мать Яна жива и здорова, из чего следует, что не она сгорела в нашей квартире.

- Хочу убедиться, что Ольга Евгеньевна Протодяконова и Елкина Диана Сергеевна не одно лицо.

- Мне послышалось, или ты сам заявил, что тебе по факсу прислали ее портрет, и ты не нашел сходства с секретаршей?

- Присланная фотография плохого качества. Я должен увидеть мать погибшего мальчика. Я понаблюдаю за ней, сравню ее походку, ее жестикуляцию с Елkinской привычкой размахивать при разговоре руками.

- А-а-а, - завопила Инна, - значит, кое-что начинает всплывать в твоей памяти! Или ты на ходу сочиняешь, чтобы убедить нас в необходимости этой поездки?

- Ничего я не сочиняю! Ее лицо по-прежнему, как в тумане, а излишняя жестикуляция неожиданно вспомнилась.

- Это говорит о повышенной нервозности! – заключила Шипова.

- Фима, а почему ты заговорил о походке? Она у Дианы тоже была своеобразной?

- Я как-то пришел рано в офис, чтобы доделать одно дельце, но у меня никак не складывалось два и два, тогда я подошел к окну и стал тупо пялиться, в надежде, что идея

сама придет в голову. Вижу, идет наша секретарша... Туловища наклонено вперед, взгляд уперся в тротуар, будто она боится угодить в яму или выискивает потерянную вещь, а поступь, как у солдата на плацу.

Инка тут же представила нечто среднее между солдатом, блуждающим в поисках вырытого накануне окопа, и женщиной-растеряхой, и у нее неожиданно получился Керенский, который переоделся в женское платье, чтобы сбежать из Гатчинского Дворца, где он пытался вместе с генералом Красновым противостоять большевикам.

- При чем здесь К... Керенский? – с легким заиканием спросил Ефим.

Инка прыснула. Она не заметила, как произнесла вслух фамилию Председателя Временного Правительства. Но как всегда наигранная веселость мгновенно перетекла в погружение в себя...

Ее отец, Геннадий Вишнев, любил употреблять в разговоре фразу из поэмы Маяковского «Хорошо»: «Кто тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!» Так он обращался к жене Ефимии, когда начинался футбольный матч по телевизору, а она занимала любимое кресло главы семьи, расположившись в нем с ногами и увлекшись чтением Конан Дойля. Женщина привычно закладывала указательный палец правой руки в книгу, а указательным пальцем левой руки тыкала себе в щеку, намекая, что есть еще один способ уговоров. От поцелуев родители переходили к танцам, партнерша перемещалась из кресла на руки надежного партнера, который кружился с ней по комнате, позабыв на время о любимом футболе. Как они были счастливы! Как любили друг друга! Даже малолетней дочери было понятно, что подобная любовь встречается крайне редко, одна на миллион... Неземная любовь. Потому и перенеслась на небеса...

- Инна, с тобой все нормально?

Девушка с трудом вырвалась из пут воспоминаний, непонимающе осмотрелась, увидела совсем близко перепуганного Олева со стаканом воды и бледную, как полотно, Нику Федоровну.

- Нормально, - едва слышно произнесла она, с трудом ворочая языком.

- С ней такое иногда бывает, - сказала Шипова, поглаживая девушку по голове. – В детстве чаще было, а повзрослела... приступы стали реже.

- Надо ее врачу показать, - хмуро обронил Фима, словно объекта обсуждения в комнате не было. А она, и правда, находилась на грани прошлого и настоящего, не находя сил окончательно вернуться в настоящее.

- Это после стресса, перенесенного в Припяти, - добавила тихим голосом женщина.

- Откуда вы знаете? – удивилась Инна, немного придя в себя.

- Не обижайся девочка, мне Ленчик рассказал, чтобы я не пугалась и была во всеоружии, когда ты унесешься в прошлое.

- Все в курсе, кроме меня, - обиделся друг семьи Быстровых.

Дамы не обратили внимания на возмущенную фразу мужчины. Ника поняла, что была сверх меры болтливой, и заговорила о домашних делах, а Инна сделала вид, что внимает ее речи, время от времени подтверждая кивком.

Ефим почувствовал себя третьим лишним, но сдаваться не захотел.

- Я уезжаю в Киев! – с вызовом снова заявил он, стараясь вернуть ускользнувшее внимание.

Он угадал. Женщины разом повернулись к нему.

- Будь осторожен, - попросила Шипова.

- И возвращайся быстрее, - пролила бальзам на его израненную душу Инна...

Раз меня попросили не задерживаться и произнесли просьбу заботливым голосом, я ускорю события, - мысленно решил Ефим Олев, спускаясь по трапу самолета, который

перенес его в столицу Украины из южной столицы - города Ростова, куда он добрался из Волгодонска на своей «Ауди».

Ольга Евгеньевна Протодьяконова работала воспитателем в детском саду «Ручеек». Фима остановился за забором и стал с интересом изучать женщину, которая наблюдала за играющими малышами. Эту женщину, как и секретаря детективного агентства, можно было отнести к разряду серых мышек. С Елкиной она имела немало общего: бесцветные волосы, стянутые резинкой в крысиный хвостик, невыразительное лицо без следов косметики, безликая одежда под названием: я жду тебя в качестве половой тряпки. Но ее безразличие к собственной внешности было объяснимым – невосполнимая потеря сына. Ужасное горе плюс затянувшаяся депрессия плюс вера в загробную жизнь и желание уйти вслед за ребенком плюс отречение от всех радостей. Ольга оставалась на этом свете ради дочери – единственном близком и родном существе. Последним ударом был уход из семьи мужа, которому надоело полубезумие супруги. Еще одна поддержка для нее – это работа. Олев заметил, как глаза женщины оживают, когда она смотрит на своих подопечных, семенящих возле нее. Как губы трогает робкая улыбка, когда кто-то из малышей обращается к ней за помощью. В эту минуту исчезает поразительное сходство с Елкиной. Ольга становится обычной женщиной, пренебрегшей уходом за собой в виду наличия любящего мужа, для которого она является единственной женщиной на земле.

Олеву пришла гениальная мысль – не могла ли Диана Сергеевна в своей жизни испытать нечто подобное с тем, что пришлось пережить Протодьяконовой? Отсюда и все вытекающие последствия. Но почему объектом притязаний Елкиной стал Быстров?.. Если выбор на него пал не случайно, то можно предположить, что Диана попросту перепутала его с истинным виновником гибели близкого человека? К Леониду это не имеет отношения. Будучи на милицейской службе, он едва ли мог превысить полномочия и отправить ее родственника к праотцам. Не тот человек Быстров. На службе всякое бывает. Но мелочные обиды не могут послужить толчком к мести. Тем более прошло немало лет.

Еще одна подробность резанула взгляд наблюдательного Олева – черный ободок для волос. Что это? Обычное пренебрежение к цвету или продолжение траура по сыну? Или по другому человеку, ушедшему из жизни совсем недавно? Все остальные цвета в одежде были мрачными с примесью неопрятности, но не черными.

В голове завертелось, закружилось, версии рождались сиюминутно, нарастая на уже имеющемся клубке. Ответ находился глубоко внутри.

Все же Фима решил остановиться на новом трауре, и собрался бежать за сведениями к приятелю, надежно вклинившемуся в прослойку между высшими и низшими рангами МВД Украины, но в последний момент решил предпринять кое-какие действия. А, именно: переступить порог детского сада и обратиться с невинным вопросом к воспитательнице, которая должна отреагировать или не отреагировать на появление Ефима Олева, волгодонского обывателя, волею случая оказавшегося здесь.

Мужчина скрипнул калиткой, и потопал по аллее, внутренне волнуясь.

Не способна Протодьяконова перевоплотиться в великолепную актрису, не отреагировавшую на появление перед нею субъекта из другой пьесы. Секундное удивление обаяно мелькнуть в ее глазах. Поэтому Фима поверил ей. Ее безразличному взгляду и обстоятельному ответу на вопрос об устройстве трехлетнего чада в дошкольное учреждение «Ручеек». Сие вряд ли возможно, детсад переполнен, но «родитель» может пройти к заведующей и переговорить с ней. Женщина не жестикулировала, руки были безвольно опущены. Посчитав разговор законченным, женщина отвернулась и окликнула одного из ребят, который пытался оспорить первенство во владении лопаткой. В ее поведении не было волнения или ужаса от неожиданного разоблачения. Ольге Евгеньевне не было дела до постороннего мужчины.

Олеву ничего не оставалось, как завернуть за угол, постоять там минут десять, недоуменно хмурясь и зыркая по сторонам, потом вернуться и быстрым шагом проследовать к выходу.

Несмотря на неудачу, Ефим чувствовал, что разгадка где-то рядом, еще шаг и все разъяснится. Но сделать этот шаг нужно в правильном направлении. Иначе следствие окончательно запутается. Но надежда умирает последней, главное не паниковать. Терпение и еще раз терпение!

Но одним терпением и выдержкой дело не решить. Нужны осторожные действия. А пока Олев не в состоянии совладать с бешенством. Ему казалось, что противник наблюдает за ним со стороны и надсмехается над непрофессионализмом...

Приятель из «надежной прослойки» навел справки и сообщил сокурснику сенсационную новость: недавно... сгорела при пожаре в собственном доме сестра Ольги Евгеньевны Протодьяконовой – Анна Евгеньевна Пышненко, жительница небольшого села под Киевом.

Олев сопоставил детали и сделал вывод – несчастный случай с Пышненко произошел через несколько дней после взрыва дома на Октябрьском шоссе в Волгодонске. Этих нескольких дней было вполне достаточно, чтобы выкрасть тело из морга и доставить его по месту жительства в украинское село. Но есть одно веское замечание в рассуждении, скорее вопрос - каким образом перевозили обгоревший труп, если при пересечении границы ведется тщательный досмотр? На этот каверзный вопрос имеется резонный ответ: любой житель населенного пункта, который расположен в пограничной зоне, неважно на территории России или Украины, свободно лавирует между двумя государствами, избегая оживленных трасс. Следовательно, зная ходы-выходы, можно не препятствий проникнуть в Украину, имея в машине странный груз без надлежащих документов. Теперь далее... Женщина жила одна, поэтому генетической экспертизы не потребовалось. Родственники по непонятной причине прибыли на место пожара быстрее пожарных, словно готовились к подобному исходу заранее. По словам очевидцев, они «по-городскому» были сдержанны, об землю не бились, не кричали в полный голос, не мешали работе пожарных, молча стояли поодаль, а на следующий день забрали тело из морга и похоронили на сельском кладбище.

Обо всем этом Ефим Олев узнал, когда добрался до села. Он пообщался с жителями, которые с охоткой рассказали о пожаре. Затем не поленился, посетил кладбище и нашел могилу Анны Пышненко. Среди венков и цветов стоял портрет женщины, которая была похожа не только на Ольгу Протодьяконову, но и невыразительную секретаршу Елкину. Фима снова вернулся в село, чтобы расспросить о сестре погибшей. Он с трудом понимал украинскую речь, по несколько раз переспрашивал, интересовался, покидала ли село гражданка Пышненко незадолго до своей гибели, надеясь на положительный ответ. Но его дружно заверили, что Анна никуда не отлучалась. Одна соседка видела, как она развешивает во дворе на веревке выстиранное белье, другая, как копается в огороде. Обе хотели с ней поболтать, но та лишь отмахнулась и продолжила заниматься своим делом. Пределов двора Пышненко не покидала, в сельпо за продуктами не ходила. Такая замкнутость была людям не в новинку, Анна по гостям не хаживала и в своей хате никого не привечала. А продукты ей привозили родственники из Киева. Фима с надеждой спросил, не обозналась ли соседка, может это была не Анна, а ее сестра Ольга, приехавшая погостить и помочь по хозяйству.

- Осень на селе страдная пора, - одинокой женщине без помощи не обойтись, - со знанием дела заключил Олев - истинно городской житель.

Одна из женщина ответила, что из ума пока не выжила, Аньку от Ольги может отличить.

А молодая грудастая хохлушка тут же стала смотреть на собеседника по-иному. Раньше в ее глазах царил женский интерес, а теперь она выступала в качестве рабовладелицы, покупающей на рынке крепкого работника. «Работник» испуганно сделал шаг назад, будто боялся, что нанимательница притянет его к себе, станет ощупывать и заглядывать в рот, пересчитывая все имеющиеся зубы. Но она ласково улыбнулась, игриво сверкнув карими очами, и сказала, что у них «на сили» одна баба стоит трех мужиков. Пригласила гостя в хату, но тот отказался и побрел по улице.

И что мне делать? – мысленно задался вопросом Олев, залезая в автомобиль, любезно предоставленный приятелем вместе с водителем. Тот устал ждать гостя начальника и сразу завел двигатель, не задавая вопросов. Фима погрузился в размышления: Если я расскажу о результатах Инне, она, не задумываясь, согласится с моим предположением, что Диана Сергеевна и погибшая Анна Евгеньевна, сестра Ольги, – одно лицо. Этот вывод поставит точку в расследовании. В этом заинтересована Инна Быстрова... А почему я считаю этот вывод ошибочным? Все сходится. Дочь Ольги Протодьяконовой и ее тетка, она же тетка погибшего мальчика, приехали в Волгодонск с определенным планом мести, понесли потери в рядах мстителей, девушка выкрала тело тетки из морга и перевезла с помощью подельника в родное село. Устроила пожар, пожертвовав недвижимостью, но обезопасила себя и погибшую Пышненко от дальнейшего расседования. Надо бы посмотреть на эту девицу Протодьяконову, но что это даст? Описание санитаря из морга Епифана Моргуна расплывчато. Надел парик до попы, нанес грим и получился человек с вызывающей внешностью, снял парик, умылся и нате вам – монашка из монастыря. Но на всякий случай, полюбуюсь на девушку, успокою совесть и назад, в Волгодонск...

Дочь Протодьяконовой была невысокого росточка, стройная, с короткой стрижкой, больше походившей на мужскую, и без макияжа. Ефим мысленно пририсовал девушке русоволосый парик, мысленно «раскрасил» лицо разноцветными карандашами, и понял, что сейчас она похожа на сексапильную куклу из магазина игрушек. Таких Барби по улицам пруд пруди. Если бы сестра погибшего мальчика заявила в морг в истинном виде, то у Олева появился шанс. Он мог взять ее на испуг, заявить, что санитар хорошо запомнил ее нетривиальное обличье, и отпираться не имеет смысла. Затем еще поднажать, и она выложит всё и всех. Но это при условии, что на руках есть козыри. А их как раз и нет. Одни шестерки на погонах... Можно смухлевать, но какова вероятность, что девушка не раскусит его? Не умеешь жульничать, лучше не затевать нечестную игру.

Фима несколько дней ходил за Протодьяконовой–младшей, студенткой пединститута, попытался вычислить преданного поклонника, способного ради нее принять участие в преступление, но такового не обнаружил.

Олеву ничего не оставалось, как сфотографировать всех действующих лиц и отбыть на Родину...

Инка так увлеклась приготовлением салата оливье, что не расслышала, что ей втолковывает отец. Переспросить было неудобно, но девушка поняла по его счастливому лицу, что он поделился приятной новостью.

- И что дальше? – произнесла она пространную фразу, за которой должно последовать объяснение, проливающее свет на предыдущий туман.

- Дальше ты соберешь вещички, сядешь в самолет, который перенесет тебя через Черное море, – с блаженством в голосе и взгляде протянул Быстров, – и ты окажешься в цветущем царстве.

Это уже кое-что, - подумала Инна, аккуратно нарезаая вареную колбасу – свой самый любимый деликатес. У кого-то в этом качестве выступает красная рыба или икра, а у нее

докторская колбаса. Чтобы не перенести ее в разряд обычных продуктов, а оставить в перечне приятных воспоминаний, Инка ест варенку не чаще одного раза в месяц. Чтобы не уходило ощущение праздника, во время которого она возвращается в апрель восьмидесят седьмого, когда маленькая девочка вышла из зоны отчуждения с дерматиновой сумкой в руках, и была вознаграждена за силу духа и стойкость бутербродом с докторской колбасой.

- И что ты удумал?! – по-стариковски пожурила Ленчика дочь, догадавшись, о какой стране идет речь. – На кой мне эта Туретчина?!

- Тебе нужен отдых! Красный диплом, это не шутка, просто так его не дают. Я на седьмом небе от счастья: моя дочь – дипломированный химик! – он стушевался, заметив равнодушие во взгляде Инны. – Ты... не рада подарку? А мы так хотели тебе угодить.

В этот момент в кухню вплыла Катя, присоединившаяся к немногочисленному клану Быстровых год назад. Женщина придерживала двумя руками свой большой живот и переваливалась, как уточка.

- Взвалили на бедную девочку все домашние хлопоты, - вздохнула она. – Но ничего, скоро Ника Федоровна вернется из Железноводска и все заботы по дому, как обычно возьмет на себя. Отстранять от дел и переубедить эту бойкую женщину невозможно, она не может сидеть сложа руки.

- Кать, садись к окошку, там прохладнее, - позаботилась о ней Инна. В кухне и впрямь, распространялся жар от пылающей духовки, в которой исходила соком крупная курица.

- Надо детей зимой рожать. Или ранней весной, а не в июне. – побурчала для вида Катерина, расплываясь на стуле у распахнутого окна.

- Скорее в июле, - поправил ее супруг. – В июне не уложишься, всего два дня осталось.

- Целых два дня, - поохала женщина, потирая поясницу. – Уже неделю переживаю, нет бы, идти с опережением плана...

- Зато успели обмыть мой диплом. – вставила Инна. – После рождения малыша, будет не до гостей и отмечаний. Хотя, Фимка не гость, он член семьи.

Супруги Быстровы обменялись многозначительными взглядами, надеясь, что погружение девушки в приготовление салата оливье помешает заметить этот обмен. Но Инка была человеком с необычными способностями: иногда она не слышала громкого к ней обращения, а иногда ловила сигналы, ей не предназначенные.

- Олев не придет? – спросила она, не поднимая головы.

Быстров сделал вид, что не расслышал, и обратился к жене.

- Катюша, наша девочка не хочет лететь в Турцию.

- Я этого не говорила! – поспешила вмешаться двадцатилетняя девочка.

- Но намекала! – попенял ей Ленчик.

- Не хочет, не надо, - пожал плечами беременная женщина. – Я тебя предупреждала, прежде чем покупать путевку, посоветуйся с Инной.

- Я хотел сделать ей сюрприз. – произнес мужчина с обидой, уставившись в пол.

- Спасибо, - с улыбкой сказала девушка, отрываясь от нарезки продуктов. – Но я не поеду, у меня другие планы.

- Могу я узнать, какие? – по-отечески сурово спросил он, оказавшийся во власти неведения.

- Я хочу поехать в Волгоград.

- Почему, именно, в Волгоград?

- Никогда там не была, - не стала распространяться Инка.

- Одна? – не успокоился Быстров, для которого дочь осталась на шестилетнем уровне.

Девушка повернула голову вправо, затем влево, словно выискивала подходящую компанию для поездки, не увидела и заявила.

- Одна. И будем считать прения законченными.

- Тогда переходим к голосованию, - рявкнул Быстров, – я против! - с вызовом сказал он, поджав губы, и поднял вверх руку.
- А я «за», - хмыкнула Катя, - пусть девочка делает то, что считает нужным.
- Я тоже имею право голос! - Инка бросила нож на стол и подняла вверх две руки.
- Все против меня, - поспешил высказаться Леонид.
- А ты не жалуйся, а езжай в туристическое агентство и сдавай путевку, - посоветовала жена.
- Может, я сам поеду в Турцию, - хитро прищурившись, заявил он.
- Буду рожать одна, без пренебрегшего мной мужа, - помедлив, заметила Катерина. – А когда подойдет время выписки из роддома, позову Ефима. Пусть пройдет испытание пищащим конвертиком.
- А... ему... пора тренироваться? – запуталась в трех словах Инка, чуть не поранив ножом палец.
- Инн... Инночка, - неожиданно на отца напал «спотыкач». – Фима... познакомился с девушкой и сегодня приведет ее к нам... Разве он тебе не говорил?
- Мы с ним не в таких тесно-дружеских отношениях, чтобы делиться любовными переживаниями и донжуанскими похождениями. – сквозь зубы произнесла она и стала с ожесточением вымешивать салат в большой миске. При этом не забыла повернуться к родственникам спиной и добавила к майонезному соусу для заправки пару непрошенных слезинок.
- Это все показуха! – отрезала Катерина, по привычке потирая переносицу. Она давно перешла на линзы, но отработанные годами движение осталось.
- Показуха? – переспросил с надеждой в голосе Быстров, который не понимал тонкостей любовных игр и не принимал их. В этом деле он был толстокож и непробиваем. Одна Катя нашла меткое оружие и пробила брешь в крепкой броне холостяка и отца-одиночки в одном лице.
- Естественно! – воскликнула женщина, не сводя настороженного взгляда с Инны. – Всем давно известно, что Ефим давно и безнадежно влюблен в одну особу. Всем, кроме этой особы, которая делает вид, что ей нет дела до страданий мужчины, отчаявшегося пробить путь к обледенелому сердцу девушки. Или это такая игра? – обратилась Катерина больше к склоненной спине Инки, чем к супругу.
- Считаю второе предположение более правильным, - высказался Леонид и закусил губы, чтобы не перебить серьезность момента вырвавшейся улыбкой.
- Инна продолжала орудовать ложкой в гуще искромсанных ингредиентов.
- Чтобы сбросить пелену самообмана с глаз этой особы, Олев пошел на крайние меры – пытается разжечь ее любовь, подкидывая в камин поленья ревности.
- Откуда у человека с высшим медицинским образованием такой необычный дар – говорить белым стихом?! – поделилась соображениями «спина» дипломированного химика. - Конечно, рифма не играет в данном случае главной роли. Основное – донести до умного слушателя смысл, вкручивая ему в голову шуруп – намек. Да поглубже, призвав на помощь шуруповерт, чтобы заинтересованный слушатель не мог удалить навязанную ему мыслишку без подручных средств. И что самое противное, вкручивал бы молча, так нет, вкручивает и приговаривает, будто зомбирует на любовь, повторяя одну и ту же фразу: «Фима любит... Инну, Инна любит Фиму, Фима любит Инну, Инна любит Фиму...»
- Что и требовалось доказать! – огласила кухню радостным заявлением Катя. – И необходимость в применении шуруповерта отпала сама собой!
- Екатерина Ивановна, у меня просто вырвалось, а вы делаете преждевременные выводы! – перешла на официальный тон Инка.
- А почему тебе пришло на ум твое имя, а не любое другое? – подобрался отец.

- Хотела Катю вставить, но посчитала это неуважением к тебе, - разоткровенничалась девушка, пряча миску с салатом в холодильник.
- А кроме этих имен, других в памяти не всплыло?
- Не всплыло! Что-то с памятью моей стало, - запела она и осеклась, медленно опускаясь на стул...

... Не так давно Инна узнала, что в год трагедии на Чернобыльской АЭС, в июле, всем жителям Припяти разрешили вернуться в свои дома, чтобы забрать вещи. Гораздо позже в город стали проникать мародеры, растаскивающие из квартир все, что под руку попадет. До июля восемьдесят шестого все было иначе – имущество находилось под оком бдительной охраны. Гранкины могли вернуться и обнаружить, что все вещи на месте, кроме статуэтки олимпийского медведя и фотографии двух девочек, что их натолкнуло на определенную мысль – мишку, принадлежавшего их дочери, взял человек, который прихватил фото. А кто мог это сделать? Кто-то из родных девчушек, изображенных на снимке. Гранкины фотку не брали, значит, взяли Вишневы. Только им дорог снимок их дочери и ее подруги, сделанный незадолго до аварии. Инне впервые стало стыдно за свой поступок. Она представила, как горько плакала Мина, когда вернувшийся из Припяти отец не привез талисман.

Обычная статуэтка из дешевого материала – это не просто ценная вещь, это грусть по счастливому детству и последняя ниточка с жизнью, которая осталась там, в Припяти...

Если раньше память возвращалась к ней небольшими дозами и приносила боль, то теперь девушка научилась выливать бурлящие воспоминания в котел под названием «Амнезия», крепко задрать крышку и стараться не открывать. Только это не всегда получалось. Вот и теперь, воспоминанию удалось сдвинуть крышку котла и напомнить о неблагоприятном поступке.

Впервые появилось желание найти Мину Гранкину и вернуть ей талисман. Как появилось, так и испарилось. Этот медвежонок спас Инну от смерти и помог выбраться из поселка Копачи. Если бы не он, девочка ушла из жизни вслед за матерью. Значит, он ЕЕ талисман, а не Мины. Олимпийский мишка не просто статуэтка, он настоящий друг, а друзей не предадут. Это все равно, что отречься от Ленчика...

Инке хотелось предстать перед новой знакомой Ефима в невыгодном свете: взять и вымазать лицо сажей, как в фильме «Морозко» и надеть старомодную одежду, которую можно найти в шкафу Ники Федоровны. И все для того, чтобы Инну не сравнивали с девицей Олева. Пусть та будет румяней и блее, ей все равно. Однако руки и мысли в голове работали неслаженно, то есть, совсем не взаимодействовали. Решение, созревшее в голове, не передалось конечностям, которые наносили на лицо легкий макияж, перебирали наряды, открывали одну за другой коробки с обувью, в общем, вели себя отстраненно и вызывающе. В одной из коробок лежал талисман, успевший за несколько лет выгореть и «постареть», поэтому заботливая хозяйка спрятала его подальше от солнечных лучей. Конечно, можно отдать примитивному реставратору, способному придать медведю первоначальный вид, но в этом Инна, как раз, и сомневалась. Статуэтка станет другой и потеряет свои способности. Девушка доставала олимпийского мишку перед каждым экзаменом в университете, делилась с ним своими переживаниями и намекала на слабые стороны в сдаваемом предмете, словно ставила перед ним задачу отвести от нее плохо протудированные вопросы.

Быстрова оглянулась на плотно прикрытую дверь, за которой были слышны голоса Ленчика и Кати. Женщина руководила мужем, который взял на себя обязанность сервировать стол к приходу гостей.

Инна достала из коробки медведя, ласково провела по нему рукой, будто снимала защитную пленку и оживляла, после чего талисман обретал способность вникать в

проблемы хозяйки. Потускневшая краска кое-где облупилась, выставив напоказ свинцовые проплешины.

- Старичок ты мой, - прошептала она, протирая пальцами торчащие ушки медвежонка. – Не будешь возражать, если я куплю краску и чуть-чуть избавлю тебя от дефектов? Не бойся, без фанатизма. Ты останешься самым собой. – Быстрова повертела в руках статуэтку, внимательно изучая внешние повреждения, и посетовала, - увы, время властно над всеми! – «Олимпиец» был серьезен, по всей видимости, тема монолога ему не нравилась. Поэтому понимающая хозяйка быстро перешла от рассуждений и уговоров к реалиям сегодняшнего дня. - Представляешь, Фимка встречается с какой-то девицей. – Мишка удивленно вскинул брови. Или он всегда находился в слегка ошарашенном состоянии, а Инке только кажется, что талисман реагирует на ее откровения, меняется во время их «разговора», выказывая свою реакцию? – Я его не осуждаю, мужчина разменял четвертый десяток, ему хочется вплыть в бухточку женского тепла и стать там на прикол. Но меня волнует другое... Волнует и и печалит одновременно... Все говорят, что он влюблен в меня... Все говорят, кроме него самого. Прямолинейный Олев вмиг теряет свое качество рядом со мной. Думаешь, боится получить отказ? Допустим, он его получит, и что дальше? Потерпит поражение, сложит оружие и найдет утешителя? Ах, я ее так любил, а она не оценила! Так пусть же теперь пожалеет об этом! – Театрально произнесла Инна, приложив ладонь с растопыренными пальцами к груди. – А где настойчивость и умение ждать? Он не забыл, что мне всего двадцать, – она заметила вопросительный взгляд медведя и попыталась оправдаться, - да, я знаю, что ему тридцать два, но разве это возраст для мужчины?! И... и он сам виноват во всем! – Насупившись, заявила Быстрова. – Ефим даже не пытался за мной ухаживать! Ну, дарил несколько раз букеты, но все по случаю. А без случая у него мозгов не хватило! Ленчик твердит: «Какая выгодная партия для любой девушки наш Фима! Не пьет, не курит, не ведет паразитический образ жизни»... Это он намекает, что я не буду ни в чем нуждаться. А сам не понимает, что я не услышала самое важное – признание в любви и предложение руки и сердца. – Мишка с укоризной уставился на нее. – Может, я не желаю читать по глазам. Это моя мамочка любила глазами, и отец все понимал. Я уверена, что Ефимия редко, но произносила вслух слова любви, просто не кидалась ими лишней раз. Она понимала, какую высокую ценность они имеют. И я не противоречу сама себе, как ты намекаешь, я считаю, что человек обязан признаться в своих чувствах, а после... а после, - запыхалась Инка, - после можно считывать с глаз, при условии, что в тебе живет ответное чувство... Иначе откуда появиться желание любоваться фейсом партнера и пересекаться с ним взглядами, как два встречных луча прожектора? – Решительно произнесла она и заметила непонимание на лице медвежонка. – Тебе не ясно, что признание первично, а влюбленные взгляды вторичны? Но это же элементарно, как дважды два: откуда я знаю, к кому обращен заинтересованный взгляд-намек? Может, к женщине, сидящей рядом. Или мужчина разговаривает со мной, а думает о другой девушке, которая заняла все его мысли и прочно засела внутри. Импульс от сердца передается глазам, и как результат собеседница принимает активизацию глаз на свой счет. Представляешь, какое разочарование ее постигнет, когда, обманувшись, она первой признается в любви? Наверное, я боюсь оказаться в этой роли. Я живу в небольшом мирке искренней любви и не хочу, чтобы к нам затесался предатель, способный все разрушить... Вдруг внутри Ефима живет застарелая любовь к... однокласснице или... коллеге. Он постоянно думает о возлюбленной, не в силах избавиться от безответной любви. А когда его неожиданно посещает надежда, причем в моем присутствии, он преображается, а его внутренне озарение все принимают за любовь к девушке, которая находится в эту минуту рядом. – придуманное объяснение окончательно опечалило Быстрову. - Ленчик возмущается, что у меня почти нет друзей, а я не сожалею об этом. Все мои друзья остались в Припяти.

Конечно, они разъехались по разным городам, но наша дружба не пожелала покидать город. Мне есть с кем поделиться самым сокровенным. В минуты душевного одиночества, я беру в руки тебя, мой дорогой талисман, и разговариваю. Я уверена, что мои тайны останутся при тебе...

Ленчик стоял на лоджии и высматривал гостей. Катерина сидела в удобном кресле с книгой в руках и изредка поглядывала на Инну, которая тридцать пятый раз двигала тарелки на столе и меняла положение вазочек с салатами. Когда отец отдернул штору и сдавленно сказал: «Идут!», дочь выскользнула из комнаты и потрусилась в кухню. Она замерла у окна, приподнявшись на цыпочках. К подъезду подходил Олев под руку с девушкой, рассмотреть которую она не успела. Следующим шагом было перемещение в прихожую, где перед большим зеркалом Инка оценила свое отражение, показавшееся ей чрезвычайно симпатичным. За привлекательным обликом с горящими серыми глазами следовал сногшибательный прикид, состоящий из вызывающе короткого платья цвета морской волны, прозванного отцом «мини – мини». Шею огибала серебряная цепь, по которой «хаживал» кот Бэзил, проверяя на прочность. Эта фраза так же относилась к изречениям Ленчика. Мне достаются умные отцы с чувством юмора, - в который раз подумала Инна. И впервые воспоминания не унесли ее в другой мир по причине сегодняшних волнений, причиной которых стал Ефим Олев. Быстрова дотронулась пальцами до толстой витиеватой цепочки, подаренной Катериной на двадцатилетие, огладила изгибистую фигуру руками, обликала губы, пожелавшие сложиться в привычную трубочку, но не проделала привычных движений. Инка замерла в зовущем поцелуе, представив перед собой некоего мужчину, который совсем скоро переступит порог дома. Затем очнулась и показала своему румянному отражению красный язык. Взлохматила густые светлые волосы, искромсанные опытной рукой модного «цирюльника» по имени Света. Инна не зря называла ее за глаза цирюльником: дама средних лет не только стригла и укладывала волосы, но и, следуя старине, давала дельные советы клиентам, обратившихся за помощью. «Врачевала» не только души, но и тела. Без особых затруднений ставила диагнозы, выслушав жалобы, и выносила свой вердикт, за которым следовали предложения по приему лекарственных препаратов, целебных трав или обычных витаминов. Ни разу Света не нанесла вреда клиентам. Может, ее предки обладали неким даром, переданным ей по наследству, а она усовершенствовала этот дар. Но не раз Инна слышала слова благодарности от клиентов «цирюльника», но сама за советом обращаться не спешила...

Звонок раздался в тот момент, когда пальцы были погружены в беспорядочную на взгляд неспециалиста прическу. В итоге ногти запутались в шевелюре, как поначалу показалось перепуганной хозяйке. Она быстро взяла себя в руки, мысленно заявив, что это всего лишь Фимка с подружкой и незачем трястись, как продрогший динозавр. Как трясся продрогший динозавр, Инка не знала по причине умалчивания оного, но могла догадываться. За окном царствовал июнь, загоняя в комнаты теплый воздух и окутывая невидимой шалью «доверенное лицо» вымершего миллионы лет назад животного. «Лицо» высвободило пальцы из прически, сжало кулачки и с азартом постучало ими друг о друга. Ледышки не раскололись, но действовали неслаженно и нервно. Звонок повторился. В прихожую вышел Ленчик и странно посмотрел на дочь.

- Ты не хочешь их впускать? – поиронизировал он и взял на себя обязанности гостеприимного хозяина.

Инна скрылась в спасительной кухне, переставляя кастрюли с места на место, будто играла в понятную одной ей игру, напоминавшую шашки из кухонной утвари.

Внутри что-то оборвалось, девушка почувствовала головокружение, опустилась на стул и приложила холодные руки к щекам. Стало немного легче, интерьер кухни замедлил

вращение и стал тормозиться. Дрожащими руками она отвинтила пробку на бутылке с минеральной водой и приложилась к горлышку. Вода с пузырьками побежала по внутренностям, приводя ее в более-менее нормальное состояние.

- Что это со мной? – прошептала Быстрова. – Волнуюсь, как девица перед сватовством...

- Сказала она и недовольно скривилась. Поставила бутылку с минеральной водой на стол, а затем с горечью добавила, - запоздали ваши волнения, уважаемая Инна Леонидовна. Прозевали поезд, машинист уехал, прихватив другую пассажирку.

Инна не заметила, как на пороге возник вездесущий талисмЭн, и с пониманием оценил обстановку.

- Доченька, возьми себя в руки! – призвал Ленчик, варьируя голосом между громким шепотом и свистящим шипением. – Ты не должна показывать своего состояния! – он подошел к ней, пригладил непослушные светлые вихры, потом прижал ее голову к своему животу, беспрестанно водя по ней руками и приговаривая. – Девочка моя, ты сильная, ты справишься. Здесь я помочь бессилён. Хотя...

- Только не надо уверять Фиму, что эта девушка, - она кивнула в сторону комнаты, где их ждали гости, - ему не пара. Он свой выбор сделал. – И снова упоминание ее силы, о которой не раз твердила Ефимия, не прицепило паровозик воспоминаний.

- Думаю, Катерина права - Олев специально привел в наш дом свою знакомую, чтобы проверить твою реакцию. Ты... накажи его за это. – Ленчик выпустил из рук уставшую от ласкового внимания голову Инны и присел рядом на корточки.

- Наказать?! – удивилась дочь. – Но как?

- Позвони Петюне и пригласи его в гости. Думаю, он соберется в рекордные сроки и через пять минут будет здесь. Жаль, я раньше об этом не подумал.

- Петюня не подходящий меч возмездия. Не тот типаж. – сразу подобралась Инна, почувствовав охотничий азарт. – Думаешь, у меня один такой Петюня в запасе? – с вызовом произнесла она, «потерявшись» в длинном списке кавалеров.

- У такой красавицы, как моя дочь, найдется немало поклонников, - утвердительно сказал отец, которому кроме Петюни и еще одного индивида никто представлен не был. – Только выбери более скоростного и с чувством юмора. – И со значением добавил, - хоть, Фимка мне и друг, но истина дороже.

Уже через полчаса в дверь Быстровых звонил еще один гость...

До этого Инна успела познакомиться с Мариной, милой симпатичной спутницей Олева, которая странным образом была похожа на него. Ей даже показалось, что он привел в их дом свою дальнюю родственницу, которая нагрянула к нему без приглашения. А тому ничего не оставалось, как прихватить ее с собой к Быстровым. У Марины были такие же черные волосы, смуглая кожа, разрез глаз, только цвет подкачал, если у Фимки они были почти черными, то у Марины – темно - карими, но разница заметна, когда пристально всматриваешься. Не вдаваясь в подробное сравнение, их можно было принять за старшего брата и младшую сестру. Роста девушка была не маленького, как и ее «брат» - на целую голову выше Инны, если не больше, и доставала Олеву до уха. И это при его росте в метр девяносто с небольшим хвостиком. И, вообще, она была крепкая, но не толстая, мускулистая, но не перекачанная, с отличной фигурой, которую выгодно подчеркивал рост. Все намекало на то, что Марина немало времени уделяет спорту. Не профессионально, а так, для красоты тела и укрепления собственного здоровья...

После звонка по телефону и приказа абоненту о немедленном прибытии по указанному адресу, Инна успела преобразиться, сменив упадническое настроение на азартное веселье. Никогда она не чувствовала себя такой возбужденной, будто приняла изрядную дозу кофеина, воздействующую на нее неадекватным образом. Чашка крепкого кофе вызывала бурю эмоций, почти всегда положительных, давала старт быстрым передвижениям - превращала обычную девушку без заметных спортивных достижений в

переворазрядницу по легкой атлетике. Затем наступал резкий спад, причем его наступление не могло быть рассчитано с точностью до минуты, колебалось от часа до трех, в зависимости от объема чашки и ряда внешних факторов. В связи с чем употребление кофе Инна Быстрова сводила к минимуму. Чаще употребляла перед генеральной уборкой в доме, стараясь уложиться в ограниченные рамки, а потом засыпала крепким сном, едва дойдя до дивана...

Сегодня был не тот день, не день генеральной уборки, но предложение Ленчика подействовало на Инку, как выпитая чашка кофе. Войдя в гостиную, она едва не бросилась в объятия новой знакомой Олева, которую неожиданно возлюбила до глубины души. Удивленный таким теплым, даже горячим приемом, Ефим склонил голову на бок, словно оценивал картину Леонардо ди сер да Винчи, а Инна на самом деле не Инна, а святая Анна, шагнувшая с полотна мастера, прихватив с собой Марию с младенцем Христом. Он ошарашено пялился на девушку, не понимая ее необузданного веселья. Быстрова чмокнула Ефима в щеку, заверив на ходу Марину, что он ей, как второй отец, затем несколько раз произнесла, что очень рада видеть девушку в их доме, где Олева считают своим. Потом ее понесло дальше по течению: Инка стала расхваливать приятеля отца так, что у того покраснели не только уши и щеки, но и кончик носа, будто он переусердствовал с медом, который вызвал у него аллергическую реакцию. Он не знал, как утихомирить сваху-самовыдвиженку и вяло намекнул на то, что пора бы сесть за стол и приступить к уничтожению съестных припасов, которые в изобилии украшали стол и вызывали слюноотделительных процесс. Его предложение не вызвало ни у кого отклика, только Инна прервала на пару секунд свою восторженную речь и более будничным тоном сказала, что надо дожидаться еще одного гостя. И тут Олев почувствовал неладное и впервые пожалел о своем поступке. Без интереса взглянул на свою спутницу, покопался в скопище чувств, сосредоточившихся в душе, и понял, что все они направлены в другую сторону. Марина к его чувствам никакого отношения не имела.

- Ой, а что я все о Фиме и о Фиме, - продолжала тараторить Инна, с удовольствием примечая обалдевшие взгляды окружающих. Одна подруга Олева не замечала странностей девушки, посчитав, что та таковой бывает круглосуточно, вставляя в этот период короткие часы погружения в сон. Именно, короткие, так как люди такого... повышенного оптимизма не могут отдавать вору-сну свое драгоценное время.

- Правильно, чего ты все обо мне и обо мне, - подхватил Олев и натянуто улыбнулся. - Сегодня ты у нас главное действующее лицо! Не забыла, по какому поводу мы собрались?

- С получением диплома мне память не отшибло, - констатировала Инна Быстрова и послала приятелю воздушный поцелуй. - А чего это я всё болтаю и болтаю, хотелось бы услышать Марину... Мариночка, расскажите о себе!

- Чего, вдруг? - хмыкнул Ефим. - Ты что ее в комсомол принимаешь?

- Я должна знать, в чьи руки вверяю своего дорогого... второго отца?! - совершенно серьезно сказала она, сведя вместе красивые брови.

Ленчик и Катерина с трудом сдержались от улыбок. Сначала их напугало чрезмерное веселье Инны, но вмешиваться они не стали. Теперь они с интересом наблюдали за развитием мелодрамы, окончание которой предугадать было невозможно.

- Да, мы собственно... недавно познакомились. Причем совершенно случайно. - пролепетала гостья, кидая на мужчину многозначительный взгляд, взывающий о помощи. Тот перестал надеяться на приглашение к трапезе, уселся на стул, отодвинув его от стола, вызывающе сложил руки калачиком на груди и перекинул ногу коромыслом, выказывая всем видом, что ему уже все равно. Двое зрителей давно заняли сидячие места, к ним присоединилась и Инка. Марина скользнула на соседний стул с Ефимом, поняла, что помощи ждать не приходится, и со стеснением поведала, - я шла по улице, и мой каблук угодил в водосточную решетку.

Быстровой захотелось поинтересоваться у Марины, почему она выбрала для прогулок такие странные и опасные места, где повсюду понатыканы сливы, но не решилась перебивать рассказчицу. Но в последний момент надумала подстегнуть ее.

- Очень интригующее начало, - заморозило протянула она.

Гостья натянуто улыбнулась, как следствие на щеках образовались складки – подрезы под скулами. Они шли от краешек губ почти до уха, разделяя щеку наискось. Ничего подобного у Олева не было.

Но Инне показалось, что знала кого-то с такой странной «разрезающей» улыбкой. При этом улыбающийся человек выглядел неестественно, будто всё происходило помимо его воли: вмешивался манипулятор, который тянул за невидимые нити, оставлял на щеках полосы под скулами и растягивал в улыбке губы.

Марина не заметила, что девушка–болтушка погрузилась в свои мысли, ее приободрило внимание окружающих, и она продолжила свой рассказ о знакомстве с Ефимом.

- Я не заметила, что каблук попал в решетку, сделала еще пару шагов и только тогда поняла, что на одной ноге есть туфель, а на другой его нет. Запрыгала на одной ноге, искала глазами потерянный туфель, увидела его, но не успела ничего предпринять, мне на помощь пришел Ефим, который проезжал мимо и заметил мою стойку цапли.

- Как интересно, прямо сказка о рыцаре... на синей новенькой «Ауди» - зачарованно протянула Инна, уставшая от «долгого» молчания. Девушка так и не вспомнила обладателя своеобразной улыбки и злилась на себя, но не забывала при этом разыгрывать комедию. – Наверное, это любовь с первого взгляда? – с надеждой спросила она, сложив ладони перед собой, как это делала кающаяся Мария Магдалина работы скульптора Донателло.

- Наверное, об этом рано говорить, - нерешительно заметила гостья, зарделась и исподтишка посмотрела в сторону отгородившегося от всех приятеля, желая услышать от него ответ на поставленный ребром вопрос. Однако лицо мужчины было непроницаемым, будто на него надели новогоднюю маску и спрятали под ней все эмоции. Открыть рот и согласиться или опровергнуть чужое предположение он не удосужился. Марине ничего не оставалось, как взять на себя смелость и заявить во всеуслышание. – Но мы испытываем друг к другу взаимную симпатию.

- Это уже кое-что! – подхватила со стула Инна и заметалась по комнате, словно готовилась сделать очередное открытие в отношениях полов. Но далеко она не ушла, замерла за спиной гостьи, склонилась к ее уху, и доверительно прошептала совсем не то, чего от нее ожидали, - а вы, Мариночка, учитесь или работаете? – намекая тем самым на тесную связь образования и привлечения интереса такого самобытного мужчины, как Олев.

У присутствующих сложилось впечатление, что Инка превратилась в следователя, который изо всех сил пытается вытянуть из подозреваемого признание в чем-то нехорошем. Или от ответа гостьи зависит ее собственная судьба, потому заметно внутренне напряжение.

- Я... я учусь... в медицинском, - пролепетала крепенькая и стройная, как пирамидальный тополь, Марина, с испугом косясь на пигалицу, походившую на низкорослый кустарник. Пигалица имела наглость нависнуть над ней, как грозная туча над одиноким пешеходом, блуждающим по полю без единого укрытия.

- О-о-о, так Вы будущая коллега нашей Катюши! – нервно потирая руки, обрадовалась Инна. Гостья решила, что сейчас ее начнут экзаменовать и напряглась. Напряженно стала вспоминать пройденный материал на все курсы разом, но «следователь» смилостивилась и перевела разговор на другую тему, посчитав вступление беременной женщины несвоевременным.

Катерина подавила в себе улыбку и приготовилась к продолжению представления, радуясь в душе веселости Инны и обреченности Ефима.

- А Вы ростовчанка?

- Нет, - затрясла головой Марина, - я приехала из Екатеринбурга.

- И что же у вас в Ека-те-рин-бур-ге, - с трудом выговорила она, - мединститута нет?

- Есть, но мне тамошний климат не подходит, пришлось переехать сюда.

- Жаль, - с чувством заметила Инна, непонятно о чем сокрушаясь. О тамошнем климате, отвергшем жительницу, или о выборе другого города для получения Высшего образования, повлекший за собой знакомство с Олевым. - А родители остались в Свердловске? – помянула она советское название города, которое напоминало ей о нахождении в нем родной бабушки, наплевавшей на собственную внучку, оставшуюся сиротой. До сегодняшнего дня девушка ни разу не вспоминала о ней, а теперь в душе неожиданно проснулась неприязнь.

- У меня нет родителей, только тетка, сестра отца. Она живет в Екатеринбурге.

Инка только сейчас заметила, что одежда на Марине тянет на несколько стипендий, да и сама она не выглядит изможденной и ослабленной от недоедания.

- Трудно, небось, приходится? – без тени сочувствия поинтересовалась Быстрова.

- Я в больнице подрабатываю, и тетя помогает, она занимается бизнесом. – без уточнений пояснила девушка и полюбовалась своим модным комбинезончиком песочного цвета, ладно сидящим на ее стройной фигуре. Инка заключила, что вещь была приобретена по спецслучаю, а именно, для похода в гости к знакомым Олева. И теперь с ее помощью она желает вызвать зависть у Быстровой, которая сама выглядела, как конфетка в модной упаковке, на что не рассчитывала Марина.

Для больше убедительности Инка несколько раз продефилировала перед нею и Фимкой, который как не пытался скрыть чувство душевного голода, так и не справился с поставленной задачей. Он с удовольствием слопал бы эту конфетку, пренебрегая яствами на столе. Но... захочет ли она? Новогодняя маска исчезла с лица мужчины, явив миру полнейшее непонимание: то ли это удачный розыгрыш, то ли Инна, действительно, счастлива, что рядом с ним появилась девушка. Другая девушка, не соперница. В довершении он громко сглотнул слюну, и сменил позу, приняв за опору другую ногу и подперев кулаком скулу. А результате чего один глаз заплыл, и теперь Ефим любовался Инкой, будучи недовольным пиратом, которого лишили изрядной порции рома.

Ленчик с удовольствием наблюдал за дочерью и скрытно ликовал, бросая на друга озабоченно- непонимающие взгляды, доказывающие отсутствие его руководящей и направляющей роли в затеянном сумасбродстве.

Марина следила за маятниковым хождением пигалицы, водя зрачками глаз влево и вправо, отчего все происходящее напоминало флирт с мужчиной. В народе такие действия называют «стрельбой глазами». Но выстрелы в данном случае получались холостыми и Олева не ранили.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут раздался долгожданный звонок в дверь. И вскоре Инна ввела в гостиную высокого парня с внешностью под названием «всем дамам принять сидячее положение, иначе можно оконфузиться и пасть ниц от чувств-с». Фима вскинул брови и посмотрел на Леонида, тот лишь развел руками, показывая, что сам ничего не понимает, но не забыл осуждающе покачать головой. И осуждение едва ли относилось к дочери, скорее к приятелю, который сам «заварил кашу».

- Знакомьтесь, - расцвела весенним цветком хозяйка, - это Макар Грозный, мы с ним вместе посещали занятия парашютным спортом, но оба быстро разочаровались.

- Но успели подружиться, - вставил молодой человек, покоровив всех дам приятным тембром голоса, под звуки которого хотелось немедленно исполнить танец наложницы, подбираясь всё ближе и ближе. Его глаза служили магнитом и напоминали Марианский

желоб - самую глубокую океаническую впадину, выбраться из которой не было никакой возможности.

- Грозный это... псевдоним? – спросил Олев, надеясь, что его всё-таки разыгрывают. Но последняя надежда на то, что перед ним персонаж из другой оперы, который не имеет к Быстровой никакого отношения, уплывал за горизонт.

- Фамилие такое, - улыбнулась Инна, подражая коту Матроскину из мультфильма.

- Здравствуйте, Макар, - первым поздоровался Леонид и протянул руку, - кажется, мы уже встречались?

- Вы подвозили Инну к кинотеатру, где я ее ждал, - напомнил парень, чем вызвал восторг у девушки и поверг в уныние Ефима. Даже не в уныние, а убил его одним уверенным выстрелом.

Последнее сомнение в розыгрыше исчезло. А Олев так надеялся, что этот тип окажется кем-то вроде жениха подруги, призванного принять участие в воспитательной работе одного субъекта, то есть его. Или очень-очень далеким знакомым. Далеким в том смысле, что видятся они раз в год, а перезваниваются два раза в год. Мужчина не догадывался, как был прав. Молодые люди испытывали дружескую симпатию друг к другу, но она находилась в анабиозном состоянии. Иногда отношения пробуждались на непродолжительное время, они совершали совместные вылазки на увеселительные мероприятия, хорошо проводили время и, насытившись общением, продолжали жить в параллельных мирах. Им было хорошо вдвоем, но они могли обойтись друг без друга довольно продолжительное время. Иногда Инка обращалась к Макару за помощью, если ей нужен был спутник для светского раута, устраиваемого на факультете. Грозный с удовольствием примерял на себя роль кавалера и весь вечер с обожанием смотрел на даму, вызывая жгучую зависть всего женского пола и ненависть Петюни.

Когда Инка позвонила приятелю и поставила перед ним задачу, Макар сразу откликнулся и примчался на такси с другого конца города. В этом был весь Грозный: добрый, сообразительный, понимающий, сопереживающий, красивый, обаятельный, открытый и одновременно наглухо застегнутый на все пуговицы, когда особа женского пола пыталась проникнуть внутрь без его позволения. Быстрова не посягала на чужую территорию, ей никогда не хотелось иметь мужа, который является объектом всеженского вождления, поэтому в ее присутствии приятель расстегивал пару пуговиц. Она уважала Макара за умение не кичиться своей внешностью и ценила некое пренебрежение к собственной персоне с капелькой сатиры. Он рассказывал подруге о поклонницах, но никогда не говорил о них с пренебрежением, не унижал их, выделял их положительные качества и акцентировался на своих недостатках. Нелестно отзывался о своем ужасном характере и неспособности содержать в порядке жилище, о чертах и привычках, о которых девушки не догадываются, иначе бежали бы без оглядки...

Переместившись от Леонида к Олеву, он окинул его оценивающим взглядом, будто видел в нем потенциального соперника, и поинтересовался.

- А вы, простите, кем приходитеесь Быстровым?

- Приятелем отца, - поспешила успокоить «невеста», повисшая на его локте.

- Ефим Олев, - бросил на ходу мужчина, не удостоивая противника рукопожатием, высвободил локоть и встал за спиной своей дамы, предоставляя новому гостю возможность оценить ее по достоинству.

- Угу, - принял объяснение Грозный и представился кареглазой незнакомке. - Макар.

- Марина, - томно произнесла та, жеманно протягивая руку. Молодой человек сделал вид, что намек не понял, и ответил легким пожатием пальцев.

Инка рассчитывала на ревность Ефима, но никак не думала, что его спутница отупеет на глазах, растопив разум в сжигающем взоре васильковых глаз светловолосого красавца. Марина ждала продолжения, а он не сделал ровным счетом ничего по отношению к ней, к

девушке с внешностью межконтинентальной ракеты класса «земля-земля», потому что обе, и ракета, и девушка, обладают высокой поражающей способностью. Цель ловко ушла от поражения и сосредоточилась на низкорослой пигалице в коротком до безобразия платьице, из которого торчали две ножки-палочки. Если бы Быстрова могла читать мысли на расстоянии, она не преминула заметить, что ножки у нее дай бог каждой, поэтому не стыдно выставить на всеобщее обозрение. А зависть, ну, очень плохое чувство. И добавила бы с угрозой в голосе, что неприлично поедать глазами чужого мужчину в присутствии собственного, который спас не только туфель, получивший пожизненный срок, но и его хозяйку, которую обеспечил дополнительной опорой. «Поедание глазами» Инка уловила и без особых телепатических качеств, но переходить на личности не решилась, напротив, порадовалась, что одним ударом отрезвит зарвавшегося Олева и ранит сердце Марины безответной любовью, а в этом она была уверена – пробить ненапускное безразличие Грозного было невозможно по причине несовершенства современной боевой техники. А еще, и это не менее приятно, Инка могла повеселиться от души.

Для Инны кроме Макара за столом никого не существовало. Она то и дело подкладывала ему в тарелку со всех вазочек, хвалила за отменный аппетит, прикладывалась головой к плечу, заглядывала в глаза, в общем, вела себя, как полная идиотка, погрязшая в тягучей любви. Грозный находил время между сменой блюд для перешептываний, «незаметных» постороннему глазу скольжением губ по раздумывавшейся щечке и легких прикосновений рук под столом, который для всех был прозрачным.

Когда пришел черед подавать горячее, Быстрова пригласила на кухню друга, якобы для помощи в разделке курицы. Но у обоих были такие масляные глаза с хитринкой, что все поняли, с какой целью уединяются эта парочка. Олев настойчиво предложил свои услуги, но был отвергнут. Когда прошло достаточно времени для того, чтобы сбегать в магазин за дичью, приготовить ее и разделить на порции, Ефим не выдержал и процедил сквозь зубы.

- Сколько можно, в конце концов...

Хрустя пупырчатым огурчиком, Ленчик доверительно заметил.

- Дело молодое, - и многозначительно подмигнул, чем заставил дошедшего до последней черты Ефима вскочить со стула. Но бежать никуда не пришлось: в гостиную вошел Макар с большим блюдом на вытянутых руках, в центре которого лежала целехоньякая курица с торчащими «загорелыми» ногами, а вокруг нее парил молодой картофель, посыпанный укропчиком, всё вместе источало такой невообразимый аромат, что насытившиеся холодными блюдами гости тотчас позабыли об этом. Один Олев напоминал быка, перед которым стоял тореадор с размахивающей тряпичей. Налитые кровью глаза злобно смотрели из-под кустистых бровей, передние конечности сами по себе сложились в кулаки и уперлись в стол, заставив шаткую мебель прогнуться. Инке захотелось наклониться и заглянуть под стол, чтобы убедиться в спокойствии задних конечностей. Или разубедиться. Ведь бык перед атакой бьет копытом, выпихивая нехилый котлован.

- А вот и горячее, - воспел их возвращение хозяин дома и принялся высвобождать место для блюда.

- А почему курица не разделана? – «промычал» бычара, еще больше склоняя голову, но, не опуская глаз.

Картинка не для слаонервных, - подумала про себя Инна, проигнорировав замечание. На ум неожиданно пришла картина испанского художника Сальвадора Дали с эпатажным названием «Галлюциногенный тореадор». Сам тореадор на первый взгляд не виден, но присмотревшись, ты замечаешь его нос на... груди одной из Венер Милосских, коими переполнено полотно, ее голова – его глаз, на ее животе виден рот тореадора, а ее одеяние – его рубашка. В скале спрятана голова поверженного быка.

Девушка посмотрела на пока живого «быка», оценила улыбку «тореадора», готового вступить в схватку, и поняла, что игра зашла слишком далеко. Сейчас потерявший голову Ефим Олев врежет своим кулаком–кувалдой в челюсть соперника, завяжется потасовка – Грозный не зря носил такую громкую фамилию - и... неизвестно, чья голова окажется в скале... Драка в планы Инны не входила.

Ленчик едва снова не помянул «дело молодое», но вовремя сообразил, что замечание станет последней каплей в корыте терпения друга. Оно, терпение, перельется через край и окатит Грозного – человека способного оказать ответные действия. Быстров переглянулся с дочерью, не зная пока, как поступить.

Неожиданно на помощь пришел еще один обитатель квартиры и убавил вольты скакнувшего напряжения. Ароматические флюиды достигли спальни Кати и Лени, где на хозяйской кровати почивал кот Бэзил. Откуда сначала показалась заспанная физиономия животного, а потом и он сам. Кот успел проголодаться после сытного завтрака, которым его накормила Инна и предупредила, чтобы он не мешался под ногами. За что получила возмущенное «мяу-у-у», больше похожее на недовольное коровье мычание. После чего Бэзил сделал вид, что с присутствующими незнаком и, вообще, не горит желанием быть представленным, гордо поднял пушистый хвост трубой и покинул любимое место обитания. Теперь он соизволил покинуть мягкое двуспальное ложе хозяев и предстал перед гостями. С интересом выслушал сюсюканье Марины, восхищавшейся его необыкновенной красотой, разрешил погладить себя по занемевшей спинке, и на удивленное замечание Макара: «Ну, и котяра!» ответил коротким «фыр-р-р!

Воскресный обед покатило дальше, накаленная атмосфера поостыла, но не дошла до уровня нормальной температуры. За столом повисло молчание, прерываемое восхвалением Быстровым кулинарных способностей дочери, и хрустом хрящей, доносящееся из кухни, где наслаждался жизнью успевший проголодаться домашний питомец. Жена одаривала мужа недовольным взглядом, вскидывая брови и проводя подстольные игры, заключающиеся в монотонном постукивании по ноге пренебрегшего этикетом супруга. Леонид забыл о том, что «когда я ем, то глух и нем», не реагировал на внешние раздражители, лишь блаженно улыбался, в результате чего вокруг глаз образовывались добродушные морщинки. Олев старательно делил небольшую картофелину на ровные части. Полюбовавшись своей работой, он переходил к следующей картофелине, отчего на его тарелке образовался красочный натюрморт из поломанных картофелин с вкраплениями мелко порубленного укропа. Ефим решительно отказался от курицы, будто считал ее соучастницей кухонной оргии. Марина медленно жевала, вперив взгляд в руки Макара, словно была его гувернанткой, внимательно следившей за манерами подопечного. Инка осторожно наблюдала за ней, не понимая такого интереса. Она сама оценила длани кавалера и не нашла в них ничего выдающегося. Вот у Фимки руки, так руки. По спине девушки побежали полчища муравьев, даже не мурашек, слишком тяжела была их поступь, как ей казалось. Беготня насекомых воздействовала на нервную систему, а та передалась на кисти рук, пришедшие в легкий тремор. Инна осторожно опустила вилку, чтобы не выдать своего состояния, и покосилась на сидящую рядом Катерину.

- Кать, почему ты не ешь? Тебе не нравится?

- Что ты, - слабо улыбнулась женщина, - все очень вкусно. Просто мы уже наелись, - она погладила себя по животу и, кажется, устали находиться в замкнутом пространстве.

- Катюша? Что? Началось? – обеспокоился муж, расставаясь с куриной ножкой и вытирая пальцы салфеткой. Потом он взял еще одну салфетку, обстоятельно вытер губы и приложился ими к макушке Катерины, желая успокоить ее отеческим поцелуем, хотя, сам находился на грани истерики. – Где телефон? – спросил он у дочери, отлично зная, что в

доме два аппарата – один стоит на тумбочке в спальне, а другой висит в прихожей на стене.

- Сядь и успокойся! Будь рядом с женой, я сама все сделаю! – она отправилась в прихожую и стала вызывать бригаду скорой помощи. Олев позабыл про обиды и забегал вокруг стола, каждый раз останавливаясь возле Кати и приговаривая.

- Все хорошо, скоро родится малыш, только не волнуйся, тебе нельзя...

- Я не волнуюсь, даже рада, что все в эту минуту рядом со мной. – беременная женщина выглядела спокойней остальных. Только во время очередной схватки закусывала губы, чтобы не застонать.

- Что у тебя болит? – приставал с глупыми вопросами супруг.

- Поясницу ломит, – сквозь зубы отвечала она.

- Это хорошо, это правильно, – бормотал Ленчик.

- Откуда ты знаешь, что хорошо и что правильно? – хмыкала побледневшая жена.

- Знаю, вот и Марина может подтвердить, – обратился к будущему доктору Быстров.

- Конечно, – кивнула головой девушка, – надо засечь время между схватками. Еще можно выпить болеутоляющее, если терпеть невмоготу. Хотите, у меня есть в сумочке. – Она поднялась и хотела проследовать в прихожую, где лежал на полке шкафа ее ридикюль, но Катерина категорически отказалась.

- Никаких таблеток! Это вредно для ребенка.

Марина пожалала плечами и села на место, странно посмотрев на Грозного, который чувствовал себя не в своей тарелке: не знал, чем занять руки, что сказать, какими словами поддержать. Ему хотелось уйти, и это было основным желанием на данную минуту. Он не мог видеть чужие страдания, даже если после них наступит долгожданный миг всепоглощающего счастья. Макару хотелось сбежать, но он считал такое поведение нетактичным. Поэтому елозил на стуле и переводил глаза с одного присутствующего на другого, надеясь, что кто-то из них заметит его вопрошающий взгляд, все поймет и отпустит на все четыре стороны. Одна надежда, что скоро придет неотложка и заберет будущую мать для знакомства со своим первенцем.

В прихожей давно не слышался голос Инны, но в гостиную она не возвращалась. Грозный подумал, что имеет право знать, где его «невеста», и улизнул из комнаты, успев поймать презрительный взгляд Ефима, не теряющего бдительность даже в эту волнительную минуту.

- Я к Инне, – посчитал необходимым объясниться молодой человек и быстро ретировался.

Быстрова стояла у раскрытого окна и смотрела вниз, уперев лоб в москитную сетку. Девушка что-то бормотала, но заслышав шаги, смолкла и повернула голову.

- Позвонила? – спросил Макар первое, что пришло на ум. Инка кивнула и снова повернулась к окну.

Грозный встал у нее за спиной и положил руки на плечи.

- Не волнуйся, Инесса... – и почувствовал, как девушка вздрогнула. – Что-то не так?

- П...почему ты назвал меня... Инессой?

- Не знаю, как-то вырвалось. Для простого имени Инна ты слишком... величественна, – с трудом подобрал он эпитет. – Инесса подходит тебе больше. Когда мы познакомились, я решил, что ты намеренно сокращаешь свое полное имя, одомашниваешь его...

- Странно, – задумчиво пробормотала Быстрова, сложила губы в трубочку и повертела ими из стороны в сторону. Парень не видел ее лицевых упражнений, так как она не удосужилась повернуться к нему и предъявить свое пылающее лицо. Впервые за четырнадцать прошедших лет, ее впервые назвали именем из прошлого.

- Извини, - попросил прощения Грозный, сам не зная, в чем его вина. Он придвинулся еще ближе, голова девушки оказалась у него под подбородком, а руки заключили в перекрещенные объятия ее плечи.

- Не обращай внимания, - прошептала она, захотела подобрать слова для объяснений, но услышала намекающее покашливание. Оба одновременно повернулись, не удосуживаясь разъединиться.

В дверях стояла Марина и переминалась с ноги на ногу.

- Извините, - пролепетала она, но не ушла, а осталась стоять, подперев проем.

Инка подумала, что за последнюю минуту целых две мольбы о прощении. Однако, народ подобрался совестливый, - мысленно решила она и одарила гостью приветливый взглядом, позволяющим присоединиться к влюбленной паре.

- Как там? – поинтересовалась хозяйка, кивая за спину подруги Олева.

- Мучается, - вздохнула та. – Хотела дать Кате таблетку, но она категорически отказалась. – В ее голосе проскользнуло непонятное недовольство.

- И правильно сделала, - поддержала женщину Инна и добавила, - как можно вынести такое?! Я даже рядом не могу находиться, ушла в кухню, чтобы не видеть ее страданий.

- Может, нам с Макаром лучше уйти, мы здесь лишние? – осторожно намекнула Марина, в тайне надеясь на совместный уход из квартиры Быстровых.

- Почему же, лишние? – искренне удивилась Инна. - Вы хорошая знакомая Ефима, а Ефим, нам больше, чем друг, - заявила она, выделив «нам». - А Макар... мне... близкий... друг, - спотыкаясь, но чувственно, произнесла она, откидывая голову назад и умело попадая ему под подбородок, словно проделывала это десятки раз. На самом деле Грозный впервые ее обнимал, но отклика в душе девушки эти объятия не нашли. Она назвала это дружеской поддержкой, потому и позволила сократить расстояние между ними.

- Тогда предлагаю всем перейти на «ты», ведь мы ровесники и друзья, раз Фима...

Договорить она не успела, Инка услышала, как во двор въехал автомобиль скорой помощи, оповещая об этом окрестности. Девушка высвободилась из объятий приятеля, проследовала в спальню Ленчика и Кати, где стоял «тревожный чемоданчик», собранный еще две недели назад.

С увесистой сумкой в руках она появилась в гостиной, улыбнулась своей необыкновенной успокаивающей улыбкой и тихо произнесла.

- Катюша, нам пора.

Ленчик с Фимой засуетились вокруг роженицы, стали хватать ее за руки, желая поддержать, общими усилиями подняли ее со стула и повели, как царственную особу к выходу.

За ними шествовала придворная знать в составе Макара, выхватившего из рук подруги увесистый баул, Марины и Инны, у ног которой вертелся Бэзил, сходящий с ума от суматохи, вырвавшей его из глубокого сна, в котором он пребывал после сытного обеда. Быстрова на ходу повернулась к питомцу, наблюдая за его реакцией. Кот вертелся у двери, но порога не пересекал.

- Значит, все будет хорошо, - шепотом произнесла девушка и обратилась к Бэзилу, - пожелай нам удачи.

- Мяу- у-у, - задушевно протянул заботливый мохнатый зверек.

А, может, она обращалась не к домашнему любимцу, а к талисману, лежащему в коробке из-под обуви?..

У подъезда Олев извинился перед Мариной и сказал, что он должен ехать вместе с Быстровыми.

- Не волнуйся, Фимочка, - проворковала девушка, - меня Макар проводит.

Непосвященному в ее планы Грозному оставалось лишь утвердительно кивнуть. Инне не было дела до образовавшейся парочки, она садилась в машину скорой помощи вместе с Ленчиком, который в последний момент посоветовал ей поехать в автомобиле Олева. Дочь зыркнула на отца, сделала недовольное лицо, хотя, была тронута, что Ленчик в эту минуту не забыл о ее душевных страданиях, решив соединить двух близких ему людей для примирения.

Но гордая Быстрова не только не могла простить мужчине, но и дать ему шанс для признаний, к которым тот был готов. Фима пытался завязать светский разговор, чтобы потом сместиться в нужном направлении, но Инна не реагировала на его монолог, сосредоточив свое внимание на едущей впереди машине скорой помощи. Олев посчитал момент неподходящим, и тоже умолк, причем на полуслове, словно за него до этого говорило радио, а теперь его кто-то выключил, не дослушав.

Инка думала о Ленчике, который, наконец, станет отцом. Она не ревновала, она знала, что его любви хватит на приемную дочь и новорожденного малыша. Интересно, кто появится на свет? Мальчик или девочка? – мысленно размышляла Быстрова. - Катя говорила, что хочет родить дочь, а Ленчик утверждал, что ему все равно... Но я то знаю, что отец хочет сына, дочь у него уже есть. В голову полезли воспоминания о Соне, но Инна их быстро отогнала, приказав себе настроиться на веселую волну...

Через три часа клан Быстровых пополнился еще одним человечком - маленьким Ванькой, названным в честь отцов родителей. Он успешно преодолел все преграды и зычным голосом заявил о своем появлении...

Поездку в Волгоград пришлось отложить. Инна каждый день ходила в больницу к Катюше и носила супчики, кефирчики, творожки и другую гадкую на ее взгляд пищу, которую требовала капризная мамаша. Девушка внимала всем просьбам, желая окружить ее заботой после перенесенного стресса. Катя лежала в палате на втором этаже, они с Инной переговаривались через окно, а однажды кормящая мать показала через стекло мордастый кулечек, причмокивающий губками.

- Копия Ленчика! – громко заявила Инка, пытаясь донести фразу до отгороженной стеклянной стеной заботливой матери, прижимающей к себе малыша. Она утвердительно кивнула и послала девушке воздушный поцелуй.

Быстрова находилась на наивысшей ступени счастья и захотела поделиться им с... одним человеком. Желание возникло в один момент. Она помахала рукой Катерине и потопала к автобусной остановке, размахивая пустой сумкой, содержимое которой переключало в палату кормящей матери. Пассажирский транспорт был полностью на стороне девушки, едва она подошла, как из-за угла вынырнул глазастый автобус и принял ее в свое жаркое нутро. Первый день июля одарил всех жителей города раскаленной любовью, которая была встречена не самым приветливым образом. Народ возмущенно побряхтывал, обмахивался газетами и другими веерообразными опахалами. Инка тоже страдала от духоты, хотя, могла выйти и пойти пешком. На вечернюю улицу надвигалась волна свежести, особо разгоряченные выбирали пешие прогулки, с удовольствием покидая «сауну». Быстрова торопилась, она не желала предоставить мозгам время на осмысление своего поступка. Девушка не готовила пламенную речь, она держалась липкими руками за поручень, стараясь не обращать внимания на дерганье автобуса и толкание потных пассажиров.

Когда осталось проехать две остановки, Инну охватили сомнения. Но перед глазами встало луноликое создание с узкими глазками и чмокающими губками, и желание удвоилось, грубо отодвинув раздумья. Злило одно, что автобус ползет черепашьям шагом, но пришлось мириться и ждать вожделенной прохлады.

Инна выпорхнула из парной и на пружинистых ногах пошла в нужном направлении. У нее всегда было подобное состояние после трудного экзамена. Чувство облегчения и обновления. Перед входом в аудиторию это был серьезный собранный человек, а уже через час этот человек скидывал ношу с десятков килограммов, и, подхватываемый порывом ветра, возносился над землей, меняя направление по собственному желанию. Потом он опускался на землю, собирался с мыслями, открывал конспект, обкладывался научными трудами и готовился к следующему испытанию.

Сегодня Инна успешно сдала экзамен и имеет право лететь, куда глаза глядят. Она имеет право быть легкомысленной и счастливой.

А глаза глядели на проспект Космонавтов, где в одном из многоквартирных домов проживал нужный ей человек. Он отличался робостью, которая изводила Инку, особым душевным настроением, касаемым ее же, и... плохим соображением, которое находилось на грани тупости, когда она была рядом. Надо признать, что котелок у него варил нормально, но во всех иных вопросах, кроме способов охмурения языкатой особы. Особа имела способность к строительству быстро возводимых баррикад, на которые выходила в гордом одиночестве с поднятым флагом, заявляя о невозможности переговоров. А затем сама мысленно ругала мужчину за неумение преодолеть преграду и нежелание донести наболевшее. Теперь она сама свернула кумачовое знамя, собственноручно разобрала баррикаду, достала белый стяг и, размахивая им над головой, надумала сдать.

Инна рассчитывала, что сначала Олев упадет без чувств, после придет в себя, но до конца не поверит, что она сама сделала первый шаг, предоставив ему возможность для последующих действий.

Быстро завернула во двор с колотящим где-то в пятках сердцем. Вернее, сердце было повсюду: в правой части груди, в левой, в голове, в руке, размахивающей габаритной сумкой. Оно разбилось на маленькие обломки, и только Ефим способен соединить его в одно целое и заставить биться в положенном месте. Но обязательно нестройно и неритмично, как любое любящееся сердце.

Но вдруг... все обломки замерли, и стали медленно ползти для воссоединения, сосредоточились в груди, собравшись кое-как, и начали колоть выступающими углами. Противно, больно и непривычно. Инна, будто проглотила целиком сосульку. Та скользнула внутрь, затем начала обжигать холодом и колотиться. Ноги действовали автоматически, заманив тело за раскидистый старый тополь. Мозги пока не осмыслили действительность, они, вообще, отказывались соображать. Чтобы окончательно убедиться, что у нее не возникли галлюцинации, Инка выглянула из-за ствола дерева.

Возле подъезда стояла машина Олева, а он сам успел ее покинуть и по-джентельменски выудить свою даму из салона, на ходу чмокнуть ее куда-то в шею, что вышло весьма интимно и читаемо. Заботливо уложил кисть ее руки себе на сгиб, поиграл ее пальчиками, но на этом не остановился. Высвободил руку, суетливо обнял даму за талию, на ходу прижал к себе, затем не удержался и сместил шаловливую ручонку на мягкое место, выступающее из облегающего платья, будто проверял его наличие. Убедившись, рука поползла вверх, остановившись на плече. Все это время пара не переставала переговариваться, противно улыбаться и источать вокруг себя флюиды плотского желания.

Когда они скрылись в подъезде, Инна прислонилась к понимающему мудрому тополю, принявшему ее в свои объятия, закрыв от навязчивых взглядов прохожих длинными ветвями с остренькими резными листочками. Она не знала, сколько просидела под ним, устроившись на сумке. Очнувшись, поняла, что вокруг темно и тихо. Она с трудом поднялась на ноги, не удержалась и посмотрела на окна восьмого этажа, в одном из которых мерцал слабый огонек...

Макар пил кофе и торопливо читал книгу, лежащую на столе. Он то и дело, пересчитывал оставшиеся страницы и поглядывал на часы, которые настойчиво напоминали, что необходимо отложить чтение на вечер и бежать на работу. Конечно, можно оставить несколько страниц на потом, и целый день мечтать о часе единения с толстым детективом, где триста восемьдесят страниц автор жевал события, а на триста восемьдесят первой решил приоткрыть завесу. Он открывал ее шире и шире, пока на четыреста второй не замаячила подсказка. Но любитель детективных сюжетов Макар Грозный мог ошибаться, ему было интересно узнать задумку автора, который отличался выдачей сенсационного окончания. Молодой человек знал, что весь день пойдет наперекосяк, он не сможет сосредоточиться на работе, прикидывая в уме, кто убил длинноногую секретаршу и украл из кабинета ее шефа важный документ.

В самый напряженный момент, когда осталось дочитать две странички, в дверь призывно зазвонили. Грозный сделал вид, что его нет дома, привычно взглянул на часы, трубившие о нарушении трудовой дисциплины, и уставился в книгу, невзначай хлебнув кофейной жижи. Не заметив странностей, он пожевал ее и сглотнул. В дверь снова позвонили.

- Черт, черт, черт, - обругал он настойчивого гостя, которого не ждали в столь неурочный для посещения утренний час.

Сосредоточиться не было никакой возможности, потому как теперь человек перешел на стук.

- Наверное, соседка, - обнадеживающе успокоил он себя, окинул взглядом увесистый том, задумываясь, а не прихватить ли его на работу, то есть в автобус, где можно спокойно дочитать оставшиеся страницы. Но есть два «но». Первое «но» - в перегруженном трудовым людом транспорте ни то, что читать, там стоять негде. А второе «но» - прочтешь пару страничек за две минуты, если такая возможность представится, а потом будешь стоять с книжкой под мышкой и мучиться. А вечером домой ее переть, - подумал он, словно это была не книга, а большая коробка с печатными изданиями в количестве пятидесяти штук. – Сейчас быстренько разберусь с навязчивым гостем, дочитаю книгу, что приведет к порицанию начальством, но я найду веский аргумент...

И Макар пошел открывать дверь. Картина, открывшаяся его взору, удивила и не порадовала, подсказав, что быстро он не распрощается с этим человеком.

- О-о-о, - протянул он, округлив глаза и приподняв брови, хотел добавить «кого я вижу», но посчитал это изречение неуместным. Поэтому бросил короткое «привет», вложив в него негостеприимность и указав на несвоевременность визита. Но будучи человеком воспитанным и добрым, он смягчился, криво улыбнулся и спросил, - чем обязан?

- Надо поговорить, - веско произнес гость и посмотрел на него со странной улыбкой, в которой таился намек на открытие тайны клада, спрятанного в квартире Грозного.

Макар был во власти детектива, плохо соображал, но отодвинулся под напором человека, переступившего порог без приглашения.

Инна забылась только к утру. Разбудило ее осторожное покашливание Ленчика. Его силуэт был виден сквозь желтое стекло двери. Дочь давно слышала броуновское движение, совершаемое им мимо ее комнаты, но делала вид, что спит.

Вернувшись вчера домой, Инна порадовалась отсутствию Быстрова. Ее встретил Бэзил, потеряв об ноги, поднимаясь на задних лапках, она накормила его и сразу ушла к себе, плотно прикрыв дверь. Насытившийся котяра помурлыкал, поскребся, понял, что ему не рады, и затих. Инка лежала на кровати, сверля взглядом потолок, по которому протянулось кособокое световое пятно от уличного фонаря. Она хотела «излить душу» талисману, но у нее не было сил подняться. Слезы безостановочно текли по лицу, распадаясь на два потока. Попадали в уши, щекотали, она поворачивала голову, как будто

выливала скопившуюся в ушной раковине влагу, устремлявшуюся затем на подушку, которая вскоре совсем промокла. Инна перевернула ее на сухую сторону и продолжила жалеть себя, свернувшись калачиком.

Она слышала, как вернулся отец, как он так же, как сегодня стоял у ее двери и нашептывал: «Инн, ты спишь?» Она «спала». Крепко и едва дыша забитым носом, к тому же уткнувшись в подушку. Инка боялась, что талисмЭн войдет, увидит ее распухшее от слез лицо и потребует объяснений. Каких объяснений?! Что она ему скажет? Что она дура в кубе? Потому что не разобралась в человеке, которого знает сто один год?..

С того дня, когда Ефим выдернул ее из-под колес самосвала, она не переставала удивляться его настоящей мужественности. Мужик сказал, мужик сделал. Ответственный, надежный, отважный, бесстрашный, заботливый, настоящий дядя Степа–милиционер. А то, что он немного робок в некоторых вопросах, то в этом был свой шарм и интрига. Инна жила ожиданием. Она знала, день признания настанет. Обязательно настанет. Он вытащит из чулана припрятанные чувства, о которых все давно догадываются. И произнесет долгожданную фразу. С придыханием, останавливаясь после каждого слова и считая ответ с ее глаз. А вдруг он заметит в них пренебрежение? Тогда к чему это выпрашивание любви?

Он гордый...

Он не привык, чтобы его ставили в тупик...

А она поставила. На что надеялась? Что ее поступок выдернет клещами залежавшееся признание, успевшее покрыться мхом?

Он так привык к живущему внутри него чувству, что забыл, как оно называется, - поставила свой диагноз поведению Ефима Инна и неожиданно пришла еще одна догадка, вовсе неприятная: А-а-а, так это просто покровительство! Он привык ей покровительствовать, считать своей. А она, грешная, подумала, что он влюблен до умопомрачения. Ошибочка вышла, он считает ее своей собственностью, потому и взъерепенился, когда появился индивид привлекательной наружности, готовый оспорить его собственность. Но пораскинув мозгами, Фима решил отдать надоевшее чадо в надежные руки, а сам нашел утешение в объятиях Марины.

- Как он ее... ошупывал! – не сдержалась от возмущения Инна, подбирая литературное слово. – Будто лепил из глины! Скульптор хренов!..

- Доченька, ты с кем разговариваешь? – раздался под дверью голос Ленчика. За голосом появилась рыжая шевелюра и совершенно счастливое лицо с глазами – лучиками.

Инка по-детски сильно зажмурила глаза, ругая себя за помутнение рассудка, повлекшее за собой рассуждение вслух. Веки подрагивали и выдали ее окончательно.

- Маленькая притвора! – любовно проворчал он и присел на край кровати, бессовестно пододвинув «спящую» дочь. Она заморгала глазами и сладко потянулась. – Тебе нездоровиться? Вчера вернулся, а ты спишь, поужинал в одиночестве и обиде, сегодня проснулся, ты снова спишь...

- Позавтракал в одиночестве и надежде, - продолжила за него Инка.

- В надежде на что?

- Что я, наконец, оторву голову от подушки, приду в кухню, сяду напротив и стану внимательно слушать тебя.

- И пить кофе, - подсказал отец, протягивая ей маленькую чашку на блюдце. На поверхности горячего напитка лежала мягкая пенка–перинка, взбитая умелым кофеистом. – Тебе надо взбодриться.

Девушка села и взяла из рук отца чашку, оставив ему блюдце.

- Что-то случилось, - утвердительно заявил он, не удосуживаясь сначала задать вопрос.

- С чего ты взял?

- По лицу прочел.

- Неважный из тебя физиономист. – вскользь заметила она и отхлебнула из чашки.
- Важный, - хмыкнул мужчина. – Инна, ты думаешь о Ефиме и Марине? Так я могу тебя успокоить, Олев мне признался, эта девушка для него ничего не значит.
- Это он для меня ничего не значит, - уверенно заявила дочь, но ее припухлое страдальческое лицо с заплаканными глазами говорило о другом.
- Ты сейчас кого пытаешься убедить? Себя или меня?
- Зачем мне себя убеждать? – спросила Инна, делая паузы после каждого слова. – Я про себя все знаю. - И уткнулась в чашку. Кофе не вызвал, как обычно, эйфории с добавкой буйства. Он не отразился ни в каком виде, не возбудил, не успокоил. Лишь оставил желание побыть в одиночестве или наедине с подружкой-подушкой.
- Я понял – ты не склонна к задушевным беседам, - расстроился Ленчик, принял деловой вид и напомнил, - сегодня возвращается Ника Федоровна, так что тебе станет легче.
- Мне не трудно приготовить еду и два раза в день смотаться в роддом. - Инка еще не закончила фразу, а в душе появилось что-то теплое, успокаивающее. Боже мой, человек появился на свет, а я тут со своими глупыми переживаниями, - подумала она и добавила, - жую их жую, пережевываю и давлюсь. Нет, бы... прыгать до потолка и радоваться рождению Ванюшки и... вчерашнему своевременному открытию, а то вышла бы замуж за этого Олева, решив, что он до смерти влюблен, а он... трус, обманщик, предатель, и... ни капельки не влюблен. И хорошо, что все раскрылось...
- Вновь запросилась наружу слеза. Но девушка с удовольствием потерла кулаком глаз, незаметно загнав ее внутрь.
- Ты хотела поехать в Волгоград, - напомнил Быстров.
- Катюшу с Ванечкой выпишут, тогда поеду. – сидящая внутри со вчерашнего дня сосулька, наконец, перестала колотиться и растаяла окончательно. – Вчера видела твоего сына, - расплылась она в счастливой улыбке. – Хорошеньки-и-ий, нет слов! И на тебя похож!
- Новоиспеченный папаша растаял.
- Я тоже видел, но через окно не рассмотрел, уже вечерело.
- Когда выпишут, налюбуюсь, - расчувствовалась Инна.
- Ну, ладно, мне пора на работу... Ты, доченька, выбрось плохие мысли из головы, - посоветовал отец, с сочувствием глядя на дочь.
- Ленчик, не волнуйся, плохие мысли не посещают глупую голову! – доложила она, приложив по-военному руку к виску.
- Она у тебя слишком умная. Чересчур! – высказался Быстров и чмокнул ее в темечко.
- Разве бывает мозгов сверх меры?
- Бывает. У некоторых особ с дерматинными сумками и страшенькими медведями, - констатировал он, напуская серьезность, хотя, в глазах, плясали чертики.
- Он не страшеньки-и-ий, - протянула обиженная дочь, скорчив рожицу.
- Его привлекательность мы обсудим вечером. Не забудь, что приезжает Ника Федоровна, с тебя праздничный ужин.
- Едва за Ленчиком закрылась дверь, девушка вытащила из коробки медведя, желая убедиться в его необыкновенности, а заодно и поделиться событиями вчерашнего дня. Но помешал телефонный звонок. Инна подумала, что это Катюша с очередными напоминаниями, подбежала к аппарату, произнесла громкое «Да!» и хотела без ответа перечислить все то, что сегодня перекочет из дома на второй этаж родильного отделения, но не успела.
- Сначала в трубке тяжело дышали, словно абонент перед этим преодолел марафонскую дистанцию, затем заговорил механический голос, произнесший короткую фразу.
- Счет 2:1 в твою пользу. Но это пока.

Инна не сразу сообразила, настроившись на другой разговор, поэтому переспросила, о чем идет речь, но в ухе уже прерывисто запищало. Она приложила трубку к груди и задумалась.

- Кто это был? – спросила она у Бэзила, сидящего в позе копилки и умильно жмурящего глаза, показывая, как он любит хозяйку, несмотря на то, что она не удосужилась накормить его завтраком. Леонид Иванович, конечно, человек добрый во всех отношениях, кружок колбаски кинул в миску, но этого недостаточно. Кот призывно мяукнул и пошел на кухню, беспрестанно оглядываясь и ожидая, что за ним потянутся. Но Инна вела себя безответственно. Встала посередине прихожей с телефонной трубкой и не двигалась. Да, еще вопросы задавала не по теме...

- Кто...это... был? – повторила девушка, автоматически вешая трубку и всё же следуя, как привязанная, за Бэзилем. – И непонятно, мужской голос это был или женский. Какой-то неживой... Но мне кажется, что это была Марина, больше некому. Она переспала вчера с Ефимом, и взяла повышенные обязательства переспать еще и с Макаром. Но зачем мне сообщать об этом? Я не статист, собирающий сведения о количестве отбитых кавалеров. И мне абсолютно, ну, абсолютно безразлично, кто ходит в невестах у Олева, тем более у Макара... Но могу поспорить, что Грозный никогда не поддастся ее чарам. Хотя, быть уверенным – занятие неблагоприятное. Я уже была уверена в одном мужчине, а он...

В носу защипало, слезы без спроса потекли по щекам. Инка дала им волю, рассчитывая на молчание Бэзила, задобренного изрядной порцией рыбы...

После утренней передачи Катюше съестных припасов и кое-каких вещей, Инна решила забежать домой, бросить сумку с пустыми банками и сходить в салон красоты к цирюльнице Свете для психологической разгрузки. По дороге «случайно» повстречался Петюня, выхвативший из ее рук гремевшую пустой посудой сумку и пожелавший проводить до дома. Инка поделилась радостной новостью, произошедшей в их семье, но молодой человек витал в своих мудреных мыслях.

- Петь, ты слышал, что я тебе сказала?- недовольно переспросила она, выискивая повод для обиды и последующего за ней расставания. Ей только Забубенчикова сейчас не хватало со своими любовными переживаниями.

- Слышал. Поздравляю. – пробубнил он, не поднимая глаз.

- Ты потерял рубль? – поерничала Инка.

- Почему... рубль? – удивился парень, у которого чувство юмора взяло выходной.

- Потому что ты все время выискиваешь что-то под ногами! – скривилась девушка, которая надоел глупый диалог.

- А, ты про это, - вяло отозвался он и соизволил поднять глаза. – Нет, не потерял, просто хочу задать тебе один вопрос, и... не знаю, надо ли.

- Если сомневаешься, то лучше не надо. Меньше знаешь, громче храпишь. – она заметила в его глазах созревший вопрос по теме и поспешила опередить. – Громче храпишь, потому что крепче спишь. А крепче спишь, потому что сон богатырский, а у богатырей, как известно по былинам, храп такой, что ой-ой-ой, - покачала Быстрова головой из стороны в сторону. – И не спрашивай меня, какой! – отрезала она.

- Но все-таки, я могу задать тебе вопрос и получить честный ответ? – Петюня остановился посреди тротуара, загородив Инне проход.

- Если хочешь узнать, сколько мне лет, то не получишь, - слукавила она, радуясь, что действие кофе запоздало начало сказываться на настрое. И все благодаря встрече с Забубенчиковым, которая послужила трамплином для освобождения от невеселых мыслей.

- Ты еще в таком возрасте, когда у тебя можно интересоваться цифрами из паспорта, - философски заметил он.

- Ты имеешь в виду номер документа? Но эта информация секретная и разглашению не подлежит! – течение подхватило ее и понесло в бурлящем потоке. – Недаром, столько цифирь написано. По ним...

- Погоди, - потряс головой Петюня, будто выбрасывал из нее мусорную болтовню девушки. – У меня к тебе серьезный разговор. Жизненно важный и судьбоносный. А ты... А ты сегодня слишком взбудоражена.

Видел бы ты меня утром, - подумала Быстрова, мысленно сравнивая ТО свое состояние с перекрученным на мясорубку фаршем.

Она настроилась на деловой разговор, сложила складку между бровями, но ее зацепила плечом толстуха с клетчатым баулом, почему-то обозвала тунеядкой, стоящей без дела на проходе, и помешала Петьке задать свой судьбоносный вопрос.

- Давай пойдем вон на ту скамейку, - предложила девушка, махнув в сторону небольшого скверика. И первой двинулась в указанном направлении. Забубенчиков поплелся следом. Они уселись рядком и стали изучать окружающее пространство, словно за этим и пришли.

- Лето. – с умным видом заключил парень.

- Жара. - выдала Инка, взлохмачивая влажные волосы, и подумала: Если он скажет еще что-нибудь в этом направлении, я заберу у него сумку и стукну ею по его тормозной башке.

- Невозможно передвигаться по раскаленным улицам. Только вечером и выходишь, когда солнце начинает клониться к закату, между тем продолжил Петька.

Быстрова догадалась, что молодой человек подходит к теме издали, даже слишком издали. Это напоминало путь из Ростова в Москву через Челябинск. Но не стала поторапливать или задавать наводящие вопросы, иначе он сам собьется и путь пройдет через Пекин.

- Я недавно вышел прогуляться и незаметно оказался в вашем районе. Вечером. Несколько дней назад. – это звучало, как подсказка, на которую надо реагировать.

- Почему не зашел?

- Хотел, даже поднялся на лифте вместе с одним... парнем, который держал в руках букет. – он произнес это с такой брезгливостью, словно упомянутый сосед по лифту, вез с собой нечто гадкое и дурно пахнущее, а сам состоял из большого числа внешних увечий.

- Я его сразу не признал, потому что видел всего пару раз, да и то в свете софитов. Подумал, вдруг обознался. Но когда он свернул к вашей двери и надавил кнопку звонка, до меня дошло...

- И что дальше?

- Я сел в лифт и поехал вниз...

- Обиделся и пошел домой?

- Обиделся, но не пошел. Подумал, а вдруг это не он, а... доставщик цветов? Сел на лавочку во дворе и стал ждать. Но он не вышел, тогда я понял, что это тот парень, который приходил с тобой на вечеринку. И кроме тебя букет дарить некому. – обличил он поведение объекта поклонения.

- И в чем заключается вопрос? Или после логических умозаключений ты пришел к определенным выводам, и надобность в вопросе отпала сама собой?

- Не знаю, - надулся, как шарик пухломордый раскрасневшийся Петюня, походивший в эту минуту на откормленного родителями мальчика дошкольного возраста, которому впервые отказали в сладком. Пораскинув мозгами, он решился. – Я хочу узнать, что этот парень делал в вашей квартире, да еще с букетом?

- Свататься приходил, - ляпнула Быстрова первое, что пришло в буйную голову.

- К кому? – напряженным голосом поинтересовался парень, запутавшись в двух «к» и надеясь получить успокоительный ответ, получить который было также маловероятно, как появление снежных сугробов в начале июля.

- К Кате! Это был ее старый знакомый. Представляешь, какое совпадение! Он не знал, что она вышла замуж, вот и пришел... А тут я.

- Так он...это... молод для нее.- набычился Петька, сложив складку под подбородком. – Ему лет двадцать пять, а ей... немного больше, - дипломатично отозвался он о возрасте супруги Ленчика. Забубенчиков заметил еле сдерживаемую усмешку и сказал, - я же просил дать правдивый ответ, а ты меня за нос водишь. Он приходил к тебе!

- А если и ко мне, так что? – передернула плечиками Инна. – Он...

- Твой старый знакомый, пришедший с предложением руки и сердца, - упадническим тоном перебил он.

- А просто так прийти с букетом в воскресный день нельзя? Без причины? – удивилась Быстрова, оперев один кулак себе в бок и недовольно поглядывая на визави.

- Ага, он мимо шел с веником и завернул случайно!

- Почему случайно, по случаю, мы решили отметить мой диплом, вот и позвали гостей. И Макара преподнес мне букет цветов. Я и тебе звонила, но почему-то не дозвонилась.

- Я был дома! – с вызовом рявкнул он.

- Ты же сам сказал, что вышел прогуляться. Мы спонтанно надумали отметить, и я стала всех обзванивать. А ты, наверное, уже ушел. – она разговаривала с ним, как любящая мать с капризным ребенком. – Если бы ты зашел вместе с Макаром, я была очень рада.

- Правда? – засветился он.

- Конечно! Но, честно говоря, праздник был сорван по весьма уважительной и приятной причине – у Катерины начались схватки.

- Я так и подумал.

- Так ты все время сидел на лавочке? – догадалась Инна.

- Сидел и наблюдал за окнами, - сощурился он и проткнул ее взглядом, будто она была шпионкой, а Петька один об этом догадался. – И видел еще кое-что... - Он ждал, что девушка начнет оправдываться, но она отвернулась и стала наблюдать, как стайка ребятишек играет в мяч, чем подтвердила ужасную догадку Забубенчикова о замаранной совести. – Он... тебя... обнимал у окна! – заявил ревнивый ребенок, заставший мать с чужим дядей.

Быстрова не отреагировала на заявление собеседника, находящегося на границе здравого смысла и истеричного помутнения. Скорее, уже перебежавшим на нездоровую сторону, о чем подтвердило следующее изречение.

- Я убью его! Я знаю, где он живет! Я его выследил! – с безумным блеском в глазах заявил он, считая, что полдела уже сделано – адрес противника известен. Осталось только прийти по этому адресу и лишить его жизни. Легко и просто.

- Убьешь, посадят, - спокойно поведала Инна. - Дадут пожизненный срок. Спрашивается, зачем учился пять лет, мучился, зубрил, получил диплом и... все зря. В тюрьме диплом не нужен, туда берут без высшего образования. – съязвила она и озабоченно добавила. - И мне опять же проблем выше крыши: носи передачи и чувствуй себя виноватой всю жизнь.

- Ты... ты издеваешься?! – взвился парень. – А я все равно его убью! Я специально это сделаю! Пусть, пусть, - забрызгал он слюной, - ты будешь всю жизнь страдать!

Я и так всю жизнь страдаю, - подумала Инна, возбуждение разом ушло, как вода в пересохшую растрескавшуюся землю. – Отвлекаю себя учебой, сама развлекаюсь, а боль сидит внутри, как инородное тело, и периодически дергает, как нарыв. Я часто размышляю, как могла сложиться жизнь, если бы не авария на АЭС? Кем бы я стала? И никогда не узнаю об этом и о том, как старились бы мои родители. Время идет, их лица

стираются из памяти, и я мучаюсь от того, что в тот день мы не забрали альбом с фотографиями. Мама никогда не думала, что мы покидаем нашу квартиру навсегда. Когда жители Припяти вернулись в июле восьмидесят шестого года за вещами, мы с Ефимией были в Копачах. А спустя годы уже не было смысла пробираться туда нехоженными тропами, чтобы увидеть разграбленную квартиру. Пусть Припять останется в моей памяти живым городом...

Когда Инна вернулась из воспоминаний, Забубенчикова рядом не было, вместо него на скамейке стояла хозяйственная сумка. Быстрова еще немного посидела, окончательно вырываясь из дебрей прошлого, затем прихватила сумку и пошла домой. Девушка чувствовала себя совершенно разбитой, как большая ваза, разлетевшаяся на миллионы маленьких осколков, которые невозможно склеить.

К обиде и разочарованию прибавилось полнейшее отупение. Инна плохо соображала, куда идет и зачем. Ноги сама несли ее, она очнулась, когда вошла в прохладный подъезд своего дома.

Девушка автоматически посмотрела на наручные часы, будто фиксировала для отчетности момент возвращения. Однако, - мысленно удивилась она, - уже двенадцать. Неужели я просидела в сквере почти час в полном отключении от настоящего? Так можно попасть в неприятную ситуацию...

В лифте она достала ключи и стала раздумывать, пойти в парикмахерскую для повышения настроения и превращения из привлекательной девушки в отпадную, или завалиться с книгой на пару часиков? Пораскинув мозгами, остановилась на втором варианте.

Но, как известно, человек предполагает, а обстоятельства нагло вмешиваются...

У дверей квартиры Быстровых топтался молодой мужчина в светлых брюках, клетчатой шведке и сандалиях. Левым локтем он прижимал к себе папку, а пальцами правой руки выбивал на ней дробь, что свидетельствовало о его замешательстве.

Инка обогнула его, как неодушевленный предмет, и вставила в замочную скважину ключ.

- Вы в этой квартире живете? – поинтересовался незнакомец.

- Нет, - покачала головой девушка, переходя к следующему ключу, - просто хочу ее обчистить.

Парень хмыкнул, затем посерьезнел и представился.

- Оперуполномоченный уголовного розыска Мальцев, Октябрьский ОВД, - и сунул под нос подтверждающий документ.

- Вот, черт, не успела ничего ценного прихватить, - усмехнулась хозяйка.

- Вы Инна Леонидовна Быстрова?

Девушка подтвердила и пригласила в квартиру, не спросив, зачем к ней пожаловал товарищ милиционер.

- Вам знаком Макар Алексеевич Грозный? – спросил он, усаживаясь на предложенный стул.

- Отпираться бессмысленно, раз Вы здесь.

- Мы нашли у него лист бумаги, где был записан Ваш адрес.

- В воскресенье я пригласила Макара в гости, но он не знал, где я живу. Тогда я продиктовала, а он записал. – сообщила Инна и выжидающе уставилась на милицейского.

- Больше Вы с ним не встречались?

- Нет, мы, вообще, редко видимся. Чаще перезваниваемся.

Все сказанное ею мужчина записывал на бумаге. Инна стояла, прислонившись к стене, засунув руки за спину. Опер задавал еще какие-то вопросы, на которые девушка чаще отвечала «нет» или «не знаю». Она, действительно, мало знала о жизни Грозного. Только то, что он окончил факультет математики, механики и компьютерных наук.

Компьютерами он и занимался, устроившись после получения диплома в одну фирму. Макар не был фанатичным хакером, лишь прилежным работником, не более того. Он не уходил первым, но не задерживался до полуночи, и дома не проводил перед экраном компьютера все свободное время, а предпочитал живое общение. Инна догадывалась, что у Грозного таких полудрузей, как она, вагон и маленькая тележка. Он не приближал к себе никого на близкое расстояние и не удалял в заоблачные дали. Все походило на выступление циркового артиста на арене. Макар стоял в центре, а по замкнутому кругу передвигались его знакомые. Он дергал по очереди то одного, то другого, не забывая после общения возвращать их на свое место. Странное сравнение. И пришло оно в неподходящий момент, когда Быстрову подверг допросу совсем не добрый дядя Степа, а хитрец-молодец, спрятавший за пазуху главный козырь.

Уполномоченный по оперативно-розыскной деятельности не дождался привычного вопроса: «А к чему, собственно, все эти вопросы?» и доложил.

- Ваш знакомый найден мертвым в своей квартире.

- Как мертвым? Уже?.. – оторопела девушка, но без резвой поспешности, что объяснялось навалившейся заторможенностью, которая не ушла, а только слегка ускорила темп после такой страшной новости, перейдя от черепашьего ползания к медленной ходьбе сердечника.

- Что значит – «уже»? У меня складывается впечатление, будто Вас это не удивило. Вы ожидали чего-то подобного?

- Ой, извините меня, товарищ Мальцев. У меня недавно состоялся один... сложный разговор, и я никак не выброшу его из головы, - нашлась Инна.

- Да? – не поверил он, поигрывая ручкой, зажатой между пальцами. – И могу я узнать, кто был Вашим собеседником?

- Это к делу не относится.

- Ну-ну, - многозначительно сказал он и уставился на девушку, явно выказывая сверхнедоверие.

Он долго выпытывал о знакомых Грозного, но Инна никого не видела, знала лишь по рассказам Макара о некоем Олеге, с которым они были коллегами по работе, и о безымянных поклонниках, служивших веселыми вставками в разговоре.

- Я могу узнать какие-нибудь подробности происшедшего? - не выдержала она.

- Ведется следствие, - заявил обиженный на ее неактивность Мальцев, попросил расписаться в протоколе и ушел.

Инка сразу позвонила Петюне, но того не оказалось дома. Его вторая страсть после Быстровой - мобильный телефон «Motorola», был отключен.

Сотовые телефоны в начале двадцать первого века в России еще не стали достоянием каждого взрослого человека и ребенка, начиная лет с пяти. Трубки были увесистыми, громоздкими, такую не сунешь в карман брюк, но обладатель заветного мобильника не пытался спрятать его, напротив, телефон держали в руке и с периодичностью в пять секунд поглядывали на темный экран, словно боялись пропустить долгожданный звонок и еще напомнить окружающим о своей значимости и занятости. Что и говорить, трубка сотового телефона повышала рейтинг его обладателя подобно тому, как повышался рейтинг обладателя поддержанного «Мерина» начала девяностых, пригнанного из Германии.

Сотовый телефон больше напоминал обычную вещь без специального назначения, потому что разговаривали по нему редко, а изъяснялись короткими рублеными фразами. Объяснялось это легко – минута разговора стоила, как обед в приличном кафе. А те, кто болтал без ограничений, по улицам не шастали с трубкой в руках, а ездили на «Меринах», но не поддержанных, а новеньких, купленных у официальных дилеров. Сначала услуги

мобильного оператора оплачивали по приходящим счетам, потом появились карточки. Человек покупал карточку, стирал пленку, под которой прятался длинный набор цифр, заносил его в телефон, и счет пополнялся. Именно, карточка, обычная карточка мобильного оператора «Донтелеком», действующего на территории Ростова в начале двухтысячных годов, сыграла основную роль в нахождении преступника, покусившегося на жизнь Макара.

Но об этом Инна Быстрова узнала позже.

В данный момент она металась по квартире, за ней не отставал Бэзил, молча соперничающий хозяйке.

Она раз двадцать набирала оба номера телефона Петюни, и стационарного и мобильного, но приятель не отвечал. Девушка мысленно награждала его меткими эпитетами, типа недоумка и жалкого ревнивца, снова нарезала круг, снова бралась за телефон. И, наконец, она услышала не затяжные гудки, а гнусавое «Слушаю».

- Так вот, послушай меня, мой дорогой друг Петюня...

Далее последовали обсуждения его мозговой деятельности, его поведения, отсутствия связи между мышлением и языком, и закончилась возмущенная речь требованием описать весь день, начиная с утра.

Как оказалось, с утра влюбленный антропос мечтал, грезил и страдал. Затем опять занял пост на скамейке во дворе Быстровых, видел, как Инна вышла с сумкой в руках, и отправился за ней. Подкараулил ее у родильного дома и сделал вид, что встреча произошла случайно. Видите ли, это его любимое место для прогулок - узкий тротуар вдоль запруженной автомобилями расплавленной дороги. Всюду снуют люди с кошелками, в которых несут покупки с расположенного неподалеку рынка, огрызаются торговцы с ящиками на тележках, чьи четырехколесные лошадки занимают половину тротуара. И среди всей этой базарной вакханалии - Петюня Забубенчиков, расхаживающий туда-сюда и философствующий о мирской суете, от которой он так далек.

Инну интересовало, куда он отправился после разговора с ней? Как оказалось, молодой человек «просто гулял».

- Петь, так ты не ходил к Макару и не пытался выяснить отношения на кулаках?

- Это не мой метод, - пространно заметил молодой человек. - Я убью его морально! - залихватским голосом произнес он, - так что не переживай, его рослое тело не перестанет увиваться возле тебя, только удали поубавиться.

- Не будет он больше увиваться. - с грустью сказала Инна и подумала, что тело Грозного лежит на столе холодного морга.

- Это почему, не будет? - заинтересовался парень с легко уловимой долей возмущения. - Вы поссорились из-за той девицы?

- Какой девицы?

- Ну, той, что была у вас в гостях в минувшее воскресенье. Вы поехали в больницу, а парень и девушка остались вдвоем.

- И что они делали? - напряженным тоном поинтересовалась Быстрова, будто готовилась получить доказательство неблаговидного поведения гипотетического жениха.

- Они пошли пешком. Затем сели в такси и поехали. Я тоже тормознул частника и поехал за ними. После недолгих плутаний по улицам и переулкам, парочка вышла у дома на Театральном спуске. Они постояли у подъезда несколько минут, девушка смеялась, видно парень рассказывал что-то смешное...

- Это он умеет, - сказала Инна, помянув приятеля в настоящем времени. - А к себе Марина Макара не приглашала?

- Я к ним не приближался, поэтому с уверенностью заявлять не мочу, но мне показалось, что не приглашала.

- Странно, - удивилась Быстрова, но потом до нее дошло, что девушка может жить в общежитие мединститута. – А где они вышли из автомобиля?
- Я номер дома не усмотрел, но визуально запомнил. Ближе к Дону, за Театральной площадью.
- Да, здание мединститута совсем близко.
- Но это был обычный жилой дом, - угадал ход ее мыслей Петюня. – Двухподъездная девятиэтажка.
- Ясно. А что произошло потом?
- Потом они распрощались... без поцелуя, - не преминул добавить «добрый» Забубенчиков, посчитавший, что взять и оклеветать врага - последнее дело. – И девица скрылась в подъезде.
- Петюня произнес это с таким торжеством, что Инна догадалась – сейчас начнется самое интересное, но для начала надо друга убажить.
- Ты, Петечка, как знал, что добытая тобой информация мне пригодится. Прямо не человек, а... - она растерялась, не зная, как наречь Забубенчикова, - а предвидетель, - наконец, подобрала нужное определение и представила зардевшуюся мордашу Петьки, не привыкшего к похвале в свой адрес.
- Высоко сижу, далеко гляжу, - побахвалился он, но тут же доложил, - информация добыта наполовину.
- Рассказывай все по порядку!
- Едва они расстались, я двинул за твоим знакомым. Он уже за угол завернул, а меня, как дернул кто: я оглянулся, смотрю, а девица подъездную дверь приоткрыла и осматривается, словно проверяет, ушел новый знакомый или нет? Ну, думаю, что у меня конкурент в сыскном деле появился. Она поозиралась, затем выпорхнула из подъезда за дом шасть.
- И куда направилась?
- Вот этого я тебе сказать не могу, потому что меня занимал парень, а не девушка. Я удивился, куда это она намылилась, но поспешил за Макаром, боялся упустить его из вида. Думал, он на остановку топает, но он пошел дальше. Оказывается, он живет за пару кварталов от этой Марины.
- А она точно не следила за Грозным? Может, ты ее не заметил?
- На улице было пустынно, время близилось к полуночи, и народ готовился к началу новой трудовой недели. И зачем ей за ним следить? Она знала, как его зовут, могла легко найти адрес. В отличие от меня.
- Ты прав... А что было потом?
- Проводил я твоего кавалера до дома, вычислил квартиру и пошел домой.
- Так уж, и пошел? - не поверила Инка.
- Ну, не сразу... Побродил немного по двору, поразмышлял, а затем ушел.
- О чем же были твои мысли, отрок?
- Хотел ему сразу физиономию начистить, но передумал.
- Конечно, это не твой метод! - вспомнила девушка.
- Прежде я хотел с тобой поговорить, чтобы знать, стоит ли переходить к решительным действиям. А вдруг этот парень... ваш общий знакомый. И твой, и Леонида Ивановича, и Катерины... А я с кулаками. И приглашала ты его на институтские вечеринки не потому, что между вами отношения, а чтобы девчонкам носы утереть.
- Петь, поклянись, что ты не был сегодня у Макара.
- Я к его дому не приближался. Честное благородное слово.
- Твое обещание пронизано сарказмом. Или мне показалось?
- Показалось! Только я не могу понять причину такой заботы о Грозном. Ты боишься, что я его... обижу?

- Как бы он тебя не обидел, - вырвалось у Инны, она еще хотела помянуть «руки коротки», но вовремя прикусила язык. Забубенчиков и без того распетушился, стал «якать» и страшать невидимого противника, но девушка резко его перебила. – Петька, успокойся! Не думай, что у меня появился праздный интерес или я трепещу от одной мысли, что за меня сойдутся на дуэли два достойных человека. – Зависла тишина. Быстрова никак не решалась произнести убийственную фразу, которая укрепится в голове навсегда. Она пока не осознала происшедшего, будто сию минуту пробудилась и не может сообразить, что это: сон или явь. А если подтвердит вслух, то наступит горькое понимание. Но иначе нельзя... - Макара нашли мертвым в собственной квартире. Подробностей я не знаю... – Каждое слово давалось с трудом, словно ей перед этим запахнули в рот полную ложку вязкой овсяной каши.

- Ты не подумала, что Марина может что-то знать? - высказал мысль Забубенчиков после короткой паузы. – Она так пожирала его глазами, что я подумал: эта девица снесет все на своем пути, а цели достигнет. Девушка могла ходить вокруг него кругами, не выпускать из вида, чтобы лишний раз напомнить о себе.

- У нее в графике на первом месте стояла другая кандидатура, - процедила сквозь зубы Инна, которая даже в эту минуту не забыла о нанесенной обиде, и подумала: Не могла Марина после бурной ночи с одним кавалером сразу переключиться на следующую кандидатуру.

Петька не стал доставать вопросами и предположил.

- Слушай, а почему ты решила, что смерть Макара не произошла естественным путем? Человек в своей квартире может скончаться от сердечного приступа, от перитонита, от... удара электрического тока, наконец.

- Перитонит не наступает бессистемно, он следствие воспалительного процесса в брюшине. В воскресенье парень выглядел вполне бодрым и с аппетитом ел все, что я ему предлагала, было не похоже, что он страдает. Это раз. Если бы его ударило током, ко мне не пришел дядя милиционер, чтобы задавать подозрительные вопросы о человеке, который скончался в результате несчастного случая. Это два. На сердце Макар никогда не жаловался... Честно говоря, он, вообще, ни на что не жаловался. Был оптимистом по жизни. Это три. – разложила Инна по полочкам ответы на три предположения.

- Вот! Он мог скрывать болезнь, не желая уронить себя в глазах женщин.

- Конечно, ты снова прав. Я не настолько хорошо знала Макара, чтобы заявлять, будто он был здоров, как бык. Внешность без изъянов не всегда соответствует внутреннему состоянию. Наверное, надо позвонить Ленчику и попросит разузнать по своим каналам о причинах смерти Макара Грозного.

- А ты пока будешь маяться?

- Не буду, у меня дел по горло. Сегодня возвращается Ника Федоровна, надо слетать на рынок, закупить продукты, приготовить ужин. И самое главное забыла – навестить Катюшу и Ванюшу.

- Ты одну картофелину будешь чистить два часа, потому что не перестанешь строить догадки, и в итоге ничего не успеешь.

- Что ты предлагаешь? – в лоб спросила Инна.

- Я предлагаю следующее - поехать к дому Грозного и порасспросить соседей. Я представляю, как гудит двор! Не каждый день в квартире находят труп молодого человека. Мы можем найти первоисточник и услышать все из первых уст. Ведь, кто-то обнаружил Макара. Я так понимаю, что он жил один?

- Уже два года, как один. Его мать умерла от онкологического заболевания.

- И прожили они в этом доме пару десятков лет, - догадался Петюня.

- Макар рассказывал, что в этой квартире родилась еще его мама.

- Я так и подумал, ведь дом сталинской постройки. Стены, конечно, не то, что в нынешних строениях, слышимость нулевая, но люди живут давно и считают друг друга почти родственниками, поэтому имеют право все знать о личной жизни соседа. На это и будем делать ставку...

Инка открыла холодильник, полюбовалась царствованием свободного пространства, тяжело вздохнула и отправилась на встречу с Забубенчиковым.

В районе, где жил Грозный, старые дома, напоминавшие коренастые белые грибы, были разделены современными зданиями, походившими на тонконогие опята, растущие вразнобой. Смешались стили, смешались времена, смешались люди разных поколений. В доме Макара жили в основном пенсионеры, не желающие продавать свои квартиры нуворишам и покидать тихий центр города. Здесь жизнь текла медленно и обособленно. Один дом – это большая не всегда дружная семья, в которой все бывает: дразги, склоки, примирение, смерти людей, достаточно поживших на этой земле или долго страдающих от неизлечимого недуга. Но впервые в этой семье случилась внезапная смерть молодого здорового мужчины, которого все знали с рождения и оказывали покровительство после кончины матери.

Петюня был прав – двор гудел. Быстрова и Забубенчиков быстро разобрались, что центром внимания всего домового коллектива является пожилая, но достаточно энергичная женщина, которая обнаружила тело Грозного. Она в сотый раз рассказывала соседям о трагедии, дипломированные химики успели на сто первый.

Естественно, каждый последующий рассказ обрастал новыми подробностями, которые легко можно вычислить и откинуть, что и сделали приятели, желая выяснить истину. Очищенная от добавок речь заключалась в следующем.

Пенсионерка Евдокия Анисимовна, страдающая от нестерпимой жары, встала с утра пораньше, прихватила сумку на колесиках и отправилась на рынок. Через два часа она вернулась и присела на скамейку, где уже обсуждали последние новости ее подруги. Она перечислила все купленные продукты, не позабыв указать цену, которая удивила соседок. Затем разговор плавно перетек к погоде, последним новостям и сериалам. Когда поднявшееся достаточно высоко солнце сквозь листву тополя припекло макушку Евдокии Анисимовне, она спохватилась.

- А Макара ушел на работу? Никто не видел?

- Не видели, - хором ответили женщины.

Тогда она решила, что сосед очередной раз проспал, хотя, время близилось к десяти, и кинулась его будить. Евдокия позвонила, но ей никто не открыл. Тогда она оперлась на дверь, чтобы подхватить ручку упавшей сумки на колесиках и едва не упала, потому что дверь распахнулась...

Место отдыха жительниц дома – скамейка - была отвернута от подъезда, где проживал Грозный и его благодетельница, и направлена к большой клумбе – главной заботе и радости всех обитателей. Однако путь со двора проходил прямехонько мимо любопытных пенсионерок, зорко следящих за перемещениями. Но можно избежать любопытных глаз, если завернуть за угол дома. Там обнаруживался еще один проход – узкая тропинка, которая упиралась в забор, огораживающий строительство нового дома, застрявшего на стадии второго этажа. Тропинку протоптали местные ребятишки, выбравшие стройку для своих игр. Если двигаться по траве вдоль забора, можно пробраться на гравийную дорогу, по которой автомобили следуют к подземному гаражному кооперативу. Но таким способом, с тыльной стороны дома, никто из автолюбителей не хаживал. Если только очередной «хахаль» беспутной Верки, чей муж круглосуточно крутил баранку рефрижератора. О нехоженой тропе женщины вспомнили, когда милиция стала интересоваться, не видели ли они человека, который приходил к

Макару Грозному? Пенсионерам пришел на ум инвалид Герасим, не покидавший пределов своей квартиры по причине больных ног и проводивший все время у окна, выходящее на замороженную стройку. Милицейский, а за ним стайка особо любопытных дамочек преклонного возраста потянулись в подъезд, где на первом этаже жил мужчина. Дверь долго не открывали, потом она закричала и в образовавшейся щели появилась Верка, упомянутая выше. Она жила по-соседству с одиноким Герасимом и взяла на себя обязанность по уходу за ним, за что была прозвана стяжательницей. Народ не верил в искренность заботы о больном человеке, и решил, что Верка преследует корыстные цели, а именно, положила глаз на однокомнатную квартиру соседа и сделает все, включая противозаконные действия, чтобы приблизить сей момент. О чем неоднократно докладывали участковому, но тот заявление граждан не принял к сведению, потому что сам неоднократно посещал стяжательницу с частным визитом, нагло проходя мимо клумбы.

Верка выглядела помятой и бесстыдно раскрасневшейся. Причем халат, оголяющий ноги сверх меры, был расстегнут на верхнюю пуговицу, явив нахлынувшим посетителям глубокую ложбинку между двумя арбузными грудями. Пенсионеры обомлели и попытались заглянуть за спину беспутной женщины, но им удалось выхватить взглядом лишь край кровати и голые мужские ноги, выглядевшие вполне здоровыми. Арьергард милиционера зашушукался и нарек Верку шалавой.

Опер показал удостоверение и спросил хозяина. На что беспутная стяжательница и шалава в одном лице заметила, что Герасим неважно себя чувствует, принял лекарство и заснул. А на вопрос: «Сидел ли он сегодня у окна?», она с уверенностью ответила, что не сидел, так как она прибыла с раннего утра по телефонному зову соседа, не покидавшего постельного ложа, и никуда с тех пор не отлучалась.

Все остальные жители дома не любовались стройкой, а предпочитали заниматься своими делами или дышать свежим воздухом во дворе под тенью раскидистых деревьев. Но все равно участковый был послан на поквартирный обход, не принесший результатов.

- Так Макара убили? – не выдержал Петюня и встрял в жаркий монолог Евдокии Анисимовны.

- А ты кто такой будешь? – спросила она, сверля взглядом не парня, а его спутницу, одетую в пестрый сарафанчик, открывающий выступающие ключицы и стройные ножки.

- Мы друзья Макара, - резво доложила девушка, - вместе занимались парашютным спортом.

- Так это он к тебе в воскресенье бежал, чуть меня с ног не сбил?

- Ко мне.

- Тогда ладно, - разрешила она, не указав конкретно, что «ладно». Можно стоять и слушать или задавать вопросы?

- Так... его убили?

- Я когда нашла Макарушку на полу с пробитой головой, - Евдокия смолкла, достала из кармана скомканный носовой платок и утерла слезы, - то сразу вызвала милицию. Но не из его квартиры, а из своей, чтобы не топтать и отпечатков не оставлять. – Товарки посмотрели на женщину с нескрываемым уважением. – Потом вышла в подъезд на площадку и стала ждать. Не побежала с криками по улице, не разносила новость по знакомым, а... заступила на пост, чтобы никто в квартиру не проник. «Улицы разбитых фонарей» смотрю ежедневно!

- Дуся, ты очень смелая! – не выдержала одна из пенсионерок – дама с голубыми волосами. – В квартире мог прятаться убийца! – выдала она и закатила глаза.

- Ага, - поддержала ее еще одна - женщина в линялой панаме с обвисшими полями. – Он мог тебя тоже убить, - с придыханием заметила она.

- Честно признаться, бабоньки, я об этом не подумала. - неожиданно призналась героическая Евдокия, не испугавшись рухнуть с пьедестала. – А то бы просидела все время до приезда милиции за семью замками в своей квартире.
- А что было потом? – поторопила Инна, уставшая от взаимных любезностей соседок Грозного.
- Приехала милиция, и меня пригласили стать понятой. Вместе с Кириллом Львовичем, с третьего этажа. Это профессор химии.
- Ивлиев? – хором поинтересовались обалдевшие Быстрова и Забубенчиков, которые не ожидали, что их уважаемый преподаватель живет в одном доме с Макаром. Но мир, как известно, весьма мал и тесен.
- Ивлиев, - подтвердила Евдокия Анисимовна, не удивленная знакомством молодых людей с местной достопримечательностью, которую в России все обязаны знать. – Так вот, сначала они, в смысле милиционеры, решили, что Макарка неожиданно потерял сознание, упал и ударился головой о батарею. Я им напомнила про незапертую дверь, тогда один мужчина, наверное, врач...
- Судмедэксперт, - подсказал Петюня.
- Может быть, - поджала губы Евдокия, обидевшись на вмешательство. – Этот... суд-мед-эксперт сказал, что рана на голове не совпадает с тем предметом, об который ударился Макар. С батареей то есть. Он еще искал кровь и волосы на батарее, нашел, но ему показалось, что это... ин –сче-ни-ро-вка, - по слогам произнесла она. – Поэтому милицейский, который сперва посчитал происшествие несчастным случаем, а потом непредумышленным убийством, в итоге заявил, что это самое настоящее убийство. – Было заметно, что женщина, несмотря на возраст, обладает отличной памятью.
- Значит, Макара ударили по голове, а потом инсценировали несчастный случай? – запуталась Инна.
- Если бы убийца захотел выдать злодеяние за несчастный случай, то не оставил бы улик. – заявила главная хранительница милицейских тайн. – А так, на столе стоял стакан с его отпечатками, на полу нашли какую-то карточку. Не Макарову. – Соседка задумалась, не зная, как объяснить ее пригодность.
- Фотокарточку убийцы? - удивленно протянул Забубенчиков, который впервые слышал, что на месте преступления найдена фотография злодея. Еще не хватало, чтобы на обратной стороне были написаны его анкетные данные.
- Не фотокарточка, а обычная карточка, прямоугольная, - женщина показала пальцами ее приблизительные размеры, сложив их в подобие прямоугольника без одной грани.
- Небольшая, - вздохнул Петька. – И что милиционеры по этому поводу сказали?
- Сказали, что она... Тьфу, забыла, как называют эти телефоны, что носят с собой.
- Сотовые, - выступила подсказчицей Инна, опередившая вездесущего приятеля.
- Точно! Сотовый телефон! А карточка нужна для него. Только я не поняла связи.
- Кажется, я догадался, - спохватился Петюня. – Этой карточкой пополняют счет. Пожилые женщины непонимающе уставились на него. Он стал объяснять, но пенсионерки смотрели на него, как на человека, изъясняющегося на иностранном языке.
- Понимаете, - пришла на помощь Быстрова, - на этой карточке есть код, по нему можно определить, на какой номер сотового телефона зачислена некая сумма денег, и установить владельца.
- Разве такое возможно? – засомневалась дама с голубыми волосами.
- Если девушка говорит, что можно, значит, можно, - отрезала Евдокия Анисимовна, с первой минуты заважавшая Инну. – Опять же, на карточке могут быть отпечатки, которые совпадут с отпечатками на стакане.
- Думаю, на этой карточке столько отпечатков! – округлил рот Забубенчиков, - едва ли выявишь нужные.

- А еще, - Евдокия приняла загадочный вид и окинула взглядом группу людей, взявшую ее в кольцо. – Я умолчала еще об одной улике!

- А подписку за неразглашение у Вас не взяли? – хмыкнул Петька, за что получил от Быстровой ошутимый подзатыльник. По лицам окружающих он понял, что к этой процедуре готовы присоединиться почти все, а некоторые повторно. – Молчу! – громогласно высказался парень и приложил к губам пальцы.

- Извините его, Евдокия Анисимовна, просто он очень потрясен смертью Макара, - вздохнула Инна. Петька подтвердил резким кивком, отчего подбородок стукнулся о грудь, и громко клацнули зубы.

- Да я сама не в себе, - виртуозно выразилась соседка и снова смахнула выступившие слезы. – Даже забыла рассказать об обнаруженном отпечатке обуви. Макарка кофе молот и на пол просыпал, а преступник случайно наступил и оставил отпечаток протектора. Не всей обуви, а лишь часть, причем большую часть. Но все равно можно установить, какой размер ноги у злодея.

- А это отпечаток мужской обуви? – напряженным голосом поинтересовалась Инна.

- Точно, что не женской. Говорят, размет сорок третий – сорок четвертый...

Прощаясь с Евдокией, Быстрова оставила ей номер домашнего телефона и попросила сообщить, когда состояться похороны Макара Грозного.

По дороге Инна с Петькой зашли в супермаркет, девушка покидала в корзину все подряд, не задумываясь, что берет. Слишком много мыслей вертелось в ее голове. Сначала она думала о странном звонке, затем размышляла об убийстве Макара. В результате, когда Ника Федоровна зашла в квартиру в сопровождении Ленчика, тащившего ее чемодан, все продукты были разложены на столе, а сама хозяйка сидела рядом на стуле и смотрела на Бэзила, расположившегося среди съестного царства и рвущего зубами колбасную упаковку.

- Что случилось? – хором спросили мужчина и женщина, сразу догадавшись, что Инка не пребывает в своих воспоминаниях, а озадачена сегодняшними событиями, о которых узнал от нее Леонид и уже успел доложить Шиповой.

Но девушка рта не успела раскрыть, как отцу позвонил на мобильный телефон его сотрудник и сказал, что только что по подозрению в убийстве некого Макара Грозного арестовали Ефима Олева прямо в офисе детективного частного агентства «Кредо». Быстров созвонился со знакомым адвокатом и помчался в отделение милиции, куда препроводили друга...

Все улики были против Олева. Карточка, найденная в квартире убитого, принадлежала ему, на стакане он оставил свои отпечатки. А во время обыска на его квартире была обнаружена пара туфель с дугообразным протектором. Отпечаток совпал с отпечатком обуви, оставленном на полу в квартире Макара Грозного. В подтверждении криминалист нашел забившиеся в протектор на подошве крупницы молотого кофе.

Смерть Грозного наступила в промежутке от восьми тридцати до девяти тридцати. На это время у Фимы не было алиби. Он находился у себя дома и собирался в агентство.

Обо всем этом Инна узнала от Ленчика, вернувшегося домой поздним вечером. Она внимательно выслушала отца и произнесла заторможенным голосом.

- Думаю, у Ефима есть алиби, но он не хочет, чтобы я узнала... об этом алиби. Потому и умолчал.

И она выложила всё.

- Надо найти Марину! – заявил Быстров.

- Ты знаешь ее фамилию?

- У нее редкая и запоминающаяся фамилия – Азбука.

- Азбука? – удивилась Ника Федоровна, очнувшись от грустных мыслей. Она была сражена новостью об аресте Олева, которого наравне с Леонидом считала своим сыном. Инке казалось, что женщина уделяет больше внимания Фиме, чем Ленчику, считая того обиженным судьбой и неприкаянно мечущимся по жизненным дорогам. Шипова много времени проводила в квартире одинокого холостяка, убирала, готовила еду, вела с ним долгие философско-успокоительные беседы. А у Быстрова была дочь, жена, теперь еще и сын... И вот ее усыновленное чадо оказалось в беде, а она не знает, как ему помочь? Или это ее взяли в большую семью в качестве приемной матери? Заботятся о ней, балуют щедрыми подарками, такими, как путевка в санаторий, а она отвечает им заботой и вниманием, опережая их желания. Старается помочь всеми доступными ей средствами и радуется этому.

Ника Федоровна впервые почувствовала, как из нее выкачивают всю кровь, не оставляя сил для помощи Фимочке. Она так не страдала, когда металась возле взорванного дома в Волгодонске. Была уверена, что пожарные напутали, и обгоревшее тело найдено не в квартире Быстровых. Сейчас уверенность покинула ее. Она знала о глубоком чувстве Олева к Инночке. После рассказа о воскресном инциденте, Шипова не сомневалась, что Ефим пошел к Макару, чтобы расставить все точки над «I» и дать понять сопернику, кто имеет права добиваться благосклонности Быстровой. Взбешенный мужчина мог перейти от слов к рукопашной. Но он не хотел убивать молодого человека. Все вышло случайно, Грозный упал и ударился головой о батарею. Но почему Леня утверждает, что на самом деле Макару сначала проббили череп, а затем неумело инсценировали несчастный случай. Что это на самом деле? Непредумышленное убийство, когда смерть молодого человека наступила в результате удара в челюсть и неудачного падения? Или драки не было? Следователь сказал, что оружие преступления пока не найдено, но судмедэксперт, изучивший рану, сказал, что им мог быть обычный молоток. Злоумышленник хотел навести на мысль, что после удара парень упал и получил черепно-мозговую травму, не совместимую с жизнью. Но если драка имела место, то Олев не сбежал бы с места преступления. Он оказал бы человеку первую помощь, в случае ее необходимости, и вызвал бы милицию, в случае фатального исхода. Но ни в коем случае не стал бить соперника по голове молотком, когда тот повернулся к нему спиной, а затем не стал инсценировать несчастный случай.

Ника Федоровна окончательно запуталась и позабыла, что хотела предпринять. Между тем Инна и Леня строили догадки. И когда вновь прозвучала фамилия Марины, женщина вспомнила и пошла в свою комнату, где в тумбочке лежал новенький телефонный справочник, подаренный Катюшей. Шипова покопалась в нем и не нашла человека с такой редкой фамилией. Выводов было два: или девушка не является абонентом телефонной станции, или зарегистрирована в справочнике под другой фамилией. Она намеренно назвалась чужой, из чего следует – Марина появилась рядом с Олевым неспроста и преследовала неблагоприятные цели, после осуществления которых могла бесследно исчезнуть. Эта девушка – продолжение той истории, которая началась в Волгодонске. Недаром владелец взорванного грузовика утверждал, что видел двух женщин. Одна зашла в подъезд, и ее обгоревший труп позже найден в квартире Быстровых, а другая, помоложе, выкрала его из морга, опоив зельем санитара.

Женщина вспомнила, что Фима показывал фотографии женщин, которые он привез из Киева. У матери погибшего мальчика была еще дочь... Надо найти эти фотографии и показать Инне и Леониду. Может, они узнают на них Марину? Но Ефим сам делал снимки, неужели в голову не закралась мысль, что он где-то видел новую знакомую? Но прошло несколько лет... Девушка могла преобразиться, отпустить волосы, перекрасить их в другой цвет... Но припоминается, что сестра погибшего мальчика была невысокого роста, а Марина, по словам Инны, доставала Фиме до уха, значит, ее рост приблизительно

метр восемьдесят. Нестыковочка... За пару лет она не могла вырасти на двадцать сантиметров.

Но если предположить, что между сестрой Яна Протодяконова и Мариной есть какая-то связь, то непонятно одно – зачем эта девушка подставила Ефима Олева? Какое он имеет отношение в той давней истории с погибшим мальчиком? Или, как выразился сам Фима, кто-то выбивает по одному человеку из ближайшего окружения Инны?

Наша девочка говорила про странный телефонный звонок, но Леня не придавал ему значения, заявив, что это бабские разборки. Я с ним не согласна, – мысленно возразила мужчине Ника и стала думать, как помочь мальчику...

В ту ночь в доме Быстровых никто не спал, но все делали вид, что почивают глубоко и сладко, но в этой сладости есть доля соли, причем преобладающая. Это подтверждало постукивание пузырька с лекарством о край стакана в комнате Ники, всхлипы из комнаты Инны и поскрипывание полов в комнате Леонида. Все строили планы по спасению Ефима. К утру у каждого члена семьи созрел своя идея, но для начала они объединились и пошли в роддом к Катюше, где приветливо улыбались и заверяли, что у них все замечательно.

Потом разошлись на три стороны. Леонид Иванович отправился в милицию, Шипова – на квартиру Олева, а Инна встретила с Петюней, который мог указать дом, где проживала Марина Азбука. В результате все участники не выполнили задуманного. Быстрову не разрешили встретиться с другом, пребывающим в СИЗО, Ника не нашла нужных фотографий, в необходимости изучения которых начала сомневаться, а в доме, на который указал шпион Забубенчиков, никакая Азбука не проживала.

- Есть же справочное бюро! – запоздало сообразил Петюня и повел подругу к нужной цели...

- Таковых в городе не зарегистрировано, – получили ответ молодые люди.

- Это подтверждает, что девица замарана в этой истории по самые уши! – догадался парень. – Недаром она выскользнула из подъезда в тот вечер, хотела запутать Макара.

- Точно! В ее планы не входило, чтобы кто-то узнал ее местожительства. – поддержала приятеля Инна. – И что теперь? Петь, я не знаю, куда податься.

- Тебе нужно отдохнуть! Иди домой и постарайся заснуть.

- А ты?

- А я буду сидеть рядом, и охранять твой сон!

- Только не это! – обалдела от его решения Быстрова. У нее появилась одна умная мыслишка, но для этого нужно избавиться от Петьки. – Обойдусь без охраны. Ты иди домой, ничего без меня не предпринимай, я высплусь и тебе позвоню. А то и правда с ног валюсь.

На этом они расстались. Забубенчиков пошел домой, а Инка – в салон красоты к цирюльнице Свете, которая могла дать дельный совет и прочистить мозги, развеяв густой туман.

Кругленькая ладненькая Светлана сразу прочла по глазам девушки, что той нужна помощь и поддержка. Чтобы занять больше времени, она предложила Инне кардинально поменять цвет волос, но та отказалась наотрез. Женщина задумалась, поигрывая ножницами, а после заявила, что ее шевелюре нужна «подкормка», а именно, необходимо сделать биолаж – процедуру, которая займет более часа. Этого будет достаточно для обстоятельной беседы. Быстрова сразу не сдалась, и потребовала изложить суть. Света пояснила, что на пряди волос наносится содержимое волшебного лекарства из большой ампулы, при этом она потрясла упомянутой ампулой с бесцветной жидкостью перед глазами девушки, после чего на голову надевают банную шапочку и закутывают полотенцем. Инка посчитала процедуру безвредной, даже, напротив, полезной и нужно- продолжительной, и согласилась.

Ее рассказ занял достаточно времени, Света успела нанести состав на волосы и укутать разомлевшую от массажа голову в большое полотенце.

- Хочешь знать мое мнение? – догадалась женщина, часто выслушивающая исповеди в этом кресле и державшая их в тайне. Инна кивнула большим тюрбаном и с надеждой уставилась на цирюльницу. – Так, что мы имеем? А имеем мы три улики против твоего знакомого.

- Ефима, - подсказала Инна.

- Стакан с отпечатками его пальцев, след протектора его обуви и будто бы случайно оброненная карточка. Мужчина утверждает, что не был в квартире Грозного и никого не убивал.

- Не был. Я только что разговаривала по телефону с отцом, и он передал мне разговор Фимы с адвокатом. Олев стоит на своем. И я уверена, что он не лжет.

- В этом случае, будет исходить из его слов. Ефим был дома и никуда с утра не отлучался. Но каким образом на месте преступления оказалась карточка, стакан с отпечатками и отпечаток обуви? Он сам находит этому объяснение?

- Твердит, что не понимает, как такое могло случиться.

- Берусь утверждать, что кто-то все подстроил, - тихо заметила Света, пытаясь донести сказанное до Быстровой в грохоте фенов и чужих разговоров. – Кто-то проник в его квартиру, нашел карточку, которая была использована по назначению и превратилась в закладку для книги. Допустим, эта книга лежала на видном месте, например, на прикроватной тумбочке, а из нее торчал краешек карточки. Злопыхатель легко ее прикарманил и пустил в дело. Затем стакан... Ефим мог пить из него в присутствии гостя, который тихонечко умыкнул использованную тару. Тоже самое он проделал с обувью. Забрал из квартиры вместе с карточкой и стаканом еще и туфель, после убийства собственноручно рассыпал кофе и оставил отчетливый отпечаток, присовокупив к нему остальные улики против твоего приятеля.

- Но обе туфли нашли в квартире Олева, - вспомнила Инна.

- Если злоумышленник был у Ефима в гостях, а все намекает на то, что они знакомы, то мог прихватить дубликат ключей. После совершения преступления дождался, когда хозяин уйдет на работу, спокойно открыл дверь, и вернул туфель на место. Ты упоминала, что на подошве найдены крупинцы кофе?

- Забились в протектор.

- Это еще раз подтверждает, что в этой обуви не передвигались, иначе все частички «потерялись» по дороге. Если он, конечно, не обзавелся крыльями.

- Он пешком не ходит, он ездит на «Ауди».

- Все равно перемещался по земле, на автомобиле в квартиру убитого парня не въехал... Слушай, я знаю, о чем сейчас подумала - частички кофе могли остаться на педали. С какой ноги был этот туфель? С левой или правой?

- Кажется, с правой, но я не уверена.

- Не важно, можно проверить все педали. Если ничего не найдете, это будет доказательством, что в ТОЙ обуви он на руль не садился. И теперь остается решить основной вопрос - кому так насолил Ефим, что его решили подставить.

- У него на работе всякое бывает, но мне кажется, что с делами сыскного агентства это не связано.

- А мне кажется, что ты, моя милая, не все рассказала...

И Инне пришлось выложить про Марину, которая провела ночь у Ефима. И про звонок, раздавшийся в ее квартире на следующее утро.

- Не знаю, зачем ей понадобилось это делать, но внутренне чутье подсказывает, а ему доверяю, что все затеяла эта девица. Она могла прихватить карточку, стакан с отпечатками и туфель. А так же ключи от квартиры. Потом отправилась к Макару,

попросила, допустим, воды, тот отвернулся от нее, она огрела его молотком, благо силы достаточно, ты сама уверяла меня в ее хорошей физической форме, потом инсценировала смерть в результате драки, затеянной якобы гостем, решившим разобраться с соперником, выложила улики, оставила отпечаток протектора обуви и скрылась. Вернулась в дом Ефима, выследила его, открыла дверь дубликатом ключей, вернула на место обувь и ушла.

- А ключи?

- Дверь не захлопывается сама? Нужно обязательно ключом закрывать?

- На два замка, но Фимка ленится и закрывает на один.

- Вот и спросите у него, когда его привезли в квартиру проводить обыск, на сколько замков была заперта дверь?

- Но человек, который проник в его квартиру, мог запомнить, что открывал один замок.

- Мог запомнить, а мог и забыть, действуя автоматически. И обязательно проверь наличие второго экземпляра ключей. Где они обычно лежат?

- На вешалке висят. Ника Федоровна всякий раз ругает Ефима за безалаберность.

- А у нее тоже есть ключи от квартиры Олева?

- Конечно, есть, она там проводит много времени.

- А когда произошло убийство, где была ее связка ключей?

- При ней, а она сама ехала в поезде. Ника всегда таскает все ключи с собой, привычка такая... А ты думаешь, Марина могла свиснуть ключи из нашей квартиры, когда была в гостях?

- Вполне. Но раз ключи были при Нике Федоровне, то эта версия отпадает. Тем более, на связке не было бирки с надписью «ключи от квартиры Ефима». Откуда ей знать, чьи они?

- Света, я сейчас подумала... А вдруг Марина прихватила ключи от нашей квартиры. Или сделала слепок, пока я стояла у окна и ждала скорую помощь, а все остальные были в гостиной. Сначала я была одна в кухне, затем ко мне присоединился Макар, а через некоторое время зашла Марина. Она могла выйти из комнаты, оставив отца, Ефима и Катюшу, и задержаться в прихожей. У нее было предостаточно времени, чтобы найти ключи и сделать двухсторонний отпечаток на куске пластилина. Тем более, ключи долго искать не надо, они лежат в верхнем ящике тумбочки... Или я ошибаюсь и накручиваю лишние витки на и без того запутанном клубке? Зачем ей понадобились ключи от нашей квартиры? Для коллекции? Или на всякий случай? Авось, пригодятся.

- А зачем ей было убивать Макара и подставлять Ефима?

- Не знаю, но думаю, что все пути сходятся на мне.

- Почему ты так считаешь?

- С самого детства вокруг меня происходят неприятности. Несколько лет назад с моим близким человеком едва не случилась трагедия, но, слава богу, всё закончилось благополучно. Хотя, жизнь отца висела на волоске.

- Неужели ты могла кого-то обидеть до такой степени, что человек никак не успокоится, пока не отомстит?

- Я не знаю! – четко выговорила Инна.

- Надо во что бы то ни стало найти Марину!

- Но как?

- Легче легкого! Она сама проболталась, что учится в медицинском институте. Пойди туда и поинтересуйся студенткой Мариной Азбукой.

- Как я сама об этом не подумала...

Одной идти в медицинский институт Инне было не комильфо. Прямо из салона она позвонила Петюне, который сразу снял трубку, будто сидел рядом с аппаратом и дожидался звонка. Забубенчиков был готов пойти куда угодно, лишь бы быть рядом с Инной.

Джентльмен предложил взять такси, но девушка отказалась. Она села в автобус, моментально «насладившись» запредельной температурой в салоне. За сорок минут доехали до Театральной площади и пошли пешком к зданию мединститута, которое скрывалось в тенистом парке, где было гораздо комфортнее, чем в автобусе.

- Пойдем в главный корпус, найдем отдел кадров и выудим у них нужную информацию, – быстро сообразил Петька, заметив растерянность на лице девушки, которая запуталась среди нескольких корпусов и молодежи в белых халатах.

Молодой человек остановил спешащего по своим делам студента, задал интересующий его вопрос, получил содержательный ответ, повернулся к Инне и заявил.

- Будет лучше, если я пойду один.

- Но если снизойдут и покажут личное дело Марины, ты сможешь опознать ее по фотографии?

- Смогу! Я ее отлично рассмотрел! – Петюня усадил девушку на скамейку рядом с двумя студентками, склонившимися над тетрадками с лекциями, велел ждать и никуда не отлучаться.

Сегодня Инка парня не узнавала. Наверное, на него подействовала ее беспомощность, пришедшая на смену высокомерию и всезнайству. Петька был деловит, собран, подтянут, и имел ответы почти на все вопросы. Куда-то испарилась его пупсовая пухлость, даже щеки перестали походить на «шарпеевские».

Инна проводила его долгим взглядом, мысленно пожелав удачи.

Забубенчикова не было вечность и еще пару лет. Наконец, он появился. Быстрова попыталась уловить подсказку на его лице, и поняла, что приятель слегка ошарашен. Видно, добытые сведения были для него неожиданными.

- Пошли, - на ходу сказала он и, не сбавляя шага, и устремился по аллее.

- Петь, подожди, - запричитала Инна, едва поспевая за ним. – Куда мы идем?

- Тут недалеко.

- А конкретнее?

- Угол улицы Пушкинской и Театрального спуска.

- А там что? – собралась уже обидеться девушка. Петька затормозил, дождался ее, схватил за локоток и доверительно сообщил.

- Общежитие мединститута.

- Марина... живет в общежитие? Но если она дома, нам надо... как-то подготовиться.

- Нет времени. Азбука досрочно сдала сессию и сегодня уезжает к родителям. Мне об этом ее подруга рассказала. Маринина группа сдает... какой-то сложный экзамен. – выкрутился парень, который во внутренних органах, лекарствах и болезнях был так же туп, как одаренный математик в русском языке.

- Но ее надо задержать!

- Не надо!

- Почему? – удивилась Инка и встала, как вкопанная. Даже крепыш Петька, превосходивший девушку в весе в два раза, не смог сдвинуть ее с места.

- Потому что это не она!

- Как не она? - обалдела от новости Быстрова. – Ты... ты уверен?

- На сто процентов! Я видел ее фотографию в личном деле, ничего общего с той девушкой, что была у вас в гостях в воскресенье.

- Но настоящая Марина Азбука должна быть знакома с мнимой. Иначе она бы не знала, что та учиться в меде... И кстати, откуда она родом.

- Из Екатеринбурга.

- Значит, она слямзила ее биографию.

- Вот сейчас мы у настоящей Марины и спросим. Если успеем...

Они успели. Инна с Петькой застали девушку у дверей с большой сумкой в руках. Эта Азбука была совершенной противоположностью той Азбуки, которая пришла в гости к Быстровым в сопровождении Олева. Эта была низкорослой, коренастой шатенкой с добрыми карими глазами. Хохотушка и болтушка.

Когда Инна описала знакомую Ефима, та сразу вспомнила, что ехала с этой девушкой в поезде. На майские праздники Марина с ее будущим мужем ездили в Киев, где живут его родители. Когда возвращались назад вместе с ними в купе ехал мужчина лет пятидесяти, который почти все время прохрапел на верхней полке, и девушка, которая назвалась Инной.

- Инной? – опешила Быстрова, приняв происки лже-Марины за насмешку над собой. Она сразу поняла, что эта девушка ехала в Ростов с определенной целью и специально назвалась ее именем. Она знала, рано или поздно они найдут настоящую Азбуку, та вспомнит о попутчице с яркой внешностью, и... получат очередной щелчок по носу.

Неужели снова тупик? – испугалась Инна.

- Мариночка, эта девушка из поезда что-то рассказывала о себе? – спросил Петюня, не терявший надежды отыскать странную особу.

Азбука призадумалась.

- Как ни странно, почти ничего. Я только сейчас это поняла. Она больше выпытывала сведения обо мне. А я, как идиотка, всё ей выложила. Знаете, в дороге принимаешь попутчика за священника, к которому пришел на исповедь. А Инна была внимательной слушательницей...

- Но, может, обронила фразу о том, где она учится или работает?

- Мне показалось, что она тоже, как и мы, студентка медицинского института. Только у специалистов вырываются профессиональные фразы.

- Что-то конкретное не вспомните?

-... Извините, но не вспомню. Я находилась под впечатлением от встречи с будущей свекровью, которая устроила мне настоящий экзамен, и мне хотелось с кем-то поделиться наболевшим. Когда мой жених выходил на перекур, я ей жаловалась, а когда он возвращался, я рассказывала о Екатеринбурге, об учебе в институте, о будущей свадьбе.

- А когда свадьба? – улыбнулся Забубенчиков, поддаваясь ее очаровательной женственности и счастливому ожиданию скорого бракосочетания.

- В сентябре, - зарделась девушка.

Инка плыла на своей волне, и радости не разделяла, потому и влезла со своим вопросом.

- А в Екатеринбурге у тебя родители живут?

- Только тетка. Родителей давно нет. Меня тетка воспитала.

- Все сходится. И приехала ты сюда из-за тамошнего климата.

- Да. А откуда вы знаете? – Марина переводила взгляд с одного гостя на другого, не понимая, откуда такая осведомленность о ее личной жизни.

- Нам та девушка рассказала, которая назвалась твоим именем.

- Зачем ей это нужно?

- Кое-кто мог позвонить в мединститут и проверить, учится у них девушка Марина Азбука или нет, - сказала Инна, которая знала о закрытости и недоверии Олева. Особенно после случая в Волгодонске. Он не мог привести в дом Быстровых непроверенную личность...

Молодые люди вышли из общежития и пошли по Пушкинской улице, стараясь держаться в тени.

- Инн, не расстраивайся, – попытался успокоить ее Петюня. – Мы знаем, что она ехала из Киева, и что имеет отношение к медицине.

- Может, она следы заметала. А на самом деле живет в... Москве. Села в самолет, долетела до Киева, потом в поезд... - вздохнула Быстрова.

- А если предположить, что лже-Марина украинка?
- И что из этого? Помчимся в Киев и станем искать ее в местном меде?
- Почему бы не попытаться?
- Она слишком хитра, чтобы оставлять хоты бы малейшую зацепку.
- Ты так уверенно говоришь, будто хорошо ее знаешь.
- Наверное, знаю, раз она пытается мне мстить, - с отчаянием в голосе заявила Инна.
- У меня появилась одна идея, - придушенным шепотом сообщил Забубенчиков, словно боялся, что их подслушают.
- Не томи, - попросила девушка, уставшая от разговоров, хождений и безрезультатных поисков.
- Ты никогда не замечала, что в речи украинцев слышен едва уловимый акцент. Они русские слова произносят не так, как мы. Вот я сразу узнаю их по говору.
- И где ты слышал... их говор?
- По телевизору, когда смотрю новости из Украины или фильмы с участием их актеров.
- Допустим, и в чем суть?
- Я сейчас вернусь к Марине и спрошу, слышал она украинский акцент у попутчицы или нет.
- Я сама с ней разговаривала и никаких речевых отклонений не заметила.
- Эта девушка при тебе была собранной и контролировала каждое слово, а в поезде могла расслабиться и проговориться.
- Ну, спроси. На всякий случай. Спрос не ударит в нос, - вспомнила она еще одну фразу отца. Настоящего отца - Геннадия Вишнева.

За этим воспоминанием потянулось другое. Про врага, которого он знает в лицо, а тот об этом не догадывается. У Инки все иначе...

Но почему?! Почему эта девушка так ее ненавидит?..

Или все тянется из прошлого Марго и связано с тем пресловутым кольцом? Родные погибшего немца откуда-то узнали, что у нас этого кольца больше нет, и мстят за то, что не могут вернуть себе? Полный бред! Они могли прийти к нам и спокойно поговорить. Мы вернули им вырученные с продажи деньги и вывели на покупателя, который, скорее всего, давно его перепродал сумасшедшему коллекционеру и срубил неплохой куш. Но при большом желании концы всегда можно найти.

Если «правосудие» вершат потомки погибшего германца, как называла его Марго, то в их речи должен быть немецкий акцент, а не украинский.

И что теперь делать? Объявить в розыск человека с фамилией Бергман, который или которая является прапра... и еще раз пра... внуком, внучкой Алоиса Бергмана, сложившего голову на полях Первой Мировой войны?

Ага, так они и живут под настоящей фамилией... Сначала взяли себе фамилию Азбука, затем еще какую-нибудь, например, Лебедев-Кумач. Проникнулись его творчеством, прослушав впечатляющее творение «Священная война», и решили «породниться».

А потом нападут на меня. Без объявления войны.

И чего хотят добиться, кроме того, чтобы вернуть себе утраченную семейную реликвию? Бровь за бровь, глаз за глаз? Потому меня поставили в известность по телефону голосом диктора с вокзала, что счет 2:1. В мою пользу. Но это пока. Их один предок против двух моих знакомых? Кого они имели в виду? Макара Грозного и Ленчика, чуть не умершего от инфаркта? Или Макара и Ефима, который получит срок за убийство, что равносильно уходу из нормальной жизни на долгое время и разлучению со мной? Лже-Марина быстро догадалась, что Ефим ко мне не равнодушен, как поняла, что он мне тоже небезразличен. Она готова была расправиться с Олевым, но поначалу запуталась между ним и Грозным, о существовании которого поначалу не догадывалась. Да, и откуда ей про него знать, ежели я сама о нем забываю на несколько месяцев. Девушка решила,

что Макар призван в назидание Ефиму, но затем увидела наши дружеские объятия и не разобралась в ситуации. Она подумала, будто я работаю на два фронта: кручу любовь с молодым красавцем, а влюбленного мужчину держу на коротком поводке. На всякий случай, вдруг с первым ничего не выйдет...

Размышления Инны прервал вернувшийся Петюня, который безрадостно сообщил, что речь попутчицы была истинно русской, без вкраплений хохляцкого «шо» и «дивись», на которые он так рассчитывал. Даже легкого искажения русских слов не было, как не было грубого «г», свойственно украинцам и жителям южных районов России.

Дома Инна застала перепуганную Нику Федоровну, которая полчаса назад вернулась от Катюши.

Когда женщина открыла дверь своим ключом и переступила порог, то услышала в комнате Инны шорох и шаги. Шипова, отличающаяся отличным слухом, решила, что девушка вернулась раньше нее, окликнула и предупредила, что сейчас они будут обедать. Зашла в ванную вымыть руки. И уже отключив воду, отчетливо расслышала, как захлопнулась входная дверь. Она вышла и проследовала в комнату Инны, желая убедиться, что та, действительно, ушла, не предупредив. Дверца шкафа-купе была сдвинута, рядом сидел Бэзил и с интересом изучал разложенные на полках вещи хозяйки. Ника Федоровна шикнула на него, решив, что кот «хулиганит». У животных, как и у людей, бывают вредные привычки. Бэзил не был исключением, он любил запрыгнуть в шкаф, растянуться на вещах, как на мягкой перине и сладко спать. Но для этого ему нужно всего ничего - чтобы рассеянная Инка забыла прикрыть дверцу. Быстрова знала о любви кота к ее шкафу, после посещения которого все ее вещи были в кошачьей шерсти, а иногда на свитерах были заметна работа когтей, поэтому задвигала дверцу до упора, не оставляя даже маленькой лазейки, в которую умный кот может просунуть лапу и освободить себе проход.

Сначала Шипова подумала о забывчивости девушки, но быстро убедилась в обратном: из письменного стола были вывалены стопки толстых тетрадей, рядом валялись ручки, карандаши, обрывки бумаг. У окна стоял высокий шкаф-пенал с книгами, содержимое которого тоже перекечовало на пол. Ника Федоровна заглянула в шкаф с разложенной на полках одеждой, сохранившую былую аккуратность. Сдвинула другую створку в сторону, оценила вешалки с платьями, опустила глаза на коробки с обувью, громоздившиеся друг на друге. Все сохранилось в идеальном порядке.

Женщина подошла к столу, выдвинула верхний ящик, в котором Инна держала большую шкатулку с украшениями. Она была пуста. Вор прихватил не только несколько золотых украшений, но не побрезговал серебром, включая любимую цепочку Быстровой, подаренную Катюшей. Шипова растерялась, не зная, что предпринять: звонить в милицию, звонить Леониду или дожидаться Инну, которая может объяснить, куда подевались ее украшения. Может, именно, ее шаги слышала женщина. Девушка пришла домой, взяла все ценности и ушла, не желая встречаться с Никой и объяснять причины своего поведения.

Она могла пойти в ломбард, чтобы сдать ювелирные изделия и получить деньги, - сделала логический вывод женщина. – А деньги ей нужны, чтобы оплатить услуги адвоката. Инна считает себя косвенно виновной в случившейся трагедии и хочет возполнить вину таким способом. Но много ли она выручит? Хороший адвокат стоит немалых денег.

Шипова опустилась на стул, к ней на колени сразу запрыгнул Бэзил и стал успокаивающе мурлыкать, переставляя лапки и упираясь головой в ее живот. Ника Федоровна задумчиво водила рукой по его спине, уставившись в одну точку – на пустую шкатулку, стоявшую на столе.

Когда в замке зашурделили в руках ключом и раздался голос Инны, женщина вместе с котом вышла в прихожую.

- Здравствуйте Вам, - заявила девушка, недоуменно уставившись на парочку, выглядевшую взъерошенной и испуганной. – Почему дверь не закрыта?

- Инночка, мне кажется, нас... обокрали, - пролепетала Ника, поворачивая голову в сторону комнаты Быстровой.

Инна вмиг скинула босоножки и влетела к себе, одним взглядом оценив раскардаш. На шкапу она не обратила внимания, сосредоточившись на одежном шкафу, где в коробке из-под обуви лежал талисман, а на самой верхней полке хранилась дерматиновая сумка, упакованная в хлопчатобумажный пестрый мешочек, сшитый руками школьницы Быстровой еще на уроках труда. В сумке лежала еще одна вещь из прошлой счастливой жизни – фотография двух пятилетних девочек.

Сначала она открыла коробку и с облегчением вздохнула – медведь лежал на спине и приветливо ей улыбался. Потом взгромоздилась на стул и проверила содержимое мешочка. Сумка Ефимии с фотографией была на месте. Шипова наблюдала за ее розысками и удивленно заметила.

- Кому нужна старая ветхая сумка и облезлый медведь?

- Вот и я думаю, кому они нужны, кроме меня, - устало улыбнулась Быстрова, слезая со стула. – Другая бы сокрушалась о пропаже драгоценностей, а мне, хоть бы хны! Мне дороже вещи из прошлой жизни.

- Совсем не жаль?

- Только цепочку, что подарила Катюша. Да, и то потому, что она расстроится. Без побрякушек можно прожить, а вот без дорогих тебе людей, едва ли... - девушка неожиданно разоткровенничалась, - но я учусь изображать радость. И будто бы получается, но это все напускное. Иногда так хочется сеть на руки к отцу, к своему родному отцу, обнять его за шею и потереться лбом о щетинистую щеку. Или взять маму за руку и идти так долго-долго... И все время забегать вперед и заглядывать в глаза, чтобы прочесть в них признание в любви. В теплой любви, как пуховый платок, который греет тебя даже тогда, когда мамы рядом нет.

По щекам Инны ручьем полились слезы. Она смахивала ладонью успевшие добежать до подбородка, но большая часть падала на светлый сарафан, оставляя на нем темные отметины.

- Девочка моя, - запричитала Ника Федоровна, скидывая с рук кота и прижимая к себе Инну. – Я знаю, как тебе тяжело, но мы с Ленчиком делаем все, чтобы помочь тебе справиться с болью. Не вылечится, эта болезнь неизлечима, а поддержать тебя своей любовью. Ты знаешь, как мы любим тебя. Ты нам очень дорога.

Женщина расплакалась. За этим горестным занятием их застал Ленчик.

- Эт-то что такое?! – излишне бодрым голосом, пронизанным фальшью, спросил он. – Еще не все потеряно, мы будем биться за Фиму и сделаем все, чтобы доказать его невиновность.

- Ленечка, нас обокрали, - всхлинула Шипова, умело скрывая истинную причину вселенского плача.

- И что пропало? – поинтересовался он совершенно спокойно, словно из их квартиры ежедневно пропадают ценности, и все к этому привыкли.

- Все мои украшения, - прогундосила дочь. – И Катюшина цепочка.

- Значит, и цепочка, - покачал головой отец.

- Угу, - сказала она и шмыгнула носом.

- А это что? – Ленчик подошел к дочери, зацепил пальцем цепь, висящую на шее, и приподнял ее и потряс перед ее носом, чтобы она могла убедиться в ее наличии.

- Ой, цепочка моя любимая, - протянула девушка, улыбаясь сквозь невысохшие слезы. – А я и забыла про нее.
- И я дура старая, смотрю на тебя и не замечаю, - обрадовалась Ника.
Быстров взял дочь за руки, проверил пальцы, намекая, что та могла забыть о кольцах, но на них ничего не было.
- Пропали кольца. – заключил он. – Что еще?
- Серьги с бирюзой, - задумчиво сказала Инка, проверила уши и констатировала, - точно с бирюзой и еще сережки- колечки такое маленькие, ты мне на шестнадцатилетие подарил.
- Комплект с бирюзой, и два колечка с феонитами. – подсказала Шипова.
- И еще кое-что из серебра, - добавила дочь.
- Надо в милицию сообщить, - напомнила Ника Федоровна.
- Не надо! – упрямо заявила Инна. – Все равно их никто не найдет.
- Я еще у Катюши проверю, - опомнилась женщина и собралась идти в спальню Ленчика, но была им остановлена.
- Не утруждайтесь, все ценные вещи Катя так прячет, что сама забывает, куда сунула. Я и дочери много раз говорил, чтобы не держала украшения на виду, но она разве слушает.
- На виду всегда надежнее, - вставила непослушная дочь.
- Вот тебе и надежнее, - хмыкнул отец. – Но на всякий случай пойду, проверю Катюшину записочку.
Вскоре он вернулся и успокоил дам.
- Все на месте!
- Вор не успел нас обчистить, я его спугнула. – Шипова рассказала о своем возвращении домой.
- А дверь была заперта?
- Заперта. Ничего странного я не заметила, замок открылся легко.
- То есть у вора были ключи, - подытожила Инна.
- Или он воспользовался отмычкой.- Ленчик снова исчез и стал колдовать с замком на входной двери. – Я не самый большой специалист, не могу утверждать, но кажется... дверь открыли ключом.
- Инна тут же вспомнила о разговоре со Светой и повернулась к Шиповой.
- Ника Федоровна, вы находили у Ефима второй экземпляр ключей?
- То-то и оно, что пыталась найти, чтобы забрать с собой, но не нашла. Как в воду канули.
- А дверь была заперта на два замка?
- На два. И опечатана. Но я бумажку разорвала и зашла. Имею право, я там прописана! – с вызовом сказала женщина. – А то совсем ополоумела эта милиция, безвинного человека арестовывают, квартиру обыскивают, опечатывают, будто он уголовник какой... Опозорили на весь двор. На меня соседки смотрят, как на прокаженную.
- Ну, Вы им и высказали... свое мнение, - догадался Леонид.
- И высказала! Нечего моего мальчика считать убийцей!
- Следствие разберется, - без уверенности произнес Быстров.
- А мы будем сидеть, сложа руки, и ждать с моря погоды? – возмутилась дочь.
- Зря ты так думаешь. Я, сложа руки, не сижу, а пытаюсь найти объяснение появлению в квартире Грозного улики против Фимы.
- И чего накопал? – сбавила обороты Инка.
- В СИЗО меня, естественно, не пустили, но я поручил адвокату задать Олеву несколько вопросов. Сначала про туфли. Фимка купил их в субботу и впервые обул в воскресенье, когда шел к нам в гости. Сильно растер пятку и с тех пор не носил. В понедельник натянул старые разношенные сандалии, потому как больше ничего обуть не мог. А туфли аккуратно сложил в коробку и засунул в шкаф.

- Скорее всего, эта коробка лежала с краю, кто-то проник в квартиру и взял первую попавшуюся под руку пару обуви. – догадалась Инна.

- Теперь, что касается карточки на оплату сотового телефона. Олев карточки не хранил, пополнял счет и выбрасывал. Оставил себе одну, которую нашли в квартире Грозного. Он ее задействовал на прошлой неделе, в тот же день купил книгу, желая скоротать медленно текущее время: у него вне стен агентства была назначена встреча с клиентом, а Фима не рассчитал и приехал раньше времени, боялся опоздать, он всегда отличается пунктуальностью. Когда клиент прибыл, Олев по инерции засунул в книгу в качестве закладки карточку, до этого оставленную на панели автомобиля.

Инна мысленно окрестила Светлану медиумом и стала слушать дальше.

- А стакан? – нерешительно спросила Ника.

- В деле есть фотография этой улики, по моей просьбе адвокат переснял ее и показал мне. Я берусь утверждать, что стакан принадлежит Ефиму. В количестве шести штук их ему подарила Инна на двадцать третье февраля.

- Я помню эти стаканы, - протянула девушка, - они высокие и с овальными четырьмя гранями. Надо поехать к Олеву и убедиться, что одного стакана не хватает.

- Думаю, человек, провернувший это дело, не олух, чтобы оставлять такую улику. Он вернул туфли и прихватил оставшиеся пять стаканов. Кто теперь докажет, что тот, шестой, найденный в квартире Грозного, из набора Фимы, а на месте преступления он оказался благодаря заботам настоящего убийцы.

- Я все равно проверю! – встряла Шипова. – И милицию вызову, пусть ищут украшения нашей девочки.

- Ваше право, - милостиво разрешил Ленчик.

- А пока они приедут... - начала Инна, которой не терпелось рассказать о своем расследовании, но была перебита отцом.

- Пока они приедут, мы состаримся.

- Откуда такое неуважение к нашей доблестной милиции?

- Сегодня появилось, - вздохнул он. – Я разговаривал со следователем, он заявил, что подозреваемый в убийстве Макара Грозного найден, преступление раскрыто по горячим следам и скоро будет передано в суд. А новые подробности в этом деле, которые я пытаюсь навязать, могу оставить при себе.

- И... ничего нельзя изменить?.. Ведь, Фиму никто не видел у дома Макара, - забеспокоилась девушка.

- Будем пытаться. В одном я уверен – Макар знал этого человека, иначе бы просто так в квартиру не впустил и не повернулся к нему спиной.

- Ленчик, я знаю, кто убил Грозного и подставил Ефима, - уверенно заявила Быстрова.

- погоди, не рассказывай, - раздался издали голос Ники Федоровны. Почти сразу она нарисовалась на пороге и милостиво позволила продолжать.

Инна начала с Петюни, который в прошедшее воскресенье следил за Мариной и Макаром. Рассказала про то, как девушка зашла в подъезд дома, а затем незаметно вышла. А Петька случайно это заметил, следуя за Грозным. Потом перешла на посещение мединститута и последовавшим за ним посещением общежития. И, наконец, выдала собственные выводы.

- Я думаю, лже-Марина отбилась еще в Волгодонске. Это она выкрала из морга тело женщины, погибшей в нашей квартире. Настоящая Марина Азбука говорит, что употребление в речи попутчицы специфических медицинских терминов натолкнуло ее на мысль, что та имеет отношение к медицине. А мы еще удивлялись, откуда у секретарши такие глубокие познания в фармакологии. От этой авантюристки, которая ей приходится то ли дочерью, то ли еще какой-то близкой родственницей... - Инна остановилась. Какое-

то открытие замаячило впереди миражом, но пока не явилось четким объектом-подсказкой.

- Мне кажется, что эта авантюристка является жительницей Киева, - поделилась своими мыслями Шипова.

- Я сам из Киева, - подхватился Быстров. – Неужели все события последних лет тянутся из прошлого?

- Подождите, - перебила всех Инка. – Я все маюсь, маюсь... Думаю, что меня удивило в тот день, а сейчас поняла... Мы были с Макаром в кухне, когда зашла эта... Марина. Она сказала, что они лишние с Макаром, я пыталась ее разубедить, - медленно восстанавливала она в памяти обрывки разговора. – И еще она сказала, что... хотела дать Кате таблетку, чтобы снять боль, но Катя наотрез отказалась. Я еще поддержала решение нашей Катюши - таблетки беременным пить вредно. А у Марины лицо было недовольным, а глаза сделались злющие-презлющие, даже голос вибрировал от гнева, как у людей, которые ненавидят, когда их планам не суждено осуществиться. Я тогда не обратила внимания, была вся в переживаниях...

- Дочь, ты думаешь, эта девушка хотела дать Катеньке какую-то отраву?

- Если не ей, то кому-нибудь из нас. Для этого и пришла. Но подходящего случая не представилось до тех пор, пока у Катерины не начались схватки. Такая удача! Все взбудоражены и плохо соображают. Откуда ей знать, что наша роженица сама врач. Если Марина прибыла в Ростов в мае и посвятила все время изучению нашего расписания и круга нашего знакомства, то можно удивиться ее промашке...

- Катя уже была в декрете и на работу не ходила, - подсказал Ленчик. – Не будет же Марина ходить и спрашивать в соседей: «А эта беременная женщина, кто по профессии?»

- Или она приехала, убедилась, что мы живем в этом городе и укатила домой. Может, она студентка меда, как настоящая Азбука, и не хочет пропускать занятия.

- Домой – это в Киев? – спросила Ника.

- Хоть, убейте меня, но я не верю, что она из Киева! – разозлилась Инна.

- Я все-таки съезжу в мединститут, наведу справки, вдруг злоумышленница имеет к нему отношение.

- И будешь описывать ее на словах?

- Составлю фоторобот, – пораскинув мозгами, заявил Быстров. – Но это всё после того, как заберу жену и сына из родильного дома.

- Но кто же проник в нашу квартиру? – не унималась Ника Федоровна.

- Марина и проникла! – безопеляционно произнесла владелица похищенных украшений.

- Но зачем ей красть эти безделушки?

- У меня есть версия, – настороженно сказала Инна, будто сама сомневалась в созревшем в голове открытии. – Сегодняшний день посвящен разговорам о ювелирных украшениях. Неожиданно я вспомнила о кольце Марго, которое ей передал ее отец. Вырученные с его продажи деньги послужили начальным капиталом для открытия собственного бизнеса. Но кто, кроме нас, об этом знал? Никто! О существовании старинного кольца знали многие, о том, что Марго подарила его нам, кое-кто был осведомлен, но мало кто посвящен в дальнейшую судьбу кольца. Могу предположить, что многие считают, что мы не смогли расстаться с подарком бабушки, а оставили его себе на память. Следовательно, чужая вещь до сих пор хранится в нашем доме. А вдруг потомкам убитого немца захотелось вернуть себе семейную реликвию? Сложно, но при желании возможно проследить за переходом старинного кольца из одних рук в другие. К этим потомкам относится и лже-Марина. Или ее элементарно наняли для выполнения секретной миссии. Бергманы знали, как выглядит это кольцо, передавали историю из поколения в поколения, смакуя подробности и описывая изящество кольца. Так увлеклись, что

позабыли, какое оно на самом деле. Вор пробрался в наш дом и прихватил все безделушки, что попались на глаза.

- Ты не права. Старинное кольцо, имеющее не так материальную, как историческую ценность, отличить от современной штамповки достаточно просто даже неспециалисту. – возразил отец. - И моя версия в корне отличается от твоей – его цель была иной, а побрякушки он прихватил для отвода глаз. – Он не стал напоминать, что поиски кольца невозможно связать с явно разработанным заранее планом мести всей семье Быстровых, включая друзей и знакомых.

- Нет, нет, и нет! – заупрямилась Инна. - У вора просто не было времени, он сгреб все из шкапулки, надеясь, что нужная вещь находится среди украшений, и на всякий случай стал искать дальше. Думал, найти что-нибудь интересненькое в шкафу, но неожиданно вернулась Ника Федоровна, и ему пришлось смыться. Скорее, ей, - поправилась Инна.

- Вместе с нашими ключами, - напомнила женщина, - теперь придется менять замки.

- И не только у нас, но и в квартире Олева, чтобы она не ходила туда, как к себе домой. – поддержал ее Быстров. – Да, забыл сказать, Катю с Ванькой завтра выписывают! Она мне позвонила, когда я к подъезду подходил.

- Он забыл сказать! – возмутилась неоправданной забывчивости Ника Федоровна. – Боже мой, у нас дел невпроворот, а тут еще милиция приедет и начнет нас вопросами мучить!

- Интересно, кто ее вызвал? – перешла на трагический шепот Инна...

Полночи они выдраивали и без того стерильную квартиру и готовились к встрече нового жильца.

С утра пораньше Ника Федоровна слетала на квартиру Олева и обыскала все шкафы. Как предполагал Леонид, стаканы, которые хозяйину подарила Инна, бесследно исчезли.

Быстрова в это время тщательно гладила пеленки и кукольные костюмчики с шапочками. В ее душе был сумбур, состоящий из противоположных чувств, набегающих друг на друга. С одной стороны она тревожилась о Фиме, с другой - была рада за Ленчика, обрешшего настоящую семью. Наконец, появился человечек, который вскоре назовет его папой. Милым добрым ласковым словом «папа». А она не смогла. Почему? Человек дал тебе вторую жизнь, искренне любит, заботится, понимает. Что еще нужно?

Ответ прост: Инна боится предать память родителей.

Есть Ленчик – близкий родной человек. Он ей, как отец. Но не отец. Хотя, ближе него у Инны никого нет. И Фима, и Ника Федоровна, и Катя, все стоят на следующей ступени, позади Быстрова.

Но враг-язык не поворачивается назвать его... папой. Когда она произносит это слово про себя, перед глазами сразу встает Геннадий Вишнев. Он копает ямку для саженца, рядом стоит Инна... Инесса, его пятилетняя дочь, аккуратно держит непосаженое пока деревце за тонкий ствол и счастливо улыбается.

Она никогда не думала, что обычный апрельский день в Припяти станет самым незабываемым в ее жизни. Был и еще один. Когда они с Ефимией катались на санках. Дочь и отец. Дочь и мать. Мать и отец. Без нее. А она без них.

Пугачева поет про три счастливых дня, а у Инны их было два. А вся остальная жизнь – это сон воспоминаний с редкими пробуждениями...

Инна снова выпала из действительности, а когда вернулась, заметила, как водит в сотый раз по все той же цветной пеленке.

- Хорошо, что есть возможность сделать это для брата. Для своего ребенка мне гладить пеленки не придется, – грустно высказалась она вслух.

Хлопнула входная дверь, Вернулась Шипова, заявившая с порога, что нужных стаканов в квартире Фимы нет. Она окинула взглядом стопки выглаженного белья, похвалила труженицу и отправилась в кухню, где сразу зашумела вода, что-то загремело,

заскворчало. Инка отнесла пеленки и костюмчики в спальню Ленчика, где для малыша было отведен свой уголок: стояла красивая белая кровать, столик для пеленания и шкаф для вещей, которых у новорожденного было огромное количество. Вся мебель была куплена заранее, но стояла разобранной в комнате Ники Федоровны, прозванной ее мебельным салоном.

Быстрова бережно разложила белье по полочкам. В дверях появилась Шипова.

- Инночка, в котором часу вы поедите с Ленечкой за Катюшей и Ванечкой?
- Он заедет за мной в час дня.
- У нас есть еще пару часов.
- Вам помочь?
- Сама справлюсь, а ты пока отдохни.
- Я не устала.
- Я так и поняла, - вздохнула Ника. – Глаза ввалились, сама бледная... Иди, моя девочка, ложись и поспи.
- Не хочу, - без особой настойчивости сказала Инна и зевнула так, что едва не вывихнула челюсть.

Женщина ласково подтолкнула ее в спину.

- Иди, говорю! А то заснешь по дороге...

Ее разбудили придушенные переговоры за дверью.

- Не надо ее будить, - произнес недовольно Леонид. – Пусть спит.
- Но она обидится, если ты не возьмешь ее с собой, - урезонивала его Ника Федоровна. – Ленечка, с девочкой надо обращаться осторожно. На нее сейчас столько навалилось – и арест Фимы, и... - она замялась и потупила взгляд.
- Ну, продолжайте, почему Вы замолчали... Я и так знаю, что должно последовать за этим «и». Рождение малыша. Вы считаете, что МОЯ ДОЧЬ не рада его появлению?

Шепот стал медленно переходить на более высокие тона, которые были отчетливо слышны через закрытую дверь. Быстрова всегда раздражали намеки на то, что Инна ему неродная дочь.

- Я давно не сплю и все слышу! – достаточно громко заявила она, желая положить конец неприятному диалогу, который способен выстроить стену молчания между домочадцами.

Дверь тут же распахнулась, и в проеме показались две совершенно счастливые физиономии. В доказательство всеобщего братства, Ленчик обнял низкорослую Нику за плечи, а она его за талию.

Быстрова мысленно заметила, что отец стал излишне раздражителен в последнее время. И как не пытается это скрыть, временами необъяснимое недовольство выпирает наружу подобно кобре, подстрекаемой к появлению факиром, издающим звуки на дудочке. Интересно, кто играет роль факира-подстрекателя? – подумала девушка. – Усталость... или кто-то из нас с Никой Федоровной? Ему надоел семейный бедлам. Это раньше он был одинок и нуждался во мне и Шиповой, теперь всё иначе. К тому же я его раздражаю своей настойчивостью и частыми выпадениями из действительности, а Ника Федоровна – своей несдержанностью и желанием стать главным советчиком. Ленчик хочет прийти домой и видеть родные лица. А не удочеренное создание, способное позаботиться о себе, и постороннюю женщину, лезущую с вопросами и предложениями.

Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила иначе взглянуть на ситуацию и на отношение названного отца к приемной дочери.

Может, я всегда чувствовала фальшь, и поэтому не могла назвать Ленчика отцом, - резануло осмысление. – Но зачем ему, молодому в то время парню, забирать из детского дома радиоактивную девочку? Создавать фиктивный брак, бегать по инстанциям и собирать миллион справок, иногда анекдотичных, вплоть до той, что ты, товарищ Быстров, не верблюд, а нормальный человек с двумя ногами и здравомыслящей головой.

К чему все это? Ленчик мог спокойно жить и радоваться, встретить женщину, влюбиться, жениться, обзавестись потомством. А он... приютил меня и приобрел огромное количество проблем? – Инка всмотрелась в лицо отца, выискивая в нем подсказку своей родившейся убийственной теории. Или опровержение. Лицо было, как обычно, добродушным, слегка лукавым и усталым. – Эка, меня занесло в чашу с ужасными придумками. Не иначе привиделся страшный сон, про который я забыла, а вылилось все в пренеприятные рассуждения.

- Иннуся, возвращайся к нам! – Быстров взял ее за руки и потянул с кровати. – Пора, мой друг, пора!

Сейчас это был обычный Ленчик, дорогой талисмЭн.

По дороге в роддом Инна пыталась очистить голову от случайно забредших выводов, и ей это удалось.

Но через несколько дней она снова вернулась в бухту странных предположений...

Инна проснулась, послушала тишину квартиры, которая последнее время не была частой гостьей. Ванька оказался любителем привлечь к себе внимание окружающих. Он спал короткими урывками, остальное время предпочитал находиться на руках. На отлынивание от обязанностей носильщика, он реагировал быстро и остро – кричал так, что слышали не только соседи по дому, но и прилегающие окрестности. Поэтому был прозван оратором. Четверо взрослых четко распределили время ношения, хотя, Ленчик считал, что сын таким образом самоутверждается. Ника и Катя склонялись к болям в животике, а Инка, особо не затрудняясь в строительстве догадок, молча, ходила по комнатам с братом на руках и пела песни. С чувством и вдохновением. В эти минуты она забывала о проблемах за дверями их квартиры, внутри которой царил расслабляющий хаос.

Особенно Ванюшке нравилась песня «про айсберг», вырастающий из тумана ледяной горою. Трехнедельный младенец внимательно следил за двигающимися губами сестры и морщился в тот момент, когда она выводила: «А я про все на свете с тобою забываю»... Что было истинной правдой. Репертуар начинающей вокалистки был скуден и ограничивался пятью песнями. На втором месте по заинтересованности у Ивана стояла песня о том, что «между прошлым и будущим есть только миг», который без преувеличения можно назвать жизнью. Инна с удовольствием напевала ее, вспоминая фильм «Земля Санникова», где голосом Олега Анофриева пел его тезка Олег Даль. Пением Инна успокаивала ребенка и доказывала себе, что прошлое медленно покидает ее, существующее настоящее благотворно влияет на ее нервную систему, несмотря на крикливого младенца, а будущее не грозит появлением неприятностей, напротив, существующие проблемы, счастливо разрешатся. Следствие разберется, найдет истинного виновника, Фиму выпустят, он признается в своих чувствах, и жизнь вступит в новую фазу, названную двумя короткими словами «мир» и «покой». Ей новая фаза представлялось в виде другой планеты, на которой живут только родные люди. Увы, не все. Некоторые, как Ефимия, Геннадий и Марго поселились в этой же галактике, но на другой планете. Они не могут навестить Инну, но подают сигналы. Этими сигналами они стараются предупредить об опасности, о беде. А то живешь, и не знаешь, кто поджидает тебя за углом? И что у этого человека в руках? Кувалда, хлебный каравай или таблетка от всех болезней, приняв которую ты, действительно, разом освободишься от переживаний.

Ванька открыл широко рот и завопил.

- Спасибо, - поблагодарила его Инна за возвращение с другой планеты, где пока не всё мирно и гладко, на землю. – И почему такое нетерпение? Вокалисту нужен отдых! – Малыш так не считал и еще громче закричал. – Хорошо, хорошо, - успокоила его девушка, - антракт закончен, переходим ко второму отделению нашего концерта...

Блаженство от тишины и воспоминаний вчерашнего дня сменились беспокойством.

- А почему у нас так непривычно тихо? – задалась Быстрова вопросом и взглянула на часы. – Семь! – удивленно констатировала она и обратилась к самой себе. – И почему Вы, гражданочка, проснулись ни свет, ни заря, когда можно покемарить еще пару часиков до своего дежурства?

В это время Ленчик выступал в роли массовика-затейника. Он брал коляску, сына и выходил во двор. Июльская жара дремала вместе с людьми, не спешащими на работу, и давала зеленый свет трудоголикам.

Быстров «выгуливал» Ваньку с шести тридцати до восьми тридцати, предоставляя супруге, уставшей от ночных хождений, возможность вздремнуть. Ровно в восемь тридцать во дворе появлялась Ника Федоровна, успевшая приготовить Леониду завтрак. Мужчина отправлялся домой и уже через двадцать минут появлялся снова, улюлюкал сыну, садился в автомобиль и отбывал в агентство, осиротевшее без еще одного отца-наставника ровно наполовину.

В это утро поначалу все шло, как обычно. Шипова сменила на посту Быстрова, тот позавтракал и спустился вниз. Коляска с Иваном стояла у скамейки, на которой сидел собаковод-любитель из соседнего подъезда и вел переговоры с вопящим младенцем, который не шел на уступки и заливался плачем. Рядом сидела такса и жалобно подвывала. Дуэт получился на славу, из распахнутых окон выглядывал народ, которого привлекло жалобное исполнение. Особо нетерпеливые начали давать советы, собаковод лишь отмахивался, не поднимая головы, сосредоточив внимание на Ванюшке.

Ленчик удивился отсутствию Ники Федоровны и своей тугоухости, благодаря которой не расслышал криков сына из кухни. Он подошел к коляске, вытащил уставшего от плача ребенка и стал баюкать его. Мальчик на отцовских руках сразу смолк и погрузился в безмятежный сон, устав от собственного крика.

- А где Ника? – шепотом спросил он у собаковеда.

- Она ушла, - без особых пояснений выдал мужчина и пожал плечами.

- Вот так взяла и ушла, - странно посмотрел на «уволенную няньку» Быстров.

- Сначала что-то сказала... этой с буклями, - вспомнил хозяин рыжей таксы, успокоившейся вслед за младенцем, и кивнул в сторону дома, где в это время находилась «эта с буклями».

- Лень, к Нике какой-то парнишка подходил, - раздался со второго этажа голос приятельницы Шиповой Алины Вячеславовны.

- Какой парнишка? - не понял Леня.

- Лет четырнадцати-пятнадцати, - пояснила она, - я его впервые видела.

- И что он ей сказал такого, что она бросила ребенка на... чужого дядю?

Чужой дядя насупился и попытался разъяснить ситуацию, но его заторможенность оказалась на руку Алине Вячеславовне.

- Ника крикнула мне и попросила спуститься и приглядеть за Ванюшей, но я только вышла из душа и не могла сразу выйти, поэтому кликнула Никаноровича. Он всегда с Милкой в это время во дворе крутится. Хотя, я ему сто раз говорила, двор – не место для выгула собак, есть...

- Пойдите, - перебил женщину Леонид, которому не было дела до того, где и с кем гуляет Никанорович. С кем стало понятно сразу, потому что такса, получившая прозвище Милка, обиженно тявкнула и зарычала. – Меня интересует, что Вам сказала Ника Федоровна перед тем, как уйти?

- Она сказала... Что же она сказала? – попыталась вспомнить женщина в буклях, стоявшая по разные стороны баррикад с собаководом-любителем, предпочитавшим прогулки с питомицей на детской дворовой площадке.

- Может, упоминала кого-то? – подсказывал Ленчик.

- Алька, у тебя память девичья, - встряла в разговор соседка с первого этажа, у которой было трое детей и пятеро внуков, имевших собственное жилье, но все время толкущееся в небольшой квартирке матери и бабушки, проживавшей на своих законных квадратных метрах вместе с мужем и свекровью с зашкаливающим возрастом.

- Да, девичья, - поджала губки одинокая Алина Вячеславовна, следившая за своей внешностью больше, чем за «светскими» дворовыми новостями.

- Лень, ваша Ника позвала эту... молодайку Альку, - эпитеты сыпались на буклированную голову женщины, как деньги и конфеты на пару новобрачных, - и заявила, что ее ждет один человек, чтобы назвать имя настоящего убийцы... Я из сказанного ничего не поняла, но передала тебе дословно.

- Спасибо, - монотонным голосом поблагодарил Быстров, все время покачивая спящего сына, который скоро мог заболеть морской болезнью.

- Она правильно все пересказала, - подтвердила Алина Вячеславовна, расставшись с амнезией. – Но я тоже ничего не поняла.

- Где уж тебе! – раздался голос с первого этажа. Любитель-собаковод усмехнулся в усы и подбадривающее кивнул Милке...

После первого пробуждения Инна заснула вновь. Проснулась, когда рядом с ней что-то положили. Оказывается, не что-то, а кого-то, а именно, Ваньку Быстрова собственной персоной, спящего и чмокающего.

- Который час? – сладко зевнула девушка и провела пальчиком по щечке брата.

- Почти девять, я на работу опаздываю, - пробубнил Ленчик, постукивая себя по карманам, словно пытался из них выбить причину своего замешательства.

- А где Ника Федоровна?

- Самому бы хотелось узнать, а потом высказать свое мнение о ее поведении.

- Не поняла, - протянула Инка, осторожно огибая малыша и поднимаясь с кровати.

Быстров разъяснил ситуацию, если это можно было назвать разъяснением.

- Ты только Катюше ничего не говори, - попросил он. – И никого не надо воспитывать, я сам во всем разберусь. Вечером. – Он махнул рукой и исчез.

- Ну, дела, - осуждающе покачала головой девушка, обложила брата подушками и пошла в ванную...

Сначала Инна злилась, потом строила догадки, куда могла пойти ответственная до сей поры женщина, затем волнение переполнило ее до краев. Но она делала вид, что жизнь прекрасна и удивительна. Удивляет и удивляет сюрпризами.

Катерине она сказала, что Шиповой понадобилось срочно в собес. Вроде бы, ей пенсию неправильно пересчитали. А почему так долго? Так всем неправильно пересчитали, образовалась очередь, как в Мавзолей. И каждому пенсионеру надо на пальцах все рассказать, показать...

Когда Катя вышла в магазин, Инна позвонила отцу.

- Ленчик, она до сих пор не вернулась, - доложила она.

- Ну, и черт с ней, - ляпнул Быстров, не задумываясь о последствиях. Все его мысли занимала работа, которая разрывала его на части.

Девушка опустила трубку на рычаг, сложила губы в трубочку и повертела ими с разные стороны.

- Это уже интересно, - пробубнила она, сидя у кровати Ванюшки, который сегодня перевыполнил план по плачу и вел себя сдержанно: изредка покряхтывал, подремывал и изучал мир. – Что же получается? Ленчик... избавился от женщины, которая ему надоела? Но он так разволновался, когда рассказывал мне об утреннем инциденте. И если все на самом деле так, как я думаю, то почему он рисковал своим сыном, брошенным на произвол. Или был уверен, что Ника попросит кого-то присмотреть за ним? Что и

произошло на самом деле. А может быть, Ленчик... виновен в смерти Грозного, Шипова узнала об этом, и... сразу исчезла.

Ванька показал ей язык. Инка ему в ответ.

- Думаешь, сестра страдает манией преследования? Кругом мерещатся враги?

Малыш в подтверждении закрыл глаза и заснул. В дверях появился Бэзил, покосился на кровать и уже собрался мяукнуть, как сразу сник, заметив кулак Инны.

- Только посмей, - прошептала она внушительным голосом. Встала и выпроводила кота из комнаты любовным подпихиванием ноги и закрыла дверь.

Бэзил негромко мяукнул, Инка представила его обиженную физиономию с распушенными бакенбардами и усмехнулась.

- Роль вожака перешла к младенцу, что весьма расстроило бывшего предводителя, - прошептала она.

Настоящий вожак стаи Быстровых крепко спал, сжав кулачки, прижатые к подбородку.

Со мной явно что-то происходит, - мысленно вынесла диагноз девушка. – Я так напугана последними событиями, что повсюду вижу врагов. Даже среди близких людей. Ленчик не мог... Или мог? Он узнал адрес Грозного, он взял из дома Олева улики и пришел в дом Макара, чтобы...

Из прихожей послышался приглушенный звонок телефона. Инка обрадовалась звонку, оборвавшему неправильный ход ее мыслей. Да, неправильный!

Стоящий в спальне аппарат был давно отключен. Инна сорвалась с места и вмиг оказалась в прихожей.

- Алло, - настороженно сказала она, надеясь, что звонит образумившийся Ленчик для выражения раскаяния.

- Счет 2:2. Пока ничья. – произнес механический голос и отключился.

Быстрова покачнулась, но не упала. Повернула голову в сторону спальни, в которой безмятежно спал малыш, осторожно положила трубку на рычаг, будто она была хрустальная, и, прислонившись к стене, спросила у самой себя.

- Кого он имел в виду на этот раз?.. Если Фиму, то изменений в его несладкой жизни не предвидится до суда. И неизвестно, какой окончательный вердикт вынесет судья... А если Нику Федоровну, то... это наводит на страшные мысли. Враг осведомлен о материнских чувствах Шиповой к Олеву, сыграл на них и выманил со двора. И он знает, что с ней случилось потом.

Какие бы сомнения не одолевали Инку по поводу талисмЭна, обратиться за помощью, кроме него, было не к кому. Она снова взялась за телефон и рассказала отцу о звонке.

- Ты извини, девочка моя, - начал оправдываться он, - я был не прав...

- Извиняю, - шмыгнула носом Быстрова, позабыв про нехорошие предположения в его адрес.

- Я сейчас обзвоню все больницы.... И еще некоторые места, - заретушировал Леня «морги», оставив дочери искорку надежды, из которой может возгореться пламя уверенности. Или затухнуть в самом начале.

Искорка осталась искоркой, не затухла и не разгорелась. Но это был самообман.

Ники Федоровны в больницах и моргах не было, что оставило в душе надежду.

Вечером Лене пришлось все рассказать жене. Катя с Инной всплакнули, к ним присоединился Иван, пришлось женщинам заняться им.

Печаль и радость ходят рядом, взявшись за руки. Пусть печаль еще не осела в головах Быстровых, но она подступила в их дому так близко, что они чувствовали ее дыхание. Противостоять печали подруга-радость не могла, как не пыталась, перевести внимание на малыша. Он завоевывал интерес отца, матери и сестры, но ненадолго. Внимание прыгало от Ваньки к Шиповой, как воланчик в бадминтоне.

Через три дня у Быстрова приняли заявление об исчезновении Ники Федоровны. Все это время, Леня метался по больницам, проверял поступивших больных без документов и без сознания. Среди них Шиповой не было. Параллельно искал по приметам парнишку, с которым женщина разговаривала перед тем, как уйти.

Еще через пять дней, поведенных в кошмаре, позвонили из милиции. В районе станицы Старочеркасской, расположенной на берегу реки Дон, к берегу прибило тело женщины. Леонид поехал в морг на опознание. А когда вернулся, Инка получила ответы на вопросы: 1. Виновен ли отец в смерти Шиповой и Грозного? 2. Чье тело найдено в реке Дон? 3. Почему счет теперь 2:2?

Лицо Ленчика было серо-пепельным, под глазами залегли темные круги, седина победила рыжину. Он не хотел вдаваться в подробности, но женщины настояли.

- Ее оглушили и сбросили в воду, - сказал он, с трудом ворочая языком.

Катерина испугалась за мужа, стала мерить давление, делать уколы. В соседней комнате сидела Инна с Ванюшкой на руках. Она уже приняла решение, которое нуждалось в отсрочке.

Сначала пройдет суд над Ефимом Олевым, а потом...

Хмурым ноябрьским днем Быстровы вышли из суда. Ленчик прятал глаза от дочери, словно считал себя виновным за то, что не смог убедить судью в невиновности Олева. Инна тоже прятала глаза от отца. Она считала себя косвенно причастной к смерти Грозного и к осуждению Ефима.

Фима сидел за решеткой в зале суда и смотрел прямо перед собой, уставившись в одну точку. Инке показалось, что он мало понимает, что происходит. Человек устал бороться с несправедливостью.

Когда судья огласил приговор, мужчина вздрогнул, будто получил пулю в грудь, осмотрел зал, остановил взгляд на Инне, опустил глаза, снова поднял, задумался, будто пытался вспомнить, где ее видел. Но так и не вспомнил, потому отвел взгляд и безучастно уставился на судью.

- Я не понимаю, как прокурор мог заявить, что Фима осознанно хотел запутать следствие и выдать преднамеренное убийство за причинение смерти по неосторожности?! – возмутился Быстров, выводя автомобиль со стоянки у здания суда. – Как я надеялся, что мне удастся отыскать лже-Марину в Киеве. Измучил студентов, преподавателей и сотрудников местного мединститута, даже отправился на телевидение и сказал, что это моя родственница, пропавшая два месяца назад. Я отчаялся ее найти и обратился к средствам массовой информации. Они удивились, что я предъявляю фоторобот, а не нормальную фотографию, но я наплел, что все фотографии сгорели в доме, где случился пожар, а тело родственницы на пепелище не обнаружено. Из чего следует, что девушка жива, но могла потерять память от испуга или от шока. Телевизионщики пошли мне навстречу, показали фоторобот и попросили звонить всех, кто видел эту девушку. Но никто не откликнулся. Из чего следует, что она в Киеве не живет и не учится.

- Жаль, что всё в пустую. Если бы ты нашел эту убийцу, Фиму бы оправдали, - печально вздохнула Инна. – Ленчик, ну почему ему дали такой большой срок?

- По этой статье подозреваемому грозит от шести до пятнадцати. Олеву дали десять. Суд посчитал, что план убийства им был разработан заранее, значит, это преднамеренное убийство. Он приревновал свою невесту к Грозному, пришел к нему и убил его с особой жестокостью.

- Но откуда прокурор взял, что я невеста Ефима? Кто его снабдил такими сведениями?

- Скорее всего, соседки Макара пришли к этой мысли.

- И захотели засадить убийцу своего подопечного на большой срок? – девушка вспомнила, как на похоронах Макара все присутствующие косились на нее и

перешептывались. Даже Евдокия Анисимовна, которая при первой встрече отнеслась к ней уважительно, на приветствие не отреагировала, а вызывающе отвернулась. - Значит, им кто-то напел про мою связь с Олевым, потому и разительная перемена в отношении ко мне.

- Не обязательно. Что вижу, о том и пою, а что не вижу, то додумываю, - заметил Быстров. – Но еще не все потеряно. Адвокат будет подавать апелляцию...

Ростовский Областной суд в пересмотре дела Олеву Ефиму отказал...

В квартире Быстровых снова раздался телефонный звонок.

- Счет 2:3 в мою пользу. Мы квиты. – произнес все тот же механический голос.

Чтобы установить, откуда звонят, Ленчик пару дней назад установил телефон с определителем номера, но это не помогло – цифры не высветились. Он хотел поставить домашний телефон на «прослушку», но отказался от этой затеи: длительности разговора не хватило бы для установки места, откуда идет вызов.

Странное у него или у нее понятие о расчете, - подумала девушка. - И где вероятность, что его больные мозги вновь не переклинит, и ему не захочется увеличить разрыв в счете?

Принятое ранее решение окончательно укрепилось в мозгу Инны:

Я должна оставить остров укрытие, к которому меня прибило много лет назад, и уйти в свободное плавание. Ради сохранения самого острова и его обитателей...

Терпеть не могу, когда на меня оказывают давление! – мысленно возмутилась Быстрова не так прессовому нажиму, как своей сговорчивости.

Она перевела взгляд на подругу, глаза которой светились, как два непогашенных угля в заброшенном костре.

- Кира, я не хочу никуда идти, - промямлила Инна, уже осознавая, что ее кажущаяся неприступность вскоре рухнет от легкого дуновения.

- А ради меня? – убийственным голосом спросила Кира Руденко, нервно постукивая ухоженными пальчиками по столу. Отчего ложка, мирно лежащая на блюде, пришла в унисон с барабанной дробью.

- Ну, зачем я-то тебе нужна?! Сходи в театр со своим кавалером без третьего лишнего.

- Инн, я тебе битый час втолковываю, что Любомир придет не один, а с приятелем.

- Для меня расстарались? – без эмоций поинтересовалась девушка. Для вечера пятницы это было обычным состоянием.

Напряженная трудовая неделя логически подошла к долгожданным выходным, и Быстрова трепетала от одного понимания, что завтра не надо вскакивать по будильнику и бежать в адвокатскую контору «Профири», названную в честь ее владельца Андрея Павловича Профири, бывшего сокурсника Леонида Ивановича Быстрова. Специалист высшей категории в вопросах защиты граждан принял в свою адвокатскую семью дочь однокашника, когда та поступила на первый курс университета, на юридический факультет.

Мысли привычно перенеслись в прошлое, чтобы не слышать настойчивых уговоров подруги...

Десять лет назад Инна приехала в Волгоград, выбрав его по причине предстоящих поисков здесь одного человека, о чем ее просила перед смертью Марго. Этот город на Волге был не так далек от Ростова, где проживал беспокойный отец с семейством. Ленчик взял себе в обязанность ежемесячно посещать отбившуюся от клана дочь. Он держал руку на пульсе и быстро сообразил, что выбранная профессия Инну, мягко говоря, не устраивает. Она открыто скучала и отказывалась обсуждать поведение своих учеников, которым до химии не было никакого дела, как не старался молодой преподаватель. Излишне молодой и излишне терпеливый.

Быстров, как всегда, оправдал свою фамилию, заставил дочь написать заявление об уходе и сам отнес его директору школы. Дама с травленными волосами, в огромных очках, закрывающих пол-лица, и в гадко-коричневом костюме хотела «покачать права», но была остановлена на эмоциональном взлете серьезно настроенным папашей, которому не было дела, что на дворе начало четвертой четверти, а было дело до своей дочери, превратившейся в запуганного зверька.

В итоге он вышел из схватки победителем, в чем не сомневалась Инна, решившая устроиться в какой-нибудь НИИ на должность МНС и крапать кандидатскую диссертацию. Она даже установила себе срок: через два года, когда ей стукнет двадцать три, она станет кандидатом химических наук.

Надо учиться, учиться и учиться, чтобы заполнить все умственное пространство! – мысленно решила она. – Тогда плохие мысли не найдут укромного уголка и оставят меня в покое.

Она не преминула сразу поставить в известность отца. Они ужинали в ее съемной квартире, Ленчик внимательно выслушал дочь и промолчал. Инна догадалась, что в его голове медленно зреет антагонистическое предложение, время для озвучивания которого пока не пришло.

Всю ночь она копалась в себе, и так и не разобралась, что заметил в ней отец, и чего не заметила она.

Утром Быстровы позавтракали, Инка спустилась вниз вместе с Ленчиком, где на стоянке его поджидал джип, больше похожий на самоходку без артиллерийского снаряжения, на котором он быстро домчался из Ростова до Волгограда, когда уловил по телефону в голосе дочери тоскливые нотки.

Сказано, талисмЭн! Все знает, все понимает, все чувствует и предчувствует...

- Ленчик, забыла спросить, как там мой олимпийский мишка поживает?

- Нормально поживает, - усмехнулся отец, - спит все время в своей убогой однокомнатной халупе. Оно и понятно, старичок!

- Сам ты... старичок, - рассмеялась шутке девушка, хотя, слышала ее не впервой. Инку всегда веселило, когда кто-то еще считает ее талисмана одушевленным предметом, а не только она. И пусть это всего лишь игра со стороны отца, но игра, доставляющая удовольствие. – Ему всего-то... шестнадцать лет.

Она вспомнила, как ровно шестнадцать лет, в начале апреля, Минке Гранкиной на пятилетие подарили олимпийского медведя, который вызвал зависть у всех детишек...

- Если скучаешь, почему не забереешь его? Хочешь, в следующий раз привезу?

- Не хочу! – решительно заявила Инна, которая боролась с желанием снова иметь рядом талисмана для доверительных бесед. – Детство ушло, а вместе с ним и игры с медведями!

- Конечно, двадцать один год это не шутка, туда-сюда и пенсия.

- До которой ты, как любящий отец, обязан меня холить, лелеять, кормить и баловать.

- Естественно! - отчетливо выговорил он и добавил. – Если доживу...

- И думать не смей! – возмущенно выпалила она.

- Пока не погуляю на твоей свадьбе и не увижу внуков...

- И не докормлю ИХ до пенсии! – досказала за него дочь.

- Будем стараться? – отрапортовал Ленчик.

- Так-то лучше, улыбнулась она.

Отец расцеловал ее в обе щеки, приказал звонить и докладывать о жите-бытье, сел в машину и хотел захлопнуть дверцу, но Инна удержала ее.

- Ленчик, я хотела тебя спросить... - замялась она.

- О Фимке? – догадался он. Быстрова кивнула. – Недавно получил от него письмо из колонии... Пишет, что все хорошо, привыкает... Бред какой-то! Как можно к этому привыкнуть, тем более, когда ты знаешь, что мотаешь чужой срок.

- А мне Ефим не пишет, - вздохнула Инна. – Я ему три письма отправила, а ответа нет... Может, не дошло?

- Может, и не дошло, - согласился Леня.

- Или он мне писать не хочет. Наверное, винит меня во всем.

- Он себя винит за то, что во время следствия был, как в коматозном сне.

- Но Олев не признал себя виновным, значит, не смирился, не сломался. Хотя, думаю... на него воздействовали, чтобы выбить признание.

- Не без этого, - не стал углубляться Быстров. – Ладно, поеду я... А ты подумай, что ты хочешь получить от жизни?

- Философский вопрос. И уместный. – она развела руки, напоминая отцу, где они находятся.

- Подтолкнуть к правильному решению, намекнуть всегда уместно... Или я права не имею? – напускну возмутился он.

- Только ты и имеешь, - успокоила его дочь. – Ладно, езжай, передавай привет Кате и Ванюшке.

- Передам, а ты не забудь, что мы тебя ждем. Вместе отпразднуем твой день рождения.

Он захлопнул дверцу своей самоходки, махнул на прощание рукой и выкатил со двора.

- Будь осторожен, папа, - прошептал ему вдогонку дочь, провожая взглядом черный автомобиль.

Наедине с собой она научилась выговаривать это сложное слово.

Осталось обратиться так к отцу, и он будет на тридцать восьмом небе от счастья. А почему на тридцать восьмом? Откуда взялась эта цифра, заменившая привычное число семь? – задумалась девушка. – Потому что Быстрову Леониду Ивановичу тридцать восемь лет. Молодой, а многого в жизни достиг, крепко стоит на ногах, много работает и успевает обо всех заботиться. И не только о жене и детях. Не забывает о родителях и сестре с племянницей, которые не гнушаются напомнить о своих безразмерных желаниях. Это в большей степени касается Надежды с Викусей, а родители индифферентны, как к оказываемой помощи, так и к самому сыну. Все так же обеспокоены его «поломанной» жизнью и все благодаря радиоактивной девочке, о чем постоянно говорят в телефонном разговоре. Но жизнь Ленчика вполне благополучна во всех отношениях. Таким людям, как он, когда-нибудь должно воздастся по заслугам. По всей видимости, это время пришло. На здоровье в последнее время Ленчик не жалуется, и всё благодаря Катюше, которая взяла его под неусыпный контроль, подобрала лекарство, наладила режим дня, следит за питанием. На боли в сердце супруг не жалуется, но она все равно не расслабляется и опережает подкрадывающийся приступ.

К хорошим людям всегда приходит своевременная помощь, - подумала Инна и поправилась, - к людям, которые заслужили, чтобы их боготворили, любили и заботились. В отличие от меня. Я приношу людям одни несчастья. И незаслуженно пользуюсь благами, которые заработаны чужими руками. Но придет время, когда я отплатю за все. И друзьям, и врагам...

На следующий день Инна встала с полной уверенностью, что химия ей нужна, как зайцу стоп сигнал. Она представила себе серенького шустрого зверька, у которого под куцым хвостом расположился световой сигнал торможения, включающийся при нажатии на тормоз, то есть при резкой остановке. Вдруг группа зайцев будет следовать за вожаком со стоп-сигналом на попе, он первым заметит опасность в лице клыкастого волка, затормозит, сигнал загорится и остальная группа замрет. А затем пустится наутек. Главное – вовремя уловить источник опасности и дать стрекача... - мысленно рассудила она и усмехнулась странной аналогии химии, зайца и стоп-сигнала. Ненужное на первый взгляд сравнение не отпускало ее. Перед глазами стояло заячье семейство с выступавшим во главе вожаком с уже известным оповещающим приспособлением. Поразмыслив,

девушка пришла к выводу, косых собратьев оно не спасет по причине хаотичного движения и отсутствию наблюдательности.

Раз зайцу стоп-сигнал не нужен, то мне химия тоже не нужна! – решила Инна и отправилась с телефонным докладом к Ленчику. Тот порадовался принятому решению и спросил, чем она думает заняться?

- Буду снова поступать в высшее учебное заведение.

- Где будешь поступать? – сразу последовал напряженный вопрос. Не «куда», а «где»? Отца больше всего волновал не выбор новой профессии, а место проживания неугомонной дочери.

- Здесь, в Волгограде.

- И какую специальность ты хочешь освоить? – несколько успокоившись, поинтересовался он.

- Добавь – на это раз? – хмыкнула девушка.

- Не добавлю, а ты не верти, а давай конкретный ответ на поставленный вопрос.

- Ленчик, как я могу дать конкретный ответ, когда еще ничего не решила!

- Неправда, ты уже решила. Например, сменить профессию... Может, ты хочешь стать физиком-ядерщиком? – осторожно осведомился он.

- Пойти по стопам отца и матери? Ни за что! – четко выговорила Инка. – Сыта по горло всякими АЭС и городами при них! – она провела ребром ладони по шее, словно ее телефонный собеседник мог это видеть.

Ее внимание отвлекло пение птиц за окном. Инка непроизвольно улыбнулась. Наконец, после мартовской непогоды наступил долгожданный теплый апрель. Первый весенний месяц угнетал осадками, утренними заморозками и ледяными порывами ветра. Едва весна переключалась ко второму этапу, небесный душ выключили, температуру прибавили, вентилятор отключили.

- О чем задумалась, дивчина? – спросил отец.

- Всё о том же, - певуче протянула девушка, нехотя переключаясь на возникшие проблемы. Идея созрела внезапно, - Ленчик, а может мне пойти по твоим стопам?

- Будет милицейская династия, - моментально сориентировался он. - Представляю тебя в форме, стоящей на дороге с жезлом в руках. Или как говорила моя племянница в детстве, с полосатой палочкой.

- Тю-ю-ю, удумал, - нахмурилась Инка, не догадываясь о подвохе. - Для начала я хочу получить юридическое образование.

- Очень хорошо! Отлично! – возликовал отец. – Возвращайся назад, поступай на дневное на юрфак и грызи гранит науки!

- Щас! – осадила его недипломатичная дочь.

Ленька сразу обиделся и свернул разговор, сославшись на занятость. Быстрова ходила кругами по комнате, ругала себя за резкость, за неуважение к близкому человеку, которому она не могла объяснить, почему перебралась в другой город.

Через полчаса она снова набрала номер отца и выдала компромисс, согласно которому она поступит на юридический факультет Государственного университета, но на заочное отделение. Во время сессии будет гостить у Быстровых, а между сессиями - работать в Волгограде.

- Кем? – брякнул Ленчик, испугавшись, что своенравная дочь отправится мести улицы.

- Найду что-нибудь, - уклончиво сказала девушка.

- Надо быть ближе к выбранной профессии.

- Кто возьмет на работу пустоголового юриста?

- Расторопные помощники на вес золота, особенно когда имеют рекомендации людей, вращающихся в нужной сфере.

- Допустим, ты возвращаешься. И что? Ты напишешь мне рекомендацию, что я хорошая девочка, трудолюбивая и быстрая, как электровеник?

- Это я могу! Устную! Но не рекомендацию, а просьбу. Позвоню моему хорошему знакомому, мы вместе учились в школе милиции, он потом переквалифицировался на адвоката. У Андрея своя контора. И мужик он понимающий. Я ему скажу, чтобы установил тебе положенный испытательный срок, без привилегий, а если ты его не выдержишь, пусть увольняет, я не обижусь. В частной фирме хозяин не держит плохих работников, даже если они близкие родственники его друзей.

- Только я сначала поступлю в университет, а уж потом...

И она поступила. Ленчик позвонил приятелю, Инку приняли в адвокатскую контору, где она с честью выдержала испытательный срок продолжительностью в один месяц. Она печатала тексты будущих пламенных речей адвокатов на суде, с трудом разбирая их каракули. Причем делала она это не бездумно, а откладывая в памяти обороты и острые моменты, способные перевернуть дело с ног на голову. Или наоборот. В перерывах между набором текста и поиском нужного документа, канувшего непонятно куда, подавала чай, кофе, бегала в ближайшую кондитерскую за пирожными и булочками. И незаметно стала человеком, в котором все нуждались.

В общем, крутилась, училась и не находила времени заняться делом Марго. Во время первого отпуска решительно взялась за поиски, но, увы, никаких ниточек не нашла. Это и понятно, сколько времени минуло с тех пор.

Инка не стала отчаиваться и мысленно поставила для памяти галочку напротив имени прабабушки. Не как напоминалку, а как укор за невыполнение задания.

В жизни многое решает случай, если не всё...

Так незаметно пролетело десять лет...

- Инночка, ну пожалуйста! – продолжала нудить Кира Руденко.

- Отстань, - коротко приказала Быстрова, покачивая красивой ногой в элегантном сапожке на высоком каблуке.

Подруга перешла к перечислению достоинств обоих мужчин, а Инна мечтала об отдыхе. Ей хотелось пойти домой, сбросить обувь, сунуть ноги в мягкие тапочки похожие на мордочку волка, стянуть офисный костюм и белую блузу в тонюсенькую серую полоску, от которой рябило глаза.

Но сегодняшней выбор одежды был неслучаен: своего нынешнего подзащитного она не выносила. Одна его толстая лоснящаяся харя вызывала отвращение, не говоря о противном причмокивании толстыми губами. В дополнении мужик во время разговора беспрестанно моргал и потряхивал головой, отчего его щеки тряслись, как студень.

Козел старый, - мысленно обозвала клиента Инна Леонидовна, сосредоточенно выслушивая его нападки на супругу, которая в скором будущем должна сменить статус и стать бывшей. – Он ее, видишь ли, хочет «голой по миру пустить» за то, что она завела любовника. Но мир, как известно, не без «добрых» людей, позвонили, сообщили. Интересно, кто таким заботливый оказался? Не тупогловая ли секретарша, которую я видела в твоём предбаннике и с которой у тебя адюльтерчик? Девочка захотела занять место жены и сделала несколько шагов в этом направлении. На что люди готовы ради денег?!

Мужик раздражал ее все больше и больше, даже жаром от злости окатило, словно на дворе не март месяц, а июль, а в кабинете напрочь отсутствует система кондиционирования воздуха. Инка не выдержала и сняла пиджак, аккуратно развесив его на спинке стула, оценила работу, пригладила блузку, проведя ладонями по бокам, словно предлагала полюбоваться своей фигурой. Ее привычный жест вызвал привычную реакцию у любителя красивых женщин: он судорожно облизал толстые губы и застыл с открытым ртом, ожидая продолжения представления. Быстрова стушеввалась, быстро заняла свое

кресло и сложила руки на столе, как примерная школьница. Пристальное внимание к адвокатской фигуре сыграло с ним злую шутку. У него зарябило в глазах от частых полос на блузе. Мужчина потер глаза волосатыми кулаками и сделал еще хуже – глаза начали слезиться. На лице Быстровой чуть не появилось умиление от содеянного, она наградила себя красочными эпитетами, мигом родившимися в сообразительной голове, и посоветовала клиенту отбыть восвояси, предположив, что у того или грипп, или странная аллергия. Может, на их адвокатскую контору.

Девушка поняла, что «Профири» теряет клиента, но не пожалела ни на йоту. И зачем Андрею Павловичу знать, что виновата всего лишь блуза в полоску? А то, что казна не досчитается энной суммы, не страшно. Этот неприятный мужик так нервы потреплет, что захочется вернуть ему аванс и уйти из профессии.

Но на это Инна пойти не могла. Уж, слишком ей нравилось быть адвокатессой. Никто не мог заподозрить ее в отпугивании клиентов и в пренебрежении к своим обязанностям. Она всегда с огромным терпением относилась к людям, даже если они того не заслуживали. Этого клиента, затеявшего бракоразводный процесс, Быстрова видела третий раз в жизни, после каждого раза у нее начинался нервный тик. Четвертого раза она не вынесет.

Мужик быстро попрощался и ушел, хлопнув дверь. Инка подошла к зеркалу.

- У меня на него идиосинкразия, - доложила она своему раздумывавшемуся от возбуждения отражению.

Потом не выдержала, подошла к окну, чтобы в последний раз полюбоваться недовольным клиентом, который в эту минуту с трудом забирался в белый джип.

- Только бы не вернулся, только бы не вернулся, - пробормотала она, как заклинание, вернулась на свое место и вскоре забыла о нем.

В конце рабочего дня позвонила Кира и предложила встретиться...

На одно плохое дело должно накладываться хорошее для равновесия, - подумала Быстрова, возвращаясь к щебечущей подруге. - Почему бы не уступить?

Кира между тем перешла ко второму отделению. Если первое было посвящено уговорам и восхвалению кавалеров, то второе заключалось в смаковании премьерного спектакля, о котором не говорил лишь ленивый и далекий от искусства. Некоторые особы женского пола посещали театр для показа нового платья или супур-пупер украшений, чтобы после, в кругу себе подобных, обсудить, как ужасно была одета... Матильда Карловна! И какие мелкие бриллианты были в ее больших ушах. На премьеру стекалась вся городская элита, к которой не причисляла себя Инка. Но благодаря подруге, вернее ее кавалеру Любомиру Мухе, известному в городе сыну своего отца - не последнему человеку при губернаторе, обе подруги вертелись рядом со знатью, не переходя очерченный круг. К чему, сказать по правде, Быстрова не стремилась. Она не понимала, зачем ей таскаться за Кирой и ее возлюбленным? Но Руденко уверяла, что ей без подруги скучно, папашка Муха станет водить за собой сына, желая представить того всем нужным людям, а она будет страдать от одиночества. Представлять всем Киру, пока не официальную невесту, Муха – старший желанием не горел, как не горел, вообще, видеть ее в этом качестве. Но его сын, Любомир Святославович, Киру Руденко любил искренне и твердо. Или любовь была средней твердости, сама Кира пока не разобралась, но свято верила, что благодаря ее завуалированной настойчивости молодой человек превратится в кремень и освободится от родительского ига. Она догадывалась, что в семье Мух, как прозвала родственников кавалера Инна, ведется осада сына, близорукие глаза которого не замечают более выгодных партий для женитьбы, но пока Любка держался и мечущегося вида не выказывал. Любкой его тоже окрестила Быстрова за свежую девичью румяность и длинные черные ресницы, опоясывающие красивые серые глаза, очень похожие на глаза самой Инны. В остальном ничего выдающегося в нем не наблюдалось: он был невысок и

хрупок, как подросток, чем тоже напоминал Инну. Когда она расходилась не на шутку, то брала его под руку и, заглядывая в эти самые глаза туманного неба, спрашивала.

- Может, меня украли в детстве цыгане и ты на самом деле мне брат? Но сразу предупреждаю – Мухой я не буду!

Любомир тушевался, еще сильнее краснел – «дозревал» на глазах, и, извиняющее поглядывая на веселящуюся Руденко, будто чувствовал себя виновным в разлуке с «сестрой».

Это была совсем другая, чем прежде, Инна Быстрова. Она научилась жить с воспоминаниями. Научилась ими управлять...

Она уступила уговорам подруги, которая отчаялась услышать согласие.

- Кира, да не волнуйся ты так. Я понимаю, что ты не хочешь бродить по фойе одна. Я составлю тебе компанию, пока твой суженый будет прогуливаться с папочкой.

- Вот спасибо! – поблагодарила Руденко.

- Завтра с утра идем в салон красоты, а вечером... - она закатила глаза, будто собиралась упомянутым вечером напиться до поросычьего визга и танцевать на столе...

Едва Инка вошла в квартиру и стала стягивать сапоги, как в сумке, брошенной на тумбочку начал разрываться мобильный телефон и, судя по мелодии, это был Петюня Забубенчиков. Она запрыгала в одном сапоге и одновременно стала искать телефон, имеющий странную особенность прятаться в закромах делового «чемодана», как она сама прозвала дамскую сумочку, с которой ходила в адвокатскую контору. В нее помещались все нужные документы, косметика и прочее, прочее, прочее, способное пригодиться в любом случае жизни.

Навороченный мобильник был найден. Быстрова не успела произнести ни слова, как в трубке пробасил Петька.

- Инна, у меня родился сын!

- Когда ты все успеваешь?! - «поздравила» она, но быстро опомнилась. - Ой, прости, это я так восхваляю отца теперь уже двоих детей и кандидата химических наук, который, я уверена, в скором будущем станет отцом троих детей и доктором наук.

- Второе более вероятно, - заявил счастливый папаша дочки Даши и сына.

- Как назвали?

- Мишаня. Ксюша говорит, что он вылитый я, - похвастал Забубенчиков.

Быстрова представила пухлого пупса, уменьшенную копию Петюни, и улыбнулась.

- Здорово! – восхитилась она. – Даша похожа на мать, а сын на отца.

- Лучше бы наоборот, - неожиданно огорчился он.

- Брось, это все предрассудки, - успокоила его Инна.

Они еще немного поболтали. Девушка устала стоять на одной ноге, обутой в сапог на высоченном каблуке, уперев на него пальцы другой ноги. Расстегнуть молнию на сапоге одной рукой она никак не могла, поэтому выбрала цапельную стойку, шатко-валковую несмотря на плечевой упор к стене. Поэтому свернула разговор, пообещав, что скоро приедет в Ростов, и встретиться с приятелем.

Затем, наконец, разулась, пошевелила пальцами, зажатými колготками, и на ходу стала снимать надоевший костюм. Освободилась от блузы, подержала ее перед собой, взяв за места соединения рукавов и плеча, нарекла «спасительницей» и отправила в стиральную машину, захлопнув дверцу, как прочитанную страницу.

- Ну, вот и все дела на сегодня, - пробубнила Инна, будто перед этим битый час стояла у плиты, потом над ванной, перестирывая вручную ворох белья. Но это все мелочи, по сравнению с работой адвоката, когда тебе с трудом приходится сдерживаться, чтобы не заехать очередному клиенту, вызывающему отвращение, в ухо. Она открутила кран и

стала набирать воду в ванную, влив туда пену и добавив морскую соль. Подумала и сыпанула из банки еще. – Лучше больше, да лучше! – объявила она.

Перефразированное высказывание вождя пролетариата принадлежало Геннадию Вишневу. Каждый раз вылетевшая поговорка «от отца» проливалась бальзам на душу. Теперь проливалась. Девушка радовалась, что помнит его философские прибаутки, несмотря на то, что со дня трагедии на Чернобыльской АЭС прошло двадцать пять лет. Остался какой-то месяц до той страшной даты.

А Инке уже тридцать. Нет, не уже, а еще, - подумала она, проваливаясь в морскую пену.

Сначала Быстрова наслаждалась и ни о чем не думала, потом представила Петюню, у которого на руках была худенькая Даша с испуганными глазами олененка и круглолицего Мишаню с коротким чубчиком, оттопыренными ушами и задорными глазками...

В тот год, когда они окончили университет и погиб Грозный, за убийство которого осудили Олева, Инна уехала из города, а Петька решительно взялся за поиски работы. Побегал по предприятиям, которые с распростертыми объятиями ждали молодого специалиста. Ему можно дать коечную зарплату и спрашивать, как «с взрослого». Во время странствий парень встретил профессора Ивлиева, который предложил ему место на кафедре. Сначала Забубенчиков был мелкой рыбешкой – рядовым преподавателем без степени, который вел семинары и практические занятия, потом превратился в старшего преподавателя с несколькими лекционными часами. После защиты кандидатской диссертации получил должность доцента, ощутимую прибавку к зарплате и жену Ксюшу – студентку пятого курса, которая все годы учебы с обожанием смотрела на молодого преподавателя.

Петюня, он же Петр Алексеевич, обожатель и поклонник своей сокурсницы Инны Быстровой, отчаялся завоевать ее интерес и растворился во влюбленном взгляде Ксении Лямкиной, ставшей вскоре Ксенией Забубенчиковой. Инку пригласили на свадьбу, она с удовольствием приняла приглашение. В ее душе не появилась обида, напротив, она была рада, что приятель нашел спутницу жизни и отошел от нее на безопасное расстояние.

Инна продолжала вести уединенный образ жизни и не подпускать к себе людей на близкое расстояние. Но несколько лет назад нарушила данную себе клятву.

Дело было так...

Быстрова вышла из банка, где брала ипотеку на квартиру. Она переживала, что попала в кабалу, но выхода не было: жить в съемной квартире ей надоело, выдергивать из ежемесячной зарплаты немалую сумму на оплату квартиры, было жаль, лучше эту сумму направить на погашение кредита и наслаждаться жизнью на собственных квадратных метрах.

Она мысленно раскладывала по полочкам свою зарплату, из которой пятнадцать тысяч надо отдать банку–благотелю, три – три с половиной отчитать управляющей компании за проживание и предоставленные блага в виде газа, света и воды, а на пропитание... Сколько положить на пропитание девице весом в пятьдесят два килограмма, чтобы и не ослабнуть от недоедания и не обрасти жирком по причине замены полезных, но не дешевых в межсезонье, овощей и фруктов на калорийные булочки, - размышляла она, желая освободить Ленчика от материальной опеки над собой. Инка знала, что приемный отец не останется в стороне. Вернее, он уже не остался, ссудив дочери нужную сумму на первый взнос. Но теперь Быстрова решила быть самостоятельной.

Она задумалась и, не взглянув по сторонам, ступила на проезжую часть. За что получила ощутимый толчок по бедру. В результате удара оказалась на четвереньках возле бампера чужого автомобиля, за рулем которого, как она узнала позже, сидел

начинающий водитель, находящийся на вершине счастья от получения прав и приобретения долгожданного авто. Он сучил от нетерпения ногами и случайно надавил педаль газа, не дождавшись разрешающего сигнала светофора. Легкого нажатия было достаточно, чтобы машинка – жучок тронулась в путь и боднула задумчивого пешехода, не контролирующего ситуацию. Благо, водитель быстро сориентировался и сразу затормозил. Инна отделалась легким испугом, содранными коленками и живописными дырами на колготках.

Группа граждан окружила пострадавшую редким кольцом, остальным пешеходам было мало дела до незначительного дорожного инцидента.

Быстрова поднялась с помощью крупного верзилы, от которого за версту разило вчерашним перегаром и сегодняшним лечением.

- Слышь ты, - обратился он к вылетевшей из салона девушке-водителю, - смотри, куда едешь. Это тебе не трасса Формулы 1, - показал он свои знания в автомобильных гонках и переключил внимание на пострадавшую. – Это до чего же ты довела человека! Колени в кровь! Надо скорую помощь вызывать, пусть врач сделает ей укол от столбняка. И мне даст нашатырь, а то я сейчас в обморок грохнусь от вида крови.

Мужчина стал обмахиваться двумя руками, желая вызвать жалость у окружающих.

- Может, это тебе поможет? – спросила нарушительница и протянула ему сто рублей, которые сотворили чудо: мужик воскрес и побежал в ближайшую аптеку за... нашатырем.

Быстрова не реагировала на окружающих, не прислушивалась к репликам, она поднялась и двинулась к тротуару, не разгибая спины, словно боялась упустить из вида разбитые коленки. Достала из сумки носовой платок и стала поочередно прикладывать к ранам. Белый с розовыми узорами платок миглом окрасился в красный пятнистый цвет. Инна морщилась, но продолжала «врачевать» колени с помощью обычного платка, перевернув его на менее пострадавшую сторону. В поле зрения появились ноги в туфлях на маленьких каблучках, похожих на мужские. Размер тоже был немаленьким. Инна подумала, что это и есть мужчина, наехавший на нее, обращения перегарного мужика она не расслышала: слишком была шокирована инцидентом и полученными в результате него травмами. До туфель не доставали потертые синие джинсы, которые могли быть подлинней. Инка обозвала их «подстреленными» и порадовалась этому замечанию: раз заметила неполадки в одежде, значит, способность соображать не ушла вместе с пролившейся кровью. Между туфлями и джинсами перемычкой служили немужские носочки в разноцветную полоску. Мелькнула мысль о нетрадиционной ориентации владельца данного изделия трикотажной промышленности или о его ультрамодности. Инка заинтересовалась и подняла голову, не удосужившись разогнуть затекшую спину. Взгляд исподлобья водителя напугал, он даже сделал шаг назад. Вокруг сигналили возмущенные автолюбители, которым автомобильчик-жучок, создавший аварийную ситуацию, мешал двигаться дальше.

И тут на Быстрову напало оцепенение – перед ней стояла девушка, очень походившая на Марину Азбуку. На лже-Марину. Она позабыла про травмированные коленки, встала во весь «гигантский» рост, едва доставая нарушительнице спокойствия до плеча. Инка не успела ничего сказать, как та поняла, что пострадавшая будет жить, бросила на ходу: «Я сейчас», села в машину и приткнула ее к тротуару, освободив путь нетерпеливым водителям. Девушка распахнула «пассажирскую» дверь и приказала:

- Садись, поехали!

- Куда? – Быстрова никак не могла сообразить, кто перед ней, почему произошел наезд, случайно или умышленно, и зачем ей садиться в эту лимонную кубышечку.

- К тебе! – простонала та, удивляясь отупению пострадавшей, которая создавала о себе иное впечатление.

- Зачем? - Инка стояла, как вкопанное в землю дерево, успевшее прижиться и пустить корни.

- Оказывать первую помощь! Можно, конечно, и в салоне, у меня есть аптечка, но здесь... негигиенично. А ко мне нельзя – родители увидят, что я натворила, и отберут водительские права не хуже ретивого гаишника.

Инна продолжала «пускать корни», хмуриться от боли и мозговой заторможенности, которая не давала возможности разобраться в сложившейся ситуации. Когда девушка улыбнулась, показывая, что настроена миролюбиво, до Быстровой дошло, что перед ней не лже- Марина, улыбка которой была своеобразной, подрезающей скулы. У этой девушки на щеках появлялись кокетливые ямочки, отчего она стала еще привлекательней и милей. Пострадавшая поддалась очарованию и на нестигаемых ногах поковыляла к автомобильчику, казавшемуся на вид крошечным, но в нем легко помещалась девушка-водитель небольшого росточка.

Потрясающее сходство, - размышляла Инка, косясь в сторону начинающего водителя, о чем свидетельствовал соответствующий значок на переднем и заднем стекле. – Лучше бы сразу череп с костями рисовали, - обреченно домыслила она, вслух указывая девушке дорогу.

Вылезая из автомобиля у своего подъезда, Быстрова предприняла попытку избавиться от отчаянной автолюбительницы. Внутри еще сидела иголка сомнения, поэтому Инка мягко намекнула, что справиться сама, но девушка с ямочками на щеках намека не поняла или не пожелала расстаться с человеком, попавшим по нелепости под колеса ее новенького жучка. Она горела желанием загладить свою вину и оказать первую медицинскую помощь. По дороге она предлагала свернуть к местам торговли и обеспечить пострадавшую новыми колготками, но та отказалась.

Новая знакомая, представившаяся Кирой Руденко, щедро намазала колени Инны зеленкой, при этом самоотверженно дула на них, как это проделают заботливые мамыши своим шустрым чадам. После процедуры, гостя не спешила уходить и запросила чаю с лимоном. После чаепития, оттяпавшего пару часов от личного времени Инны, которая ни секунды не пожалела об этом, девушки обменялись номерами телефонов, и Кира ушла, поселив в душе Быстровой раздрайв. С одной стороны она знала, что приближать к себе людей нельзя, а с другой, обалдела от душевности и легкости Руденко, которая за короткое время успела вывалить на нее все сложности своей жизни. Причем не требовала помощи или слов успокоения, а просто делилась возникшими проблемами с азартным оптимизмом, не впадая в уныние. Инка поначалу усомнилась в ее искренности, решила, что Кира сочиняет, чтобы задержаться в гостях у новой знакомой. Или пересказывает историю своей соседки, с которой у нее сложились недружественные отношения. Отсюда и азарт. Но быстро поняла, что история правдива, просто Руденко умеет сдерживать эмоции. Ее подкупила ее детская непосредственность: не каждый человек станет делиться секретами с каждым встречным.

Со временем Инна поблагодарила судьбу, которая бросила под колеса автомобиля Киры. У нее второй раз за всю жизнь появилась подруга.

Теперь жизнь не казалась ей безрадостной и однообразной.

Единственной занозой в сердце оставалось молчание Ефима Олева, который вычеркнул из своей жизни старую знакомую. Он ни разу не соизволил черкнуть пару строк. Хотя бы, слов. Например, жив, здоров, жду встречи. Или коротко – хочу тебя увидеть. Инка бросила бы все дела и помчалась на край света, где в колонии с двузначным номером пребывает некогда хороший знакомый, не решивший стать кем-то более определенным, но сохранивший дружбу с Ленчиком, с которым он ведет нечастую, но постоянную переписку. Много лет назад этот человек спас девочку из-под колес самосвала, а она отплатила ему черной неблагодарностью. Быстров несколько раз ездил на свидание с

другом. Возвращался потерянным и морально убитым. Инна догадывалась, что отец не всё рассказывает о Фиме, но и этих рассказов ей хватало с головой, чтобы представить нынешнее состояние Олева. После этого девушка еще долго видела во сне Ефима в грязной телогрейке, в шапке-ушанке и с топором в руках. Он стоял посреди заснеженного леса, подняв глаза к верхушке сосны, которая упиралось в небо...

После подобных сновидений сердце Инки выпрыгивало из груди, а ночная сорочка была мокрой от пота, будто перед этим ее окатили водой из шланга. Постельное белье было скомканным, словно прошло через жернова допотопной стиральной машинки, которая хранилась в гараже и принадлежала еще Марго. В те далекие годы, еще живя в Киеве, девочка обожала приходить в гараж и любоваться старинными вещами. Марго называла гараж свалкой, а Инна мысленно называла его сокровищницей...

С утра позвонил Ленчик и начал вести пустые бесцельные разговоры. Инка спешила в салон красоты, но терпеливо ждала, когда отец перейдет к сути. Но он не спешил переходить к главному, тогда она робко поинтересовалась, все ли спокойно в королевстве?

- Не все, – подумав, ответил Быстров и тихо добавил, – Бэзил... умер.

- Как... умер? – опешила от страшной новости Инна, закусив до боли губу, но это не помогло – слезы покатались по щекам.

- Доченька, он же старый совсем был, - начал оправдываться отец, словно чувствовал за собой вину, что не уберег любимца Инны.

- Он не старый, - прогундосила девушка, слизывая соленые капли с губ. – Он не молодой, но и не старый, - уперлась она, будто это имело значение.

- Ему было шестнадцать лет. У котов год жизни приравнивается к семи человеческим, вот и считай... Сто двенадцать лет... Старец преклонных лет... Инн, ты извини, что я с утра с таким известием, но не мог иначе. Чем дальше бы скрывал, тем труднее было сказать правду. А ты бы приехала к нам в апреле на свой день рождения и стала горевать. А тебе нельзя, у тебя круглая дата. Незачем в такой день настроение портить. А за месяц ты свыкнешься...

- Ленчик, ты говоришь ерунду, - всхлинула дочь. – Как можно забыть за такой срок о близком... друге. Помнишь, как мы взяли к себе Бэзила? Он такой крохотный был, всего месяц от роду. Сначала называли его Васькой, а вскоре переименовали в Бэзила, посчитав, что для такого породистого красавца дворовая кличка Васька не подходит...

Инна вспомнила, как десять лет назад, в день рождения Ванюшки, Макар Грозный назвал ее Инессой и сказал, что для такой девушки, как она, это имя подходит больше. Как вы яхту назовете, так она и поплывет. С прежним именем, она чуть не пошла ко дну, а с этим пыталась пару раз «утонуть», но пока держится на плаву. Благодаря талисмЭну...

После разговора с отцом, она позвонила Руденко и заявила, что никуда не идет: ни в салон, ни в театр, а будет весь день лежать на диване и оплакивать Бэзила. Устроит своеобразные поминки.

- А я... как же? – пролепетала подруга.

- А ты пойдешь.. и туда, и сюда, но без меня. – обреченно вздохнула Инна, словно послала Киру в последний бой, а сама отсиживалась в кустах. - И не напоминай мне об обещании!

- Буду! – рявкнула та. – Ты подводишь не только меня, но и Любомира, который приведет с собой приятеля. Для тебя, между прочим!

- Я столько лет знакома с тобой и твоим кавалером, но ни разу не слышала о приятеле, который спит и видит, чтобы познакомиться со мной. Почему вы скрывали его от меня? Или он был ужасно уродлив, в после принятия ванны с кипящим молоком преобразился и теперь готов покорить мое бесчувственное сердце?

- Это очень выгодная партия, - с нажимом произнесла Руденко, будто говорила зазубренный пароль. - Он учился с Мухой в одном классе, потом поступил в МГИМО и пропал из вида.

- Стал резидентом в далекой стране Тумба-юмба?

- Тебе все бы выдумывать, - отмахнулась подруга, но слегка приободрилась, услышав в голосе Инны заинтересованные нотки. Быстровой было все равно, что «нести и выдумывать», лишь бы заглушить боль утраты. - Он несколько лет служил в Российском Посольстве в одной стране..., не буду называть ее по телефону, потому как там сложная политическая обстановка. Недавно вернулся в Россию. Пока ждет нового назначения, в наш город приехал всего на неделю, проведать родню, но очень скоро должен получить теплое местечко... Ты меня поняла? - проникновенным голосом спросила она.

Может, это судьба? - мелькнула мысль в голове Быстровой. - Или мне его с небес послала мама, как способ убежать от скрытого врага, обложившего меня и моих близких со всех сторон и поджидающего подходящего случая для нанесения очередного удара...

Послала, как когда-то Ефима, своего тезку...

- Кстати, - подхватила Инна, - как кличут этого законспирированного агента? Случайно не Максим Исаев?

- С именем ты не опростоволосилась, а с фамилией лопухнулась, - подзадорила подругу Кира и заверила, что та «ни в жисть» не угадает.

- Сигизмундов, Перекатипале или... Лавров? - протарахтела Быстрова, как запомнившуюся строку из стихотворения. Последнюю фамилию она назвала намеренно, вспомнив теперешнего министра Иностранных дел.

- Ладно, - смилостивилась Руденко. - Все равно не угадаешь... Его фамилия Сатанинский.

- Свят, свят, как любила говорить моя прабабушка, когда ей дорогу перебежала черная кошка! - запричитала Инна и подумала, что ей только сатаны не хватало.

- Что за предрассудки?! - возмутилась Кира, которая считала себя атеисткой, но в сие бога поминала, когда требовалась его помощь. - Станешь Сатанинской и оправдаешь пословицу - муж да жена одна сатана.

Быстрова не обратила внимания на образное народное изречение.

- И для какой цели послан в наш геройский город князь тьмы? Кроме того, что здесь у него состоялась долгожданная встреча с родственниками. Может, хочет найти супругу, без которой двери в заграничный мир закрыты? - заинтересовалась она.

- Хорошо, хоть, нечистой силой не обозвала, - вздохнула подруга. - А ты угадала, речивая моя! Послан он на землю, чтобы найти спутницу и остаться с ней среди людей. Она очистит его от скверны, из ангела-сатаны он превратится просто в ангела благодаря любви, всплывшей в его сердце к одной адвокатессе по имени Инесса.

- П.. почему Инессе? - вздрогнула Инна.

- Чтобы складно было! - ответила сообразительная Руденко.

- Кира, пожалуйста, никогда не произноси при мне этого имени! - напряженным голосом попросила Быстрова.

- Никогда не буду! - заверила она, испугавшись отстраненности подруги. - Извини, если я ляпнула что-то, не подумав... Так ты пойдешь в театр? - заискивающим тоном спросила она.

- Пойду, но без предварительного посещения салона. Сама волосы уложу.

- И у тебя это получится не хуже! - польстила ей Кира...

Ровно в шесть на своем лимонном жуке Руденко подъехала к дому Быстровой, сообщила, что ждет её внизу и стала слушать радио, прибавив звук. Певица со странным именем Елка доказывала всем, что завтра в определенное время она будет сидеть в Бориспольском аэропорту в самолете и думать о пилоте, в руках которого ее

судьба. Именно, он должен перенести ее в Париж, от которого совсем недалеко загадочный Прованс. Кира закрыла глаза и представила, как перенеслась вместе с Елкой на юго-восток Франции, в Альпы, где много-много виноградников, но нет диких обезьян, как в Бразилии. Эти существа девушку не забавляли, а ввергали в уныние. Она представляла, как была в позапрошлой жизни подобным приматом, лазящим по деревьям и издающим писклявые звуковые сигналы. Кира быстро выбросила из головы ненужные сравнения. Она не в Бразилии, а в Провансе. Идет по меже, любитесь огромными виноградными гроздьями, повисшими на кустах подобно елочным украшениям на новогодних елках, не сдерживается и отколупывает от кисти одну виноградину, смакует, словно оценивает качество ягоды на рынке перед покупкой. Блаженство... Девушка срывает всю кисть, поднимает над головой и любитесь ею совершенством под лучами солнца. И вдруг совсем рядом появляется он... Нет, не рядом. Вдали... Приближается к ней медленно-медленно и не сводит с нее горящих глаз.

Он в брюках, напоминающих галифе, сапогах и в белой соблазнительно-растегнутой рубашке с закатанными рукавами. Он невысок и не слишком широк в плечах.

Но он так сексуален. Весь его взгляд пропитан желанием.

Он подходит к ней, берет за руку и проводит ее ладонью по щетинистой щеке. Кире щекотно, но она не отдергивает руку, ей хочет прикоснуться к щеке губами. Скользнуть и схитрить - случайно коснуться его выразительно-очерченных губ. Он воспользуется моментом, прижмет к себе и поймает ее ускользящие губы. Между ними будет истекать соком виноград и расплываться темным чувственным пятном по одежде... А потом он возьмет ее на руки... О, какие у него крепкие руки...

Не то, что у Любомира, которого она сама может легко подхватить, перекинуть через плечо и украсть от папаша и мамаша, которые довлеют над сыночком, позабыв, что тот давно разменял четвертый десяток и сам вправе решать, кто кому пара.

Песня закончилась, унося с собой мечты о Провансе и брутальном французе. Диктор забубнил о погоде, Руденко перевела взгляд за окно, где рваные остатки снега поглощались грязной водой и превращались в серую неприятную массу. Здесь не было солнца и виноградников. А главное не было француза. Но была Кира, ее борьба за место рядом с Мухой, который и родителям не возражал, и возлюбленную кормил завтраками. Руденко насытилась до краев. Годы тикают, намекая на уходящую красоту, а семьи, как не было, так и нет. Одни обещания и ожидания. Любомир бежит с папашей от одной группы нужных людей к другой, мамаша стоит в кругу вельможных особ, таких же, как она сама и, поджав губы, рассуждает о вещах, в которых ничегошеньки не понимает. Где уж ей, с восьмью классами церковно-приходской, образно выражаясь. Вылезли из грязи в князи и позабыли об этом. Не подпускаем к чаду особу с двумя высшими образованиями из профессорской семьи, у которой кроме ума других богатств нет.

И чего я пресмыкаюсь перед этим семейством? – мысленно возмутилась она. – Из-за любви к Любомиру?.. Или все гораздо прозаичнее – мечтаю о безбедной жизни, хочу быть ближе к сливкам общества? Только сливки какие-то подкисшие, слегка подернуты плесенью. Скоро и я стану одной из них... А мне это надо?..

- Что с лицом? – поинтересовалась Инна, усаживаясь рядом с водителем, в голове которого все перевернулось. Сначала смешалось, как винегрет, а затем, как по волшебству, разложилось слоями. И сам собой родился выход из затянувшейся истории о вражде двух непримиримых семей. Почти как у Шекспира.

- Слушай, подруга, а не закатиться ли нам в ресторан и не покутить ли нам на славу?! – предложила «Джульетта Капулетти», решив переписать творение на свой лад и порвать связь с семейством Монтекки – Мухами.

- С цыганами и разными излишествами, переходящими дозволенные рамки приличия? - задумалась Быстрова, прикидывая в уме, какими излишествами можно выдернуть из души тоску, поселившуюся после звонка отца.

- Нет, думаю, для начала надо объясниться в Любомиром, - перепрыгнула с одного решения на другое темноволосая кареглазая красавица.

- Будешь в театре объясняться?

- Наверное, после спектакля.

- А после спектакля ты начнешь его жалеть, впрочем, как всегда. А он заверять в своем любви и скорой свадьбе. Действительно, как он без тебя, как ты без него. Столько лет платонической дружбы, это вам не хухры-мухры.

- Не хухры, - понурилась Кира. - И как мне поступить?

- Если это любовь, то идти до конца. Если главенствуют привязанность и элементарное желание стать придворной дамой, то пора развязать гордиев узел и выходить замуж за простолюдина, к которому воспылаешь настоящим чувством и страстью.

- Как к французу, - прошептала Руденко.

- К какому французу? – не поняла Инна.

- Это я лирических песен наслушалась... - пояснила она и подумала, что простолюдины к ней в очередь не стоят, как и представители других сословий...

Когда они подкатили к величественному зданию Музыкального театра, то сразу заметили Любку Муху с букетом роз в компании грузного мужчины в распахнутом кашемировом пальто. Под пальто был виден дорогой темно-серый костюм, белая сорочка, вызывающего цвета галстук, на ногах - модные туфли, в которых нога занимает две трети обуви, а остальное пространство безответственно пустует, отчего носок начинает лекально изгибаться и грозить обладателю сего модернизма пасть замертво при пересечении колдобистой местности.

- Идиот, - беззлобно заявила Кира.

- Кто? – Инна подумала, что так подруга окрестила одноклассника Любомира и удивилась: раньше девушка преждевременные ярлыки не навешивала.

- Муха. Вечно припрется с цветами, а я не знаю, куда их деть и шуршу упаковкой во время спектакля.

- Раньше тебя такое внимание радовало, - пожала плечами Быстрова.

- То было раньше, - загадочно усмехнулась Руденко, – пора от драмы переходить к комедии. Довольно жить по чужой указке. – Она не решалась покинуть уютный салон автомобиля и через лобовое окно наблюдала за мужчинами. Побарабанив пальцами по рулю, она задумчиво процитировала, - довольно жить законом, данным Адамом и Евой...

- Клячу истории загоним, левой, левой, левой, - автоматически досказала подруга и удивленно спросила. – А причем здесь Маяковский? Смешались в кучу кони, люди?

- И Лермонтов туда прилип! – обрадовалась работе юмористической мысли Кира. Инка на нее странно посмотрела. – Все нормально! С моей филологической головой все в порядке! – заверила она, медленно донося свое состояние до Быстровой. Та немного успокоилась и тоже переключила внимание на мужчин у здания театра.

- Как я понимаю, с ним рядом дипломат, - догадалась Инна, с интересом изучая тучного франта – обладателя редкой фамилии, который приглашен в качестве ее кавалера. В голове родилась мысль, подобная той, что еще несколько минут назад поселилась в голове подруги: «А мне это надо?» Как зайцу стоп-сигнал, дала она ответ, но вышла из салона автомобиля, запахнула пальто, сложив руки на груди, и мило улыбнулась, пожалев, что нацепила на себя черное платье, выгодно подчеркивающее ее изгибистую фигуру, а не вчерашнюю офисную блузу, от которой в глазах начинает рябить.

Максим выразил свое восхищение обеими дамами и представил им своего приятеля. Мужчина был с Быстровой одного роста, но раза в три превосходил в объеме, а Руденко едва доставал до плеча. Даже низкорослый Муха был выше Сатанинского. Причем Муха был пропорционально сложен, а Сатанинский походил на колобка, к которому приладили короткие ручки, ножки и голову, забыв про шею.

Любомир встал на цыпочки, чмокнул девушку в щечку и преподнес букет с таким видом, будто это было долгожданное кольцо. Или оно было долгожданным в прежней жизни, в драматической?

Кира сунула розы под мышку, чуть не ткнув обрезанными наискось ножками, выглядывающими из обертки, в физиономию дипломата, успевшего в последний момент увернуться.

- Пошли, а то опоздаем, - приказала она всей честной компании и первой зашагала по ступенькам.

- Еще уйма времени, - высказался Любка, семеня за ней.

- А randevу с папочкой? – напомнила девушка, не удосужившись повернуться.

- Ты... ты сегодня какая-то ни такая, - заблеял он.

- А я такая растакая, но твой поезд ушел, - пропела Кира, бросая намек за спину.

Но Муха к такому развитию событий был не готов, намек не понял, только уперся настойчивым гипнотическим взглядом в спину девушки. Пусть почувствует мое недовольство и смягчит тон, - подумал он, спотыкаясь о ступеньки.

Но Руденко переступила черту, за которой она боялась намекающего недовольства маменькиного сынка. Или папенькиного? Без разницы. Сынка – бычка, который ходит привязанным за родителями. Представленная картина ей понравилась, она хмыкнула и вошла в фойе, где вовсю шел показ новых нарядов и безвкусных украшений.

Кира и Инна всегда старались выделиться на чужом празднике жизни и показать свою инородность. Они одевались подчеркнуто интеллигентно и достойно. Но эта их наружная и внутренняя обособленность заставляла цепенеть вельможных особ и притягивать их взоры. Ими любовались и восхищались, им завидовали и их ненавидели – и все исподтишка. Бросать откровенные взгляды на девушек не их круга считалось зазорным и осудительным. Но некоторые не сдерживали эмоций – это были «подходящие партии» для Любомира, они кривили рты и переглядывались, создавая вражескую оппозицию. Они уже знали, что высокая красивая девушка с удивленно изогнутыми бровями и ямочками на щеках является их соперницей, и старались ее уколоть пренебрежительным отношением, делая вид, что путают ее с обслуживающим персоналом. Они просили «милочку» принести бокал шампанского или стакан воды, на что милочка отвечала.

- Мне не трудно, тем более я вижу, что вашей голове необходим промыв мозгов методом наружного омовения. – при этом она явно намекала, что напиток любого рода может испортить прическу.

Дама исчезала, а Кира начинала страдать. От того, что не своя, от того, что ее жених, или как там его называть, бежит за папашей и бросается взглядами побитой собачонки.

- Даже взглянуть, как следует не может, - жаловалась она подруге.

- А как следует?

- Так, чтобы все поняли, что я принадлежу ему, а он мне.

Сегодня все было иначе. Кира «забыла» букет на стойке гардероба, Любка было окликнул ее, но она не удосужилась вернуться, спросив на ходу, какие у них места, получила ответ, прихватила подругу под локоток и потянула в буфет.

- Пойдем Бэзила помянем. Я была с ним незнакома, но раз ты его так любила, значит, я тоже.

- По бокалу вина? – спросила Инна, разглядывая выставленные на всеобщее обозрение ряды бутылок.

- Меня трясет. То ли холода, то ли от бешенства.

- Хочешь согреться? – сообразила Инна.

- Хочу! По сто водочки и по бутерброду с икоркой?

- По сто... немного? – испугалась решительности подруги Быстрова. – Не забывай, что ты за рулем.

- Мало, - заявила Кира и сделала заказ. – А жучка я оставлю на стоянке у театра. Мимо распахнутой двери продефилировали две девицы, принадлежавшие к вражеской партии, с бокалами шампанского в руках и омерзительными ухмылочками на устах. - И пусть эти... служители народа и их отпрыски пьют на халяву, а мы можем заплатить за себя.

В это время в буфет заглянул Любомир без ставшего привычным букета. По мере понимания происходящего его глаза, размером с рублевую монету, плавно достигли размера теннисного мяча. Вслед за Мухой появился шаровидный дипломат, «отощавший» на кухне страны, название которой называть вслух не рекомендовалось.

- О-о-о, ребята, давайте к нам, - замахала им Руденко, опрокинувшая в себя свою стограммовую долю.

Инна пока не догнала ее, освоив всего треть по причине ответственности за разошедшуюся не на шутку Киру.

- Почему шлейф не носим за коронованной особой? – залихватски продолжила она, когда ребята подошли к столу.

- Кирочка, перестань паясничать, перед людьми неудобно, - он оглянулся по сторонам, навесив на лицо маску счастливец, которому досталась такая красота в черном платье и трех серьгах в одном ухе.

Красоте захотелось шампанского, о чем она не преминула сообщить кавалерам. Максим Сатанинский покатился исполнять приказ, а его приятель бросил на подругу осудительный взгляд и скрылся, пообещав скоро вернуться.

- Развлекаюсь, - совершенно трезвым голосом пояснила Руденко, - а самой выть хочется.

- Давай повоем, - предложила Инна.

- Здесь? - хмыкнула Кира, - представляю себе радость конкуренток! Они решат, что мне дали отворот-поворот.

- Тебя это пугает?

- Расставание? Не пугает. Только отставка должна исходить от меня.

- Ну, и действуй! – подзадорила ее подруга.

- Сначала пообщаюсь с прекрасным, получу удовольствие, после чего закатимся в ночной клуб, повеселимся, а уж потом... Охлажу милого друга...

На том и порешили...

После спектакля, который не посеял в ищущей душе прекрасного, доброго, вечного, компания первой покинула театр, села в автомобиль Любомира и отправилась на улицу 62-й Армии в ночной клуб. Заведение было закрытым для низших слоев общества, а обладатели золотых карточек и их спутники свободно попадали внутрь и пользовались всеми благами, цены на которые в несколько раз превышали расценки развлекательных мест, расположенных в непосредственной близости.

Кира, шествующая по обыкновению впереди всех, остановилась перед входом, полюбовалась ярким переливом разноцветных лампочек, вспомнила Новый год, встреча которого проходила в этом самом клубе, где подобало вести себя соответственно. Соответственно чему или кому? – спросила она у самой себя, самой себе объяснила, что сегодня день познаний новых «оторванских» ощущений и прощания с невеселым

благоразумным прошлым, в связи с чем поход в это модное заведение отменяется, о чем она не преминула сообщить сотоварищам.

- Не выдумывай, - отмахнулся от нее, как от надоевшей мухи, господин Муха-младший и решительно открыл дверь. Даже не открыл, и не показал «проходной билет», лишь мотнул головой, и двери распахнулись перед ним под действием руки громилы-охранника в черном костюме, белой сорочке, черном галстуке и крохотной рацией в громадной руке. Он сначала слегка согнулся, затем вытянулся по струнке перед важным гостем.

- Инна, пошли отсюда, - передернула плечами Руденко, которой не терпелось спросить у «шкафа» по ком траур? О чем свидетельствовал черный галстук-удавка на короткой шее. Но она сдержалась и взяла подругу под руку. Но сподобилась обернуться и поинтересоваться, - Максим, Вы с нами или?..

- Я с вами! - выпалил он, мгновенно предав одноклассника.

Но Сатанинский не мог поступить иначе – Инна Быстрова свела его с ума. Сразу и навсегда. Или надолго, он еще не решил. Как не решил, сколько времени займет это долго – неделю пребывания в Волгограде или больше? Мужчина не преминул намекнуть о своих чувствах прямо во время спектакля, склонившись к самому уху девушки. А зачем откладывать и терять драгоценное время? Инна отпрянула, недовольно зыркнула в его сторону, успев уловить в затемненном зале блеск томных глаз.

Только этого мне не хватало, - вздохнула она и вернулась к созерцанию сценического действия. Хотя, мысли все время сворачивали в сторону. Инна ругала себя, что снова поддалась уговорам подруги. Мужчина не вызвал в ее душе эмоций, а в сердце не посеял ростки чувств, в нем давно и цепко поселилась апатия и возможно на всю оставшуюся жизнь. Мужчин с жировыми отложениями девушка всегда игнорировала или относилась к ним ровно-безразлично, сравнивая такое отношение с правильно уложенным асфальтом. Идешь по нему и не замечаешь.

Ей виделся... Ефим Олев, большой, добрый, заботливый. Как медведь, которому в мультфильме досаждают девочка Маша...

Две девушки и кругленький кавалер пошли по освещенной улице.

- А...я? – обиженно пролепетал им вдогонку Муха, успевший ступить одной ногой в заведение для VIP персон.

- А ты, как хочешь, - сказала спина Киры. Сегодня Муха весь вечер разговаривал со спиной. Или с профилем. Он не догадывался, что один его вид вызывает у девушки отращение.

- Я с вами! – нога вернулась наружу, в освещенный неоновым светом прохладный мартовский вечер.

- Давай уже спрячемся где-нибудь, - шмыгнула замерзшим носом Инна и покосилась на раздумывающую подругу, на устах которой поселилась мечтательная улыбка, свидетельствующая о том, что она снова вернулась к своему французу. Быстрова сложила губы в трубочку и повертела ими в разные стороны, размышляя о предстоящем разгуле, готовящем немало сюрпризов.

Подруга не удостоила ее ответом. До ответов ли ей было, если снова вокруг стена виноградников и он... В белой расстегнутой рубашке и... с мускулистыми руками.

- Кирка, хочу хлеба, зрелищ и тепла, - настырно пробубнила Инка.

Руденко очнулась, осмотрелась, поняла, где находится, и недовольно буркнула.

- Зрелища вычеркиваем, уже насытились.

- Это профессиональных, а... самодеятельных?

- Предлагаешь мне развлечь тебя? – она бросила назад оценивающий взгляд, словно соображала стоит затевать представление с такими участниками.

Максим и Любомир шествовали молча, только первый любовался стройной фигурой Инны, а второй изучал свои «носатые» туфли, подобные туфлям Максима. Носки также

поднимались над землей подобно башмакам падишаха. Сочетание тщедушного тельца на тонких ножках, скрытых брюками, но отчетливо выделяющихся при встречном порыве ветра, и лыжеобразных туфель, ранее вызывающих у Киры умиление и желание пригреть и приласкать, сегодня вызвало прямо противоположное желание – огреть чем-нибудь тяжелым и оттолкнуть. Но Кира последний раз дралась в глубоком детстве, да и то с младшим братом, исписавшим обложку ее тетради по любимому русскому языку, поэтому взяла себя в руки и уверенно зашагала навстречу приключениям.

Вскоре девушки затормозили у «народного» ночного клуба, рядом с которым стояло несколько блестящих мотоциклов.

- То, что надо, - высказалась Руденко и открыла дверь, играя роль швейцара, заботливо пропускающего в теплое нутро замерзшую компанию. Последним семенил Любомир, продрогший на холодной ветру, как мамонт, скелет которого он видел в Краеведческом музее.

- Может, найдем более подходящее место? – попытался он опередить события, не сулящие ничего хорошего.

- Подходящее для чего?

- Для развлечений, - пошевелил он синими губами.

- Так это самое то! – снова превратилась в залихватского гусара Кира и стукнула приятеля по хрупкому плечу, скрытому легким полупальто, отчего оно выдвинулось вперед относительно другого, не пострадавшего в дружеском подбадривающем жесте.

Муха не стал спорить, догадавшись, что сегодня день главенствования Киры Яковлевны, снисходительно улыбнулся, мол, ладно, жги, и переступил порог увеселительного заведения, где была ритмичная музыка и шумела веселая толпа.

- Да, здесь серьезно не объяснишься, - прокричала на ухо подруге Руденко.

- Вечер длинный, - расплывчато заметила та, намекая, что времени еще предостаточно, есть возможность отодвинуть разговор на «опосля». Или Кира может передумать. Или перенести переговоры на другой день, устав от шума, гама и употреблений. А в случае злоупотреблений, у нее просто не хватит сил ворочать языком. Но такое случается весьма редко. За все время знакомства подруги надрались лишь однажды. И то дома у Инны, когда она выиграла сложное дело, вытянувшее из нее все жилы.

- Что-то мне подсказывает, что для таких мест мы немножко... того, - не смогла подобрать нужного слова Кира, вращая головой во все стороны.

- Эй, филолог и переводчик в одном стакане, - подтолкнула ее локтем Инна, возвращая к теме, - чего буксуешь?

- Не хочется произносить слово «староваты», - поделилась мыслями она. – А про стакан ты правильно напомнила. Чем будем разминаться?

- Совсем обалдела, - пожурила ее Быстрова. – Еще про возраст намекает! Ты выглядишь, как девочка-подросток, улизнувшая из-под родительского крыла и впервые вкусившая запах свободы.

- Да уж, улизнувшая, - хмыкнула Кира, одаривая «добрым» взглядом мужчин, один из которых впервые пребывал на детском утреннике, настолько он светился неосмысленным счастьем, а другой испытал те же чувства, которые каждый раз испытывает Руденко, оказавшись на чужом празднике жизни.

Они нашли свободный столик и заказали по фирменному коктейлю, носившему странное название «Микас». Как и само развлекательное заведение.

- Микас на водас – это что-то-с, - выдала дама-филолог. Ей явно не хватало очков без оправы, которые съезжали бы по переносице вниз, она взирала на окружающее пространство над ними, отчего ее взгляд казался осуждающим и перепуганным одновременно.

- Тогда не снижай градус, - посоветовала Инна, забыв про выпитое в театральном буфете шампанское.

- Я буду катиться по волнам, то подниматься, то опускаться.

- Не укачает?

- Не думаю, - процедила она сквозь зубы, - сегодня меня ничего не берет.

- И никто? Или все же француз внес свою лепту в преобразование образа бедной родственницы, поджидающей момента приглашения к столу?

- Идите Вы, Инночка, далеко и надолго, - с умильной улыбкой произнесла она, обозначив рытвины-ухабы на своих персиковых щеках.

- Прекратите перешептываться! – возмутился Любомир, наклоняясь к ним обеим и стараясь перекричать грохочущую музыку.

- Это он называет шепотом, - проорала в ответ Кира.

- И что мы будем здесь делать? Горло рвать? – снова выказал недовольство Муха.

- Мы будем танцевать, пить, веселиться, - протянула она, смакуя каждое слово.

- Под эту музыку?

- Перестань нудить! – шикнула на него Кира. – Лучше попробуй фирменный коктейль. По моему, очень даже вкусно.

- Пойло! – в сердцах заявил Любомир, не испробовав напитка, а лишь покосившись на высокий стакан с багровой жидкостью, напоминающей свекольник.

- Кирочка права, коктейль весьма недурен, - поддержал девушку Максим, нарушив обет молчания и оторвав приклеенный взгляд от Инны. Он стал тщательно пережевывать свои губы, словно был приглашенным дегустатором, которому предложили оценить качество напитка, размазанного по устам. Затем он решительно осушил стакан, подхватился с места, склонился в позе услужливого официанта за спиной Быстровой и предложил пуститься в пляс.

Инка хотела намекнуть, что разных полонезов и мазурок здесь не играют, как на дипломатических приемах, хотя, что исполняют на приемах, она не знала, но думала, что без торжественного танца-шестивия и изначально народного польского танца там не обойтись. Но прикусила язык, заметив, с каким обожанием смотрит на нее Сатанинский.

Девушка не могла представить, что тучный мужчина за тридцать может так легко двигаться и так владеть своим телом. Он сам вертелся, как заводная игрушка, и тащил за собой хрупкую девушку, которая и не думала упираться. В итоге они заслужили аплодисменты всех присутствующих.

- Ну, вы даете! – восхитилась их танцем Кира, сцепив пальцы в замок и прижав их в груди, будто не давала рукам перейти к рукоплесканиям.

- А почему вы сидите, как надзирающее старшее поколение? – с трудом переводя дыхание, спросила Инна.

- Я так не умею, - с вызовом заявил Муха и вздернул вверх нос. Он ждал уговоров со стороны Руденко, но она схватила Макса за руку и потащила на танцпол.

- Любка, пошли танцевать! – приказала Быстрова, которой не терпелось продолжить ритмичные движения телом.

На удивление мужчина сразу согласился, как снегоуборочная машина сгреб ее в объятия и стал двигать в сторону трясущейся человеческой массы, которую пронизывали разноцветные световые лучи, исходящие из одного источника на потолке и создававшие иллюзию полосатого конуса.

После зажигательно танца квартет сроднился и сравнялся по уровню веселья. Любомир опустился на грешную землю и почувствовал себя почти своим среди чужих, которые вскоре должны стать своими в доску. Еще парочка недурных коктейлей и...

- Инка, ты видела тех двух парней, что с нас глаз не сводят, - возбужденно произнесла Кира заговорщицким тоном. Быстрова собралась оглянуться, то подруга ее остановила, -

не оглядывайся, они за твоей спиной. Минут пятнадцать, как пришли и успели на твои сексуальные выламывания. Наверное, байкеры, у них в руках были шлемы. Потом подошли к таким же... кожаным и сели к ним за столик.

- А женщины среди кожаных есть? – почему-то заинтересовалась Инна, позабыв обидеться на «выламывания», тем более сексуальные.

Видел бы меня господин Профири. Уже завтра указал бы на дверь, невзирая на прошлые заслуги, - подумала адвокатесса, ерзая на стуле: ей не терпелось повернуться и рассмотреть мужчину, который «просверлил» в ее спине отверстие, размером с десертную тарелку, но она выдерживала паузу.

- Есть одна, соплячка совсем, – презрительно доложила подруга, находившаяся в более выгодном географическом положении, чем Быстрова.

- А они... тоже молоды? – помедлив, задала вопрос она.

- Лет по двадцать пять, - сообщила Руденко, напряжено вглядываясь в лица парней за спиной Инны, будто у них на лбу были выбиты год и дата рождения.

- Я хочу в туалет, - придумала Инка, вскочила со своего места и... натолкнулась грудью на пронзительный взгляд. Сначала ей показалось, что ее окунули с головой в прорубь во время крещенских морозов и без промедления сунули в раскаленную сауну, где плеснули на горячие камни холодной водой, отчего помещение заполнилось густым паром, как ее голова.

Инна покачнулась и вовремя схватилась на спинку стула, которая ее вряд ли спасла, если бы не подоспевший Максим, у которого не только тело обладало гибкостью, но и он сам быстротой реакции.

- Вам плохо? – забеспокоился мужчина не так от недомогания девушки, как от того, что она оказалась так близко. Он уткнулся носом в ее бархатистую шею, впитал в себя запах ее парфюма и поплыл.

Немую сцену затаенной страсти, которая затрагивала разные объекты, нарушила Кира, которая вырвала подругу из цепких рук воздыхателя и увела в туалет.

- Ну, видела?! – спросила она сразу, как только дверь закрыла их от всеобщего хаоса.

- Видела, - с обреченностью в голосе сказала Инна. – И сунула руки под холодную воду, будто та могла привести ее в чувство.

- Правда, они оба красавчики? – между делом поинтересовалась Руденко и принялась наносить на губы вампирского цвета помаду, которой никогда не пользовалась. Перед выходом из дома бросила в сумку так, на всякий случай, будто предчувствовала, что такой случай представится уже сегодня. Отпрянув от зеркала, она оценила свою работу и осталась довольна: пухлые губки увеличились в объеме и добавили к озорству готовности к умеренному разврату.

- Я видела только одного – брюнета с необыкновенными глазами, - заторможено пояснила Быстрова, изучая преображение Киры. В определение его глаз она внесла столько чувственности, что подруга перестала любоваться собой и настороженно взглянула на нее.

- Понятно, - протянула Руденко.

- Что тебе понятно? – усталым тоном поинтересовалась Инка.

- Понятно, что тебе понравился брюнет, хотя, я в этом не сомневалась. А мое внимание привлек рыжеволосый. Так что разборок нам пришлось избежать.

- Значит, ты успела разбить нас на пары?

- Когда они вошли в клуб и стали сверлить нас глазами, я сразу определила, кому какой достанется.

- Смешно! – сказала Быстрова без намека на веселье. – А в твоей голове параллельно с заочным распределением на пары не родилась здравая мысль, что мы для них... староваты? – напоминание о возрасте вырывалось из уст нелегко, как соевем недавно у Киры. – И я догадываюсь, почему они на нас ТАК смотрели? Удивлялись, что две

великовозрастные барышни заявили в молодежный ночной клуб в компании серьезных мужчин при галстуках.

- А ты, Инка, права, Максим и Любомир нам годков прибавляют, - посокрушалась Руденко.

- Каким это образом мы становимся старше по их вине?

- Раз им по тридцать пять, то и нам немного меньше, потому что мы смотримся, как две супружеские пары. И одеты соответственно – они при костюмах, мы в вечерних платьях. А вот если бы им было годков по шестьдесят, а нас была одежда кежо, то на их фоне мы смотрелись выигрышно - скинули лет десять и стали выглядеть, как две...

- Женщины легкого поведения, которые повелись на толстые бумажники, - перебила подругу Быстрова. – И мне кажется, что твоя теория ошибочна.

- Можно проверить, - выпалила на одном дыхании Кира, - у нас в институте есть два профессора...

- Остынь, - перебила ее Инна. – И давай уйдем отсюда.

- Давно пора, а то наши спутники подумают, что у нас расстройство желудка.

- Я имела в виду не место общего пользования, я хочу домой. - в груди девушки ныло и саднило, будто ее ударили не взглядом, а внушительным кулаком. Дыхание все время сбивалось, хотелось вздохнуть полной грудью, но не получалось. От нехватки воздуха начало гудеть в ушах и сжимать тисками голову.

- Хорошо, пойдем домой, - согласилась Кира, заметив расслабленно-вязкое состояние подруги. – Только посидим еще минут десять, чтобы никто ничего не заподозрил.

- А что они должны заподозрить?

- Те двое, со шлемами, решат, что убили нас взглядами, а наши мужчины подумают, что мы что-то замыслием.

- А мне наплевать, что и кто о нас подумает! Я домой хочу! Мне не по себе!

В этот момент в маленькой замшевой сумочке, висящей на плече Инны, зазвонил мобильник.

- Хорошо, что в зал не успели зайти, а то я бы не услышала, - высказалась она, вынимая телефон. – Ленчик, привет, что-то случилось? - испуганно спросила она. – И у меня все нормально. Мы с друзьями в клубе, здесь так громко музыка играет, что я не слышала звонка... Не волнуйся за меня... Всем привет... И я тебя целую...

Девушка опустила мобильник в сумочку, словно конверт в почтовый ящик.

- Странно, он мне так поздно никогда не звонит. Будто предчувствует что-то нехорошее и предупреждает.

А про себя добавила: «Дорогой, милый талисмЭн, как я тебя люблю!»

- Не выдумывай! – вторглась без спросу в ее размышления Кира и еще раз попросила задержаться в клубе на десять минут.

- Ладно, - кивнула Быстрова, у которой не было сил на споры-уговоры.

Только музыка приняла их в свои жаркие объятия, как Инна, не отдавая себе отчета, поспешила убедиться, что ЕЕ брюнетистый кавалер на месте, дымит сигаркой и сквозь сигаретный дым наблюдает за ней. Девушка на негнущихся ногах дотелепала до места и бухнулась на стул.

- Все в порядке? - склонился к ней Максим, ласково коснувшись руки.

- Более-менее, - пространно заметила она.

Мужчина хотел еще что-то сказать, но Инна отвела глаза. Ее интерес вызвал ди-джей - приблизительно ее ровесник в сильно потертых джинсах и футболке кирпичного цвета с легкомысленным рисунком.

Вот кто не заморачивается своим возрастом, - подумала она и сжала под столом пальцы от напряжения - брюнет подошел к ди-джею, поздоровался с ним за руку, шепнул пару слов, и ритмичная музыка мгновенно смолкла, погрузив зал в горластую переключку тех,

кто не успел сориентироваться. Но ей на смену сразу пришла шепчущая тишина, которая давила привыкшим к шуму посетителям на уши, а Инку вдобавок пригвоздила к стулу. Она не могла отвести взгляд, и как последняя дура продолжала пялиться на священнодействующего ди-джея и стоящего столбом возле него парня, который не вернулся к своей компании.

И тут по залу поплыл хриплый голос Челентано. Если бы в заброшенной деревушке с аборигенами вдруг запел Лев Лещенко, то удивление не достигло бы той высоты, как разорвавший предгрозовую тишину ночного клуба итальянец Адриано. Народ на танцполе недоуменно поозирался, потом недоумение сменилось желанием прильнуть друг к другу и попереминаться с ноги на ногу. Некоторым групповым участникам пары не хватило, и они растворились в серо-дымовой завесе, пронизанной прожекторами. Инна выпрямила спину, подстегнутая приближением брюнета. Чем он ближе, тем спина ровнее и ровнее. В позвоночнике что-то хрустнуло, словно намекнуло, что растягивающую гимнастику пора прекратить. Вдруг мужчина исчез из вида, но сразу вырос сбоку от нее, как гриб после обильного дождя. Ожидание сменилось переполохом, а затем испугом. - Добрый вечер, - сказал он. Это был не голос, это был капкан, в который угодила растерявшая здравый смысл Быстрова. Сразу и вся целиком, не удосужившись сунуть ненужный предмет для проверки - можно или нельзя. Можно и нужно...

Спутники-мужчины что-то нестройно пролепетали в ответ, Инна кивнула, одна Кира расплылась в приветливой улыбке и звонко поздоровалась.

- Могу я пригласить вашу даму на танец? - спросил он, обращаясь к сидящим за столом мужчинам, но не сводил взгляда с Инны, будто боялся, что она исчезнет.

Под песни Челентано, так обожаемого родителями, ее кормили с ложечки молочной кашей, под них она делала первые шаги, ухватив отца за указательный палец, под этот хриплый голос они играли в ладочки и дурачились. Под итальянские мотивы мама по утрам заплетала ей косы перед походом в детский сад. С тех пор Инна не отпускает волосы, ненавидит каши, и не слушает песни Адриано Челентано.

Инна запуталась в прошлом, накотившим на нее, и в настоящем, не зная, что предпринять. За нее все решила подруга.

- Конечно, можно пригласить на танец нашу даму, - пропела она, выделив слово «наша», что свидетельствовало о всеобщем братстве в этой четверке и отсутствии любовных связей.

Кира покосилась на рыжего, приятеля брюнета, надеясь на его сообразительность, за которой следует приглашение. Но тот сидел в своем кругу, потягивал пиво и контролировал приятеля, успевшего подхватить даму, которая напоминала тряпичную куклу, вывел под струящийся с потолка свет и притянул к себе.

Сначала ничего не было. Ну, совершенно, ничего. Он молчал и с высоты своего роста изучал лицо девушки. Инна вспомнила о своей привычке морщить лоб, в результате чего появляются продольные полосы, будто по лбу прошлись лобзиком. Она искусственно «разгладила» высокий лоб, решив, что этого можно достигнуть, вытянув шею, как черепаха из панциря. Обзор изменился: раньше она изучала его грудь, обтянутую черной футболкой, как лайковая перчатка кисть руки, а теперь взгляд уперся в квадратный подбородок и нижнюю губу. Ей захотелось оценить весь рот целиком, в связи с чем, шея вытянулась еще сильнее, любопытство черепахи стало чрезмерным, еще чуть-чуть и она освободится от панциря. Именно, губы охладили Инну: они были в меру узкими и крепко сжатыми, что наводило на мысль о недовольстве.

Позвольте, - мысленно возмутилась девушка, - я Вам не навязывалась, музыку не заказывала и на танец не приглашала.

Она попыталась увеличить расстояние между ними, но его руки, приклеенные к ее спине немного выше талии, не позволили этого.

Быстрова не выдержала и вскинула голову. В его глазах застыло терпеливое ожидание, снисходительное высокомерие и предсказание неинтересного будущего, которое покатится по проложенному пути.

Бабник, - решила Инна, - привык, что к нему в койку дамы сами прыгают, выстояв многочасовую очередь. Не на ту нарвался! Ждешь, что я назовусь и поинтересуюсь писклявым голосом: «А Вас как зовут?» Вырву имя, и каким бы оно не было, восхищенно закачу глаза, выдам умную фразу о значении этого мужского имени и не премину заметить, как оно ему подходит, прямо, как моднику костюмчик, заказанный у парижского модельера. Пожалуй, про костюм упоминать не стоит, можно впросак попасть, вдруг он поинтересуется, закатывалась ли я в Париж и бродила ли по Елисейским полям? Соврать себе дорожку, а резануть правду-матку, не хочется, сейчас каждый, независимо от материального благосостояния, стремится купить путевку в Европейскую страну, чтобы потом рассказывать всем о красоте, архитектуре, чистоте, дешевизне (ежели тебе заранее сообщит сведущий человек о местах отоваривания с большими скидками) и т.д. и т.п. А те, кто не бывал в европейском рае, вызывают скептическое отношение своей отсталостью. Да, я отсталая, я нигде не была, кроме Украины, Волгодонска, Ростова и Волгограда. Забыла, пару раз мы с Ленчиком ездили в Москву, гуляли по Красной площади, любовались шедеврами в Третьяковской Галерее, еще где-то гуляли, я позабыла, так давно это было...

Инке захотелось ляпнуть что-нибудь невпопад, назло сжатым губам и ждущим глазам, чтобы губы презрительно перекомомыслились, как у бабы на плече, где в одном ведре воды в два раза больше, чем в другом, а глаза удивленно округлились, и в них появилась злость от зря потерянного времени. Быстрова задумалась, чтобы такого-расточного сотворить, чтобы солнце взошло на западе, а село на востоке, вопреки всем установленным законам.

Она начала вытягивать губы в привычную трубочку, но застыла на середине пути, отчего уста стали жеманно-бантичными. Прямо, Мэрилин Монро, - подумала Инна и проделала обратную процедуру, втянув губы в себя, словно во рту был установлен микропылесос.

Ротик-бантик, явившийся взору мужчины на несколько минут, «завел» его, что подтвердили широкие ладони, надавившие на хрупкую девичью спину, отчего вся фигура вплотную прижалась к кожано-черной жесткой скульптуре. Быстрова засопела скульптуре в футболочную грудь, будто это было запотевшее окно, через которое она хочет увидеть «настроение» внешнего мира.

Жаль, что, таким образом, я не могу растопить его кожу и заглянуть во внутренний мир, который может дать ответ на свербящий вопрос: Что нужно молодому красивому парню без комплексов от серьезной девушки-женщины на пяток годков постарше, у которой на лбу отражены несколько высших образований и ожидание серьезных намерений без выкрутасов?

Инна грела дыханием его грудь, и без того разгоряченную от духоты зала и ее присутствия, и наслаждалась молчанием, которое ее перестало тяготить. Она не видела глаз молодого человека и не стремилась к этому, его пальцы пришли в движение, вызвав холодок в позвоночнике. Он перебирал пальцами по ее спине, будто осторожно нажимал клавиши синтезатора, занявшего непривычное положение. Даже не нажимал, а ласково дотрагивался до них, вырывая трогательные звуки из инструмента, который больше походил фигурой на гитару. Девушка с гитарной фигурой совсем размякла и положила щеку на горячую грудь, где гулко билось сердце.

И тут Челентано испортил все – он неожиданно смолк. Быстрова понимала, что надо оторвать щеку от черной футболки, с трудом это проделала, заглянула в его глаза, в

которых уже ничего не читалось по причине опустившегося тумана, улыбнулась и решительно выдернула себя из скобы объятий.

- Спасибо, - выдавил он из себя, издав при этом скрипящий звук, говоривший больше, чем «игра на музыкальном смешанном инструменте». – Меня Игнат зовут, - представился он.

- Инна. – она развернулась и пошла к своему столику.

Парень следовал за ней, она чувствовала это спиной. Он снова вырос сбоку, на ходу взял ее за талию и спросил.

- Еще потанцуем?

Рот Инки едва не растянулся в глупой улыбке, за этой дурацкой мимикой должно было последовать счастливое «Ага», но мимика стала полумимикой, а «ага» так и не выскочило. Девушка сбросила его навязчивую длань с тонкой талии, снисходительно улыбнулась и тоном, достойным королевы, разговаривающей с распоясавшимся придворным шутком, заявила.

- Уже поздно и мне пора домой. – в короткой фразе соединились безразличие, усталость от общества этого мужчины и неравенство в происхождении, пришедшее на смену успешно завуалированной разнице в возрасте, тяготившую девушку.

Пять-шесть лет – не срок, когда этот срок не давит, как плита, опускаемая строительным краном со скоростью полметра в год.

Игнат довел ее до столика, высказал благодарность всей встревоженной троице и удалился. Инна не стала садиться, взяла сумочку на длинном ремешке, мечтательно перекинула ее за спину, повесив на согнутый в виде крючка указательном пальце, и спросила.

- Чего ждем?

- Развития событий, - не подумав, брякнула Кира.

- Да, Инночка права, пора по домам, - поддержал мужчина-колобок и вскочил со стула.

За ним поднялся Муха, а Руденко, испугавшись одиночества, последовала за ними. Теперь она закрывала шествие.

- Может, такси возьмем? – спросила Кира, насуплено поглядывая на Любомира, который направился по освещенной улице в сторону ночного клуба для VIP персон, где остался припаркованным его автомобиль.

- Любка не пил совсем, - сказала Инна, мало обращавшая внимание на кавалера подруги, который вот-вот должен получить обходной лист перед увольнением с этой должности.

- Не пил, - хмыкнула она, - осушил три стакана!

- Да, ладно! – не поверила Быстрова. – Когда он успел?

- Пока ты под Челентано медлилась.

- Кира, ты сегодня филолог-первооткрыватель, новые слова сыплются из тебя, как дождь с ноябрьского неба.

- Ты лучше спроси, по какой причине родилось алкогольное пристрастие?

- Не надо утверждать, что он влил в себя спиртное из-за ревности к моей персоне!

- Из зависти! – констатировала Руденко. – По сравнению с этим кожаным мужиком он больше напоминает замороженного червя, много лет проведенного в недрах земли не видящего белый свет. В их обществе все черви! И живут они в подземном царстве, живут и не догадываются, что есть другие особи, более приятной наружности. Помнишь, как в «Дюймовочке», когда она попала на пир жуков?.. У нее всего две лапки и нет усиков, - дрожащим от возмущения голосом поведала Кира.

- Но жуки ей не завидовали! – парировала Инна.

- Завидовали, поэтому и выискивали изъяны.

- Для них это не изъяны, а привычный облик.

- Правильно, ты сама пришла к тому, о чем я сказала раньше! – возликовала Руденко. – Привычный для их круга! Любка считал себя неотразимым, а теперь увидел настоящую мужскую особ и растерялся.

- Но Муха не летает непрерывно выше голов других сословий, он ходит на работу, общается с разными людьми....

- Которые визуально становятся меньше ростом из почтения к руководству, а руководство их не разглядывает, видит лишь однородную серую массу, дружно шагающую в ровных рядах и двигающую рабочий процесс вперед! Чтобы работодателя обогатить и себя не забыть!

- Ты считаешь, что мой шеф – Андрей Павлович Профири – не видит во мне личность, а отождествляет меня с Прокофьевым, Колбаскиным, Зиненко и прочими сотрудниками адвокатской конторы?

- Твой шеф человек высокого ума, - заявила Кира, осведомленная о работе Инкиной конторы так же, как о перипетиях на собственной кафедре, - его интересует не только конечный результат, но и все шаги, которые делает сотрудник на пути к этому результату. Следовательно, он видит каждую личность в отдельности. А Муху интересует только барыш или навар, как тебе угодно! Как, кто и каким способом продает – перепродает товар, его не волнует, главное – прибыль! Зачем ему знать, что в приемной сидит Лена, а в соседнем кабинете – Иван Иванович...

- Ты утрируешь! – зашпорил Инна. - Как зовут секретаршу он знает, и как кличут главного бухгалтера, уверена, тоже знает.

- И заместителя, - подсказала Кира, - но они ниже по уровню, значит, не заслуживают внимания! Ты спроси, Лена - блондинка или шатенка, и Любомир задумается.

- Если она привлекательной внешности, то вспомнит сразу. – заявила Быстрова, вспомнив, как когда-то в Волгодонске Олев не смог описать серую мышь секретаршу.

- Не родилась еще та женщина, которая привлекла внимание высокомерного Любомира Святославовича. Его интересуют профессиональные качества...

- А ты?

- Я привычная принадлежность, как удобная кровать. Ты замечала, как плохо спится в гостинице или в гостях? Другая мебель, другая обстановка.

- Ты не мебель, ты умница и красавица, - возразила подруге Инна. Подумала и тихо добавила, - и теряешь время с человеком, который не стоит твоего мизинца и который...

- Продолжай, чего же ты замолчала! – подначила ее Руденко.

- Который не видит в тебе личность, изъясняясь твоим языком.

- Ты боишься, что я перегорю и забуду о желании разорвать гордиев узел, который сильнее и сильнее сдавливает мою шею?

- Поступай, как знаешь.

- Я хочу подумать, - заявила Кира после короткого раздумья.

Они не дошли нескольких шагов до автомобиля Мухи, возле которого стоял хозяин и его одноклассник. Оба смотрели на приближающихся женщин, будто оценивали, взять их с собой или оставить под морозящим мартовским дождем.

Девушки не замечали, что дождевые капли испортили прически и размыли косметику на лицах. Одна красная помада стойко держалась на Кириных губах, как красный маяк в ночи.

- Знаешь, подруга, я сегодня убедилась, что никому не нужна. Накрасила поярче губы, разрезвилась, и все напрасно. Любка, как шест, возле которого я буду вертеться всю оставшуюся жизнь. Пока не устану.

- А ты еще не устала?

- Я... его видеть не могу, - вздохнула Руденко и к дождевым каплям на лице добавились слезы.

- Кир, ну, чего ты расстроилась? – Инна обняла ее за плечи.
- От собственного бессилия!
- Глупости, ты сама вправе распоряжаться своей жизнью.
- Я боюсь остаться одна.
- На первых порах я буду рядом, пока ты не снимешь маску полузамужней женщины, которая фанатично предана своему полумужу, затем явишься миру в виде молодой привлекательной девушки, готовой к новым отношениям. Или ты откроешь мир, где тебя ждут.
- Одноглазый принц на упертом ишаке, - хмыкнула Руденко.
- Да, хоть, на трехколесном велосипеде, - парировала Инка. – Отбрось материальные блага, которые тебя цепляют, как якорь! Вспомни, что ты не яхта. Или яхта, но без якоря и с надутыми парусами, плыви по воле волн, странствуй и не думай, что годы идут, одной плохо, и надо бы сходить к ближайшему супермаркету, возле которого обитают «одинокие» личности с «расстроенными» лицами и приголубить особо отчаявшуюся, потому как других нет. Или познакомиться по переписке с зэком, уверяющим в каждом послании, что преступление, за которое ему дали немалый срок, он не совершал...
- Инка, ты меня принимаешь за полного шизоида? – обиделась подруга.
Быстрова отпрянула, окинула оценивающим взглядом высокую стройную фигуру, скрытую в данный момент под бежевым пальто с потемневшими от влаги плечами и заявила.
- Полной тебя не назовешь! А вот шизоидом?.. – она нацепила на себя маску задумчивости: свела брови, и закусила нижнюю губу. Потом расслабилась и с улыбкой выдала, - просто хочу вывести тебя из равновесия.
- Зачем?
- Чтобы ты высказала своему Любочке всё, что наболело за эти годы, и послала его в Африку, в северную Африку, где политическая нестабильность.
Кира в мировой политической обстановке была подкована сверх меры, и захотела обсудить незавидное положение некоторых африканских руководителей, но была остановлена грозным голосом Мухи, уставшим ждать. Оба мужчины уже уселись в салон и несколько раз давили на клаксон. И каждый раз Кира шептала одну и ту же фразу: «Да, пошел ты...» и сразу возвращалась к диалогу с подругой. Теперь его высочество, сын его величества, показал свое мерзопакостное, как погода, лицо и призвал болтушек сесть в машину.
Не пригласил, не уговорил, а приказал, не подумав, что может последовать отказ.
- Руденко потянула подругу к припаркованному у тротуара такси, где дремал немолодой водитель, в чем обе убедились, когда открыли дверь.
- Кира, ты куда? – раздался голос. К приказным ноткам добавилось удивленное неодобрение.
- Пошел ты, - в очередной раз произнесла тихо девушка, не поворачивая головы, впихнула в такси Инну и села сама. – Я у тебя переночую!
- А эти, - Быстрова мотнула головой в сторону стоящей сзади машины Мухи, - не потащатся за нами?
- Не снизойдут! Они обиделись!
- Как-то неудобно перед Максимом.
- Ты его видела в первый и последний раз! – уверенно заявила Кира. – Так что не заморачивайся.
- Ты думаешь?
- Уверена. Так же, как в том, что этот брюнет из клуба не оставит тебя в покое. Я видела, каким взглядом он тебя проводил.
- Бабник! – вынесла вердикт Инна.

- Может, и бабник, - не стала спорить подруга, но каждый второй бабник однажды становится отличным мужем. Потому что вкусил все прелести холостяцкой жизни. А тот, кто женщин не познал, у того глаза открываются к закату, и он начинает выкидывать фортели.
- Ты сейчас Любомира имела в виду?
- И его тоже! Он же отстает в сексуальном развитии лет на... двадцать. Ему хватает поцелуев и робких изучений выпуклостей моего тела. К пенсии, глядишь, созреет, и станет увиваться за каждой юбкой.
- Не за каждой, а за женщинами на сорок лет моложе. Одна из них его окрутит...
- Если у него денежек будет немеренно, и недвижимость будет натыкана по всем теплым странам. Иначе он ей на фиг будет не нужен. Муха и сейчас красотой не блещет, а в ту пору превратится в лысого червячка.
- Чего ты его все червяком обзываешь? Он же не соткан из одних недостатков, за что-то ты его полюбила?
- Наверное... Мы столько лет знакомы, что мне иногда кажется, что мы с ним родственники. Я привыкла к определенности, если наши отношения можно назвать определенными. Где вероятность, что родители не прикажут ему жениться на чьей-нибудь доченьке, и оставят меня у разбитого корыта на одном берегу, переманив его на другой берег?
- На твоём берегу тоже есть мужчины. И необязательно все сплошь выгодные партии. Я не имею в виду, что твой избранник должен быть гол, как сокол, в шалашах живут только идиоты, и то недолго. И в отношениях должна быть любовная игра и уверенность в партнере. От постоянства и болотной застойности, начинает зубы ломить.
- А что ты думаешь о брюнете? Кстати, он тебе представился?
- Его зовут Игнат. И я о нем не думаю. Ни капельки!
- Кто бы спорил...

Инна проснулась поздно, часы показывали начало первого. И не удивительно, дома они оказались около двенадцати, выпили кофе, потом по чашке чая с мятой, после чего Кира захотела многослойный бутерброд-диванчик, который представлял собой ужасающее зрелище для женщин, мечтающих избавиться от лишних килограммов: между двумя ломтями хлеба помещались сыр и разные виды колбас.

- Это не диванчик, это диванище, - заметила хозяйка, наблюдая, как ее подруга пытается откусить от слоеного бутерброда.

Кира ела с большим аппетитом, у Быстровой заурчало в животе, который кроме жалкого бутерброда в театральном буфете и спиртных напитков ничего не принимал. Инка сжалась над желудком, отрезала себе кусок сыра и два тонкий кружочка копченой колбасы. На хлеб она не позарилась. Но и этого хватило, чтобы видеть кошмары...

Она вышла из леса, радостно осмотрелась и решительно зашагала по высокой траве перемежку с полевыми цветами. Откуда ни возьмись, на нее налетели несколько мотоциклистов в закрытых затемненных шлемах. Они начали кружить вокруг нее, создав замкнутое кольцо. Инна тоже кружилась, только на одном месте, перебирая босыми ногами. Парни теснее брали ее в кольцо. Они уже цепляли ее своими коленями, она кривилась от болевых ударов и мысленно молила родителей о помощи. Они должны ее услышать... Вдруг она услышала шум двигателя, подняла к небу глаза и увидела вертолет. Он опускался все ниже и ниже, девушка подумала, что сейчас он покружит-покружит, заметит неравенство сил и улетит. Вертолет был совсем низко и близко, воздушная волна от винта трепала ее волосы и легкое ситцевое платье. Она приложила ладонь ко лбу козырьком и ждала. Раздвижная дверь отъехала в сторону, в проеме показался человек в шлеме, очках и белом длинном шарфе, который развевался под

напором ветра. Он очень походил на французского летчика из старого фильма «Большая прогулка». Мужчина опустил одну ногу на подножку, уцепившись левой рукой за поручень, а правую протянул ей, но девушка отрицательно замотала головой. Она находилась между двумя лагерями, первый из которых был явно враждебным, а второй... Пока непонятно, чего от нее хотел мужчина в шлеме времен Отечественной войны и закрывавших глаза ретро-очках. Тогда вертолетчик снял с себя защитные атрибуты и улыбнулся открытой доброй улыбкой. В черных волосах искрилась седина, а темные глаза светились от счастья.

- Фима! – задохнулась от счастья Инна.

Он снова протянул ей руку, она, не раздумывая, ухватилась за нее, и оказалась внутри вертолета, который сразу набрал высоту...

... Инна осторожно присела на диван и посмотрела на Киру, занявшую ее кровать. Девушка улыбалась во сне.

В портьере билось долгожданное солнце, ни разу не появившееся за весь март. Быстровой захотелось впустить его внутрь, получить долю отведенной ей ласки и потянуться до хруста костей. Она на цыпочках подошла к окну, проскользнула за портьеру и зажмурилась. Солнце было по-весеннему жизнерадостным и открытым. Оно сразу заключило ее в объятия и погладило по бледному лицу. Инка поморгала, глаза привыкли к яркому свету, и она увидела то, что ей полагалось увидеть. Присвистнула и склонила на бок голову, как это делал Бэзил, оценивая чужую выходку.

- Не свисти, денег не будет, - раздался за шторой хриплый голос.

- Кирка, вставай! – радостно завопила Инка, распахивая занавески наподобие театрального занавеса. - Весна, солнце, радость!

- Голова, ноги, ухо, - сразу протараторила ей в ответ Руденко.

- Причем здесь, голова, ноги, ухо?

- Голова болит от вчерашнего возлияния, ноги от танцев, а ухо я отлежала, потому что спала, как убитая, на одном боку. – девушка сладко зевнула, потом опомнилась, - а свист кому обращался? Голубей гоняла.

- Не люблю голубей и их домики на курьих ножках. А свист... - Инна повернулась к окну, желая убедиться, что ранее увиденное это не мираж. – Кира, подойди ко мне.

Подруга не заставила себя спрашивать.

- Ничего себе! – протянула она. – Красотища! Это кто ж у нас такой романтичный? Неужели дипломат?

- Сомневаюсь, он бы скорее корзину цветов прислал, - с блаженной улыбкой на устах заметила Быстрова.

- Права, и еще раз права.

Тротуар вдоль дома перетекал в проезжую часть, проезжая часть в лысый газон, который через месяц зазеленеет, потом заколосится, придет дядечка с машинкой, потарахтит и скосит травку под корешок, оставив на память жалкие кучки. Они засохнут и станут соломой. Но все это произойдет позже. А сейчас на сырой темной земле лежали желтые тюльпаны. Они составили слово из четырех букв.

- Ин-на, - по слогам в который раз прочитала Кира, словно не имела плечами двух высших гуманитарный образований, а пока готовилась к поступлению в школу и штудировала букварь. – Молодец, парень! – заочно похвалила она.

- Какой парень? – прикинулась Быстрова.

- Брюнетистый Игнат, вот кто!

Инна была такого же мнения, но вслух об этом не объявила.

После завтрака Руденко предложила доехать до театра, забрать жучка и «шопингнуть». В ее устах это прозвучало, как «взбрыкнуть». Инна сразу высказалась по этому поводу. Кира самодовольно улыбнулась, совершенно не огорчаясь вчерашним сумасбродствам.

- Взбрыкнули мы вчера, а сегодня потешим свое тело и душу. После шопинга зайдём в маленькую кафешку, пообедаем чем-нибудь вредным, но жутко вкусным, и разойдемся по домам – морально готовиться к новой рабочей неделе.

- Ты будешь в этом платье по бутикам шастать? – спросила подруга, указав на черное платье «для выхода».

- Куплю что-нибудь и переоденусь.

Чтобы смазать контраст между их одеждой, Инна сменила джинсы на черные брюки, оставив в качестве дополнения тонкий свитер палевого цвета, удачно гармонирующий с ее глазами, сверху надела белую курточку, а Кира свое подсохшее бежевое пальто. Она покопалась в сумке, выудила из нее телефон и с кривой улыбкой заметила.

- Восемь пропущенных звонков от Мухи.

Едва подвела итог звонков, как раздался девятый. Не раздумывая, девушка ответила на вызов. Послушала, приложила трубку к груди и тихо сказала.

- Его не интересует, почему вчера я так поступила. Зачем тратить время на ненужные разговоры? Куда я денусь с подводной лодки?

- А зачем он звонит? – шепотом спросила Инна, не сводя взгляда с мобильного, будто абонент может появиться из него прямо сейчас.

- Любка интересуется, можно ли дать номер твоего телефона Максиму?

Быстрова отчаянно замотала головой, даже впалые щеки затряслись от усердия.

- Инна не разрешает! – радостно доложила Руденко. – А почему я должна отчитываться перед тобой?... Сказала не давать, значит не давай!.. Может, у него и серьезные намерения, я не спорю, но ей на его намерения наплевать и растереть! – сегодня филолог снова кидался «дворовыми» диалектами. – Нет у него шансов! – жизнеутверждающим голосом заявила она, - наша Быстрова замуж выходит!.. Да, за вчерашнего кавалера! – девушка изучила внешний вид подруги и озабоченно поджала пухлые губки, удивляясь, почему на «невесте» до сих пор нет подвенечного платья. «Невеста» съехала по стене и покрутила указательным пальцем у виска, заслужив успокаивающий взмах выдумщицы. – Ну и что здесь такого – вчера познакомились, сегодня пошли в ЗАГС. Пока не пошли, но пойдут на неделе.... Ты... мне... предлагаешь выйти за тебя замуж?.. – она смотрела на сидевшую на присядках подругу, будто предложение исходило от нее. Или за ней было решающее слово. Инка безотчетно пожалала плечами. Кира сменила обалдевшее состояние на лице на умиротворенное и заявила: Любомир, я за тебя замуж никогда не выйду! И не звони мне больше!

И со злостью кинула в сумку мобильный телефон.

- Нет, ты видела этого... из отряда двукрылых! Ладно, говорит, давай и мы поженимся. Ладно! Можно подумать, я сутки стояла перед ним на коленях и нудила: Любомир Святославович, родненький, возьмите меня замуж! Ну, пожалуйста!

- Тебе убила форма, в которой сделано предложение руки и сердца?

- И форма. И, вообще... К чему все это? Если любви нет. Одна привычка, как ты правильно заметила, и желание плавать в жирных сливках.

- Решила, так решила, главное, чтобы не повернула обратно...

Девушки вышли на улицу, каждая была погружена в свои мысли, причем нерадостные. Они не заметили круглого баловника на небе, пронзающего теплыми лучами холодную землю, будто баловник не солнце, а мушкетер короля, в руках которого острая шпага, а земля – тело гвардейца кардинала. Они брели по тротуару с постными минами на лице, пока в поле зрения не показались байкерские чопперы – ботинки с прямоугольными носами и ровными каблуками. Они резко отличались от «носатых» туфель Максима и Любомира. За обувью шли кожаные штаны, слегка вытянутые на коленях, черная кожаная куртка и, наконец, сам Игнат. В одной руке он сжимал обожаемый шлем, а в другой -

букет розовых тюльпанов с белыми прожилками. На коротких ножках и очень миленьких. Не то, что колючие розы в шуршащей упаковке.

Сзади мужчины притаился его блестящий конь.

- Привет, - сказал брюнет. Его тонкие губы тронула мягкая улыбка.

- Привет, - вразной ответили девушки, не доходя до него нескольких шагов.

Кира быстро сориентировалась, сказала, что ей пора, и пошла дальше, размахивая сумочкой. Инна оторвала замороженный взгляд от мужчины, посмотрела на удаляющуюся спину подруги, заметалась, не зная, куда рвануть, но Игнат оторвался от мотоцикла, подошел к ней, протянул весенний букет и поцеловал в щеку. У него это получилось так легко, словно проделывал это с ней сотни раз, а не впервые. Потом обнял ее за плечи и повел к подъезду, из которого она вышла минутой назад.

Поцелуй длился восемь этажей, потом еще немного, пока лифт не тронулся в обратный путь. Достиг первого этажа, кто-то намекающее покашлял, но они ничего не слышали. Палец «бронхитного» человека надавил на нужную Инне кнопку, а он сам пошел пешком.

Наваждение, - подумала Быстрова. Она не стала сопротивляться. Ей понравилось быть его узницей...

- Скоро отпуск, - мечтательно протянул Игнат, - куда поедем?

Они только поужинали, Инна мыла посуду, а мужчина в шортах стоял у распахнутого окна и курил. Он повернула голову, полюбовалась его рельефной спиной и удивилась отсутствию привычного трепета. Животная страсть постепенно отступала в чашу, не успев выдать ничего взамен. Миражная любовь помаячила, подрожала, как желтый лист на ветру, позвала с собой страсть, но та решила повременить, но на пару шагов все же отступила. Осталось желание быть рядом с этим мужчиной, просто быть. Разговаривать, касаться кончиками пальцев его губ, которые мгновенно реагируют и целуют пальцы, ладонь... Или садиться сзади на мотоцикл, обхватывать его за талию, прижиматься к кожаной спине и вдыхать запах. У Игната был необыкновенный запах – он пах силой и мужественной решимостью. Кирка называла его за глаза безбашенным, а Инка утверждала, что у людей от любви часто крышу сносит. И подруга сразу парировала: «То-то она у тебя до сих пор на месте!» Быстрова напоминала про ответственную работу, но Руденко каждый раз отмахивалась и мечтательно закатывала глаза. Начиная лирический монолог. И всегда одинаково: Вот, если бы я... Девушка слушала ее с блуждающей улыбкой на лице. В этот момент перед глазами возникал знакомый образ Ефима Олева, каким он был десять лет назад. И чем больше отсчитывалось времени от того памятного мартовского воскресенья, когда они с Игнатом впервые поцеловались в лифте, тем чаще она вспоминала Фиму. Вспоминала и сравнивала двух мужчин, сравнивать которых было невозможно. Это все равно, что сравнить луну и солнце, вальс Штрауса «Сказки венского леса» и «Вальс цветов» Чайковского.

Они оба ей нужны. Кто больше, кто меньше, она поначалу не разобралась. Осознание пришло позже.

Олев родной и близкий человек. Все понимающий и чуткий. Все прощающий и снисходительный. К его имени можно пристроить еще множество положительно-оценочных прилагательных. Все, какие существуют, и все они будут гармонично сочетаться с ним. Инка не обожествляла Ефима, потому что он далеко и вина за это лежит на ней. Он был нормальным мужчиной, со своими «заморочками», но по одному случайно брошенному взгляду можно было понять, что он ее искренне любит. Ради нее он вывернется наизнанку.

В отношениях с Игнатом все было наоборот – она выворачивалась наизнанку. Чтобы не ушел, чтобы одарил ласковым взглядом, чтобы был рядом. Она будет говорить, а он слушать. Или вставлять короткие реплики.

Через месяц она поняла, что парень страдает косноязычием, затем убедилась в его усредненном уме, за всем этим последовал намек на самовлюбленность, которая будет всегда стоять на первом месте. А на втором – его двухколесный конь, а на третьем... странное отношение к Быстровой. Не любовь, а такая же животная страсть, как у нее в начале отношений. Если бы она была пустоголовой силиконовой девицей с коровьими глазами, то присосалась бы к кожаному брюнету, как пиявка или оголодавшая комариха. Но Инка не была пустоголовой и не хотела превращаться в паразита, сосущего чужую кровь. Может, кровь принадлежит показательной мужской особи, но ей она не подходит.

Но пока парня не отталкивала, хотя, знала – их отношения не имеют развития, как комнатный цветок, достигший потолка. Сначала он будет «биться» в бетонную преграду, потом сообразит, что «хода нет», скуксится и зачахнет. Или станет расти вширь.

Быстрова вширь расти не хотела, до преграды оставалось достаточно места, поэтому события не торопила, а жила и радовалась. Но облако радости стало медленно превращаться в тучу, чем дальше, тем темней и тяжелей. Инна копалась в памяти и не могла сообразить, с чего все началось... Со случайно пойманного взгляда с легко читаемым презрением? Или со странного вопроса, который он задавал несколько раз с перерывом в сутки? Причем резко съезжал на него с другой темы. Ладно бы, они были детьми и разговаривали об игрушках, а то она рассказывала о прочитанной книге, а он: Инна, у тебя в детстве была любимая игрушка? Она ответила, что не помнит, сбилась, замолчала и подумала: Наверное, я плохой рассказчик, Игнату стало неинтересно, и он переключился на свои мысли. Но почему задал такой вопрос? И что нас, вообще, связывает? Секс? Для этого он может найти девушку более свободных взглядов и значительно моложе, не обремененную тремя десятками прожитых лет и серьезной работой. А вдруг он подослан конкурентами? Будет выпытывать у меня о делах адвокатской конторы «Профири», передавать их заказчику, который в итоге придумает план по удалению более удачливого конкурента с рынка.

- Неплохая версия, - констатировала Кира, выслушав сбивчивую речь подруги.

- А у тебя не появилась другая идея?

- Идея? – задумалась Руденко. – А почему ты решила, что в тебя нельзя влюбиться?

- Можно, - согласно кивнула Инна, - но я не вижу чувств в его глазах. Одно желание.

- Желание тоже чувство.

- Но мне этого недостаточно! У меня секс не занимает первых позиций. Это сначала меня окутало наваждение, словно я провалилась в глубокий сон, а потом стала пробуждаться и задумываться.

- Если задумываешься, то не блаженствуешь в любви. По себе знаю. – уверенно заявила Кира. – Но чем-то Игнат тебя привлек?

- Я не знаю, чем! Может, мне польстило, что такой красивый парень обратил на меня внимание? Или просто достигла вершины одиночества, и захотелось уткнуться в широкую мужскую грудь?

- Да, в эту грудь грех не уткнуться, - мечтательно протянула Руденко.

- К этой груди, да другую голову, - в той же тональности пропела Инна.

- Эка, ты матушка,хватила?! Тебе и красивого подавай, и умного! Такого не бывает, чтобы две крайности в одном объеме.

- Бывает, - возразила подруга, - но для меня внешняя красота...

- Так же, как и секс не занимает первых позиций, - перебила ее Кира. – А после непервостепенного секса тянет на философские разговоры, а у парня скудный словарный запас, и кроме тачек его ничего не интересует. И книг почел всего две – «Мойдодыр»

перед первым классом, а «Как привлечь внимание адвокатессы» в начале весны этого года.

- Ты намекаешь, что он заприметил меня давно, и встреча в ночном клубе была неслучайной?

- Откуда мне знать, случайной или неслучайной? – оторопела Руденко, не сообразив, откуда подруга почерпнула эти сведения. – Если ты о книге, так я ляпнула, не подумавши.

- Теория смешнее не придумаешь, - вернулась Инна к высказыванию Киры. – А в школе Игнат что делал? Уроки литературы мимо прошли, как стая пересытившихся волков?

- Скорее всего. Или он, вообще, в школу не ходил и остался неучем. Зачем курьеру, допустим, писатели Толстые со своими заумными творениями, алгебра с ее квадратными уравнениями и химия с какой-то формулой метилового спирта?

- Намек непрозрачен, - насупилась Быстрова.

- Он тебе не пара, не пара, вот такая вот у нас запара, запара, - покривлялась подруга. – Но я этого не говорила.

- Курьер и юристка они, если честно, не пара, не пара, не пара, - поддержала ее Инка.

- Ты еще спой про «чумачедчую весну», - подзадорила Кира.

- Точно! Пришла и голову мне снесла чумачедчая, чумачедчая, - с чувством затынула она.

- Смотри, ласточки прилетели! – перебила певческий порыв подруги филологиня, у которой челюсть сводило от коверкания великого и могучего.

- Точно, - по-детски порадовалась Инна. – Люблю лето! Как хорошо сидеть на скамейке в тенистом парке и болтать с понимающей подругой...

- Смотри, ласточки прилетели! – сказал Игнат, тыча пальцем в раскрытое окно.

Быстрова скривилась и хотела напомнить взрослому мальчику, пусть и малограмотному курьеру, что показывать пальцем некрасиво. Но сдержалась. Вытерла насухо руки и повернулась к парню.

- Прекрасно! Люблю лето! – монотонным голосом произнесла она, сдерживая раздражение. Тех чувств, которые она испытывала в парке рядом с Кирой, не было.

- А меня? – быстро сориентировался Игнат.

- А ты меня?

- Я первый спросил!

Мама дорогая, - мысленно «воодушевилась» Инка, - с кем я связалась?! Детский сад, штаны на лямках. Он не на пять с половиной лет меня моложе, а на пятнадцать. И что выходит? Та же цифра пятнадцать, пусть и с хвостиком. Самый возраст для сексуального взлета! Ничем другим его не проймешь! Или применить к нему новые методы образования – не получишь заветный плод, если не прочтешь «Недоросль» Фонвизина. Баш на баш. Представляю выражение его красивого лица! Скажет, барышня тронулась на почве большого ума...

Не дождавшись объяснения в любви, Игнат привлек девушку к себе и с рычанием укусил на ухо.

Животная страсть полезла наружу, - подумала Инна, но не вырвалась, а отдалась этой страсти.

Ласки становились все настойчивее, мужчина подхватил девушку на руки и понес в комнату. И тут блуждающая по комнате стихия была остановлена трелью домашнего телефона. Инка дернулась, но Игнат не дал ей подняться.

- Пусть звонит.

- Вдруг это с работы, - задыхаясь, сказала она.

- Вечером в пятницу? И кто тебе дороже: я или работа? – так же задыхаясь, спросил он.

Быстрова изловчилась и выскользнула.

- Привет, Ленчик! У меня все хорошо.
- Дочь, ты не смотришь телевизор?
- Нет, а что такое? – она старалась говорить спокойно, но голос подрагивал. Девушка чувствовала, что сейчас услышит новость, которая подобно взбесившемуся жеребцу сбросит ее из седла.
- Мы сейчас смотрели по Первому каналу передачу «Жди меня», – отец замялся.
- И что? – простонала Инна.
- Доченька, тебя ищут...

Кира внимательно выслушала подругу.

- Почему ты так разволновалась? Может, в передаче не про тебя говорили? Мало ли на свете девушек с именем Инесса и с фамилией Вишнева.
- И к тому же у нее бабушка по отцовской линии живет в Екатеринбурге, и взять ее к себе она отказалась, когда та осталась сиротой. Не много ли совпадений? – губы Инны задрожали, она едва сдерживалась, чтобы не зареветь. Ее добило слово «сирота».

Сирота – это кто-то худенький, маленький, дрожащий и замученный. Такой она была в шестилетнем возрасте, когда вышла из зоны отчуждения и повстречала Леонида Ивановича Быстрова – самого лучшего человека на всем белом свете. Теперь у нее есть Ленчик, есть Катюша, Ванюша и Кира. Пока рядом мимолетное виденье Игнат. И нет Ефима Олева...

И будет ли, неизвестно...

- Мне раскаявшиеся бабушки не нужны! – твердо заявила Быстрова. - Она, видишь ли, покаяться решила перед смертью, доченьку свою прислала на передачу. Эта доченька чуть старше меня. Дорогой бабушке только лишней обузы не хватало, у нее в то время на руках был малолетний ребенок, а мужа не было. Удивительно, что мой отец отец ничего не знал о существовании сестры. Или знал, просто я была не в курсе по причине малолетства. У него с матерью, вообще, были странные отношения. Мы никогда не были у нее в гостях, отец к ней не рвался, а она не звала. У меня в детстве была одна бабушка, мамина мама, которая жила в поселке Копачи. А про призрачную бабушку в Свердловске я никогда не вспоминала, знала, что она есть и все.

- Но почему бы тебе не поехать к ней? – обронила невзначай подруга, она с удивлением заметила, что Инка сбросила кожу спокойной рассудительной девушки и превратилась в разгневанную волчицу, готовую порвать каждого, кто напомнит ей о чужой женщине, которая тридцать лет назад стала бабушкой, но сразу позабыла об этом. Выкинула из головы сына, когда он уехал учиться, и занялась устройством своей личной жизни. Наверное, нашла какого-то гастролера, испарившегося после новости о беременности пассии. А та подумала и решила оставить ребенка. А вдруг гастролер вернется, увидит дочь и бросит якорь. По всей видимости, он не вернулся, женщина обозлилась на весь свет, включая собственную дочь, которая всем видом напоминала матери о последней надежде на счастье. А тут еще внучка! Ей еще одного рта не хватало, и так перебивается от зарплаты до зарплаты. Не пропадет, государство позаботится. А позаботилось ли оно и жива ли родная внучка, за все годы не беспокоилась вопросом. Но почему вспомнила на старости лет? Или совесть замучила?.. Кира пожалела, что предприняла попытку уговорить Быстрову. Пусть сама решает, как поступить. Она умная, рассудительная. Была, до звонка Леонида Ивановича. А теперь похожа на неуправляемую морскую мину. Того и гляди взорвется при сильном «наезде». Руденко «наехала» и пожалела. Вся сжалась, будто приготовилась к взрыву, но Инка привычно сложила губы в трубочку, повертела ими из стороны в сторону. Привычный жест подруги успокоил Киру, она расслабилась и открыла рот, чтобы заявить о предоставлении свободы действий и что она не вправе указывать, но Быстрова не дала ей «расшаркаться».

- Ленчик тоже уговаривает меня поехать в Екатеринбург, а я... Я не знаю. И огрызаюсь, как взбесившаяся собака.

Слишком много сравнений для одной хрупкой девушки, стоящей на перепутье, - подумала Руденко, - и волчица, и морская мина, и взбесившаяся собака. И все не про нее. Она злится на себя, ощущает внутренний взрыв и пытается гасить его, но отголоски вырываются наружу слабыми возмущениями. Кире захотелось как-то помочь подруге, поддержать.

- Я с сегодняшнего дня в отпуске, могу довезти тебя до Ростова. Ты же с Леонидом Ивановичем полетишь в Екатеринбург? – спросила она, будто вопрос о поездке был решен.

- Естественно, куда я без него. – безэмоционально сказала Инна. Её плечи поникли, уголки глаз опустились, а на глаза навернулись настойчивые слезы.

- Иннусь, не расстраивайся. Тебя никто не заставляет воспылать к этой женщине любовью. Считаешь ее чужим человеком и считай. Твое право. Но не держи обиды в душе, иначе она тебя сожрет.

- Я не держу, - прогундосила Быстрова. – Просто не хочу ее видеть. Не хочу ворошить прошлое. Эта женщина – мать моего отца. Я боюсь...

- Боишься, что уснувшие воспоминания оживут?

- Боюсь...

- А вдруг случится чудо, и ты освободишься от гнета прошлого? Бабушка расскажет тебе об отце. Ведь, тебя окружают люди, которые толком ничего о нем не знают, не видели его фотографий. И ты сама мало, что помнишь. В голове живут лишь обрывки. Только с этой женщиной ты сможешь поговорить о нем, обменяться воспоминаниями на равных. Повидаться с ней – это все равно, как прикоснуться в памяти Геннадия Вишнева... Какая бы она не была, она его мать, в ней течет его кровь.

- Кирка, ты так хорошо сейчас сказала! – Инна так расчувствовалась, что слезы ускорили свой бег по щекам.

- Дуреха, кончай рыдать. – Она заботливо вытерла слезы на лице подруги бумажным платком, заставила высморкаться, как маленькую, и восхищенно заметила, - во всех ты видах, дорогуша, хороша! Даже, когда плачешь. Недаром на тебя клюнул красавец-молодец Игнат... Кстати, как его фамилия? – резко перепрыгнула она с одного на другое.

- Я у него паспорт не проверяла.

- Ну, ты мать даешь! – одарила ее укоризненным взглядом подруга. – Я возношу до небес ее ум, а она, оказывается, удалила все мозги из головы, как ненужный хлам и пустилась в развлечения.

- А зачем мне его фамилия? Замуж за него я не собираюсь!

- Причем, здесь замуж. А ты не подумала, что он авантюрист?! Или вор-рецидивист? – глаза Киры забегали, будто выше названный авантюрист притаился в укромном уголке и выжидает, когда представится случай совершить каверзу.

- Если ты обозвала его альфонсом, я бы еще поняла, а авантюристом... - протянула Инка.

- погоди! Он у тебя деньги выпрашивает?

- Не выпрашивает, но живет у меня и... - она замялась.

- И денег на общепит не суживает.

- Кир, я хорошо зарабатываю.

- И можешь себе позволить посадить на шею здоровяка, который имеет наглость жить за чужой счет! Инна! Я тебя не узнаю! – взвыла Руденко.

- Не дави на меня, - отмахнулась Быстрова, - я сама порывалась несколько раз указать Игнату на дверь, но... для этого должна быть причина. Тем более, ему негде жить. Со съемной квартиры он ушел...

- На дворе лето, не замерзнет. Или найдет еще одну заботливую дамочку, с которой он будет расплачиваться любовными утехами.
 - Равноценный обмен, - усмехнулась Инна.
 - Не для таких, как ты. Сама говорила, что секс у тебя не занимает передовых позиций.
 - Не секс удерживает меня от расставания. Я устала быть одна. Игнат не тяготит меня своим присутствием, не раздражает. Или раздражает, но совсем чуть-чуть. А когда я не пожелаю видеть его физиономию по утрам, то быстро разорву все отношения.
 - Он не напрашивался ехать с тобой? – Кира сказала не то, что хотела сказать: про одиночество, которое можно разбавить четвероногим другом, но прикусила язык – подруга не могла забыть Бэзила, и брать на его место другое пушистое существо она едва ли пожелает.
 - Еще не хватало брать с собой Игната! Ленчик, вообще, не знает о его существовании.
 - А то он не догадывается!
 - Может, и догадывается, но вслух не говорит и вопросов не задает. В отличие от некоторых особ с яркой внешностью!
 - Да, я такая, - восхитилась собственной неотразимостью Руденко.
- Подруги договорились выехать завтра ранним утром, Кира возмутилась, что Инна оставляет в квартире малознакомого парня, но та заявила, что воровать у нее нечего, а банковская карта всегда при ней...

В четыре утра солнце всю подглядывало за домом Быстровой из-за соседней пятиэтажки и заметило выходящую из подъезда Инну с дорожной сумкой. Она села в лимонный автомобильчик, расцеловалась с подругой, и машина - жучок полетела в дальний путь.

Через тринадцать часов тот же автомобиль затормозил у дома, где жили Ленчик, Катюша и Ванечка. Глава семейства нервно прохаживался на площадке перед подъездом, поодаль теснились жена и сын, внимательно следящие за его перемещениями. Едва Инка увидела всю компанию, то не преминула высказаться.

- Довел Катюку с Ванькой до точки боязни. Сам извелся, пока я была в дороге, и семью завел.
- Леонид Иванович звонил тебе час назад, удостоверился, что все нормально.
- И час, и два... Он волнуется за меня, а я за него – с больным сердцем надо держать себя в руках, а Ленчик излишне впечатлительный.
- Хорошо, что не знает, «кака гангрена» прижилась на твоей жилплощади.
- Да, уж, - поддержала подругу Инна, - эта «гангрена» летела бы с седьмого этажа, как сноубордист с заснеженного горного склона. Ленчик сразу бы разобрался в наших параллельных отношениях, и не стал медлить и раздумывать. Мое счастье для него превыше всего... Ты посмотри, увидел нашу машину, и сразу расцвел, как одуванчик, пригретый лучами солнца.
- Если бы кто-то мне сказал, что он твой приемный отец, я бы удивилась, - восхищенно произнесла Кира, - родных детей так не любят и не чувствуют.
- Это точно, - расплылась в улыбке Быстрова. – Я его обожаю!

С этими словами она выскользнула из автомобиля и повисла на мужчине, который гладил ее по голове и приговаривал: «Ну, наконец – то!» Потом она переметнулась к Кате и Ванюшке, которые вырвали ее из крепких объятий отца.

Инна представила супруге отца и брату свою подругу, ни разу не бывавшую в Ростове.

- Боже мой, как Ванечка на Инку похож! Одно лицо! – удивилась Руденко, взлохмачивая его непослушные вихры.
- Он родился рыженьким, как папа, затем «облысел», а когда стали расти новые волосики, то рыжины в них уже не было.

- Инночка похожа на мою бабушку, - встрял в разговор Быстров, не сводивший с дочери влюбленного взгляда, - и не только внешне, у них характеры одинаковые. Они очень сдружились, жаль, что Марго рано ушла от нас. В жизни так бывает – будто и не родня, а сходство есть.

- Это от взаимной любви, - констатировала Инна, - она опыляет людей, объединенных в семью, и те становятся двойняшками.

- Почему не близнецами? – задалась вопросом Кира, внимательно следящая за рассуждениями подруги.

- Потому что вылупились из разных яиц. – объявила она.

- Хватит философствовать, - остановила бьющий ручей красноречия Катя, - разговорами сыт не будешь, а у меня столько всего наготовлено!

- Только не перечисляй, а то у меня живот судорогой сведет. – Инка приложила руку к впавшему животу, - за все время пути перекусили парочкой бутербродов. Я предлагала Кире остановиться и перекусить в придорожном кафе, но она наотрез отказалась.

- И правильно сделала, - поддержала Руденко Катерина Быстрова, - после таких обедов можно в больнице месяц проваляться...

Перед сном Кира познакомилась с талисманом, представшим перед ней в совершенно потрепанном виде.

- Давно хотела его подкрасить, - начала оправдываться Инна, - но рука не поднимается. После преобразования это будет не мой мишка, а другой.

- Неужели ты вынесла его из Чернобыля? – удивилась подруга.

- Из Припяти, - поправила ее Быстрова. Для нее это имело существенное значение.

- Он такой тяже-о-лый. – Руденко взвесила его на руке, как гантель. – А ты была такая маленькая. Неужели прошла с ним несколько километров?

- Страх вытеснил из меня все чувства. Представь себе - вокруг высокие деревья, волки, лоси с ветвистыми рогами, зайцы, вылетающие из-под ног. И внутри этого сгустка страха – девочка с дерматиновой сумой, уверенно шагающая с ней в обнимку и смотрящая только себе под ноги.

- А откуда ты знала, в какую сторону надо идти?

- Мама мне втолковывала, где должно быть солнце... Она что-то еще говорила, но я не помню.

- А сумка сохранилась?

- Конечно! – Инка так обрадовалась, что кто-то заинтересовался ее реликвиями, что не удержалась, вскочила на стул и вытащила с верхней полки потрепанное произведение советской промышленности.

Кира сразу открыла ее и достала фотографию, где были сняты две девчушки в платочках.

- Ой, какие симпатичные матрешки! – восхитилась Руденко. – Одна из них ты, а другая твоя подруга?

- Подруга. Ее звали Мина, Мина Гранкина. Не знаю, как сложилась ее судьба после аварии на АЭС. Они с матерью эвакуировались вместе со всеми.

- А отец?

- Наверное, позже присоединился к ним. По крайней мере, в списках погибших он не значился.

- А ты не пыталась найти эту Мину Гранкину? – спросила Кира, продолжая изучать внутреннюю потрепанность сумки со стажем.

- Нет, - ответила Инна, в голосе которой появились странные нотки. Подруга даже решила, что та скрывает истину.

Руденко подняла на нее глаза и увидела губы Быстровой, сложенные в привычную трубочку, что свидетельствовало о нахлынувших размышлениях.

- Кира, я хотела тебе признаться в неблагоприятном поступке, - промямлила она. – Этот мишка на самом деле не мой, а Минкин. А его украла.

- Если бы тебя посадили за кражу, ты давно вышла, - пошутила подруга.

- Тебе смешно, а мне стыдно. Мина его так любила, а я завидовала. Когда они эвакуировались, мы с мамой зашли в их квартиру, чтобы пополнить запасы продовольствия. Все равно бы все в холодильнике пропало, а нам хватило на первое время, пока мы не добрались до Копачей.

- Инка, чего ты оправдываешься! Вы были... на военном положении. Тем более, не из рта у них вырывали последний кусок.

- Про продукты я не переживаю... Я про олимпийского мишку... Могла я оставить его в квартире Гранкиных? Могла! Он не колбаса, не пропадет, а я позарилась на чужую игрушку.

- Допустим, ты бы его не взяла, кто-то другой проник в их квартиру и вынес все, что под руку попало.

- Но медведь не представляет никакой ценности, - возразила Инна.

- Ты видела в интернете фотки теперешней Припяти?

- Нет, - испуганно замотала головой Быстрова, - и не хочу!

- А я видела, и скажу, правильно ты сделала, что не полюбопытствовала. Зрелище не для слабонервных, тем более не для бывших жителей города. Мурашки по телу бегут, когда видишь разруху, пустоту, запущение. Мародеры вынесли все, что могли унести. И мишку твоего бы прихватили! И не исполнилась твоя мечта – иметь личного талисмана.

- Он для меня талисман и для Минки, а для других - кусок свинца, отлитый в форму.

- Не занимайся самобичеванием, - пораскинув мозгами, заявила Кира. – Давно пора видеть хорошие сны, а не вытаскивать скелеты из шкафов.

Инка покосилась на шкаф-купе с разъявленной пастью, возле которого они сидели на полу и в котором должны покоиться старые тайны.

- Давай спать, я устала, - сказала подруга, непрерывно зевая.

- Думаешь, я смогу заснуть перед встречей с этой женщиной?!

- Называй ее бабушкой, это обращение выдавит из тебя застрявшую обиду, которую ты желаешь скрыть. И растопит страх накануне встречи.

- И понизит забор между нами, - в тон продолжила Быстрова.

- А она знает о вашем приезде?

- Отец звонил на первый канал, узнавал адрес... матери отца, - увильнула она от прямого высказывания, - прежде чем его дать, редактор передачи «Жди меня» связалась с Екатеринбургом, рассказала все обо мне, ТАМ сразу решили, что я это я, и разрешили дать адрес, но отказали корреспонденту в съемке встречи бабушки с внучкой.

- И правильно, лишние свидетели ни к чему.

- Не в этом дело.

- А в чем? В том, что привычных объятий и слез не будет, а будут взаимные обвинения. Она тебя не приютила, ты не сподобилась ее разыскать, чтобы дать стакан воды и кусок хлеба. Ты же не знала, что у нее есть дочь, которая это сделает за тебя.

- Не знала и не вспоминала о ней, но если бы она оказалась немощной и одинокой, я бы взяла ее к себе и заботилась о ней, несмотря на то... - слезы снова подобрались слишком близко. Инна удержалась от рыданий, иначе наутро ей придется любоваться своим опухшим лицом. Надо выглядеть нормально, все - таки первая встреча с человеком, давшим жизнь ее отцу. Жаль, что эта жизнь была такой короткой...

На следующий день вся компания была в аэропорту. Взрослые молчали, двое улетающих встревожено переглядывались, будто один боялся, что его попутчик даст задний ход и испарится, а тот пугался подбадривающих слов, которые ненароком вылетят из первого. Это подбадривание может погасить едва тлеющий костер желания и заставит в последний момент ускользнуть. Инка сосредоточилась на щебечущем, как воробей, Ванюшке, который восхищался самолетами на взлетном поле, летчиками в форме и столпотворением, царившим в аэропорту. Лето стащило отпускников с диванов, вложило им в руки чемоданы и отправило в путешествие. Ванька пятьдесят раз укорил отца на то, что тот не берет его «полетать на самолете», заодно причислил Инну к недругам, взяв на ее сестринское место Киру Руденко. Он так долго уговаривал ее остаться погостить, что та сдалась. Ко всему Катя сказала, что ей нужно на пару дней уехать по делам и сына не на кого оставить. Причина была веской, а мальчик не требовал смены памперсов и сольного пения, о чем она была осведомлена из рассказов подруги. Ванюшка был развитым и серьезным не по годам, и сразу шепотом сообщил новой подруге, что они будут ночи напролет резаться в нарды.

- На деньги? – сразу спросила Кира, чем вызвала изумление на лице шустрого мальчугана.

- У меня много нет, - скривив рот, покаялся он.

- По рублю устроит?

Ванька повеселел и высокомерно заметил, что можно и по три. На этом счастливые переговорщики уgomонились, хотя, в голове Ваньки вертелась еще одна идея, озвучить которую он пока не решился. Мальчик мечтал научиться игре в преферанс. В их семье карты были под запретом, но Инна, втайне от отца, научила брата резаться «в дурака», «в ведьму» и «в пьяницу». «Расписывать пульку» она не умела, но утверждала, что ее подруга Кира большой профи в этом деле. Ванька считал игру в преферанс игрой для настоящих мужчин. Хотя, папа утверждал, что настоящие мужчины активно занимаются спортом, хорошо учатся и не тратят время попусту...

На прощание Катюша расцеловала Инну в обе щеки, прижала ее к себе и шепнула.

- Не бери близко к сердцу, если отношения не сложатся. Ты жила без нее, проживешь и впредь. Мы любим тебя. Не как родную дочь, а просто родную дочь, без «как», не разделяя тебя и Ваню. Но волнуемся за тебя больше, чем за него: он на глазах, а ты далеко.

- Я знаю, - стиснув зубы, сказала Быстрова, у которой переживания, подобно удавке, сдавили тонкую шею.

Кира хотела казаться веселой, желая поднять градус настроения, шутила невпопад, в результате смолкла, предоставив самому младшему в компании развлекать четверых приунывших взрослых. Последним перлом в его балагурстве было вдохновенное замечание.

- Когда вырасту, женюсь на стюардессе, - при этом он проводил взглядом двух девушек в форме «Донавиа».

- Почему, именно, на стюардессе? – заинтересовалась мать, едва сдерживаясь от смеха.

- Она все время в воздухе, дома не бывает и можно завести любовницу...

«Боинг 737» приземлился в аэропорту «Кольцово» в положенное время. А Инка так надеялась, что по погодным условиям их высадят в Челябинске или еще в каком-нибудь городе, и встреча с родственниками отодвинется на неопределенное время. Как ни ругала себя на малодушие, справиться с волнением не могла. Девушка посмотрела в иллюминатор на современное здание аэропорта и назвала его шикарным. В отличие от июньской безоблачности и жары родного города небо Екатеринбурга было подернуто

пасмурной паутиной, а на сухом асфальте появились первые дождевые капли, украсив серость темными горошинами.

- Нас будут встречать? – опомнилась Быстрова.

- Я попросил, чтобы Вишневы ждали нас дома. Твоя бабушка все равно бы не приехала, у нее ноги больные, едва по квартире передвигается. Ее дочь Лина хотела приехать, но я ее отговорил. Лучше, если все произойдет в закрытой от посторонних глаз обстановке.

- Думаешь, нас будут снимать скрытой камерой?

- Кому мы нужны, - недовольно скривился Ленчик, - у первого канала есть более интересные сюжеты, чем бабушка и внучка, которые никогда не встречались и не стремились к этому.

Инна успокоилась – встреча откладывалась на некоторое время.

Быстровы сели в такси, Ленчик назвал адрес, и водитель, похожий на Папанова в фильме «Бриллиантовая рука», помчал их в город. Девушка не замечала красот за окном, не прислушивалась к монологу разговорчивого пожилого мужчины и вставляемым репликам Ленчика, она сосредоточилась на предстоящей встрече. Причем до такой степени, что колени начали подрагивать, словно над ними издевается молоток невропатолога. Инна попыталась натянуть на колени короткую юбку, предполагая, что согревание пойдет им на пользу, но юбка, подскочившая до середины бедра и выставляющая напоказ красивые стройные ноги, не сдавалась. Тогда Быстрова положила ладони на колени, заключив каждый коленный сустав «в объятия», как они это делали в детском саду. Дрожание пошло на убыль. Чтобы окончательно расслабиться девушка перешла к аутотренингу.

Она мысленно внушала себе: У меня все хорошо, все просто замечательно. У меня хорошая работа, которая доставляет удовлетворение всех видов: и материальное, и моральное и эмоциональное. Рядом со мной находится человек... Нет, скорее робот, запрограммированный на доставление удовольствий партнерше, которому не удалось вложить мозги и не научили разговаривать. Но сексуальное удовлетворение – тоже немало... У меня есть ТалисмЭн и талисман, только последний выполняет отведенную роль все реже и реже, но я сама отдала его от себя. Выросла и перестала играть в куклы. Или дочки-матери? Когда-то я была дочерью и никогда не буду матерью... Стоп, это уже не аутотренинг, результатом которого должен сам собой подавиться стресс (что бы ты подавился, гад такой!) и уйти излишняя возбудимость (прощай, прощай). Надо настроиться на позитив. И неправда, что я когда-то была дочерью, а после перестала ею быть. Я сначала была дочерью Вишневых, а потом стала дочерью Ленчика. Перешла из рук в руки, как почетное знамя, которое надо беречь... А что касается моего несостоявшегося материнства, так еще неизвестно, что лучше - быть одинокой женщиной или быть матерью-одиночкой, как Лина Вишнева, которая пошла по стопам своей матери и успела родить двоих детей от разных мужчин. И ни один из них не стал ей мужем, а детям – отцом. Старшая Вишнева всю жизнь проходила с девичьей фамилией, и дочь... Выйти замуж, когда за тобой тянутся два вагончика сложно, но возможно. Если не опуститься, в плане внешнего вида, и не опустить руки, в плане не гонки за очередным кавалером, ради которого горы сверну и реки заставлю поменять направление, а знать себе цену и быть готовой к неожиданной встрече. Тогда и глаз будет гореть, и губы улыбаться, и фигура будет не ломаной, а строгой, как спица... Но мне это не грозит... Хотя, от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Как говорил отец. Или это говорил Ленчик? Странно, но эти мужчины незаметно соединились в одно целое.

Инна покосилась на Быстрова. Он сидел с отрешенным видом и пытался обмануть дочь своей расслабленностью и готовностью к встрече с ее родней, которая может отнять у него часть ее любви. Ленчик всегда и всего боялся, когда дело касалось приемной дочери. Груз ответственности давил на него. Он позабыл, что органы опеки больше не заявятся к

ним в дом и не отберут девочку, если заметят ненадлежащий уход за ней. И уход, и внимание, и любовь – были сверх меры. Инка вспомнила, как он наглаживал ее школьную форму в младших классах, когда не стало Сони, как пришивал блестящие пуговицы к ее курточке, как кормил ее воскресными обедами, как отражал атаки родителей и сестры, настаивающих на выдворение приемной дочери из дома. Сколько раз Инка слышала, как ее имя сочеталось с выражением «поломанная судьба», пока не перестала приезжать в Киев, вычеркнув из своей жизни «украинских родственников». Теперь на горизонте замаячили «уральские родственники».

Лучше бы они были сном или миражом, - подумала девушка. – Переживания доведут меня до сумасшествия. Представляю: мы приезжаем, распаивается дверь, и появляется мой отец, Геннадий Вишнев, в женском обличи... Шокирующее зрелище...

Инна могла понять состояние Леонида Быстрова в тот памятный день. Когда прямо на него из леса вышло маленькое чудо в кумачовом берете и с дерматиновой сумкой в руках...

Едва они только подошли к двери, как она распахнулась. На пороге стояла пожилая женщина, обеими руками она опиралась на две палки. На заднем плане маячила ее дочь и двое малолетних внуков. Но они не удостоились внимания гостей, замерших на пороге с опешившими лицами.

- Мама? – выдавил из себя Ленчик.

- Клавдия Романовна? – удивилась Инна. – Но что Вы здесь делаете?

Гости непонимающе переглянулись, а потом стали внимательно изучать хозяйку. Она произнесла не то, что от нее ожидали услышать.

- Меня зовут Вероника Матвеевна. А вы имеете отношение к Литовченко?

- Фамилию Литовченко носила моя бабушка. Ее звали Маргарита Всеволодовна.

- Я так и поняла... А что? Я, правда, очень похожа на вашу мать, дочь Маргариты Всеволодовны?

- Одно лицо, - ответила вместо Ленчика Инна, не сводившая зачарованного взгляда с пожилой женщины.

- У мамы тоже ноги болят, но она передвигается с одной палочкой.

- Говорят, что близнецы даже на расстоянии мысленно обмениваются информацией и... болезнями, - невесело усмехнулась она.

- Но у моей мамы... - начал Быстров.

- Она ничего не знала о моем существовании.

- Марго ей ничего не рассказывала, - вмешалась Инна, - она поделилась только со мной. Ваша мать до конца жизни была уверена, что Вы не умерли при родах. И просила меня отыскать Вас. Я пыталась, но у меня ничего не вышло. Прошло столько лет.

- Семьдесят четыре. – задумчиво протянула женщина.

- Мам, приглашай гостей в дом, - первой опомнилась Лина.

Быстрова переключилась на нее. В грудь сунули раскаленную кочергу и проткнули сердце. Девушка автоматически приложила ладонь к левой стороне. Внутри горело, кровь варилась, сворачивалась и перестала бродить по сосудам.

Она вспомнила, как выглядел ее отец. Его лицо отчетливо всплыло в памяти и потянуло за собой вереницу воспоминаний, которые не умещались в одной голове. Инке казалось, что голова увеличивается в объеме, будто ее накачали воздухом при помощи велосипедного насоса.

- Дайте ей воды. – раздался откуда-то издали голос ТалисмЭна, отсоединивший насосный шланг. Воздух стал медленно выходить из образовавшегося отверстия, голова уменьшаться в объеме. Выпитая вода потушила пожар в груди.

- Ангелина очень похожа на брата, несмотря на то, что отцы у них разные, - встревоженным голосом пояснила бабушка.

Инна поняла, что каким-то образом оказалась на диване, а вокруг сгруппировались все родственники и с участием смотрят на нее. Пожилая женщина взяла ее за руку и стала внимательно изучать ее лицо.

- Инесса, ты очень красивая девушка, - восхитилась она, - ты взяла от родителей лучшие черты. - По морщинистой щеке проползла слеза, пробивая дорогу остальным. Слезы-сестры поспешили присоединиться к первопроходице. - Я не буду просить прощения, потому что не заслуживаю его, - с трудом подбирая слова, сказала она. - Хотела увидеть тебя перед смертью.

- Я зла на Вас не держу, - вырвалось у Быстровой. Этого она от себя не ожидала.

- Спасибо тебе.

Покаяние бабушки было прервано Ангелиной, которая никак не могла понять родственной связи между рыжеволосым мужчиной, который удочерил Инну, и ее мать, упомянувшей в разговоре незнакомую фамилию. Лина посчитала, что извинения розданы и приняты, а жарких неискренних объятий не предвидится, пожелала унять свое нарастающее любопытство и обратилась за разъяснением к гостю.

- Я сам впервые обо всем слышу, - обескуражено произнес Ленчик и пожал плечами. Он не сводил непонимающего взгляда с Вероники Матвеевны, точной копии его матери, будто никак не мог утвердиться в мысли, что перед ним не мать, а ее сестра-близнец. У них были похожими не только лица и фигуры средней упитанности, но и короткие стрижки, причем волосы были окрашены в одинаковый цвет – цвет спелой вишни. Не каждая дама в таком возрасте решится на такой оттенок, но сестры-близнецы, не сговариваясь, наградили волосы именно таким сочным цветом. На указательном пальце правой руки у Вероники была заметная мозоль, так же, как у Клавдии. Ногти были ухоженными, короткими и с матовым лаком светло-бежевого цвета.

- Требуют ухода не только больные ноги, но и стареющие руки, - высказалась бабушка, заметив изучающий взгляд Леонида. - Женщина должна следить за собой в любом возрасте!

- Мама тоже так считает, - улыбнулся Быстров.

- Не думала, что под конец жизни у меня появится не только внучка, но сестра и племянник.

- Еще есть племянница и двое внучатых племянников, - подсказал мужчина. - Я Вам после все подробно расскажу.

- Я ничего не понимаю! - взвыла Ангелина. - Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит?!

Все дружно повернулись к Веронике Матвеевне, как к источнику информации.

- Меня вырастила тетка, сестра матери, которая была фельдшерницей в родильном доме, где на свет появились две девочки-близняшки. Роды были трудными, женщина была в полубморочном состоянии, а дело было субботним вечером, когда врачи разбежались по домам, на дежурстве осталась моя тетя и пожилая санитарка, которая плохо видела, плохо слышала и плохо соображала. Ее давно хотели проводить на заслуженный отдых, да все жалели – женщина была одинока и жила одной работой. Тетка рассказывала, что вскоре после этого санитарка неожиданно скончалась. Не думайте, она не приложила руку к ее смерти, желая избавиться от единственной свидетельницы. Так совпало...

- Ради чего или ради кого Ваша тетя это сделала?

- Ради старшей сестры, которая совсем отчаялась стать матерью. Не забывайте, что шел тридцать седьмой год. Бесплодие не лечили...

В разговор вмешалась Инна, которая решила кое-что добавить.

- Фельдшерница сказала Марго, что вторая девочка родилась с внешними уродствами и множественными патологиями, и даже лучше, что она сразу умерла. И Маргарита Всеволодовна разволновалась, испугалась и не потребовала показать ей ребенка. Но сердце матери не обманешь. Когда прошло какое-то время, она сопоставила факты и

пришла к выводу, что девочка могла выжить. Но не решилась ни с кем поделиться, боялась даже намекнуть, винила себя. Муж знал, что на свет появились близнецы, но особо не опечалился потерей. Так утверждала сама бабуля. Время было голодное, тут бы одного ребенка прокормить.

- Да, время было непростое. Чтобы выжить, мои родители, мои настоящие родители, переехали на Урал, в небольшой поселок, – вставила Вероника Матвеевна.

- Наверное, была еще одна причина – хотели следы замести, – угрюмо заметил Ленчик.

- И следы замести, – поддержала его пожилая женщина. – Вслед за ними в поселок перебралась тетка Феня. Она меня очень любила. Родители относились ко мне, как игрушке, поиграют немного и забудут о моем существовании. А тетя всегда рядом. Я на них зла не держу, они работали, как проклятые, всегда хотели разбогатеть, несмотря на то, что в нашей стране в то время все были равны. Отец мечтал стать подпольным миллионером.

- Не пропитался советским патриотизмом? – удивилась Инна.

- Он был из кулаков, поэтому советскую власть, которая всё у него отняла, он так и не принял. В погоне за богатством, родители перебрались в поселок Растесс, где жили золотодобытчики, а меня оставили на тетку. Когда я окончила восьмилетку, мы с ней переехали в Свердловск. Я пошла по ее стопам, поступила в медучилище. В пятьдесят пятом отправились мы с Феней проведать отца с матерью. Мне в ту пору уже восемнадцать стукнуло. Приезжаем, а поселок, будто вымер. Вокруг ни души. Дома стоят, вещи на месте, а людей нет. Мы подумали, что кто-то напал на золотую жилу, вот они всей коммуной и копаются в земле. Прожили мы в поселке два дня, три, четыре, потом поехали в ближайший райцентр в милицию. Милиция приехали, порыскала по округе и никаких следов не нашла.

- Вообще никого? – испуганно прошептала Инна.

- Никого! Ни единой души!

- Вы так и не знаете, что с ними случилось?

- Не знаю, внученька, – отрицательно замотала головой женщина. Непривычное обращение не резануло девушку, лишь слегка кольнуло. На смену обиде неуверенными шагами подступала жалость к этой женщине. – За все годы никто из жителей Растесса так и не объявился. Я очень горевала. Про то, что я им не родная дочь, узнала гораздо позже.

- Не так давно, – подсказала Ангелина. – Тетка Феня почти сто лет прожила, из них почти треть в полной темноте.

- Она ослепла. – пояснила Вероника Матвеевна. – Все время твердила, что ее бог наказал за грехи. Я не догадывалась, о каких грехах она толдычит. Подумала, что на старости лет у нее с головой не в порядке. Перестала обращать внимание на странные намеки. Один раз спросила, но она на меня странно посмотрела и промолчала. Ну, думаю, точно помешалась моя тетушка. А Феня открылась лишь перед смертью.

- Пять лет назад. Ей девяносто три стукнуло. – доложила разговорчивая дочь. – Меня в семейные тайны не посвящали, я услышала, что у мамы были приемные родители, но как она к ним попала, не знала.

- Она запомнила фамилию женщины, которая Вас родила? – в глазах Ленчика сквозило недоверие.

- Говорила, что и том свете будет помнить ее имя. Маргарита Всеволодовна Литовченко... Тетя еще кое в чем призналась. – компания подобралась, включая и Лину, которая впервые услышала о существовании еще одной тайны слепой женщины. – Это случилось в середине семидесятых годов, мой сын Гена приехал на каникулы вместе с приятелем Олегом Гранкиным, они вместе в школе учились, вместе уехали в Ленинград поступать в институт. Он неподалеку от нас жил. Я была на работе, а Гена с тетей

Феней дома. Однажды в гости пришел Олег. Мальчишки сидели в комнате сына, ремонтировали поломанный телевизор, уже вечерело, и тут Гена вспомнил, что забыл купить хлеб и молоко. Я поздно с работы возвращалась, магазины уже закрыты, это не то, что сейчас... Продуктовый магазин был неподалеку, пару кварталов всего, он и говорит приятелю: «Не уходи, я скоро вернусь! Одна нога здесь другая там!» И надо было такому случиться, что в эту минуту наша Феня загорелась открыть внучатому племяннику тайну. Услышала, что входная дверь хлопнула, а то, что ушел Гена, а не Олег не сообразила. Позвала парня, а тот не успел ее переубедить, как она заявляет, что должна ему открыть великую тайну. И после этого Гена станет очень богатым человеком. Друг Олежек, естественно, передумал признаваться. А ослепшая Феня-добрая душа всё ему и выложила. Рассказала о золоте, которое нашла в доме своей сестры в поселке Растесс. Нашла и зарыла неподалеку. И указала точное место, где находится этот клад. Олег помычал что-то в ответ, чтобы не раскрываться, а когда Гена вернулся, он, как ни в чем не бывало, сидел в соседней комнате с паяльником в руках и обмозговывал полученные сведения, о которых узнал по счастливой случайности.

- И папа так ничего и не узнал? – постаралась говорить спокойно Быстрова, но в душе проснулся азарт золотоискателей.

- Слушай дальше, – загадочно произнесла бабушка. – Через неделю они собрались уезжать. А Феня мучается и не может понять, почему внук не заводит разговор о кладе. И почему сразу не отправился в поселок Растесс. На прощание тетка ему и говорит: «Ты, Геночка, с поисками золота не затягивай, а то, не ровен час, другие люди его найдут и присвоят себе. А золото по праву принадлежит тебе, твой дед с бабкой за него сгинули». А Геночка «ни сном, ни духом» не ведает, о чем идет речь. Начал выпытывать у Фени, когда и при каких обстоятельствах она рассказала о кладе. И сразу сообразил, кто стал обладателем скрытой информации. Добавил к догадкам отъезд приятеля, случившийся на следующий день после неожиданного признания Фени, вспомнил, что после возвращения его лицо светилось от счастья, и догадался, что золото уплыло в чужие руки. Я о теткиной тайне ничего не знала, хотя, в поселке мы были вместе. Она случайно обнаружила золото и перепрятала его. А Гена решил меня не расстраивать. Чего уж теперь говорить о том, чего нет.

- Надо было прижать друга к стенке и выбить из него признание, – заметил Ленчик.

- Он прижал! Феня утверждала, она была свидетелем их громкого разговора, но Олег стоял на своем – ничего не знаю, ничего не слышал, бабка не только ослепла, но и умом тронулась. За что получил по зубам от Геннадия, который Феню уважал и в обиду не давал.

- И продолжал с ним дружить? – удивилась Инна поведению своего отца.

- Может, потому и дружил, чтобы не упускать его из вида. А Олег не решался оторваться от Гены, иначе тот сразу бы догадался, что золото у него... В тот день сын сделал вид, что поверил другу. Олег извинился перед Феней за резкие слова, и они уехали.

- Теперь я знаю, почему папа говорил, что знает врага в лицо, а он об этом не догадывается. Я случайно услышала конец разговора его и мамы...

- Сплыло золото, но ты, доченька, не расстраивайся, – успокоил Инну Ленчик.

- Я со-вер-шен-но не расстроилась. – заверила она. На ее лице не было сожаления. – Что такое золото? Презренный металл! Лучше, когда тебя окружают дорогие люди. Не с точки зрения материальной ценности, а с точки зрения близости к сердцу. Он мне очень дорог, – с искренним чувством говорят о близком и родном человеке. А об изделии из золота: с восхищением, если оно твое, или с завистью, если оно принадлежит другому человеку. И присмаковывают при этом: «Оно очень дорогое!» Ну, дорогое, и что?! Сколько это кольцо, цепочка, серьги стоят? Десять тысяч, двадцать? Или миллион? Никакими деньгами невозможно оценить дорогого сердцу человека!

- Ленечка, ты воспитал умную и порядочную девочку! - расчувствовалась бабушка.
- Она сама себя воспитала и меня заодно!

Потом пошли воспоминания о детстве Инны и рассказы о матери Леонида, занявшие остаток дня, ночь и все время, пока Быстровы не собрались в обратный путь.

- Как бы я хотела обнять сестру! – сказала Вероника Матвеевна перед расставанием.
- Я сделаю все возможное, чтобы вы встретились! – заявил Леонид...

На обратном пути Инка почувствовала, как внутренние органы, которые до этого были сделаны из металла и со скрипом взаимодействовали друг с другом, стали превращаться в нормальные человеческие органы. Организм ожил, потеплел и стал легче. За все время пути с ее уст не сходила улыбка. Девушка мысленно пообщалась с Маргаритой Всеволодовной, доложила о выполненной просьбе, восхитилась ее ясновидением. Потом переключилась на Быстрова.

- Ленчик, неужели ты почувствовал тогда, что я тебе не чужой человек?
- Не знаю, - передернул он плечами. – С первой встречи я не мог ни о ком думать, кроме тебя. Хотел все время держать тебя на руках и баюкать. Ты была такая потерянная, испуганная, глазищи на поллица, губочки в трубочку. Прямо Красная шапочка, чудом спасшаяся от волка. Сама малютка, а глаза взрослые, и в них столько боли и ужаса, что самому дурно стало.
- Как все перепуталось. У Марго украли новорожденную девочку, эта девочка потеряла родителей, родила сына Гену, тот вырос, женился на Ефимии, они оказались в Припяти, у них родилась дочь Инесса... Жили и не знали, что в Киеве, совсем неподалеку, живет родная мать Вероники Вишневой, бабушка Геннадия. Происходит авария на Чернобыльской АЭС, я теряю родителей, сама чудом спасаюсь, не получив положенной дозы радиации, от которой люди умирают, выхожу из зоны отчуждения и попадаю в руки человека, который мне приходится родным дядей... И не говори, что судьба не смилостивилась надо мной!.. Что интересно: Марго чувствовала во мне родственную душу. Она удивлялась нашему сходству. Недаром мы привязались друг к другу.
- А моя мать ничего не почувствовала.
- Она... неэмоциональная, - смягчила ответ Инна. Ей хотелось обзвать женщину сухарем, но язык не повернулся. – И в этом они похожи с сестрой. Ты заметил, что она не прыгала до потолка, когда мы заявили. Всплакнула для вида и успокоилась.
- Она не могла прыгать, у нее ноги больные, - с серьезным видом заключил Быстров.
- Некоторые исцеляются от радости, - вскинула брови Инка. – Но я не обижаюсь. Я сама не питаю к ней никаких чувств. Знаю, что эта женщина родила моего отца и приходится мне бабушкой, не более того.
- Любовь измеряется расстоянием: чем дальше люди друг от друга, тем чувства слабее. И я не верю, что любовь может вспыхнуть заочно. Как в случае с тобой.
- Философ, - констатировала девушка, приткнулась к плечу отца и засопела.
До приземления оставался целый час...

Кира Руденка «прижилась» на территории Быстровых. Освоилась в комнате Инны, воспитывала Ваньку, готовила еду, вдвоем они ходили по магазинам, мастерили воздушного змея, тайно играли в преферанс и открыто – в нарды. Ванька выиграл баснословную по его меркам сумму и купил на все деньги мороженое, которое они вдвоем умяли за один присест. Катерина была в командировке, помощь в уничтожении вкусной, но ледяной сладости, не оказывала, в связи с чем, на следующий день взрослая девица и десятилетний отрок маялись от боли в горле. Решили полечиться и переусердствовали с медом, от которого у обоих на щеках появилась сыпь.

- Красавцы, - заключила доктор Быстрова, появившись на пороге. И перешла к беспощадному лечению, напичкав таблетками и теплым молоком с пенкой.

Ванюшка страдал, но показывал пример госте, которая капризничала не хуже малолетней девчонки. Он обещал ей почитать вслух, когда голос прорежется, а пока они лежали на диване, укрытые теплым одеялом (и это в невероятную жару) и смотрели телевизор. День усердного ухаживания дал результат – температура упала, в горле перестали перемешивать битое стекло и появился аппетит.

- Завтра Леонид Иванович с Инной возвращаются, - протянула Кира со счастливой улыбкой на лице.

- И ты... уедешь? – испугался десятилетний приятель.

- Да, брат, придется, - покаялась девушка. – Но я буду приезжать вместе с Инкой. Если ты не против.

- Я не против. Я очень даже не против! – расцвел Ванюшка.

Руденко разговаривала с ним на равных, поэтому сразу перешла на серьезную тему.

- Вань, тебя не показалось, что эти двое, я имею в виду твоего отца и сестру, что-то от нас скрывают?

- Показалось, - нахмурился мальчик, будто его обвели вокруг пальца: пообещали пирожное, большое и вкусное, а за это потребовали выучить длинное стихотворение. Он учил целый день, прочел его без запинки, и не получил обещанного. – Хитрят эти взрослые, - с умным видом сказал он, сложил губы в трубочку и повертел ими в разные стороны.

- Ошалеть! – застыла с открытым ртом Кира. – И кто сказал, что вы с Инкой не родня?!

- Роднее не бывает, - подытожил Быстров-младший.

И оказался близко от истины...

- Этого не может быть! – хором сказали Катя и Кира и посмотрели друг на друга, словно искали подтверждения.

- Я не сомневался, что Инна – моя сестра, пусть и двоюродная. – гордо заявил Иван.

- Эх, ты, ясновидящий, - улыбнулась двоюродная сестра и прижала его к себе. – Не семья, а сборище медиумов.

- Я сразу уловила сходство Вани и Инны, - напомнила о себе Руденко.

- Твоей наблюдательности позавидуешь! – восхитилась подруга.

Кира проигнорировала «укол».

- Нет, ну каков Гранкин! Вот, сволочь! Надо найти его и заставить вернуть чужое золото!

- Легко сказать, - фыркнула Быстрова. – Скорее всего, дядя Олег прихватил семейство, дошел с ним «до городу Парижу» и живет там припеваючи.

- Весьма вероятно. Зачем ему страна, где банкам веры нет, людей дурят, экономические кризисы и обвалы рублика. – поддержала подругу Руденко.

- В Европе тоже не все гладко: и кризисы, и демонстрации, - постоял за Россию Ленчик. – Хорошо там, где нас нет.

Быстров устал от перелета и напряжения последних дней, поэтому свернул споры, подмигнул жене, та поняла его и пригласила к столу.

После ужина мужчина уединился в спальне и позвонил матери. Он так волновался, что постоянно сбивался, путался и перескакивал с одного на другое. Клавдия Романовна терпеливо выслушала и безэмоциональным голосом произнесла:

- Этого не может быть. Если бы у матери на самом деле была еще одна девочка, она приложила бы все силы и нашла ее.

- Но ей сказали, что девочка умерла.

Ленчик ясно услышал шипящий голос сестры рядом с матерью. Женщина отодвинула от себя телефонную трубку и в двух словах обрисовала ситуацию. Быстров отчетливо услышал, как Надежда возмутилась:

- Может, она еще захочет делить бабкину квартиру?!

Он не пожелал продолжать разговор.

Чувства не меряют родственными узами.

Леня всю жизнь бился в закрытое сердце матери и так и не достучался. Старался быть прилежным мальчиком и в душе злился на себя за то, что выпрашивает любовь, как дворняжка, замерзающая на улице в зимнюю стужу. И вот в его сердце зашла Инна. Растопила злость и заставила стать обычным человеком, который не забегаёт вперед и не путается под ногами, не вызывая при этом сострадания, не говоря о любви. Ледяное безразличие... Сколько раз Леня размышлял ночами о способах завоевания интереса матери. Сколько раз представлял, как она прижимает его к себе, целует в макушку и восхищается им. Пусть скажет короткую фразу: «Ты молодец, сынок!» Никогда она не обратилась к нему с ласкательным «сынок» или «Ленечка». Всегда «Леонид», будто он провинился перед ней.

Это не он удочерил Инну. Это она его... как это правильно назвать? «Упапила?» Усыновил, удочерил, значит, можно «упапить». И Леонид превратился в Ленчика.

Перед глазами снова встала девочка в коротком пальтишке... Любимая, родная... Спасительница...

На следующий день девчонки собрались в Волгоград.

- Вы всю ночь шептались! Как Кира сядет за руль? – возмутилась Катерина.

- Мне надо завтра быть на работе. У нашего дорогого Андрея Павловича Профири показательный процесс. Он будет укладывать на лопатки прокурора, не хочу пропустить мастер-класс.

- Довод убедительный, - сказал Быстров, но было заметно, что расставаться с дочерью ему не хочется.

- Пап, не переживай, у меня скоро отпуск... – Инна так торопилась успокоить Ленчика, что не заметила, как обращение, которого он так ждал, вырвалось легко, без запинки. – И... я... приеду, - заспотыкалась она.

Мужчина расчувствовался, обнял дочь, привычно погладил по голове и едва сдерживаясь, прохрипел.

- Девочка моя, любимая моя доченька...

Женщины зашмыгали носами, Катя скрылась на кухне, за ней последовала Кира. Там они дали волю слезам. Ванька обхватил ручками отца и сестру, боднув их вихрастой головой, и, как обычно, разрядил обстановку.

- Инн, не плачь, я вырасту и женюсь на тебе. – потом подумал и добавил. – Только не знаю, как к этому отнесется Кира, а ей первой обещал.

Сестра оторвалась от отца и серьезно заметила.

- Придется уступить подружке такого завидного жениха.

- Это правильно. Она же первая получила предложение. А о тебе я позабочусь. У меня есть товарищ... Тоже неплохой парень...

После завтрака Инна никак не могла «собрать себя в кучу», ползала по квартире, как муха, разбуженная посередине зимы, укладывала вещи в дорожную сумку, потом понимала, что толстый свитер ей не нужен, выкладывала его. В сумке неизвестным образом оказалась меховая шапка, которую Быстрова носила в школе. Инка вытащила ее и долго рассматривала, словно выискивала у мохнатого головного убора ноги. Поохала, повздыхала, увидела на дне баула медведя-талисмана, открыла рот от удивления, но решила не возвращать на положенное место: раз мишка оказался среди вещей, значит, так было нужно. Отец, внимательно следивший за ее заторможенным состоянием и вялыми перемещениями, вскользь заметил.

- Лучше бы вы завтра поехали. Отоспались и на зорьке двинулись в путь.

- Вот именно, - подержал его Ваня. – Зачем тебе мастер-класс, ты и так все знаешь.
- Человек не может все знать, он должен развиваться и учиться всю жизнь.

Высказанная теория мальчика не порадовала, он приуныл и исчез в своей комнате, чтобы мама не вспомнила про список книг, выданный ученику пятого класса для летнего прочтения. Появился он через полчаса, когда в прихожей заговорили хором...

Трасса была загруженной, и Кира возмутилась, что они не выехали раньше. Солнце палило, асфальт плавился, автомобили медленно двигались в длинной связке. Впереди лимонного жука тащился белый рефрижератор с красной надписью «Магнит» на борту. Он возмущенно фыркал и отравлял атмосферу. Девушки задраились в салоне автомобиля, где кондиционер создавал приятный микроклимат, и пялились на непрезентабельный вид контейнеровоза.

- Инка, не молчи! – приказала Руденко, - а то усну!
- У тебя это звучит, как «а то укушу», - подавила зевком подруга.
- Не спи, а меня развлекай!
- Ты бы поспала по три часа в сутки, я бы на тебя посмотрела.
- Держись! Приедем в Волгоград, затащу тебя к себе, а то твой гигант большого секса не даст выспаться.
- Спорить не буду, вези меня к себе или еще куда-нибудь, где есть кондиционер и место для сна.
- Перестань тянуть слова, еще чуть-чуть и ты клюнешь носом панель, как аист в басне Крылова, гостивший у лисы! Клюнешь и отключишься.
- Я не настольная лампа, чтобы включаться или выключаться, - заявила Инна, хлопая глазами. – К тому же пристегнута ремнем безопасности. Главное, чтобы ты не уснула, иначе можно съехать в кювет.
- Кювет это не самое страшное, вот если мы «поцелуем» в зад дорожную машинку, тогда останемся без жука и пойдем пешком.
- Почему пешком? – спросила плохо соображающая Быстрова.
- Потому что его заберут в счет долга за разбитый крутой автомобиль.
- Все я не сплю! Сейчас буду тебя развлекать...

Кира изловчилась и перегнала длинный рефрижератор с прицепом, дело пошло быстрее, жучок покатило веселее.

- А знаешь ли ты, Кирочка, почему в бермудском треугольнике пропадают корабли? – пропела голосом сказочницы-рассказчицы Инна и, не дождавшись ответа, перешла к пояснениям. – На дне океана нашли пирамиду, которая в три раза больше пирамиды Хеопса. Она изготовлена из стекла или из полированной керамики, не разобрались, но выдвинули версию, что причина кроется в ней! Ученые предположили, что эту пирамиду сделало племя Майя. Они же научили пирамидостроению египтян.
- Она затягивает внутрь корабли? – удивилась Руденко, уверенно обгоня старенькую шестерку, за рулем которой сидела немолодая женщина крестьянской наружности в лихо повязанной платке – уголками вверх, как у матери кузнеца Вакулы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Инка проводила взглядом «Жигули», выискивая в салоне рогатого черта, но кроме занявших все заднее сиденье коробок, ничего не нашла.

- Может, и затягивают, - после непродолжительного молчания сказала она.
- Поговорили, - усмехнулась Кира.
- Не обижайся, котелок совсем не варит, - пожаловалась Быстрова. – Но я могу спеть или предаться декламации.
- Боюсь, от твоего пения у меня мигрень начнется.
- Обижаете, гражданка водитель. У меня прекрасный голос...

- И слух отсутствует!
- А Ваньке нравилось!
- Бедный мальчик!
- Он очень внимательно слушал!
- Удивлялся, как сестра может так ужасно перевернуть мотив. – захихикала Руденко.
- Злыдня, - отрезала Инна, съехала по сидению, сложила руки колечком на груди и стала бороться со сном.

Кира включила радио, по салону поплыла приятная музыка, она переключила на другую волну, где не было усыпляющей мелодии, а диктор рассказывал о курсе валют. Она стала прислушиваться к непонятным для филолога сравнениям, пытаюсь вникнуть в суть и отвлечься.

Быстрова тихо посапывала и вызывала зависть. «Жук» с Руденко за рулем обошел очередную вереницу автомобилей и вышел в лидеры. От курса валют мужчина перешел к погоде, не порадовал понижением температуры, после чего забубнила реклама, призывающая каждого нормального человека бросить все к чертовой матери и отправиться в Египет.

- Счас, - поджала губы Кира, - они там власть никак не поделят, а нас приглашают в гости. И что там делать летом? У нас нестерпимая жара, а там настоящая духовка. Надо ездить в Египет в начале весны или в середине осени. – Девушка кинула взгляд на мирно спящую подругу, ожидая от нее привычных возражений.

Но Инна не реагировала на громкий голос, она наслаждалась забытием, где снова был он – Ефим Олев, бессердечный и жестокий человек...

А Руденко продолжила размышления вслух, обращаясь при этом к Быстровой.

- Я знаю, ты иного мнения, но я придерживаюсь своей теории – лучший отдых на курортах Краснодарского края. – Ее тут же поддержал верещащий женский голос из радио. – У меня осталась всего неделя отпуска из двух положенных, - вздохнула она. – Ехать одной - неприлично и скучно. Вот, если бы... - Перед глазами снова встал brutальный француз...

Дорога была такой прямой, как нескончаемая ковровая дорожка, выложенная перед дорогим гостем. После Большой Калитвы автомобилей на трассе стало меньше, но Кира не превышала скорость. Спешка будет мешать ей предаваться мечтам, которые медленно вползали в салон и притупляли бдительность.

Вокруг дороги живым забором выстроились высокие кустарники с розово-зеленоватым цветением, больше похожим на сладкую вату. Кустарники сменялись полосой пирамидальных тополей, напоминающих стойких оловянных солдатиков. Кроме них «пробегали» поля с молодыми подсолнухами - прилежными учениками солнца, за которым они все зорко следили, боясь пропустить малейшее движение. Затем картина повторялась для тех, кто не успел насладиться природой Ростовской области. В периодическое однообразие вклинивались поля с зеленой пшеницей, радующие глаз. Каждый мог убедиться, что от голода в следующую зиму мы не умрем.

Не было самого главного – сучковатых виноградников, уходивших за горизонт. И мужчины, который пойдет навстречу, щурясь от яркого солнца.

«Ковровая дорожка» заканчивалась крутым поворотом на мост, перекинутый через пруд болотистого цвета, неширокий, но достаточно вытянутый. Он был огорожен забором из сваренных металлических труб. Перед мостом имелся крутой спуск, больше похожий на обрыв. При желании усталый путник мог спуститься вниз при помощи толстоствольного бурьяна, оказаться у воды и послушать веселое кваканье лягушек, восседавших с важным раздутым видом среди камышей. Берег был усыпан огромных размеров лопухами, теснивших друг друга и создававших иллюзию неровного стола.

«Жук» бежал со средней скоростью и удивлялся, что водитель не реагирует на скорый поворот, а вцепился двумя руками за руль и удерживает его на линии.

Крутой съезд надвигался, как айсберг на «Титаник».

Когда до спуска оставалось метров десять, в салоне громко заиграла детская песенка: «Вместе весело шагать по просторам...» Рингтон на телефоне Быстровой разбудил водителя, не успевшего погрузиться в глубокий сон и раствориться в объятиях француза. Кира дернулась, открыла глаза и в последний момент увидела, что дорога обрывается, будто шутник невиданных размеров откусил от нее ощутимый кусок. Она резко нажала на тормоз.

- Ничего себе, - сонно пробормотала Инна, переводя взгляд с обрыва, маячившего под передними колесами, на дребезжащий мобильник.

- Могли кувырнуться и оказаться вниз головой в болоте, - «успокоила» подруга.

Раз дощечка, два дощечка - будет лесенка, раз словечко, два словечко - будет пе-сен-ка, - надрывался телефон.

- Ответь! - приказала Руденко Быстровой, которая никак не могла сообразить, откуда льется задорный пересчет.

- Это же Ленчик, - закатила глаза Инка, схватила трубку, прокашлялась и бойким голосом затараторила, - привет, пап! У нас все хорошо, мы едем, едем...

- В далекие края, - скривилась подруга. Она никак не могла выпустить из цепкой хватки руль.

Вдруг водительская дверь рывком открылась, и появился ОН.

- Девушка, с Вами все в порядке? - спросил француз из мечты. Он был во всем белом, дорогом и мнущемся. Но его это видимое пренебрежение не портило. Он был... обалденным. Увидела и сразу обалдела.

Кира опустила глаза, желая убедиться, что на ногах мужчины обуты сапоги. Но сапог не было, были классные мокасины цвета слоновой кости.

- Пап, я тебе после перезвоню, - прошелестела Инка и замерла с мобильником в руках.

Голос подруги, пусть и сбавивший громкость и бравурность, вернул на землю Руденко. Но ненадолго. Взгляд уткнулся в грудь, видневшуюся в проеме сверх меры расстегнутой светлой льняной рубахи, и не пожелал уходить. Быстрова взяла на себя инициативу, желая спасти очумевшую подругу.

- Представляете, мы обе уснули! - заявила она со счастливой улыбкой на лице, что наводило на мысль, что обе девушки страдали более года бессонницей, которая, наконец, сменилась тяжелым забытием. Причем в самое неподходящее время.

- Бывает, - дернул красивой головой «француз», - но постарайтесь больше не засыпать за рулем...

Сейчас он захлопнет дверь и уйдет, - с ужасом подумала Кира и покосилась на сообразительную подругу, посвященную в ее страдания.

- Э-э-э, - заблеяла понятливая Инна, в голове которой перемалывались на мясорубке умные мысли. - А вы... А вы не знаете, где можно выпить крепкого кофе, чтобы окончательно проснуться и зарядиться бодростью? - нашлась она.

За кокетливым вопросом читался явный намек на продолжение знакомства. Настал час «Р», то есть решающий. Он может бросить на ходу безразличное «не знаю» и уйти. А они будут смотреть ему в след, и любоваться его длинными вьющимися волосами, с которыми заигрывает шалун-ветер. Или сначала он объяснит, где можно вкусить бодрящего напитка, но без него, и... затем уйти. А они...

Или еще один вариант. Он, как галантный кавалер, предложит составить им компанию. Посидит для вида минут десять, расскажет о красавице жене и троих детишках, один из которых похож на него, а двое других - вылитые мать. Оплатит счет, откланяется и... А они...

Кира закусила губу от напряженного ожидания.

Как там говорит Инка: «Пан или пропал?» Невеста без места или девушка с синицей в руках, как намек на претворение сказки в быль. Это уже из филолога Руденко, которая на данный момент растеряла все знания.

- Предлагаю устроить пикник! – восторженно заявил «француз», будто приглашал на банкет по случаю защиты диссертации, над которой он корпел долгие годы.

- Пикник?! – вскинула брови Быстрова.

- Пикник?! – зарделась Кира, которая не учла еще одного варианта развития события.

- Пикник, - по-детски расцвел «француз» и превратился в обычного русского молодого мужчину, заинтересовавшегося миловидной девушкой, которая никак не могла оправиться от шока.

- А где? – испуганно спросила филологиня и покосилась на обрыв.

- Можно немного дальше проехать, - махнул он за мосток. – Там есть еще один водоем, более чистый и облагороженный... Я поеду впереди, а вы за мной... Вы в состоянии вести автомобиль?

- В состоянии, - боднула головой жаркий воздух Кира, успевший просочиться в салон с улицы.

- Забыл представиться, - опомнился мужчина.

Сейчас он скажет, что его зовут Любомир, и... я не стану провожать его взглядом, пусть он сам любит моим лимонным жучком, убегающим далеко вперед. – обреченно подумала Руденко.

– Меня зовут Михаил.

- А фамилия, - подобралась она, зыркнув в сторону беспечной подруги, показывая ей пример правильного знакомства с женщиной.

- Парижев.

- Михаил Парижев, - задумчиво протянула она.

- Михаил Александрович Парижев, - добавил он, акцентируясь на отчестве, которое могло стать последним аргументом для пикника.

- Кира Яковлевна Руденко, - сказала она, мысленно меняя девичью фамилию на фамилию гипотетического жениха.

- Инна, - коротко назвалась девушка.

Михаил одарил обеих приветливой улыбкой и захлопнул дверь «Жука». Кира следила за ним в зеркало заднего обзора, видела, как он подошел к темно-синей «Ауди», сел за руль и двинулся в путь.

- Как думаешь, он женат? – спросила она, пристраиваясь в хвост автомобиля Парижева.

- Сомневаюсь, - отрапортовала Быстрова, - у него глаза холостяка.

- Это как?

- У него глаза не бегают, как у женатика, который решился приударить за девицей, но боится, что ревнивая супруга явится в самый неподходящий момент. У Михаила открытый взгляд человека, который принимает решения самостоятельно, без нажима семейного совета. Я не удивлюсь, если он воспитывался в детском доме.

- Кому-то повезет. Достанется классный муж и не будет свекрови.

- Не забывай, это мои предположения.

- Все Быстровы медиумы! – констатировала подруга.

- А Ленчик настоящий талисмЭн. Он почувствовал беду и позвонил.

- ТалисмЭн? – удивилась Кира.

- Да, талисмЭн. Человек-остров, к которому меня прибило и который защищает меня от жизненных невзгод.

- Везет тебе...

- Мне всегда везет...

Михаил Парижев, тридцати двух лет от роду, был холост, воспитывался в детском доме в городе-герое Волгограде, учился в Ростове и там же остался. Вырос до руководителя предприятия, которое занимается проектированием и постройкой маломерных судов по индивидуальным проектам. После такого заявления Кира больше не думала о виноградиках, теперь она шла под парусом большой яхты, которой управлял ОН...

На этой обнадеживающей ноте, Инна решила оставить подругу наедине с мужчиной, который оказался одомашненным до такой степени, что возил с собой термос с необыкновенно-вкусным кофе и пачку печенья, пренебрегая придорожными забегаловками. К печенью и кофе добавились пирожки, выданные Катериной. Тактичная Быстрова с удовольствием выпила кофе, сосредоточенно пожевала пирожок, утянула печенье и отправилась собирать букет полевых цветов. Она размышляла о случайностях, которые могут разом изменить жизнь. Или оборвать ее. Сначала их спас звонок Ленчика, потом появился Миша. Он не промчался мимо, остановился и поспешил на помощь, не размышляя о том, кто находится в маленьком автомобильчике, замершем у обрыва: дама преклонных лет или молодая вертихвостка. Про мужчину-водителя, он не подумал, такими игрушечными машинками управляют, как правило, женщины.

Поначалу Инна бросала за спину встревоженные взгляды: вдруг Парижев обидит очарованную им Киру. Но вскоре успокоилась – мужчина излучал безопасную положительную энергию, которая передавалась женщине, та заряжалась и загоралась подобно электрической лампочке без ограничения мощности.

Когда солнце сдвинулось с высшей точки и покатилося к западу, Быстрова вернулась к потерянной во времени парочке и намекнула на продолжение пути. Молодые люди очнулись. Кира не успела выстроить предположения о развития отношений, которые могут пойти в разных направлениях, как Михаил выпросил у нее номер телефона, продиктовал свой, напомнил, что завтра они идут на крестины и пояснил Инне.

- У моего друга сын родился, меня позвали быть крестным отцом.

Еще минут пятнадцать он пытался объяснить тонкости судостроения. На лице Руденко зависла глупая улыбка, свидетельствующая о том, что она не только ничего не понимает, но и ничего не слышит. Он рядом, он улыбается, он разговаривает, он... намекает глазами о своих чувствах...

Инна не видела подругу целую неделю, лишь перезванивалась с ней и выслушивала восторженные монологи. Затем восторг пошел на убыль – Михаил собрался назад в Ростов. Чем ближе подходил день расставания, тем уменьшалась яркость лампочки, пока не потухла окончательно. На вечер был назначен прощальный ужин в ресторане. Парижев приглашал и Быстрову с кавалером, но та отказалась, сославшись на занятость перед отпуском. Она не хотела портить подруге последний вечер.

Кире не верилось, что реальное счастье превратилось в кусок льда, который быстро растаял и стал озером слез. Она надеялась на развитие отношений, хотя, понимала, что надежда не пускает корни в сухой неудобренной почве, за которой должен ухаживать мужчина-садовник.

Перед свиданием-расставанием Инка позвонила Кире, чтобы как-то подбодрить ее. Но вылепить что-то из жидкого теста весьма сложно. И почти невозможно. Подруга слушала, поддакивала невпопад, а мысли уже были за столиком ресторана, где ей суждено услышать слова, которые не раз раздавались с телевизионного экрана: Ты замечательная, мне было так хорошо с тобой...

А если все хорошо, то почему не сделать так, чтобы было еще лучше? Или узнавание усугубит процесс разочарования?

Руденко забросала вопросами Быстрову, как снежками, от которых некуда увернуться. У Инны не было ответов, в делах любви она была так же несведуща, как в любимом Мишей

судостроении. Ко всему Кира напомнила осуждающим тоном, что она остается в полном одиночестве – с понедельника подруга идет в отпуск и отбывает с кавалером на море.

- Хочешь, я никуда не поеду, - с готовностью предложила адвокатесса, которая считала дни до поездки.

- Мне жертвы не нужны. Тем более я выхожу на работу...

Кира позвонила ближе к полуночи и сразу заговорила бодрым голосом, напомнив Быстровой человека, которому достался последний билет на концерт оперной дивы.

- Инка, он сволочь!

- Кирочка, не волнуйся, какие наши годы... - начала успокоительный процесс та, но была резко перебита.

- Нет, ты только подумай! Я места себе не нахожу, страдаю, чем ближе разлука, тем сильнее страдаю, а он смотрит на меня с радостным сожалением, как неопытный палач на жертву, и молчит весь вечер. Я тоже молчу, но стараюсь выглядеть спокойной, даже веселой...

- Представляю себе это веселье с перекошенным ртом, - вставила Быстрова.

- Наверное, - пораскинув мозгами, заявила Руденко, - но ты не перебивай, слушай, что было дальше... В общем, ужин прошел в напряженной трагикомической обстановке. Он молчит, а в глазах чертики пляшут, я болтаю, а в глазах застыли слезы, будто это не глаза, а запотевшие окна, через которые ни зги не видать. К еде почти не притронулись, выпила бокал шампанского и всё. Хотя, у меня была дурная мыслишка: взять и надраться, а потом сплясать на столе джиу-джитсу...

- Это вид японской борьбы, - поумничала Инна.

- Да? Ну, и ладно... Но звучит красиво! Я думала, что это вроде лезгинки...

- Что было дальше?

- Прошлись мы до моего дома пешочком, взявшись за руки, как двое пионеров, нарушающих лагерный режим, остановились у подъезда, я начинаю что-то молотить, типа, было приятно познакомиться. Туплю по полной. Он бросает мою руку и начинает копаться в своей пижонской сумочке. Будто ему мои слова до лампочки, и сейчас самое важное – найти носовой платок, чтобы утереть мне слезы.

- Мужчины не носят платков в сумках, они любят все рассовывать по карманам. - Инку тянуло на вставки-заметки.

- Не перебивай! - рявкнула Кира. – Вытащил что-то из сумки, но не показывает. Зажал в кулаке и улыбается, как заговорщик. Потом фокусным приемом вывернул руку, а на ладони... бархатная коробочка, а в ней колечко! Это я после выяснила, когда прозвучало предложение руки и сердца.

- Ты... теперь... в Ростов переедешь?

- Перееду! А ты не рада за меня?

- Еще как рада, но расставаться с тобой не хочется.

- Почему бы тебе не вернуться к Леониду Ивановичу? Или ты не хочешь из-за Игната?

- Там видно будет... Но ты пока оставь у себя олимпийского медведя, а то я уезжаю...

Талисман застрял у Киры после возвращения от отца. Подруга, как и обещала, затащила к себе Инну, которая с утра отправилась на работу, а дорожную сумку оставила в квартире Руденко.

Десять спокойно прожитых лет доказали, что опасность ушла, и Быстрова может возвращаться в город, где живет ее семья. Скоро в нем появится один человек. Встреча с ним пугает Инку больше, чем конец света, о котором трубят вокруг. И что такое конец света по сравнению с презрительным взглядом мужчины, который для нее, как... второй талисмЭн? Она повторила про себя это обманчивое утверждение, почувствовала внутри возмущенный холодок, от которого заоченели пальцы в июньскую жару.

Прекрати врать, хотя бы, самой себе! – мысленно взывала она. – Сколько можно обкладывать сердце льдом, как скоропортящийся продукт, обязанный сохраниться при поездке на природу! Когда Ефим был рядом, я это проделывала, когда его осудили на десять лет, я забросила сердечко в холодильник и забыла про него. Или сделала намеренно, чтобы оно не растаяло от глаз неотразимых мужчин? Таких, как Игнат. А будильник зазвонит, напомним о наступлении дня возвращения Олева, я верну сердце на место, распахнусь для принятия теплой любовной волны, которая... может изменить направление и найти другой объект, более отзывчивый и быстро реагирующий на ласки и объяснения. Почему я решила, что чувство томилось в душе Фимы все эти годы? Если бы томилось, то он простил меня и дал это понять в разговоре с отцом, если не пожелал излагать все в письменной форме. Не думаю, что Ленчик не упоминал про меня... Интересно, как Олев реагировал? Повел бровью, что явилось намеком на неувядающую, пусть и карликовую, любовь? Или сразу перевел разговор на другую тему, дав понять, что дочь друга его волнует так же, как птичий грипп в Индонезии?.. А мой дорогой папочка молчит, как партизан на допросе. Естественно к пыткам я не переходила, но одинокие вопросы с долгоиграющими паузами подкидывала. Ленчик в мягких полутонах рассказывал о Ефиме, опуская наши взаимоотношения. А разве можно назвать безразличие с его стороны и мое нежелание забросить его письмами взаимоотношениями? Это два противоборствующих лагеря, укрывшихся за баррикадами на расстоянии в несколько тысяч километров... У меня обида сменилась растерянностью, растерянность сменилась трусостью, трусость сменилась отчаянием. А у Фимы? Ненависть вытеснила из сердца любовь?..

Инне хотелось приходить вечерами домой и размышлять на тему: Есть ли продолжение любви, которая уснула летаргическим сном в одном сердце десять лет назад, а в другом находится в режиме ожидания? Но дома ее поджидал чужой человек, выгнать которого у нее пока не было желания. Он мало разговаривал, был умелым сексуальным партнером и редко вызывал чувство раздражения. Этакое домашнее привидение, о котором узнаешь, когда на город опускается лунная ночь. Инна перестала мучить себя вопросами, почему Игнат до сих пор живет в ее квартире, а не нашел себе другой вариант. Живет себе и пусть живет, а там будет видно.

В один из дней философских раздумий, когда девушка особенно нуждалась в уединении, как заплутавший в пустыне путник в глотке воды, молодой человек заявил, что несколько дней будет ночевать в автомастерской у друга. Он хочет подготовить мотоцикл к длительному путешествию. Быстро хотела заметить, что она не лишилась рассудка, чтобы ехать за тридевять земель на двухколесном велосипеде с мотором, но прикусила язык – пусть идет в автомастерскую, к черту, к дьяволу, лишь бы оставил ее наедине со своими мыслями. В промежутках Инна будет бродить по торговым центрам, и обновлять гардероб, который нуждается в разбавлении морской тематикой. Советчица Кира присоединится к ней в последний раз.

А, может, бросить все и уехать в Ростов? – подумала Быстрова. – Подготовить плацдарм к возвращению Ефима Олева? Заготовлю дровишек для костра, на котором стану растапливать свое сердце, если замечу в глазах мужчины надежду на возвращение прежних чувств... Надо все хорошо обдумать и понять: стоит входить в одну реку дважды или нет? А я разве входила в эту реку? Я постояла на берегу, полюбовалась чужими играми, повлекшими за собой череду ужасных событий, скрылась и не удосужилась бросить спасательный круг утопающему. И теперь хочу, чтобы человек, который провел на дне реки десять лет, вынырнул, вдохнул глоток свежего воздуха свободы, и заключил меня в объятия, шепнув на ухо слова благодарности!.. Но после возвращения он нуждается в реабилитации. Я помогу ему восстановиться. Мы поможем. Ленчик в правах – Ефим по-прежнему займет место соучредителя детективного агентства, формально он

им оставался, денежки капали на счет постоянно. А я попытаюсь вернуть его к жизни своей любовью, которую перестану прятать от себя и от него.

Два дня корова слизала языком: были и сплыли. Денег убавилось, одежды прибавилось, на смену Руденко пришел Игнат. Он явился вечером в воскресенье усталый и злой.

- Завтра рано утром выезжаем! – бросил он на ходу и скрылся в ванной.

Инка проделала дыхательную гимнастику для восстановления нервной системы. Когда мужчина вышел в полотенечной набедренной повязке, сделала ответное заявление.

- У меня билет на поезд!

- Какой билет?

- Самый обыкновенный, прямоугольный с буквами и цифрами. Я пока не сошла с ума, чтобы трястись на мотоцикле более восьмисот километров.

- Но... - заикнулся парень.

- Без «но»! Хочешь гнать на своем байке, гони, а я поеду тихо и спокойно под стук колес. Встретимся в Геленджике!

- Охота тебе трястись в душном купе?! Мы можем быть на месте через несколько часов.

- Мотоцикл превратится в аэроплан?

- Поступай, как тебе нравится! – сказал Игнат, отказался от ужина, лег в кровать и сразу уснул.

Обиделся, - равнодушно подумала Инна и отправилась на кухню выпить чашку какао, прихватив один из детективов, которыми она обеспечила себя на время отдыха...

Мужчина встал на рассвете, долго шумел водой в ванной, затем вызывающе гремел посудой на кухне, но Быстрова не реагировала, обернула голову подушкой, придавив рукой, и снова провалилась в сон.

Хлопнувшая дверь вернула ее в явь. Она легла на спину, хрустко потянулась и почувствовала себя совершенно счастливым человеком, у которого начался долгожданный отпуск. За окном гомонили воробьи, метались неугомонные ласточки, стрекотала сорока и ритмично подметал улицу дворник. Солнце пощекотало ее теплым утренним лучом, девушка улыбнулась и поймала его рукой. На душе было так светло и радостно, словно наступило Первое мая. Сейчас в комнату заглянет мама и скажет.

- Инесса, доченька, пора вставать, а то опоздаем на демонстрацию!

Потом заплетет ей косы, вплетет в них белые банты, оденет на нее красивое праздничное платье в красный горох, белые гольфы, красные туфельки, и они все вместе выйдут на улицу, где их уже ждут Гранкины. Девочки окинут друг друга оценивающими взглядами, соревнование между ними было всегда и во всем, потом приветливо улыбнутся, возьмутся за руки и присоединятся к людскому потоку...

Воспоминания не обожгли, не ранили, не испортили настроения. Инна видела картину со своего зрительского места. Как смотрят фильм в кинотеатре, который оставляет в душе чувство умиления. Но к умилению прибавилось странное ощущение – она что-то упустила. Что-то мелькнуло у нее перед глазами, зацепило, но быстро растворилось. Как часто бывает в разговоре с подругой, с которой давно не виделась. Накопилось столько новостей, перескакиваешь с одного на другое, а важное упускаешь. Она попыталась перекрутить пленку назад, но понимание не пришло. Теперь Быстрова станет мучиться и теряться в догадках...

Первый день отпуска Инна решила начать с утренней гимнастики. Раньше она такие жертвы на алтарь собственного здоровья не приносила. Единственно на что она была способна - не вставая с кровати, поднимать по очереди ноги, стараясь не сгибать их. Сегодня она на ходу придумывала упражнения и измотала себя до изнеможения. После чего пружинистой походкой отправилась принимать контрастный душ, мысленно награждая себя лестными эпитетами. Она знала, что завтра станут ныть с непривычки

мышцы, походка напоминать передвижение космонавта в скафандре перед полетом, а элементарные наклоны вызывать затруднение.

Но это будет завтра, когда девушка выйдет из вагона на станции Новороссийск, сядет на автобус, которые перевезет ее в Геленджик.

- Как я рад, как рад, что я еду в Геленджик! – передела она слова Чуковского Бармалея и села завтракать...

Сквозь шум воды на кухне Инна еле расслышала возмущенный звонок мобильного, который снова призывал шагать по просторам в дружной компании.

- Привет, пап, - сказала она, прижимая трубку к уху плечом и на ходу вытирая руки полотенцем.

- Привет, доченька! Как у тебя дела? – настороженно спросил он, будто приготовился узнать горькую правду, устав от приторно-сладкой лжи.

- Все хорошо. А у вас? – таким же тоном поинтересовалась девушка.

- Нормально. Когда к нам приедешь? – рядом с отцом слышались голоса Кати и Ванюшки, которые пытались что-то ему подсказать.

- Я поеду на недельку в Геленджик, а потом к вам... Пап, что случилось? – не выдержала она.

- Ты одна поедешь? – теперь в голосе сквозило напряжение и недоверие. Вопрос дочери Ленчик пропустил мимо ушей.

- Одна! – рубанула Быстрова, надеясь на то, что уверенность затмит ложь, лежащую на поверхности. – Но ты... - решила она перевести рельсы с опасного пути, но мужчина пресек в самом начале.

- Допустим, я тебе верю, - протянул он. – Значит, ты приедешь в Ростов через неделю?

- У меня складывается такое чувство, что я твоя родительница, а ты – мой нерадивый отрок, который отправил мать на отдых, а сам предался незатухающему разврату, отмерив себе границу. До сих пор можно, после установленной даты ни-ни! Между границами будет день, длиною в вечность, потому что надо сделать генеральную уборку и убрать следы преступлений.

Возле Ленчика снова были слышны придушенные разговоры и возня.

- Дай мне трубку! – раздался совсем рядом голос Катерины. – Девочка должна знать...

- Что должна знать девочка? – Инна четко разделила предложение на отдельные слова.

- Привет, солнышко, - пропела лиса Катя, преобразив ранее слышанный девушкой голос до неузнаваемости. Патока, да и только.

- Гражданка Быстрова, быстро колись, что случилось! И не ходи разведывательными кругами. Я сдаюсь! И обещаю принять сказанное тобой без рыданий и эмоций.

Семейное трио пару минут приходило к консенсусу, наконец, выдвинуло оратора. Или он сам, вернее сама, взяла на себя инициативу, посчитав, что выдаст информацию в более корректной форме.

- Иннуся, мы все выходные провели на даче! – доложила она с напускным восторгом, - а когда вернулись... - Оратор, как маломощный трактор застрял в глубокой колее. Но мало-помалу стал выгребать, - то... увидели, что входная дверь вскрыта! – последняя бойко-счастливая фраза наводила на мысль, что оратор-трактор тронулся не только с места, но и умом. – Причем так нагло вскрыта, прямо разворочена. И что интересно – соседи ничего не видели и не слышали.

- И... что украли? – Быстрова мысленно вернулась на десять лет назад. В одно мгновение! Одним рывком захватила десяток страниц романа, дабы опустить неразвивающийся сюжет. Избежала скукотищу, сразу шагнув в море прошлых страстей.

Конечно, убийства, погони, расследования – очень захватывающие «развлечения», - подумала девушка, - чего не скажешь о теперешней размеренно-текущей жизни,

напоминающей прямую линию на медицинском мониторе. Прямо не жизнь, а «аллес капут». Об этом и свидетельствует выпрямление синусоиды...

-... Воры ничего не взяли, - после запинки произнесла Катерина. – Все перевернули вверх дном, перерыли, словно тайфун прошел...

- А тайфун на двух ногах, а в руках приспособление для вскрытия надежной входной двери, - дополнила задумчивая Быстрова, вернувшаяся к началу романа. – А вы боялись, что я неожиданно нагряну и замечу в квартире беспорядок?

- Беспорядок это мягко сказано, - вздохнула женщина. – Но ты не волнуйся, к твоему приезду все будет на своих местах.

- Наверное, мне лучше отложить поездку на море, вам нужна помощь.

- Даже не думай! – отрезала Катя, - сами справимся. Просто я знаю о твоей наблюдательности. Ты все равно догадалась бы...

- Но точно ничего не украли? Или не нашли ценных вещей?

- Украшения не нашли, но в любой квартире всегда есть, чем грабителю поживиться. Взять, хотя, ноутбук, который был на виду, телевизор... Нет, телевизор – вещь крупногабаритная.

- На безрыбье, и модный диван подойдет. В начале девяностых из холодильника продукты воровали, - заметила адвокатесса, читавшая старые дела, как захватывающие детективы.

Ленчик вырвал трубку из рук супруги и заверил.

- Инночка, не волнуйся, твоя сумка на месте!

- А фотография? – голос Быстровой задрожал.

- Я... не проверял, - испуганно сказал он, - но это дело поправимое... Я уже в твоей комнате, достаю сумку и... ничего не нахожу.

Инку затрясло. Одна из трех вещей, связывающих ее с прошлой жизнью, бесследно исчезла. Она с силой сжала зубы.

- Доченька, не переживай, я нашел фотографию! – закричал Ленчик. – Она за подкладку завалилась. Подкладка оторвалась по верхнему шву, ты не заметила и сунула фотку между дерматином и шелковой подкладкой.

- Слава тебе Господи! – вырвалось у девушки...

Интерес каждого отдыхающего вызывает погода на морском побережье. Человек еще не добрался до пункта назначения, а уже сидит у окна купе и изучает небо и почву. Первое должно быть непременно голубым и ясным, вторая – сухой, без намека на натуральный полив. Если земля выглядит потрескавшейся до ядра, то это также вызывает озабоченность – не было давно дождей - жди грозы.

Над головой Инны небо было подернуто серой дымкой с голубыми пятнами разной величины, еще не окончательно грустно-темным, а раздумывающим: убрать серую шаль и развеселить людей или сгруппировать ее, избавившись от дырок, и довести до глубокого уныния. Особенно страдают отпускники с ограниченным сроком ничегонеделания, у остальных есть шанс увидеть природное разнообразие.

Быстрова относилась к первой группе, поэтому свинцовая полутьжесть ее расстроила. Она бросила у ног дорожную сумку и воззрилась на небо, словно приехала в Новороссийск именно для этой цели.

Погода изменчива, как легкомысленная женщина, - решила девушка, - если сегодня облачность, то завтра обязательно будет солнечно. Обязательно!

Прихватив пожитки, она устремилась к автобусной остановке.

Инна не удивилась, когда заметила знакомый мотоцикл и приткнувшегося к нему джигита медовой наружности. Вокруг него сновали дамы-пчелы, но не приближались на близкое расстояние, и попыток познакомиться не предпринимали. Отрезвлял презрительный взгляд молодого мужчины и вывернутые молодым месяцем вниз узкие губы.

При появлении Инны взгляд потеплел, губы растянулись в улыбке. Быстровой захотелось прильнуть к Игнату, дав понять при этом всему окружению, что объект занят. Что она и сделала. Приподнялась на цыпочки и прильнула к сухим губам. Дружеский поцелуй не отвезил ее, она повисла на шее, и звонко чмокнула кончик носа парня.

- Шалунья, - хмыкнул парень и соизволил «распустить руки» при всем честном народе.

- Боялся, что улизну? – прошептала Инка, отстраняясь от него и оценивая «поплывшие» глаза.

- От тебя можно всего ожидать, - прохрипел Игнат, втирая хрупкое девичье тело в свое жестко-накачанное.

- Мы поедем или будем развлекать публику, как двое уличных комедиантов?

- Поехали! – Игнат так резко выпустил ее из объятий, что девушка едва не села на пятую точку, но он успел схватить ее за руку. – До чего же я неотразим, у тебя даже ноги подкашиваются.

- И эгоистичен, - с укоризной в голосе сказала Инна, надела шлем и уселась сзади байкера, который не спешил трогаться в путь.

- Чемодан мы оставим публике, как компенсацию за недополученное удовольствие?

- Оставим, - бесшабашно констатировала она и покосилась на мужчину, который занялся багажом.

Невооруженным глазом видно, что в Игнате произошла разительная перемена, - подумала Инна, - из красивого мужчины без единой извилины в голове он превратился в острослова-симпатягу. Ишь, как завернул про компенсацию за недополученное удовольствие. И что это значит? Устал придуриваться или расслабился и позабыл, каким был в Волгограде?

Смена места действия повлекла за собой превращение?

Или пришло время раскрыть карты и сорвать банк?..

Два дня каждый отдыхал на свой манер: Игнат предпочел активно-показательный отдых, Инна – пассивно-парализованный. Он плавал, летал с парашютом за быстроходным катером, который служил паровозом, красовался перед девицами, возвышаясь на пляже среди лежащих тел, играл мышцами и сексуально потряхивал волосами с капельками морской влаги. Инна недвижимо полулежала в шезлонге в соломенной шляпе с широкими полями, фиолетовом бикини и темных солнцезащитных очках на все лицо, позволяющих ей беззастенчиво наблюдать за скульптурой по имени Игнат и другими отдыхающими. За эти дни отзывчивая солнцу кожа парня покрылась легким бронзовым загаром без намека на красноту. В отличие от него у Быстровой, лежащей брошенным бревном на солнцепеке, сдобренная защитными кремами кожа выглядела пятнистой, как у леопарда, выведенного путем долгих научных экспериментов.

Третий день начался со споров. Инка настаивала на продолжении пляжной парализации, Игнат – на морской прогулке на катамаране.

- Надо педали крутить, - скривилась девушка от предстоящей физической нагрузки, словно ее заставляли толкать прогулочное средство по песку, упираясь в него двумя руками.

- Чуть-чуть покрутишь, пока не окажемся в открытом море, там остановимся, и каждый будет делать то, что хочет. Я плавать, ты загорать.

- Не хочу так далеко заплывать! – закапризничала она. – Я воды боюсь и плаваю... не очень хорошо.

- Это я заметил, - надменно произнес Игнат, который был достоин отбора на мировой чемпионат по плаванию. – Чего ты волнуешься, катамаран – штука надежная, не перевернется. А если не хочешь плавать, можешь просто опустить ноги в воду и наслаждаться тишиной и... мной. Давай представим, что мы совершали круиз на большом лайнере, который потерпел крушение, и из четырехсот пассажиров выжили мы одни... А

вокруг безбрежное море, безоблачное небо и только мужчина и женщина, которые могут делать все, что захотят. – Его голос обволок мозги Инны, как обматывают пластиковой пленкой багаж в аэропорту.

Чары мужчины продолжали на нее действовать так же, как в первые дни знакомства. А когда он обхватил ее одной рукой за затылок, а другой – за талию, и привлек к себе, отключив от кислорода, она растаяла, как безмозглая снегурочка, надумавшая прыгать через костер...

Водный велосипед или катамаран, рассчитанный на двух человек, с небольшой горкой для спуска в воду, расположенной за парными сиденьями, отчалил от берега. И вскоре вырулил на морской простор, оставив позади группу неугомонных купальщиков и подобные морские прогулочные велосипеды.

Инка переместилась на нос катамарана, опустила в воду ноги, оперлась на руки и отдалась во власть солнечного отражения от морской поверхности и непосредственно прямых солнечных лучей, которые вкупе должны превратить пятнистое тело в бронзовую скульптуру. Главное – не переборщить и не забронзоветь в прямом смысле этого слова, когда поджаренная до обугленности кожа «выдаст на-гора» все отклонения от нормы. Легкий загар, напротив, недостатки скроет и убавит от истинного возраста несколько лет.

Игнат показывал класс и плавал неподалеку, напоминая девушке весельчака дельфина. Когда парень подплыл к катамарану и ухватился за выступ рядом с Инной, она заметила, что дельфин с глазами-лучиками больше напоминает акулу-людоеда – взгляд был такой тяжелый и «многообещающий», что ее распаренная кожа покрылась мурашками. Быстрова отвернулась, не желая видеть этих глаз.

Почему мне в голову лезут странные сравнения? – подумала Инна. – Вот и сейчас решила, что взгляд Игната похож на акулий? – При этом она исподтишка рассматривала странного субъекта, расположившегося вдали на катамаране - близнеце. Мужик не удосужился снять полосатые шорты до колена и пеструю рубаху. – Представляю, как он будет выглядеть, когда разденется до плавок. – Инна сразу представила и невольно хмыкнула.

На мужчине была бежевая панاما, больше напоминающая детскую. В таких Быстрова ходила всё лето в детский сад: невысокая тулья и маленькие поля, скошенные вниз. Инна отличалась прекрасным зрением, поэтому, не напрягая оно, смогла более-менее рассмотреть одинокого отдыхающего предпенсионного вида, расположившегося правее от их катамарана метров за двести. Трехдневная щетина с проседью, плотно сжатые губы, нос картошкой, старомодные солнцезащитные очки, – мысленно перечисляла она, будто готовилась описывать случайно встреченного преступника в следственном отделе. – Зачем мне нужен этот разодетый попугай?! Для чего «ломать глаза» и изучать чью-то невзрачную физиономию? Я его вижу в первый и в последний раз!

Инна знала, зачем рассматривает постороннего человека. Она нашла самый близкорасположенный от них объект, чтобы было чем занять глаза. На солнце смотреть больно даже в темных очках, на водную гладь – скучно, а на Игната – боязно. В это время парень подплыл к ее коленям и уперся в них головой. Девушка инстинктивно провела по волосам рукой. Парень посмотрел на нее. Сейчас в его глазах читалась нерешительность, будто он давно сделал свой выбор, а теперь задумался о его правильности. Мелькнула мысль, что настала минута расставания. Игнат скажет, что встретил другую, что она не такая, как Инна. Конечно, не такая, в сто раз хуже, но влюбчивому сердцу, как известно, не прикажешь. Быстрова давно готовилась к такой кульминации романа, всегда считала, что почувствует в эту минуту облегчение и сладость свободы на губах.

Кроме морской соли на губах ничего не было. А в душе поселился холодок от подступающего одиночества. Инка испугалась, что сейчас Игнат объяснится и уплывет, оставив ее в полном одиночестве – мужик в шортах не в счет. И сразу после этого

неожиданно налетит сильный ветер и начнется шторм. Катамаран накренится под опасным углом, замрет на несколько секунд, в продолжение которых Инка будет молить о спасении. Но то ли времени будет недостаточно, то ли обращение направлено не тому, кому следовало направить, но катамаран перевернется, и морская пучина поглотит бедную Инну Быстрову. А она утверждает, что счастье и удача сопутствуют ей во всем...

Молодой человек легко взобрался на катамаран, опустился на соседний выступ, обтер мокрое лицо мокрой ладонью и отбросил волосы.

- Инна, - вступил он после продолжительного молчания, которое грузом давило на девушку. – Я хотел... рассказать одну историю.

Быстрова едва не свалилась с водного велосипеда. Горло стянули колючей проволокой, острые шипы так сильно углубились, что создавалось чувство, что они все соединились где-то в центре гортани. Инна приложила руку, пытаясь освободиться, и с удивлением поняла, что ничто и никто ее не душит. Кроме слов Игната, за которыми последует... Нет, не разрыв отношений, а что-то более страшное и с ужасными последствиями.

Она посмотрела на приятеля, который старался быть беспечным. Он изучал морские глубины, подвластные его взору и болтал в воде ногами, словно отгонял ненужный хлам, загораживающий обзор.

- Я... тебя слушаю, - скрипучим голосом произнесла девушка.

- Я родился ровно через месяц после смерти отца. Я знал по рассказам матери и по фотографиям. Говорят, я на него очень похож... С рождения я был хилым и болезненным. Матери не было до меня дела, она находилась на грани безумия, одержимая мыслью отомстить за мужа, эту мысль вбивала дочери, моей старшей сестре, и мне, когда я подрос. Если бы не мой дядька, брат моего отца, у которого мы все жили в небольшом городке в Украине, я не знаю, выкарабкался ли я. Все имеющиеся детские болезни цеплялись ко мне, как репей. А когда я пошел в первый класс дядя отдал меня в секцию пятиборья. Одновременно я занимался конкуром, плаванием, бегом, фехтованием и стрельбой. Сначала приходил домой, что называется «без ног», затем втянулся, даже выигрывал соревнования разного уровня. Мать продолжала жить в своем мире, если не ходила на работу, то бродила по комнатам, как привидение и строила планы мести. Но для начала ей надо было найти человека, который, по ее мнению, виновен в смерти отца. Однажды это случилось. Никогда я не видел мать такой счастливой. Она не ходила по комнатам, как привидение, а готовила на кухне праздничный ужин, объясняя мне и сестре, что когда ЭТО случится, она устроит грандиозные поминки, а сегодня – преддверие праздника. Вскоре наша жизнь изменится, и мы будем жить с чувством выполненного долга. Я мало что понял, но хотел, чтобы мать всегда была такой, как в тот день. А потом они с сестрой уехали. Дядя уговаривал ее остаться, но она и слушать не хотела. Мне в ту пору исполнилось тринадцать лет. Через несколько дней позвонила сестра, и дядя тоже отбыл вслед за ними, уговорив соседку приглядывать за мной. Вскоре они вернулись... вдвоем без матери. И долго объясняли мне, что она теперь вместе с отцом на небесах. Меня мало тронула ее кончина. Я не питал чувств к женщине, которая родила меня и которая не интересовалась мною. Стыдно признаться, но мне стало легче. Никто не бродил по квартире и не причитал, как конченный шизофреник, что мы должны отомстить. Я не понимал, кому и за что? Насколько я был осведомлен, мой отец умер в собственной постели от обширного инфаркта... Из разговоров дяди и сестры, я догадался, что месть не осуществилась. Была предпринята попытка, но она не удалась... Через два года исчезла сестра. Ее не было недели три, а когда она вернулась, то напомнила мне мать незадолго до смерти, когда та готовила праздничный ужин накануне отъезда. Сестру охватил азарт мщения, она дрожала от возбуждения и скорой развязки. На этот раз мне пришлось составить ей компанию, как бы я не упирался. Дядя к тому

времени обзавелся семейством и сменил место жительства, перечить сестре было некому. Мы приехали в большой город, сняли квартиру и стали ждать. Скорее я ждал, когда все закончится, а сестра действовала. Лишь однажды она задействовала меня в операции мести. Я должен был подойти к женщине и вызвать ее со двора, сказав при этом, что у одного человека есть сведения, благодаря которым одного ее знакомого могут оправдать... Сейчас я с ужасом вспоминаю, как вечером вернулась на съемную квартиру моя сестра и во всех подробностях рассказала, как вывезла эту женщину за город, оглушила ее, а потом сбросила в реку.

Инну Быстрову погрузили в транс, позабыв отключить слух. Она плавала между забытием и явью, большей частью пребывая на яву, но не находя сил двинуть ни рукой, ни ногой. Рассеянное забытие наступало, когда перед глазами вставали события далекого прошлого. Ленчик в машине скорой помощи после выпитых таблеток, которые ему подсовывала безликая секретарша, две женщины у их дома на Октябрьском шоссе незадолго до взрыва, исчезновение из морга трупа, который нашли в их квартире. И новая страница: убийство Макара Грозного, арест Ефима Олева, лже-Марина, подросток, выманивший ее со двора, и тело Ники Федоровны Шиповой в реке Дон...

- Что твоя сестра искала в нашей квартире? – Инна справилась с оковами оцепенения и решилась задать вопрос.

Игнат ушел от прямого ответа.

- Тогда я не знал, из-за чего разгорелся весь «сыр-бор»... После мести сестра успокоилась, заявила, что поквиталась со всеми и теперь может наслаждаться жизнью. Вышла замуж на парня, который давно добивался ее руки, и укатила в Израиль. Я жил и там, и тут, пока не остановил свой выбор на России.

- На то была причина? – догадалась Быстрова, но хотела получить подтверждение.

- Моя сестра весьма обеспеченный человек, имеет доходный бизнес, ее муж служит в Министерстве, а я живу у них на хлебником. Пытался замутив свое дело, но быстро прогорел. Я люблю свободу во всех ее проявлениях. Но для этого нужны деньги и немалые... Сестре надоело выслушивать мои нереальные мечты, она не сдержалась и раскрыла мне одну тайну. Но перед этим поведала, как и почему убила двух человек и пыталась убить твоего приемного отца... Она медичка, но по специальности почти не работала.

Катамаран поплыл под Инной, а она сама зависла в воздухе. Девушка опустила глаза и удивилась, что все также сидит на водном велосипеде, который мирно покачивается на волнах от пробегающих вдали прогулочных катеров и белоснежных яхт. Ей захотелось оказаться на одном из этих судов, подальше от безумца с акульими кровожадными глазами...

- Зачем же было убивать ни в чем неповинных людей? - проскрипела Быстрова. – Не лучше ли было расправиться со мной, и дело с концом?

- Ты должна была почувствовать ту же боль, что и сестра, потерявшая родителей.

- Сначала счет был 1:2, когда убили Макара, затем 2:2, когда нашли тело Ники Федоровны, и, наконец, он стал 2:3, когда осудили на десять лет за несовершеннолетнее убийство Ефима. Трое близких мне людей против ваших родителей?

- Все верно, но я не участвовал в убийствах, а в случае с той пожилой женщиной меня использовали вслепую.

- Я не я, и хата не моя, - задумчиво проговорила девушка. – Но все же, почему твоя сестра не расправилась со мной, если я... виновна в смерти ваших родителей. Хотя, не представляю, как я, пусть даже косвенно, причастна к этому. Я их никогда не видела.

- Видела, - обреченным голосом заявил Игнат.

- Как... твоя фамилия?

- Моя фамилия Гранкин, моих родителей звали Дина и Олег, а сестру Мина.

Если бы сейчас, сию минуту, незамерзающее море покрылось коркой льда, Инна удивилась бы меньше. Ко всему кто-то взял нереально длинный гвоздь и начал забивать его в голову Быстровой. Гвоздь медленно входил в тело, пока не пригвоздил ее к катамарану. На веки вечные.

- Но... почему? – выдавила из себя обескураженная девушка.

- Ты взяла медведя, - просто объяснил молодой человек, словно ему было не двадцать с лишним лет, а не более четырех, и он ударил приятеля, который, по его словам, посмел отобрать любимую игрушку.

- Какого медведя? – Инка решила, что она страдает слуховыми галлюцинациями.

- Статуэтку олимпийского мишки, которого ты украла у сестры. – терпеливо пояснил Игнат Гранкин.

- Мина горевала-горевала, а когда пришла в себя, надумала отстреливать по одному из моего окружения? И какая связь между медведем и смертью твоего отца?

- Самая прямая, - удивился непониманию парень. – Медведь отлит из золота! Это сверху он покрыт свинцом и раскрашен. Отец хотел со всем семейством уехать из страны, и два килограмма золота превратил в статуэтку олимпийского мишки. Подарил его дочери на день рождения, чтобы она привыкала к мысли, что это ее игрушка. В случае, если бы таможенники заинтересовались. Отец никому не рассказал, из чего на самом деле отлита статуэтка. Когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, моя мать была беременной, я родился через полгода. Двадцать седьмого апреля восемьдесят шестого года мать и Мина эвакуировались из Припяти, а отец был все дни на станции, к ним присоединился уже в Киеве и сразу спросил о медведе. Он знал, что дочь обожает игрушку, и был уверен, что та прихватит ее с собой. Но Мина, как послушный ребенок, которому запретили выносить статуэтку из дома, не взяла ее, а матери было не до этого. Она ничего не знала о судьбе мужа, и беспокоилась о детях, получивших опасную дозу радиации. Один бегал по квартире и спрашивал об отце, а другой – дожидался своего часа в животе. В июле того же года, жителям Припяти разрешили вернуться в свои дома и каково же было удивление Олега Гранкина, когда все вещи были на своих местах, кроме самого ценного – золотого медведя весом в два килограмма.

- Но почему он решил, что его взяла я? – не удержалась от вопроса Инна.

- Потому что не было фотографии, где были сняты ты и Мина. Сестра слезно умоляла отца привести фотографию, рассказала, где та находится. Отец перевернул всю квартиру, но ни фотографии, ни медведя не нашел! Кто мог прихватить фотку, на которой сняты две пятилетние девочки? Одна из них, больше некому! Минка не брала, следовательно, взяла ее подруга. Она же позарилась на медведя, который ей приглянулся с того самого дня рождения сестры... После этого у отца случился первый инфаркт, потом второй...

- Думаю, тебе интересно было бы узнать, что золото, из которого отлит мишка, принадлежало дедушке и бабушке моего отца! – взвилась Быстрова, уставшая от нападков. Злость освободила ее от прошедшего через все тело гвоздя и расслабила затекшие мышцы. – А твой папаша нагло выкрал его, заполучив информацию, которая ему не предназначалась!

- Хватит врать! – зло зыркнул на нее Игнат.

- Хочешь верь, хочешь не верь, но я говорю правду!

- Ты поэтому его прихватила?

- Что ты несешь?! Откуда я могла знать, что медведь из золота, которое должно было достаться моему папе. Я взяла его инстинктивно, мне хотелось иметь личный талисман, а мишка подходил для этого... Наверняка я уверена в одном – отец знал, кто украл золото из тайника, который устроила его двоюродная бабушка, тетка его матери. Но Олег Гранкин стоял на своем, он клялся и божился, что ничего не слышал, золото в глаза не

видел, а слепая пожилая женщина лишилась рассудка, сочинив историю о сказочном кладе.

- Вместе с золотом у отца появилась надежда зажить по-человечески за кордоном. А когда по мечте рубят топором, человек ломается.

Пока Игнат предавался размышлениям, Инка отчетливо увидела перед глазами улыбающуюся лже-Марину.

- Какая я дура! – задыхнулась она от возмущения. – Как я могла не узнать Мину?! Только у нее была улыбка, подрезающая скулы! Но мы расстались, когда нам было по пять лет, а встретились через пятнадцать. Она была со мной одного роста, но полнее, а превратилась в высоченную худенькую девицу.

- И волосы перекрасила. Еще волновалась, что ты можешь ее узнать. А сама уверяла, что никогда бы тебя не узнала, если бы не привычка складывать губы в трубочку и вертеть ими в разные стороны. Я обо всем недавно узнал. Тогда ничего не понимал, выполнил ее поручение и забыл.

- Это Мина проникла в нашу квартиру? Хотела найти золотого медведя?

- Ей помешала та женщина. Когда сестра вернулась домой, то совсем рассвирепела, все крушила и ломала, меня напугала до смерти. А твои цапки выбросила из окна, пообещав, что проделает тоже самое с тобой, если ты не вернешь медведя.

- Вот почему она не убила меня, - догадалась Быстрова. – Вместе со мной исчезла бы последняя надежда вернуть золото. И почему Мина остановилась, не дойдя до конца?

- Сказала, что отомстила за отца и мать и с нее хватит! Иначе сойдет с ума, а ей хочется выйти замуж и родить детей.

- Родила? – насторожилась Инна, словно готовилась услышать приговор себе. Но Мина провела в опасной зоне несколько дней, а она целый год. А у Дины Гранкиной родился больной младенец, который со временем окреп благодаря заботам дядя.

Девушка покосилась на крепкого парня. Никогда не скажешь, что он был хилым и болезненным.

- Пока не родила. Нашей бизнес вumen не до детей.

- Сестра передала тебе эстафету? Теперь ты вышел на поиски медведя?

- Вышел, но пока неудачно. Даже навестил твоего приемного отца, пошерстил квартирку. Неплохо живет. Богато! Но я ничего не взял, мне чужого не надо!

- А золото принадлежит тебе? – поехидничала девушка.

- Мне! – гаркнул он и заскрипел зубами.

Инку переключило. Она не могла молчать и стать невидимкой, чтобы скрыться от человека, тронувшего умом на почве золотой лихорадки.

- Еще раз напоминаю, - медленно заявила она, делая паузы, - это золото нашли дед и бабка моего отца! – Она не стала рассказывать о семейных перипетиях, Игнату об этом знать не обязательно.

- Нет, золото принадлежало МОЕМУ отцу. Это он отлил статуэтку. Пусть не собственноручно, но кто-то это сделал по его просьбе...

- И скорее всего, этот помощник отдал богу душу на следующий день после выполнения работы! Зачем твоему папаше лишние свидетели? Дело происходило в Советском Союзе, за это по головке бы не погладили, можно и вышку получить.

- Ты... ты, - задыхнулся Игнат. На скулах заходили желваки, глаза метали молнии, кулаки сжались.

Инна втянула голову в плечи и зажмурилась, пытаясь таким образом избежать расправы. Катамаран покачнулся, она услышала плеск воды, не удержалась и приоткрыла глаза. Игната не было, лишь на воде расходились бархатные круги. Она осмотрелась, только хотела поджать под себя замершие ноги, которые за все время разговора пребывали в

морской воде, как их кто-то схватил мертвой хваткой. И тут же из недр морских явился разъяренный царь.

- Или ты отдаешь мне медведя, или я тебя похороню на морском дне! – в подтверждение он потянул ее за ноги, сдвинув с насиженного места.

- А если ты меня утопишь, то никогда не найдешь медведя, - пролепетала девушка, закусывая губы и озираясь по сторонам. Водный велосипед с небритым мужиком стоял к Инке задом, поэтому разобрать, есть на нем люди или нет, она не могла, а привстать, чтобы убедиться в обратном ей мешал груз в виде Гранкина. И как она докричится до него? Игнат стянет ее за ноги в воду, а мужику крикнет, что девушка перебрала и дурачится.

- Пусть не найду, но вашу Вишневскую породу изведу!

- Допустим, я тебе скажу... Но ты все равно меня утопишь.

- Для начала я должен убедиться, что медведь там, где ты сказала.

- Я где в это время буду я?

- Здесь, в Геленджике. Прикую тебя к батарее, засуну в рот кляп, посидишь пару деньков, пока я не вернусь.

- Вернешься и все равно избавишься от меня. – нерадужная перспектива довела ее до крайней черты. - Лучше сейчас утонуть, чем сидеть с кляпом во рту, без пищи и воды и невозможности справиться нужду.

Последнее ее удручало больше всего. Вдруг Игнат не вернется, а он не вернется, растворится на просторах нашей необъятной Родины, если мишка окажется в его руках, она не выдержит и умрет в луже собственных экскрементов. Такая молодая и симпатичная недостойна некрасивой смерти. О том, что молодая и симпатичная должна еще жить и жить, она не подумала. А представленная картина была похуже морской стихии. Пусть лучше меня слопает акула, хоть, какой-то прок. Акула насытится и не станет нападать на других людей. – лихорадочно думала Быстрова, стараясь унять страх.

Игнату надоели пререкания, он резко дернул ее за ноги, и она оказалась в морской воде и сразу погрузилась с головой. Но ненадолго. Он вытащил ее на поверхность за волосы. Ей было больно и страшно. Инка сделала глоток соленого по вкусу, но сладкого по сути, воздуха и снова оказалась в воде. Когда в голове застучали молотки, она опять оказалась на поверхности, ловя ртом воздух. Процедура повторялась несколько раз, время пребывания под водой увеличивалось, а на поверхности сокращалось. Она хотела одного – чтобы ее оставили в покое. И пусть уже опустится на дно и уснет.

Игнат вошел в раж и позабыл о цели экзекуции, а Инна, если бы и хотела, не могла назвать место, где спрятала медведя. Она пребывала в полубоморочном состоянии, поэтому, когда перед глазами появилось любимое лицо, приняла все за галлюцинацию, предшествующую перемещению на тот свет. И не сообразила, почему этот человек тоже там пребывает. Хотя, должен быть в холодных краях. В телогрейке и с топором в руках. Или уже без телогрейки и топора, а в вышедших из моды шмотках десятилетней давности сидеть в плацкартном вагоне поезда Воркута-Ростов и считать часы до того момента, когда ступит на родную землю...

- Фима? – с трудом пошевелила Инна непослушными синими губами и хотела снова окунуться в забытье, но рядом с любимым лицом нарисовалась еще одна обожаемая личность. – Папа? – уже более осмысленно спросила она.

Две физиономии смотрели на нее с тревогой, но счастье постепенно вытесняло ее. Темные глаза Олева начали загораться, словно внутри него, как в фонарике, подзарядилась батарейка, питающая лампочку, не задействованную десять лет. От глаз разбегались лучики-морщинки. Небритое лицо выглядело усталым, постаревшим и огрубевшим, будто с ним поработал неумелый краснодеревщик. Возле губ появились упрямые складки. Некогда черные волосы посеребрились, особенно на висках... И все

равно это был он. В идиотских полосатых шортах и попугаечной рубашке. Смешной и грустный одновременно. А в глазах та же доброта и немного любви. Или достаточно?

Инке необходим был тайм-аут. Она не нашла ничего лучше, чем снова отключиться. Но перед этим прошептала.

- ТалисманЭны...

Когда девушка открыла глаза, то увидела синее-синее небо с легкими пушинками облаков, разбросанными по нему. Она поводила глазами, не решаясь сдвинуть голову с чего-то мягкого и удобного. Взгляд уперся в белую стену, похожую на рельефный борт маломерного судна. Легкое покачивание убаюкивало и успокаивало.

- Парусник, - глубокомысленно решила она, потом воздела глаза вверх и выдала, - но без парусов.

Тело Инны было таким тяжелым, словно она успела за короткое время прибавить в весе несколько десятков килограммов. Одна рука весила тонну. Она лежала на груди и не давала глубоко вздохнуть. Девушка сдвинула ее и уложила вдоль туловища.

Ее передвижения не остались незамеченными.

- Привет, доченька, - сказал Ленчик, склонившись над ней. – Фима, иди сюда, она пришла в себя.

- Как ты? – спросил Олев. Его голос походил на голос человека, который никак не оправится от бронхита.

- Здравствуй, Фима, - еле слышно сказала она. – Не волнуйтесь, со мной все нормально.

- -Надо было ее в больницу отправить, - тихо возмутился Ефим, внимательно изучая ее лицо, которое должно подсказать, правильно они поступили или нет.

- Инка с детства не переносит больниц... Просидев там полгода, естественно будешь бояться попасть туда снова. – заявил Ленчик и погладил ее по голове.

- Как вы здесь оказались? – поинтересовалась Быстрова, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

- Я всегда чувствую, когда ты что-то скрываешь. А если скрываешь, то могут возникнуть проблемы. А кому, если не мне их решать?.. Тут как раз и Фимка подоспел...

- Фимка - попробовала она на вкус знакомое имя, которое давно не произносила вслух.

- Я здесь! – сразу откликнулся он.

- И никуда больше не исчезнешь?

- Никуда!

- Фима, я давно хотела тебе... признаться... Но ждала, чтобы ты первый сказал...

- Я люблю тебя, Инна.

- И я... люблю тебя...

Они смотрели друг на друга и не могли отвести глаза. Они боялись, что вдруг исчезнет один из них.

Двое на яхте, а вокруг черное море, которое на деле оказалось сине-зеленым.

А на носу суденышка еще один человек, всё понимающий, всё знающий и всё предчувствующий. Он превратился в невидимку, чтобы двое влюбленных побыли наедине.

Когда яхта подходила к причалу, Инна опомнилась.

- А где Игнат? Неужели вы его утопили?

- Надо бы, но мы решили передать его правоохранительным органам. Пусть сами разбираются, - ответил Ефим.

- И он был этому чрезвычайно рад, - добавил Ленчик, поигрывая мускулами.

- Да, уж, лучше сидеть в тюрьме, чем быть съеденным акулой, которой бы досталось отбитое мясо, - без доли юмора рассудила она.

- Увы, но акулы в черном море не водятся, - с умным видом заявил Быстров.

- Да, ладно, - отмахнулась дочь.

Когда Инна пересказала всю историю, услышанную от Игната Гранкина, Ленчик и Фима были потрясены.

- Вся семейка чокнутая, - подытожил отец.

- Наверное, радиация виновата, - парировала адвокатесса.

Мужчины удивленно покосились на нее.

- Со мной все иначе. Радиация подействовала с ускорением на мою мозговую деятельность.

- Развивающуюся однобоко, - перебил Ленчик. – Встретила парня и даже фамилии у него не спросила!

- Каюсь, виновата, - склонила она голову. – Ум за разум зашел.

- Или все мысли были о Фимке. Приближался момент возвращения, - вставил Быстров и подмигнул ему.

- Надо бы Мину вернуть на Родину, пусть ответит за все! – нахмурилась Инна.

- Она сама себя наказала, - сказал Олев, - хотя, пока этого не осознает. Когда состарится и станет перебирать в уме прожитую жизнь, то поймет, что все хорошие поступки не перевешивают совершенных ею преступлений. А впереди последняя черта.

- А за ней котел, а возле котла черти. – в полном смятении заметила Инна.

- Про котел и чертей не знаю, - поморщился Ленчик, - а про то, что за каждое зло рано или поздно человек ответит, уверен на сто процентов...

Быстров сделал вид, что спускает дело Мины Гранкиной на тормозах. На самом деле он хотел, чтобы она получила по заслугам. Пока собирал доказательства ее вины, подтвержденной братцем Игнатом, из Израиля пришел ответ: Гражданка Мина Штерн, в девичестве Гранкина, погибла в автомобильной катастрофе.

Леонид Иванович не успокоился и навел справки по своим каналам. Официальный ответ был подтвержден неофициально, причем из нескольких источников...

Игнат Гранкин был осужден на пять лет за покушение на убийство Инны Леонидовны Быстровой...

А олимпийский медведь был помещен в банковскую ячейку. Ни у кого пока не поднялась рука превратить его в слиток золота...

Прошло два года...

Возле входа в родильное отделение стояла группа людей с восторженно-напряженными лицами и с пестрыми букетами в руках. Если бы не цветы, они были похожи на детей, которые ждут подарка к Новому Году. Точно знают, что получают его, но гадают какой. А с букетами напоминали первоклашек, пришедших на первую в своей жизни линейку.

- Фима, перестань дрожать! Розы от тряски уже поникли головами! – внушительным тоном произнес Леонид Иванович Быстров. – Все уже позади! Позади девять месяцев ожидания и гаданий. Все хорошо! И с Инночкой, и с малышкой.

- Лен, я так боюсь, что она назовет ее Ефимией, - прошептал Олев, склонившись к уху приятеля.

- Почему? - опешил тот.

- Во-первых, Ефимия Ефимовна глупо звучит, а во-вторых, не хочу, чтобы моя дочь унаследовала чужую судьбу.

- Полная чушь! Не имя делает человека, а человек имя! – Быстров сам волновался, поэтому говорил сухими лозунгами, в которые сам верил с трудом.

- Все равно не хочу! – заупрямился новоиспеченный отец.

- Ты можешь взять инициативу на себя, - предложил Ленчик.

- У нас с супругой договоренность: если родится мальчик, то я даю ему имя, если девочка – то она. УЗИ показывало, что будет девочка, но мы оставляли малую толику вероятности, что родится сын.

Рядом с мужчинами стояли Катерина и Ванюшка. Мальчик сложил губы в неподвижную трубочку и ждал появления сестры с племянницей.

И вот дверь распахнулась. Сначала показалась медсестра с кулечком на руках, а за ней – бледная и изможденная, но счастливая Инна Олева.

Фима поцеловал супругу, вручил ей розы, с большой осторожностью взял дочь на руки и с умилением уставился на ее мордашку, выглядывающую из конвертика.

- Красавица, - с придыханием заявил он.

- Вылитая Инночка, - добавил дед. – И на Ваньку похожа.

- А глазки какие умные! - с восторгом заметила Катя.

- Неужели я тоже был таким крошечным? – удивился Ванюшка Быстров.

- Познакомьтесь, это Маргарита! – с улыбкой произнесла Инна, прижимаясь к плечу мужа и не сводя любящего взгляда с дочери.

- Маргарита, - пробормотал Фима.

- Инка! – раздался голос сверху.

Все дружно подняли головы. В окне маячила Кира Парижева, в девичестве Руденко, и махала двумя руками, высоко поднятыми над головой, словно пребывала в трансе на концерте рок-звезды.

- А нас с сыном завтра выписывают! – сообщила она всей честной компании.

- Как назвала? – спросил Ефим.

- Леней, - расплылась женщина в улыбке.

Быстров приосанился и заявил.

- С таким именем ему уготована жизнь талисмЭна!

Олев хотел напомнить другу его недавнее изречение, но передумал. Все мысли занимала крошечная Маргарита, похожая на мать и прапрабабушку...

Октябрь – ноябрь 2011г.

Отредактировано февраль-март 2013г.